Библиотека путешествий

Америго Веспуччи

Фернан Магеллан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящается двум выдающимся путешественникам-мореплавателям. Первый из них – Америго Веспуччи. Его именем назван целый материк. Второй – Фернан Магеллан. Он совершил первое кругосветное путешествие, открыл пролив в южной оконечности Америки, доказал, что Земля круглая.

Документальные материалы, а также яркие повествования Стефана Цвейга знакомят нас с деяниями этих двух людей, имена которых отражены на карте мира, в истории культуры, открытий и путешествий.

- Америго Веспуччи, Антонио Пигафетта, Стефан Цвейг
  - К Новому Свету и вокруг света: два героя одной пьесы
  - АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ
    - ПИСЬМА
      - Письмо Америго Веспуччи о его третьем путешествии к берегам Бразилии (май 1501 – сентябрь 1502), написанное в конце 1502 или в марте – апреле 1503 года к Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи
      - Письмо Америго Веспуччи об открытых недавно в его четырех путешествиях островах, написанное 4 сентября 1504 года к Пьетро Содерини, гонфалоньеру республики Флоренции
      - Второе путешествие (1499 – 1500)
      - Третье путешествие (1501 – 1502)
      - Четвертое путешествие (1503 – 1504)
    - Стефан Цвейг
      -
      - Историческая обстановка
      - За тридцать две страницы – бессмертие
      - Новая часть света получает имя
      - Великий спор начинается
      - Документы накапливаются
      - Кем был Веспуччи
  - ФЕРНАН МАГЕЛЛАН
    - Антонио Пигафетта
    - Стефан Цвейг
      - От автора
      - Navigare necesse est[159]
      - Магеллан в Индии

- Магеллан обретает свободу
- Идея Магеллана осуществляется
- Воля одного против тысячи препятствий
- Отплытие
- Тщетные поиски
- Мятеж
- Великое мгновение
- Магеллан открывает свое королевство
- Смерть накануне полного торжества
- Возвращение без вождя
- Мертвые неправы

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164

- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230

Америго Веспуччи, Антонио Пигафетта, Стефан Цвейг «АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ. ФЕРНАН МАГЕЛЛАН.»

К Новому Свету и вокруг света: два героя одной пьесы

Путешествия и открытия! Трудно найти другой сюжет, столь же интересный для людей разных возрастов и разных профессий. Неудивительно, что литература о путешествиях и открытиях насчитывает многие сотни, даже тысячи названий. Их авторы – прежде всего сами путешественники-первооткрыватели – от Геродота и Плиния до Ливингстона, Миклухо-Маклая и Хейердала. Далее, это многочисленные исследователи и популяризаторы географических открытий. У читателей, давно интересующихся подобной тематикой, на книжных полках, наверное, стоят пятитомник И. П. и В. И. Магидовичей, книги Я. М. Света, Н. Г. Фрадкина, К. В. Малаховского, А. Б. Дитмара, к которым в последнее время добавились работы Р. К. Баландина, А. Н. Томилина, В. А. Субботина, да и других, не говоря уже о зарубежных авторах. Эти книги обычно сохраняются в семьях, потом ими увлекаются дети и внуки.

Гораздо реже случается, что подобная тематика привлекает писателей-профессионалов. Тут могут быть два варианта. Первый – когда писатель рассказывает о собственном путешествии, как, например, Н. М. Карамзин о своей поездке в карете по Европе в конце XVIII века («Письма русского путешественника») или И. А. Гончаров о своем морском плавании в Японию («Фрегат "Паллада"»). К числу писателей-путешественников XX века можно отнести М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского, а также путешественника-ученого В. К. Арсеньева, ставшего известным писателем.

Второй вариант – когда писатель-романист или новеллист вдруг увлекается чужими путешествиями и начинает выступать в двуединой роли исследователя и популяризатора. Яркий пример такого рода – Жюль Берн, который, наряду со своей знаменитой серией научно-фантастических географических романов «Необыкновенные путешествия», во второй половине 70-х годов XIX века издал три больших тома «Истории великих путешествий», доведя свое повествование до 30-х годов того же века. Еще один пример подобного рода – австрийский писатель Стефан Цвейг (1881–1942), прославившийся как автор психологических новелл, романа о Марии Стюарт и создатель своего рода серии «Жизнь замечательных людей», в которую вошли художественные биографии Бальзака, Стендаля, Диккенса, Роллана, Вердена, Верхарна, Фрейда, Ницше, Эразма

Роттердамского, Толстого, Достоевского и др. К этой же серии относятся и его книги «Америго» и «Магеллан». Идею «открыть их заново», издать вместе с письмами Веспуччи и свидетельством участника кругосветного плавания Магеллана можно только приветствовать.

То, что Стефана Цвейга привлекла эпоха Великих географических открытий, вполне объяснимо. Ведь эти открытия потому и называются Великими, что за относительно короткий отрезок времени они фактически преобразили всю географическую картину мира, увеличив площадь известных европейцам территорий земного шара более чем в 6 раз! В период с середины XV века до середины XVII века были определены контуры Евразии, Африки, Южной Америки, части Северной Америки и Австралии. В результате, по словам Ф. Энгельса, «внешнему и внутреннему взору человека открылся бесконечно более широкий горизонт».

Конечно, обе работы Цвейга не охватывают всего периода Великих открытий, а относятся лишь к началу XVI века, который с полным правом можно назвать периодом «бури и натиска» всей эпохи Великих географических открытий. Как отмечает сам писатель, это было время, когда «в течение двух-трех десятилетий несколько сотен маленьких кораблей, выходящих из Кадиса, Палоса, Лиссабона, открывают больше неведомых земель, чем открыло человечество за сотни тысяч лет своего существования».

Но из всех мореплавателей этого периода Цвейг выбрал только двух – Америго Веспуччи и Фернана Магеллана. Конечно, можно найти что-то, что их объединяет. Во-первых, они жили и путешествовали примерно в одно время: даты жизни Веспуччи – 1454–1512, Магеллана – 1470–1521. Во-вторых, главные свои открытия они сделали, будучи на испанской службе, хотя Веспуччи был итальянцем, а Магеллан – португальцем (по-португальски его фамилия – Магальяйнш); впрочем, оба они участвовали и в португальских экспедициях. В-третьих, по большому счету они двигатели к одной и той же цели, пытаясь найти новый морской путь на богатый Восток. В-четвертых, оба они во время своих плаваний подвергались постоянной опасности и многим лишениям. Например, описывая свое третье путешествие к берегам Южного континента, Веспуччи повествует о том, что «в течение этих 67 дней мы имели самую плохую погоду, которую когда-либо имел какой-нибудь мореплаватель, с многочисленными штормовыми ливнями, смерчами и бурями, трепавшими нас…». Не надо забывать и о частых стычках с туземцами. Еще больше испытаний пришлось на долю Магеллана во время его кругосветного плавания. Вряд ли можно сомневаться

в том, что именно превратности судеб обоих мореплавателей привлекли к ним внимание Стефана Цвейга как мастера психологического портрета.

И все же различий между Веспуччи и Магелланом было гораздо больше. Да и жизни их сложились по-разному.

Америго Веспуччи родился во Флоренции, в зажиточной семье, и получил домашнее образование. В 1492 году (это год первого плавания Колумба) он прибыл из Флоренции в Испанию в качестве агента банкирского дома Медичи. И лишь позднее ему действительно довелось участвовать в испанских и португальских морских экспедициях к Южному континенту – как тогда называли Южную Америку, но не в качестве их начальника или хотя бы капитана одного из судов (однажды, по-видимому, такой эпизод был), а в гораздо более скромной роли то ли дельца, то ли «помощника», то ли навигатора. Веспуччи действительно хорошо знал навигацию и картографию, о чем может свидетельствовать и тот факт, что после завершения своих экспедиций он был назначен на должность главного «пилота» Кастилии, отвечающего за подготовку корабельных кормчих, состояние географических карт вновь открываемых земель. В этой должности он и умер, и был похоронен в Севилье. Известно также, что Веспуччи был не просто знаком, но и дружен с Колумбом.

Уроженец Флоренции, уже широко вступившей в эпоху Возрождения, Веспуччи был живым, даже экспансивным и, безусловно, очень любознательным человеком, который к тому же, безусловно, обладал литературным даром. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют его знаменитые письма в родной город, с которых начинается этот том. В них он живописует природу неведомых европейцам заморских земель, внешний облик, быт и нравы индейцев, которые «живут согласно природе», их отношение к европейским пришельцам, поиски золота и жемчуга, а также красоты южного неба и многое другое.

Однако главная интрига, связанная с этими письмами, – в их достоверности. Они были написаны в 1503 и 1504 годах – 500 лет назад! И все это время вокруг писем, благодаря которым Веспуччи, собственно говоря, и приобрел всемирную славу, идут бесконечные споры. Сначала письма считались вымыслом, а сам Веспуччи – обманщиком, попытавшимся присвоить себе славу Колумба. Таким было и мнение хорошо знавшего Колумба испанского историка и гуманиста Лас-Касаса, ставшего миссионером, а затем и епископом в испанских владениях в Западной Индии. Только в XIX веке такой великий авторитет, как Александр Гумбольдт, вступился за флорентийца, доказывая, что он вовсе не был ни ничтожеством, ни мошенником. Хотя и ныне

большинство исследователей полагают, что «первого плавания» Веспуччи, когда он якобы еще до Колумба достиг материковой части Южной земли, попросту не было, как не было и его «четвертого плавания». Да и относительно «третьего плавания» очень трудно поверить, что экспедиция, покинув побережье Южной земли, приблизилась чуть ли не к берегам Антарктиды. Словом, письма Веспуччи – это своего рода причудливое сочетание правды и вымысла. Трудно сказать, можно ли упрекать автора за такую полуправду. Ведь это были сугубо частные эпистолярные послания, совсем не предназначенные для публикации и широкого обсуждения.

Заслуга Стефана Цвейга как раз в том и состоит, что в своем «Америго» он, во-первых, сначала рисует широкое историко-географическое полотно той великой эпохи, а во-вторых, подробнейшим образом описывает всю историю с письмами Веспуччи, их последующими публикациями и довольно неожиданным эффектом «первооткрывания» Нового Света. «Снова, – пишет Цвейг, – мы сталкиваемся с одним и тем же противоречием: любой документ о жизни Веспуччи превозносит его как человека честного, добросовестного, очень знающего. Но стоит взять в руки напечатанные работы самого Веспуччи, как мы обнаруживаем хвастовство, небылицы, неправдоподобности». Это поразительное противоречие до конца не разъяснено и сегодня. Но так уж случилось, что благодаря своим частным письмам Веспуччи, как отмечает Цвейг, «неожиданно и словно с черного хода приобрел славу великого писателя и самого ученого географа своей эпохи».

Жизнь и судьба Магеллана оказались гораздо более тяжелыми, даже трагичными. Мелкопоместный дворянин из северной части Португалии, сначала он находился при королевском дворе. Затем участвовал в опасном плавании в Восточную Африку и Индию, участвовал в захвате Малакки. После возвращения на родину еще год воевал в Марокко, а после этого, уйдя с военной службы, занялся изучением морских карт в их главном хранилище в Лиссабоне. Видимо, тогда и зародилась у него идея добраться до Молуккских островов не мимо Африки и Индии, а в обход Земли Святого Креста (Бразилии) и далее через указанный на некоторых картах проход в уже открытое испанским конкистадором Нуньесом де Бальбоа Южное море. Поскольку португальский король Мануэл не заинтересовался его проектом, Магеллан переехал в Испанию, поселился в Севилье и предложил его молодому королю Карлосу I (Цвейг называет его Карлом V, так как под этим именем он был одновременно императором Священной Римской империи). В марте 1518 года проект

Магеллана был утвержден, а сам он назначен капитаном-генералом эскадры, но пять ее судов отправились в путь только в сентябре 1519 года.

Сама экспедиция Фернана Магеллана очень подробно описана во многих источниках, включая и книгу Стефана Цвейга. В отличие от плаваний Америго Веспуччи здесь все абсолютно точно и документально. И не только благодаря судовым журналам, но и тому счастливому обстоятельству, что в качестве внештатного члена экипажа в кругосветном плавании участвовал молодой итальянец из Виченцы Антонио Пигафетта, подробный дневник которого послужил едва ли не главным свидетельством и первоисточником для всех последующих исследователей. Эти записки являются одним из наиболее значимых и ценных документов эпохи Великих географических открытий.

Прямо из фамильного старинного дома в Виченце – города, связанного с потерявшей былое величие Венецией, Антонио Пигафетта попадает сначала в Сарагосу, а затем в Барселону Именно здесь он узнает о подготавливаемой Фернаном Магелланом экспедиции на Молуккские острова. Пигафетта, заручившись рекомендациями, прибывает в Севилью, где корабли Магеллана подготавливают к долгому плаванию.

Пигафетта добивается зачисления под именем Антонио Ломбардо (из Ломбардии) на флагманское судно «Тринидад». На всем протяжении одного из величайших путешествий в истории познания человеком Земли Пигафетта вел записки, в которых рассказывал обо всем виденном и услышанном. Конечно, эти подчас беглые записки суховатого, рассудочного человека – не хроника бесстрастного свидетеля-историка, не дневники ученого, не повествование любителя-натуралиста. Это именно записки любознательного человека XVI века, искателя приключений. Но этот свидетель не искажает события, не извращает факты. И закономерно, что немудреный рассказ стал одним из ярких основополагающих документов эпохи Великих географических открытий, сообщающих о кругосветном плавании Магеллана.

Приведенные в книге записки Антонио Пигафетты «Путешествия Магеллана» предваряют яркое увлекательное повествование Стефана Цвейга о Магеллане, его трудах и деяниях Попутно отметим, что Цвейг во многом опирался на рассказ Пигафетты.

Каждый, кто прочтет у Стефана Цвейга описание кругосветного путешествия Магеллана, без сомнения, будет поражен количеством самых разнообразных, пользуясь современной терминологией, чрезвычайных происшествий, которые ему сопутствовали. Здесь и стычка с жителями Севильи

еще до отплытия, и бунт капитанов-испанцев в Атлантике, и еще один мятеж команды, и тяжелейшая четырехмесячная зимовка в мрачной бухте Сан-Хулиан в Южной Патагонии, и долгие безуспешные поиски заветного paso – пролива в Южное море, и гибель на скалах одного из судов, и бегство в Испанию другого судна, и страшный голод на оставшихся трех кораблях во время плавания «по диагонали» через просторы Тихого океана. «Три месяца и двадцать дней, – написал Пигафетта, – мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже были не сухари. Они сильно воняли крысиной мочой… Мы ели также воловью кожу, покрывавшую грот-грей». Наконец-то были достигнуты населенные Филиппинские острова, но именно здесь, у самого порога вожделенных Isla de la espicaria, или «Островов пряностей», в случайной стычке с туземцами капитан-генерал был убит. Какая жестокая судьба!

По характеру Фернан Магеллан очень отличался от Америго Веспуччи. В знаменитом Йеллоустонском национальном парке США есть большой гейзер под названием «Старый служака». Наверное, так можно сказать и про Магеллана. Действительно, он был старым служакой, воякой, много раз смотревшим в лицо смерти, довольно замкнутым, суровым человеком, но обладавшим поистине несгибаемой волей. По словам Пигафетты, «он и в величайших бедствиях был неизменно всех более стоек». Именно ему лично человечество обязано успехом первого в истории кругосветного плавания, продолжавшегося 1081 день! (Для сравнения: первое плавание Колумба длилось 224 дня, плавание Васко да Гамы – 730 дней) Хотя из пяти судов с 280 членами экипажа вернулась только небольшая двухмачтовая «Виктория» с 18 больными матросами, а сам капитан-генерал погиб, в любом рейтинге он – наряду с Колумбом, Васко да Гамой, а позднее и с Джеймсом Куком – по праву входит в когорту самых великих мореплавателей. Но по-человечески, конечно, очень обидно, что прижизненная слава досталась не ему, а капитану Элькано (Эль Кано), который привел «Викторию» в Севилью. Ведь именно ему король пожаловал большую пенсию, а также герб с изображением замка – символа Кастилии и пряностей. На этом гербе был также изображен земной шар с надписью: «Ты первый меня обогнул», не говоря уже о том, что Элькано тоже участвовал в заговоре капитанов-испанцев против португальца Магеллана.

Еще один вопрос не может не волновать всех читателей, интересующихся судьбами Веспуччи и Магеллана: какой след оставили их путешествия и открытия на географической карте мира? Его, в свою очередь, можно расчленить на два подвопроса. Во-первых, какие имена они дали открытым тогда

географическим объектам? И, во-вторых, что именно на карте мира было названо их собственными именами?

Ответить на первый подвопрос в отношении Америго Веспуччи можно только с известной долей условности, поскольку эти названия давали руководители экспедиций, а не он сам. Например, во время испанской экспедиции 1499–1500 годов под началом Алонсо Охеды на северном побережье Южной земли появилось название Венесуэла. Здесь испанцы обнаружили поселение на сваях, которое напомнило им Венецию (Венесуэла – «Маленькая Венеция»). Позднее это локальное название распространилось на весь южный берег Карибского моря, а с 1830 года его носит целая страна. Тогда же был открыт и остров Кюрасао, который испанцы назвали островом Гигантов. Но это название просуществовало лишь несколько лет. Когда выяснилось, что оставленные здесь матросы Охеды чудесным образом исцелились от своих болезней, остров переименовали в Кюрасао – «Остров исцеления». Под этим именем его и ныне можно увидеть на всех картах. Во время португальской экспедиции 1501–1502 годов под руководством Гонсалу Куэлью, который плавал у берегов Бразилии, была открыта бухта Гуанабара, которую моряки ошибочно приняли за устье большой реки и назвали Риуди-Жанейру или «Река января» Затем это имя уже в форме Рио-де-Жанейро перешло сначала на появившуюся здесь крепость, а позднее и на город, до сравнительно недавнего времени бывший столицей Бразилии.

До наших дней дошли и многие географические имена, данные Магелланом во время его кругосветного плавания. Например, Патагония в южной части Аргентины, где во время зимовки путешественники увидели местных индейцев, оборачивавших ноги шкурами: их и назвали патагонцами, то есть «большеногими». А гористый архипелаг у южной оконечности материка они назвали Землей Огней (в русской транскрипции – Огненная Земля), поскольку увидели на ней множество огней. Известно также, что испанский конкистадор Нуньес де Бальбоа в 1513 году, выйдя к берегу неведомого еще океана, наименовал его Южным. Но Магеллан через семь лет, проплыв по нему от Огненной Земли до Филиппинских островов, можно сказать, переименовал его в Тихий океан, поскольку во время всего этого плавания океан был совершенно спокойным. Магелланом были открыты и Филиппинские острова, хотя это название они получили уже позднее – в честь наследника испанского престола Филиппа, который затем стал королем Филиппом II. Право же, не от каждой морской экспедиции остается такой след в топонимике!

Теперь о втором подвопросе. Как известно каждому школьнику, имя Магеллана носит открытый им пролив между материком Южной Америки и архипелагом Огненная Земля. Сам Магеллан дал этому проливу другое название, но затем пролив был переименован – и вполне заслуженно – в честь великого мореплавателя. Это, кстати, единственный географический объект на карте мира, увековечивающий имя Фернана Магеллана.

Что же касается имени Америго Веспуччи, то оно оказалось присвоенным целой части света, двум огромным материкам. О том, почему это произошло, подробно написано во многих книгах. Александр Гумбольдт назвал присвоение Новому Свету имени Америго Веспуччи «памятником человеческой несправедливости». Но это произошло, по его мнению, «благодаря стечению обстоятельств», а не по причине каких-либо усилий со стороны самого Веспуччи, который вовсе не претендовал на лавры первооткрывателя новой части света. Подробно описывая ту же историю, Стефан Цвейг считает, что «это произошло из-за сумбурного переплетения случайностей, заблуждений и недоразумений», применяя и такое выражение, как «комедия ошибок». Вряд ли могут быть сомнения в том, что правильнее было бы назвать Америку Колумбией. Но ведь со стороны самого Веспуччи никакой «узурпации», никакого «честолюбивого обмана» здесь не было. И, между прочим, если Колумб до конца жизни свято верил, что открыл путь в Западную Индию, то именно Веспуччи с гораздо большей прозорливостью назвал вновь открытые земли не Индией, не Азией, а Новым Светом (Murdus Novus). В этом смысле он действительно первым «открыл» это имя Здесь много раз можно было бы употребить слова *если бы* . Но, как известно, история не знает сослагательного наклонения.

Наши школьники узнают о Магеллане и Веспуччи в шестом классе и, надо надеяться, запоминают эти имена на всю жизнь. Хотя, наверное, и не все. Невольно вспоминается эпизод, описанный Сергеем Довлатовым в его рассказе «Заповедник»: «До Пушкинских гор оставалось километров сто. Я зашел в хозяйственную лавку. Приобрел конверт с изображением Магеллана. Спросил:

– Вы не знаете, при чем тут Магеллан?

Продавец задумчиво ответил:

– Может, умер. Или Героя дали».

Остается надеяться на то, что подобных неучей у нас все же не так много.

Хочется надеяться и на то, что знакомство с этим томом «Библиотеки путешествий» у многих читателей снова пробудит живой интерес к путешествиям – и прошлым, и настоящим, и

реальным, и, так сказать, виртуально-книжным. А в заключение этого вводного слова представляется вполне уместным привести несколько фраз из уже упоминавшихся «Писем русского путешественника» великого русского историка и известного писателя Николая Михайловича Карамзина: «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, гипохондрик, чтобы исцелиться от своей гипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»

Максаковыми Владимир Павлович,
действительный член Российской академии образования,
доктор географических наук, профессор,
лауреат Государственных премий СССР,
премии Президента РФ в области образования,
почетный член Русского географического общества

АМЕРИГО ВЕСПУЧЧИ

ПИСЬМА
Текст (с вариантами) по изданиям 1504, 1505 и других годов

Письмо Америго Веспуччи о его третьем путешествии к берегам Бразилии (май 1501 – сентябрь 1502), написанное в конце 1502 или в марте – апреле 1503 года к Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи

Альберико Веспуччи шлет Лоренцо ди Пьеру Франческо дель Медичи[1] самый большой привет.

В предшествующие дни написал я тебе достаточно полно о моем возвращении из новых стран, которые мы разыскали и нашли с помощью флота и средств и по поручению светлейшего короля Португалии. Эти страны следует назвать Новым Светом. У наших предков о них не было никакого представления, и, по мнению всех, это самое новейшее открытие, ибо оно выходит за пределы представлений наших предков. Большая часть их говорила бы, что дальше равноденственной линии[2] по направлению к югу нет никакого континента, но есть только море, которое они назвали Атлантическим, и, если бы кто-нибудь из них утверждал, что там находится континент, они, по многим соображениям, отрицали бы, что эта земля обитаема. Но это их мнение ложно и совершенно противоположно действительности. Мое последнее плавание доказало это, так как я нашел в этих южных областях континент с более многочисленными племенами и более разнообразной фауной, чем в нашей Европе, Азии или Африке, и, сверх того, с более умеренным и приятным климатом, чем в любой другой стране, нам известной. Ты поймешь нижеследующее, когда мы только кратко обозначим заглавия частей и упомянем вещи, более достойные для их выделения и запоминания, которые я или видел, или о которых слышал в этом Новом Свете.

При благоприятном течении в четырнадцатый день мая 1501 года отплыли мы по поручению упомянутого короля из Лиссабона с тремя кораблями по направлению к югу для открытия новых стран и в продолжение двадцати месяцев[3] все время плыли в этом направлении. Порядок этой экспедиции был таков. Наша флотилия шла в направлении Счастливых островов, так некогда названных, теперь же их именуют Большими Канарскими островами, находящимися в третьем климате[4] и

расположенными на границах Запада. Оттуда через весь океан (к югу) тянется сплошной африканский берег. Мы прошли мимо области эфиопов вплоть до Эфиопского мыса, названного так Птолемеем[5]. Он именуется теперь нашими Зеленым Мысом. За эфиопами, внутри жаркого пояса, на четырнадцатом градусе от равноденственной линии, по направлению к северу находятся Безегик и страна Мандинга, населенные черными племенами и народами.

Там (у Зеленого Мыса), вновь собрав силы и сосредоточив ресурсы нашей экспедиции, мы подняли якоря и раскрыли паруса ветрам. Мы держали наш путь в сторону Антарктики, устремляясь немного на запад, через обширнейший океан, в направлении ветра, который называется вультурном[6]. И от дня, когда мы отплыли от упомянутого мыса, мы шли в продолжение двух месяцев и трех дней, прежде нежели открылась нам какая-то земля. В просторах этого моря, которое мы прошли, мы претерпели как опасности кораблекрушения, так и тяготы нашего существования. Мы трудились с величайшим душевным напряжением, по решительному мнению тех, которые отлично, на опыте многих предприятий, представляли себе, что значит искать неизвестное, исследовать неведомое. И чтобы ты в одном слове все понял, знай, что из шестидесяти семи дней, в течение которых мы непрерывно плыли, сорок четыре дня были заполнены дождями, громами и молниями. Было так темно, что мы не видели ни солнца днем, ни ясного неба ночью. Это было причиной того, что нас охватил такой страх, что мы потеряли уже всякую надежду на жизнь. И среди этих морских бурь высокому небу было угодно открыть нам землю, новые страны и неведомый мир. При лицезрении всего этого мы исполнились такой радости, которую каждый может понять, когда представит себе, что происходит с теми, к кому после различных несчастий и превратностей судьбы приходит спасение.

В седьмой день августа 1500 года на берегах этих самых стран мы бросили якоря и, воздавая торжественным молебствием благодарения Господу нашему, отслужили мессу с пением.

На месте мы поняли, что эта земля – не остров, но континент, ибо длиннейшие берега не замыкаются, превращая ее в остров. Она заполнена несметным числом обитателей, ибо на ней мы нашли бесчисленные племена и народы и виды всех лесных животных, которые находятся в наших странах, и многое другое, никогда нами ранее не виденное, о чем по отдельности долго будет рассказывать. Великая милость Божия воссияла нам в том, что мы приблизились к этим странам, ибо недоставало строительного леса и воды и мы могли бы в течение немногих

дней, находясь в море, потерять жизнь. Ему (Господу) и честь, и благодарение, и благодарственное рвение.

Мы приняли решение плыть вдоль берега этого континента по направлению к востоку с тем, чтобы не терять его из вида, и, как скоро его миновали, подошли к одному заливу – там берег делает поворот к югу, – и с этого места, где мы заметили впервые землю, до этого залива было около трехсот левков[7]. На протяжении этого плавания много раз мы сходили на землю и дружественно общались с ее жителями, как ты ниже услышишь. Я забыл тебе написать ранее, что от Зеленого Мыса до начала этого континента около семисот левков.

Портрет Америго Веспуччи
Гравюра 1673 г.

Хотя я считал, что мы проплыли более, чем тысячу восемьсот, но, отчасти вследствие незнания мест и неопытности кормчего, отчасти вследствие бурь и ветров, мешающих нашему прямому пути, нас часто гнало в обратном направлении. Если бы товарищи не обратили внимания на меня, кому была известна космография, то не нашлось бы кормчего или руководителя нашего плавания, который на протяжении пятисот левков знал бы, где мы

находимся. Ибо мы скитались и блуждали, и только инструменты указывали нам высоту небесных тел по отношению к правильной отвесной линии. Это были квадрант и астролябия[8], которые все знали. Затем впоследствии все удостоили меня большим почетом Ибо я показал, что без знания морской карты я более владел наукой плавания, чем все кормчие всего мира. Ибо они имели понятие только о местах, которые часто проплывали. Когда же упомянутый мыс указал нам поворот берега к югу, мы решили плыть далее, минуя его, и разведать, что находится в тех областях. Мы проплыли вдоль берега около шестисот левков, и часто сходили на землю, и беседовали, и общались с колонами[9] этих областей, и были принимаемы ими по-братски. Иногда мы задерживались у них на пятнадцать или двадцать дней, и они оставались постоянно дружественными и гостеприимными, как ты ниже узнаешь.

Астролябия

Часть этого нового континента находится в жарком поясе по ту сторону равноденственной линии, по направлению к антарктическому полюсу, ибо он начинается на восьмом градусе по ту сторону этой самой равноденственной линии. Мы плыли вдоль его берега до тех пор, пока, миновав тропик Козерога, обнаружили, что антарктический полюс стоит над тем горизонтом выше пятидесятого градуса. Мы находились вблизи самого антарктического круга на широте семнадцати с половиной градусов.

Я расскажу, рассмотрев по порядку, что я видел там и узнал о природе тех племен, об их нравах и обходительности, о плодородии земли, о целебности воздуха, о расположении на небе небесных тел и особенно о неподвижных звездах восьмой сферы[10], никогда не виденных ранее нашими предками.

Итак, сперва о том, что касается племен. Мы нашли в этих странах такое множество народа, которое никто не мог бы

пересчитать, как говорится в Апокалипсисе[11]. Народ, говорю я, мягкий и обходительный. Все жители, и тот и другой пол, ходят обнаженными, не прикрывая никакой части тела. Как выходят из утробы матери, так до самой смерти и ходят. У них стройные и большие фигуры, хорошо и пропорционально сложенные, с цветом кожи, приближающимся к красноватому. Я думаю, что это происходит у них потому, что они, расхаживая нагими, загорают на солнце.

На голове у них великолепные черные косматые волосы. Выходя из дома и на игрищах, они держатся легко и свободно. У них приятное лицо, которое они, однако, сами себе уродуют. Ибо они прокалывают себе и щеки, и губы, и ноздри, и уши. И ты не думай, что эти отверстия малые и что они имеют их только одно. Ибо я видел некоторых людей, имеющих на одном лице семь дыр, из которых любая была способна вместить сливу. Они втыкают себе в эти отверстия очень красивые голубые камни, мрамор, кристаллы или алебастр, а также очень белые кости и другие предметы, художественно оформленные согласно их обычаю. Если бы ты видел это необыкновенное дело, подобное чуду, ты был бы, конечно, изумлен, что человек имеет в щеке один, а в губах семь камней, из которых некоторые величиной с половину ладони. Ибо часто я определял и находил, что семь таких камней весят шестнадцать унций, и, кроме того, в каждом из ушей имеются по три пробитых отверстия, несущих другие камни, висящие на кольцах. Таков обычай у одних мужчин, ибо женщины не прокалывают себе лица, но только уши. <…>

Они не носят одежд ни шерстяных, ни льняных, ни шелковых, так как в них не нуждаются и так как не имеют собственного имущества, но все у них общее. Они живут одновременно и без царя и без власти, и каждый из них сам себе господин. Женщины ведут себя как им угодно… Всякий раз, когда хотят, они расторгают браки и в этом не сохраняют никакого порядка. Кроме того, они не имеют храма, не придерживаются какого-нибудь закона и не являются даже идолопоклонниками.

Что еще сказать? Они живут согласно природе, и их скорее можно назвать эпикурейцами, чем стоиками[12]. Среди них нет ни купцов, ни товарообмена Племена ведут между собой войны неискусно и беспорядочно. Старейшины склоняют своими речами юношей к тому, что им, старейшинам, угодно, и побуждают их к войнам, в которых те жестоким образом взаимно себя истребляют. А тех, которых захватывают в плен на войне, они сберегают не для их жизни, а для убийства… <…>

Они живут по сто пятьдесят лет и редко болеют, и если случается с ними какое-нибудь нездоровье, то лечат сами себя

корньями каких-то трав.

Вот то наиболее примечательное, что я о них узнал.

Климат там очень умеренный и хороший, и я мог узнать из их сообщения, что никогда там не бывает заразы или болезни какой-нибудь, которая происходит от испорченного воздуха. И если они не умирают насильственной смертью, то живут долгую жизнь. Я думаю, что там всегда дуют южные ветры и особенно тот, который мы называем эвром. Для них он такой, каким для нас является аквилон[13].

Они усердно занимаются рыболовством. Это море богато рыбой, изобилуя всякими ее видами. Они не занимаются охотой. Я думаю, что, поскольку там есть многие виды лесных животных, особенно львов, медведей, бесчисленных змей и других отвратительных гадов и безобразных животных, а также поскольку там вдаль и вширь простираются леса и деревья непомерной величины, они не осмеливаются нагими, без покрова и соответствующего оружия, подвергать себя стольким опасностям.

Земля этих стран очень плодородна и приятна, изобилуя многими холмами и горами, бесчисленными долинами и величайшими реками. Она орошена целебными источниками, богата величайшими, едва проходимыми лесами и чащами и всеми видами зверей. Огромные деревья вырастают без ухода человека. Многие из них приносят плоды, приятные по вкусу и полезные для человеческого организма, некоторые же – наоборот; и никакие плоды там не похожи на наши плоды. Там рождаются бесчисленные виды трав и корней, из которых приготовляют хлеб и отличные лакомые блюда. Они имеют многие семена, совершенно непохожие на наши семена.

Там нет никаких видов металлов, кроме золота – им эти страны изобилуют, – хотя мы его с собой совсем не привезли в это первое наше плавание. О нем нам сообщили жители, которые утверждали, что в центре страны большое множество золота. Они считают его за ничто и не знают его ценности. Эти страны изобилуют жемчугом, о чем я тебе писал прежде. Если бы я захотел по одному вспомнить, что там находится, и написать о многочисленных видах животных и об их величине, то это было бы обширным и непомерным делом. И я истинно верю, что наш Плиний (Старший)[14] не коснулся и тысячной доли вида попугаев и других птиц, а также животных, которые находятся в тех странах, с таким разнообразием наружностей и окрасок, что не хватит и художника Поликлета[15] для изображения полной картины.

Все деревья там ароматны, и из каждого из них получают или

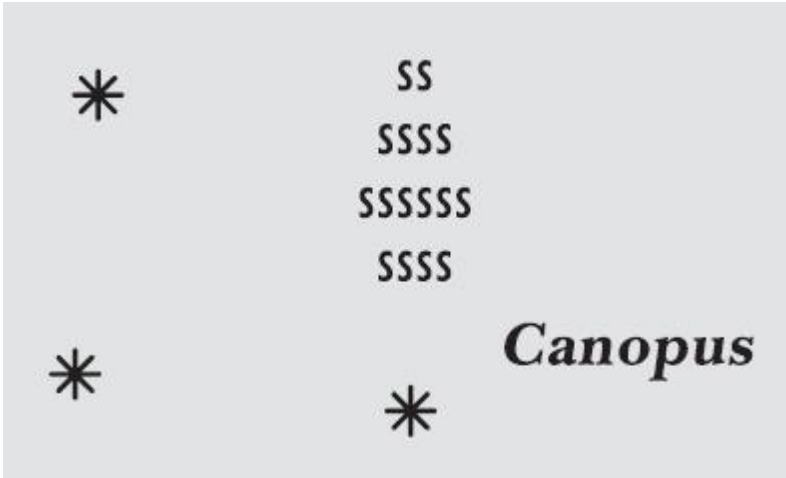
гумии, или растительное масло, или какую-нибудь жидкость. Не сомневаюсь, что, если свойства их стали бы нам известны, они были бы целительны для человеческого организма. И воистину, если земной рай находится в какой-либо части Земли, то думаю, что он недалеко отстоит от этих стран. Они расположены, как я уже сказал, на юге, в таком умеренном климате, что там никогда не бывает ни холодной зимы, ни жаркого лета.

Америго Веспуччи наблюдает созвездие Южного Креста

По рисунку И. Страдануса, гравированному по меди И. Коллером. 1522 г.

Небеса и воздух большую часть года ясны и свободны от густых облаков. Изредка выпадают там дожди. Они длятся по три или четыре часа и иссякают, подобно ливню. Небо украшено великолепными созвездиями. В нем я отметил около двадцати звезд такой яркости, какую мы видим только у Венеры и Юпитера. Я рассмотрел их движения и орбиты, измерил при помощи геометрических методов их периферии и диаметры и установил их наибольшую величину. Я видел в этом небе три звезды Канопус: две действительно яркие, третью – темную. Антарктический полюс не украшен Большой и Малой Медведицей, как здесь представляется наш арктический, и близ него не видно яркой звезды. Из тех звезд, которые около него движутся на короткой орбите, три звезды образуют фигуру прямоугольного треугольника. Половинный диаметр их периферии имеет девять с половиной градусов. Рядом с этими

восточными звездами, слева, видна одна яркая звезда Канопус[16] превосходной величины. Когда эти звезды доходят до середины неба, то образуют такую фигуру:



После них идут две другие, половинный диаметр периферии которых имеет двенадцать с половиной градусов, и рядом с ними видна другая яркая звезда Канопус. За ними следуют шесть других, очень красивых и ярких звезд между всеми другими звездами восьмой сферы, которые имеют половинный диаметр периферии на поверхности тверди в тридцать два градуса. Вместе с ними проходит одна темная звезда Канопус огромной величины. Все они видны на Млечном Пути, образуя, когда они находятся на полученной линии, фигуру такого рода:

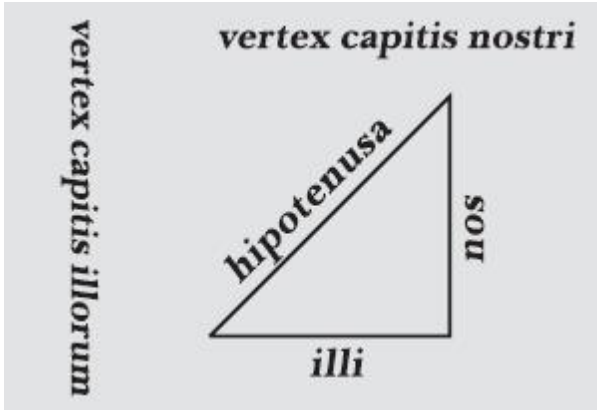
Я видел много других прекраснейших звезд, движение которых я тщательно отметил и весьма удачно изобразил графически в это все плавание в одной моей записной книжке. Светлейший король держит ее при себе и, надеюсь, вернет ее мне.

В этой гемисфере[17] я видел вещь, несогласную с выводами философов. Светлая радуга была видима около полуночи дважды не только мною, но также всеми матросами. Равным образом по многу раз мы видели новую Луну в тот день, когда она соединялась с Солнцем. В каждую из ночей в этой части неба блуждали многочисленные облака и пролетали пылающие метеоры. Я сказал немного ранее – в этой гемисфере, – однако это не является, собственно, ее наименованием, но при наблюдении нами полной гемисферы, что случилось при такого рода ее форме, так ее можно было бы назвать.

Итак, как я сказал, от Лиссабона, откуда мы выехали, – он отстоит от равноденственной линии на тридцать девять с половиной градусов – мы проплыли за пределы этой линии расстояние в пятьдесят градусов. В сумме это составляет около девяноста градусов, что равно четвертой части большого круга в соответствии с действительным смыслом измерения, переданного нам древними.

Очевидно, что мы проплыли четвертую часть Земли. И по этому соображению мы, жители Лиссабона, находящиеся по эту сторону равноденственной линии, на тридцать девятом с половиной градусе северной широты, по отношению к тем, которые живут на пятидесятом градусе южной широты, по ту сторону той же равноденственной линии, находились под углом в пять градусов к поперечной линии.

Чтобы ты яснее это понял, представь себе следующее: перпендикулярная линия, которая, когда мы стоим прямо, падает от точки неба над нашей макушкой на нашу голову, у них попадает на бок или на ребро. Поэтому получается, что для того, чтобы мы находились на прямой и одновременно на поперечной линии, должна образоваться фигура прямоугольного треугольника, линию катета которого мы сами занимаем, основание же и гипотенуза тянутся от нас и к их макушкам, что и видно на этой фигуре, и это мнение подкрепляется космографией.



Вот это и было наиболее примечательным, что я видел в этом последнем плавании, которое я называю «днем третьим». Ибо другие два «дня» были двумя другими плаваниями, которые я совершил по поручению светлейшего короля испанского к западу и во время которых записал заслуживающие удивления вещи, сотворенные им, Всевышним Творцом, Господом нашим. Я написал дневник о всех примечательных делахстем, что, если когда-нибудь мне будет предоставлен отдых, я мог бы все это особенное и примечательное соединить и написать книгу по географии или космографии, чтобы воспоминание обо мне не умерло бы среди потомков. Пусть знают, сколь велико творение всемогущего Бога, не известное древним, но частично нами познанное. Итак, я молю милостивейшего Бога, чтобы он мне продлил дни жизни, чтобы я при его благоволении и душевном спасении мог бы наилучше завершить осуществление моего желания.

Я сберегаю два других «дня» в моих хранилищах и попытаюсь при возвращении моем на отдых в отечество этот третий «день» повторить светлейшему королю, когда буду в состоянии снестись со знатоками и получу поддержку и помощь со стороны друзей для завершения этого произведения.

От тебя я прошу прощения, что это мое последнее плавание, или последний «день», я тебе не переслал, что обещал в последних моих письмах, когда я мог иметь рукопись от светлейшего короля. Я надеюсь совершить еще четвертое плавание и этим занят. И уже мне было дано обещание предоставить два корабля с их снаряжением, чтобы я приготовился к отысканию новых стран на юге с восточной стороны, с помощью ветра, который называется африканским. В этом путешествии я думаю совершить многое во славу Божию, для пользы этого государства и для украшения моей старости, и ничего другого я не жду, кроме согласия светлейшего короля.

Пусть Бог решит, что лучше, а что будет – ты узнаешь.

Переводчик Джокондо перевел это письмо с итальянского на латинский язык, чтобы все узнали на латыни, как много удивительного было открыто во время этих плаваний, и была бы обуздана дерзость тех, кто желает испытывать провидение и королевское величие и знать более, чем это дозволено, ибо с того времени, как мир начался, неизвестна была обширность Земли и что находится на ней.

Письмо Америго Веспуччи об открытых недавно в его четырех путешествиях островах, написанное 4 сентября 1504 года к Пьетро Содерини, гонфалоньеру республики Флоренции

Первое путешествие (1497 – 1498)

Светлейший сеньор! Возможно, ваше высочество будет изумлено моей дерзостью и ваша мудрость оскорблена тем, что я так нелепо пишу вашему высочеству настоящее, столь многословное письмо. Как я знаю, ваше высочество постоянно занято высокими совещаниями и делами, относящимися к доброму управлению этой величественной республикой. И я боюсь, что вы будете считать меня праздным и навязчивым, вторгающимся не в свое дело, когда я пишу о вещах, неподобающих вашему положению и незанимательных, пишу в варварском стиле, с нарушением всяких правил образованности.

Но доверие, которое я питаю к вашей добродетели, и правдивость моего письма, содержащего вещи, которые нельзя найти в произведениях ни древних, ни новых писателей, как ваше высочество заметит впоследствии, делают меня смелым. Главная причина, заставляющая меня писать вам, это просьба подателя настоящего письма, которого зовут Бенвенуто Бенвенути, нашего земляка флорентийца, – очень хорошо, если он окажется слугой вашего высочества, – моего очень хорошего друга. Ему случилось быть здесь, в городе Лиссабоне, и он попросил, чтобы я рассказал вам, ваше высочество, о тех вещах, которые я видел в различных странах света благодаря действительности четырех путешествий, которые я совершил, открывая новые земли: двух путешествий по приказу короля Кастилии, короля Дона Фернандо Шестого, – через необъятную пучину океана по направлению к западу, и двух других по повелению могущественного короля Дона Мануэля, короля Португалии, – по направлению к югу.

Сказав мне, что ваше высочество получит от всего этого

удовольствие, он надеялся при этом оказать вам услугу, почему я и решил сделать это, так как уверен, что вы, ваше высочество, зачислите меня в состав ваших слуг, вспомнив, что во времена нашей юности я был вашим другом, а теперь я ваш слуга. Вспоминаю, как мы вместе изучали грамматику под руководством почтенного монаха, брата святого Марка, Фра Джорджио Антония Веспуччи, чьим советам я, благодаря Господу, следовал, ибо, как говорит Петрарка, мне надо было быть другим человеком, чем я есть сейчас.

Тем не менее я, как бы то ни было, не огорчаюсь, так как всегда получал удовольствие от достойных дел. И хотя все эти мои дела совершенно не соответствуют вашей доблести, скажу вам точно так же, как сказал Плиний Меценату, что, быть может, моя болтовня доставит вам иногда хоть какое-нибудь удовольствие. Хотя ваше высочество постоянно занято государственными делами, однако же в часы досуга вы можете уделить немного времени забавным вещам и, подобно тому как пряности подаются обычно к мясу для улучшения пищеварения, так и вы, чтобы получить облегчение от ваших тяжелых обязанностей, прикажете прочитать это письмо. Это может отвлечь вас от постоянных забот и усердных занятий государственными делами, и если, светлейший сеньор, я буду многословен, прошу прощения.

Ваше высочество узнает, что мотивом моего путешествия в Королевство Испанию была торговля. Я собирался совершить это путешествие уже в продолжение четырех лет, в ходе которых увидел и осознал непостоянство фортуны: как она меняет свои бренные и преходящие милости, как может иногда вознести человека на вершину своего колеса, а в другое время сбросить его с него и лишить того, что может быть названо заимствованными богатствами.

Америго Веспуччи в юности
Портрет работы Сандро Боттичелли. Конец XV в.

Зная продолжительный труд, которым занятчеловек, чтобы завоевать эти богатства, и подвергаясь многочисленным неудобствам и риску, я решил бросить торговлю и сосредоточиться на чем-то более значительном и устойчивом. Исходя из этого, я и стал готовиться к тому, чтобы отправиться посмотреть различные страны света и его чудеса. Время и место оказались благоприятными для меня. Король Дон Фернандо Кастильский как раз собирался снарядить четыре корабля для открытия новых земель в западном направлении. Я был избран его высочеством войти в состав его флота для того, чтобы помочь сделать открытие.

Мы отправились из гавани Кадикса в десятый день мая 1497 года и стали прокладывать свой путь через пучину океана. Это путешествие заняло у нас восемнадцать месяцев. Мы открыли много континентальных земель и бесчисленные острова; большая их часть была необитаемой, и о них ничего не сообщали древние писатели. Я полагаю, что у них не было никакого понятия о них, ибо, если я только хорошо помню, я читал у некоторых из этих писателей, что один из них считал, что океан был пустынным морем. Того же мнения придерживался наш поэт Данте в 26-й главе «Ада», в которой он изображает как бы смерть Улисса.

В этом путешествии я видел изумительные вещи, как это поймет ваша светлость. Как я сказал выше, мы покинули порт Кадикс в составе четырех спасательных судов и начали наше путешествие прямым курсом к Счастливым островам. Они сейчас называются Большими Канарскими островами, расположенными в океане на окраине необитаемого Запада, и находятся в третьем климате. Над ними Северный полюс имеет высоту в 27 с половиной градусов над горизонтом. Они находятся в 280 лигах расстояния от города Лиссабона в направлении юго-западного ветра.[18] Мы оставались здесь в течение восьми дней, запасаясь водой, продовольствием и другими необходимыми вещами.

Отсюда, прочитав наши молитвы, мы снялись с якоря и подняли паруса, начав свой путь на запад и взяв одну четверть на юго-запад. Мы плыли таким образом до окончания 37-го дня, когда наконец достигли земли, которую приняли за материк. Она лежала к западу от Канарских островов на расстоянии тысячи лигов от крайней западной границы необитаемой земли[19], внутри жаркого пояса, ибо мы нашли Северный полюс на высоте 16 градусов над горизонтом»[20], и это было в соответствии с показаниями наших инструментов – 75 градусов к западу от Канарских островов.

Мы бросили якорь на расстоянии полутора лигов от берега,

спустили наши лодки, нагруженные людьми и оружием, и поплыли по направлению к земле. Прежде чем мы достигли ее, мы увидели большое число людей, шедших вдоль берега, чему очень обрадовались. Мы заметили, что все они были нагими. Они проявили большой страх при виде нас. Я полагаю, что это было потому, что они увидели нас одетыми и наша внешность была совсем иной. Они удалились на холм и, несмотря на то что мы подавали им знаки мира и дружелюбия, не хотели приблизиться, чтобы поговорить с нами.

Так как наступила ночь и наши корабли стояли на якоре в опасном месте, находясь на диком, беззащитном берегу, мы решили на следующий день удалиться отсюда и отправиться в поисках какой-нибудь гавани или залива, где могли бы оставить наши корабли в безопасности. Мы поплыли в направлении северо-западного ветра, идя вдоль берега, который был хорошо виден. По мере того как мы плыли, мы видели людей на берегу. Мы шли до тех пор, пока через два дня не обнаружили места, достаточно безопасного для наших кораблей, где бросили якорь на расстоянии полулига от берега. На нем мы увидели очень много людей и в тот же день добрались на лодках до земли.

Мы сошли на берег в числе сорока человек в добром порядке, но все же люди, населявшие эту землю, боялись говорить с нами, и мы были не в состоянии ободрить их настолько, чтобы они заговорили с нами. В этот день мы достаточно потрудились, чтобы одарить их различными вещицами: погремушками, зеркалами, бусами, шариками и другими безделками. Некоторые из них, почувствовав доверие к нам, подошли, чтобы побеседовать с нами. Подружившись с ними, мы ввиду приближающейся ночи вынуждены были проститься и вернуться на корабли.

На следующий день, как только забрезжил рассвет, мы увидели бесчисленное множество людей на берегу. Среди них были женщины и дети. Мы вышли на берег и разглядели, что все они были увешаны украшениями, которые были бы уместны, если бы находились на присущих им местах. Прежде чем мы достигли этой земли, многие из туземцев прыгнули в море и поплыли по направлению к нам, чтобы встретить нас на расстоянии выстрела из лука Все они были отличными пловцами. Они нам доверяли, как если бы были давно с нами знакомы, и мы были очень довольны их доверием.

Первое, что нам удалось узнать об их жизни и обычаях, это то, что они ходили совершенно обнаженными, как мужчины, так и женщины, не прикрывая ни одной части тела, такими, какими вышли из утробы матери. Они были среднего роста, хорошо сложены, и их кожа отдавала красноватым цветом, наподобие

львиной гривыМне думается, что если бы они ходили одетыми, то были бы такими же белыми, как и мы. На теле у них нет никаких волос, только на голове. Волосы у них длинные и черные, особенно у женщин, что делает их привлекательными. Вообще они не очень красивы, ибо у них широкие лица, так что они кажутся похожими на татар. У них не растут волосы на бровях, а также на ресницах и еще где бы то ни было, только на голове, ибо они считают волосатость отвратительной вещью.

Они очень легки в ходьбе и беге, женщины так же, как и мужчины. Женщина ничем не рискует, если пробежит лиг или два. Мы много раз видели, как они бегают. Поэтому они имеют большое преимущество перед нами, христианами. Они плавают так, что вы не можете себе представить, – женщины лучше, чем мужчины. Мы много раз видели, как они плавали в море на расстояние двух лигов безо всякой одежды.

Первая встреча Америго Веспуччи с американскими туземцами

По рисунку И. Страдануса. 1523 г.

Их оружие – луки и стрелы – отлично сделаны, хотя у них нет железа или другого какого-либо твердого металла для наконечников стрел. Они прикрепляют вместо железа зубы животных или рыб или же острый клин твердого дерева с наконечником, закаленным на огне. Они искусные стрелки, ибо всегда попадают в цель, когда бы ни целились. Кое-где женщины пользуются луками. У них есть и другое оружие, закаленное на огне: копья, а также дубины с красиво вырезанными шишками на конце. Оружие, применяемое ими с большой жестокостью, обычно используется против людей, говорящих на ином языке. Они не сохраняют жизни никому, если только не подвергают врага еще большему мучению. Когда они идут воевать, то берут своих женщин с собой не потому, что те могут сражаться, а потому, что

они несут снаряжение, ибо женщины переносят на спине на расстояние 30–40 лигов груз, который ни один мужчина не станет нести. Мы много раз видели это.

У них нет своего главы, и они также не подчиняются порядку, ибо каждый из них сам себе господин. Войны ведутся не из-за стремления к господству, не для расширения границ и не вследствие жадности, но по старой вражде, возникшей между ними в давно прошедшие времена. Когда их спрашивают, почему они воевали, они не находят в ответе другой причины, как месть за смерть своих предков или своих родителей. У этих людей нет ни короля, ни знатного, они никому не подчиняются и живут, пользуясь собственной свободой. И если они начинают войну, то это тогда, когда враги убивают или же захватывают кого-нибудь из них в плен. Старейший в роде встает и, обходя все дороги и деревни, призывает людей пойти с ним и отомстить за смерть своего соплеменника. Таким образом, они одушевлены чувством родства, и, поскольку у них нет судебной системы, они также не наказывают того, кто причинил зло. Ни отец, ни мать не наказывают своих детей, и очень редко, почти никогда мы не наблюдали каких-либо ссор между ними.

В своих беседах они кажутся очень простыми, однако очень хитры и коварны в том, что их касается. Они говорят немного и очень низким голосом. Они пользуются такой же артикуляцией[21], как и мы, поскольку произносят слова с участием нёба, зубов или же губ, за исключением того, что дают различные наименования вещам. Имеется много разных языков, ибо через каждые сто лигов мы находили изменения в языке, так что речь одного племени непонятна другому.

Жизнь у них варварская, ибо едят они в неопределенное время и так часто, как хотят. Для них не имеет никакого значения, если это желание придет к ним в полночь или днем, ибо едят они во все часы. Едят они на земле без подстилки или другого какого-нибудь покрова, ибо мясная пища находится у них в глиняных мисках, которые они изготовляют для этой цели, или же в половинках тыквы. Спят они в больших гамаках, сделанных из хлопка и подвешенных в воздухе. Хотя их манера спать кажется довольно-таки неудобной, мне думается, что спать в этих сетках довольно приятно, и мы спали в них гораздо лучше, чем завернувшись в одеяла.

Эти люди чрезвычайно опрятны и чистоплотны. Они постоянно моются. Когда они опорожняют свои желудки, то делают это незаметно. И насколько они в этом аккуратны и застенчивы, настолько отвратительны и бесстыдны при малой нужде. Стоя или разговаривая с нами, они отправляли ее, даже не

отвернувшись, не проявляя никакого стыда.

Никаких свадебных обычаев у них не существует. Каждый мужчина берет себе столько женщин, сколько пожелает, и, когда захочет отказаться от них, отказывается, не принося себе никакого ущерба или позора для женщины, ибо в этом отношении у женщины столько же свободы, сколько у мужчины.

Они не очень ревнивы и безмерно сладострастны, и женщины гораздо больше, чем мужчины. Из скромности я опускаю искусство, которым они пользуются для того, чтобы удовлетворить свою безмерную похоть.

Женщины очень плодовиты и работают даже во время беременности. Они рожают детей настолько легко, что через день после родов всюду бродят и даже купаются в реках, здоровые, как рыбы.

Они настолько лишены чувств и жестоки, что, если злятся на своих мужей, немедленно прибегают к искусственному способу, при помощи которого зародыш разрушается в утробе, что вызывает выкидыш. И они благодаря этому способу убивают бесчисленное множество живых существ.

Эти женщины стройны, очень хорошо и пропорционально сложены, у них нет плохо сформированных членов тела. Они ходят совершенно обнаженными, хотя они женщины в теле, а что касается их стыда, который человек, никогда не видевший его, рисует себе воображением, то он так пристойно расположен между бедрами, что ничего нельзя увидеть, кроме той его выдающейся вперед части, о которой природа не позаботилась и которой мы даем более скромное название pectignone. Короче говоря, они не стыдятся своих членов, которых следует стыдиться, подобно тому, как мы не стыдимся носа и рта.

Чрезвычайно редко, когда мы увидим у женщины отвислую грудь, или же опустившийся из-за деторождения живот, или же другие складки на теле. Кажется, что они никогда и не рожали четырех детей. Им очень хотелось иметь связь с нами, христианами.

Мы не смогли узнать, был ли у этих людей какой-нибудь закон. Их нельзя было назвать маврами или же евреями. Они были хуже чем язычники, ибо мы никогда не видели, чтобы они приносили какие-нибудь жертвы. Также нет у них молельни. Их образ жизни, я сказал бы, эпикурейский.

У них общие жилища, и дома у них построены в виде больших хижин. Они сооружены очень основательно из больших деревьев и покрыты пальмовыми листьями, что является прочной защитой от штормов и ветров. В некоторых местах их дома настолько широки и длинны, что в одном помещается 600 душ.

Мы обнаружили деревни только с тринадцатью подобными домами, в которых обитало четыре тысячи душ. Каждые восемь или десять лет они меняют местожительство, и, когда мы их спросили, почему они так делают, они сказали, что это из-за почвы, которая вследствие загрязнения становится уже нездоровой и испорченной, и что она как бы откладывает пепел в их тела. Нам это показалось вполне разумным доводом.

Их богатства состоят из разноцветных птичьих перьев или из бус, которые они делают из костей рыб, или же из белых и зеленых камешков, вставляемых ими в свои щеки, губы и уши, а также из многих других вещей, не представляющих для нас никакой ценности.

Они не торгуют, не покупают и не продают, а просто живут, довольные тем, что им дает природа. Богатства, которыми мы наслаждаемся в Европе и где-либо еще – золото, драгоценные камни, жемчуг и многие другие, – для них не имеют никакого значения. И хотя все эти богатства имеются у них в их землях, они не прилагают никаких усилий, чтобы овладеть ими, и не ценят их. Они очень щедры и чрезвычайно редко, когда в чем-нибудь вам отказывают. Но, с другой стороны, не стесняются попросить что-либо у вас, если чувствуют, что между вами и ими установились дружеские взаимоотношения. Наивысшим проявлением дружелюбия считается, если они отдают вам своих жен и дочерей. Отец или мать считают за большую честь, если отдают вам свою дочь, даже если она молодая девушка. И если вы даже спите с ней, это считается выражением дружбы.

Когда кто умирает у них, они пользуются различными способами погребения. Они хоронят своих людей, оставляя у изголовья воду и пищу, думая при этом, что им впоследствии будет необходимо поесть. Они не пользуются поэтому никакими факельными обрядами или же оплакиванием. В некоторых местах они применяют наиболее варварское и бесчеловечное погребение. Когда страдающий или увечный находится на пороге смерти, его родственники приносят его в большой лес и кладут в гамак, в котором спят, прикрепляя последний к двум большим деревьям. Потом танцуют вокруг умирающего целый день. Когда наступает ночь, они ставят у его изголовья кувшин с водой и кладут пишу, чтобы он мог просуществовать четыре или шесть дней. Затем оставляют его одного и возвращаются в деревню. Если больной в состоянии себя обслужить, если он ест, пьет и выживает, то возвращается в деревню, и друзья встречают его с церемониями, но только немногим удается выжить. Не посещаемые никем, они умирают, и это место становится их могилой.

У них также много других обычаев, о которых, избегая

многословия, я не буду распространяться. Они пользуются во время своих болезней различными лекарствами, столь отличными от наших, что мы очень удивлялись, как можно было выздороветь при их употреблении. Много раз я видел, как больного, когда его трепала лихорадка, купали с головы до ног в холодной воде. Затем они зажигали огонь вокруг него и заставляли его поворачиваться в течение двух часов до тех пор, пока он не уставал и не засыпал. Многие были излечены подобным образом. Они также пользуются диетой, ибо заставляют больных голодать в течение трех дней, а также кровопусканием, но не из руки, а из бедер, поясницы или икры ноги. Они вызывают рвоту травами, которые вкладывают в рот, и пользуются также многими другими снадобьями, о которых слишком долго рассказывать.

У них испорченная флегма и кровь, так как их пища состоит главным образом из корней растений, а также из фруктов и рыбы. У них нет ни зерен пшеницы, ни другого какого-нибудь зерна. Для обычного употребления в пищу они пользуются корнем дерева, из которого приготовляют довольно хорошую муку. Одни называют ее «юка», другие – «казаби», а некоторые – «игнами».

Они едят мало мяса, за исключением человеческого, ибо ваша светлость должна знать, что они столь бесчеловечны, что превосходят в этом отношении даже зверей, ибо поедают всех врагов, которых убивают или берут в плен, женщины наряду с мужчинами, с такой свирепостью, что даже говорить об этом кажется ужасным. Всякий раз, где бы мы это ни встречали, мне удавалось видеть это зрелище. Они же удивлялись, когда мы говорили, что не едим наших врагов. И здесь ваша светлость может поверить, что у них есть и другие варварские обычаи, передать которые я не в состоянии.

За эти четыре путешествия я повидал вещи, столь отличные от наших обычных, что приготовился написать книжку разнообразного содержания, которую назову «Четвертым днем» и где опишу большую часть вещей, которые видел, со значительными подробностями, насколько мой слабый ум позволит мне. Эту книгу я еще не опубликовал, так как отношусь с болезненной требовательностью к своим собственным произведениям и еще не получил удовлетворения от всего, что написал, несмотря на то что многие побуждают меня обнародовать эту книгу. Здесь все будет видно в подробностях. Тогда я не буду больше распространяться в этой главе, так как по ходу этого письма мы столкнемся с другими вещами, которые и являются подробностями. Так давайте будем считать это общее достаточным.

Вначале мы не встречали как бы ничего выгодного в этой

богатой земле, за исключением нескольких месторождений золота. Полагаю, что причиной всего этого было незнание языка, а что касается положения и условий страны, тоже было не лучше.

Мы решили покинуть это место и отправиться дальше, следуя вдоль берега, на который часто высаживались и беседовали со множеством людей. Через несколько дней мы вошли в гавань, где подверглись величайшей опасности. Господу захотелось спасти нас, и это произошло следующим образом. Мы высадились в этой гавани, где увидели деревню, построенную, подобно Венеции, на воде. Там было около 44 больших жилищ, наподобие хижин, возведенных на очень толстых сваях. У них были двери или вход в виде разводных мостов. Из одного дома можно было пройти в другой при помощи этих мостов, тянувшихся от дома к дому.

Когда туземцы увидели нас, казалось, они испугались, так как немедленно развели все мосты. В то время как мы наблюдали это странное зрелище, то увидели, как 22 каноэ бороздили море. Эти каноэ представляли собой нечто в виде лодок, сделанных из одного дерева. Туземцы плыли по направлению к нашим лодкам. Они, казалось, были удивлены нашей внешностью и одеждой и держались на расстоянии. Мы подали им знаки, чтобы они подошли к нам, ободряя их выражениями дружелюбия. Видя, что они не подходят, мы направились к ним, но они нас не ждали и поплыли по направлению к берегу. Они просили нас знаками подождать, как бы говоря, что скоро вернутся, и поспешили на находившийся вдали холм. Когда они вернулись, то привели с собой 16 девушек. Они вошли с ними в свои каноэ и приблизились к нашим лодкам. Затем в каждую из них они поместили по четыре девушки. Вы можете себе представить, ваша светлость, как мы удивились их поведению. Они поставили свои каноэ между нашими лодками, как бы для того, чтобы поговорить с нами, причем настолько близко, что мы приняли это за выражение дружелюбия.

Пока все это происходило подобным образом, мы увидели большое число людей, плывших по направлению к нам в своих каноэ. Люди, вышедшие из своих домов, казалось, приближались к нам без всякого опасения. У дверей домов появились старые женщины, издавая громкие крики и теребя свои волосы, чтобы выразить горе. Тем самым они вызвали у нас подозрение, и каждый из нас взялся за оружие. Мгновенно девушки, сидевшие в наших лодках, бросились в море, а мужчины в каноэ отплыли от нас и начали выпускать стрелы из луков. А те, которые плыли, держали каждый копье так скрыто, как могли, под водой.

Распознав предательство, мы решили не только защищаться, но и решительно атаковать их. Мы перевернули с помощью наших

лодок многие из их скифов и каноэ, как они их называют. Мы устроили им бойню, и они бросились в воду, оставляя каноэ и неся значительные потери, направляясь вплавь к берегу. У них было около 15 или 20 убитых и многие ранены. У нас было раненых пять, но все благодаря милости Божьей избежали смерти. Мы взяли в плен двух девушек и двух мужчин, затем отправились в их дома и, войдя туда, нашли только двух старух и больного мужчину. Мы взяли оттуда много вещей, представляющих, однако, малую ценность. Мы не хотели сжигать их дома, так как считали, что это ляжет черным пятном на нашу совесть, и вернулись к нашим лодкам с пятью пленниками.

Отсюда мы отправились на корабли, где заковали в кандалы каждого из пленных, за исключением девушек. Когда наступила ночь, две девушки и один из мужчин сбежали совершенно неуловимым способом. На следующий день мы решили покинуть гавань и отправиться дальше вперед.

Мы двигались, идя постоянно вдоль берега, до тех пор, пока не встретили другое племя, жившее на расстоянии примерно в 80 лигов от прежнего племени. Мы нашли, что оно отличалось по языку и обычаям. Решив бросить якорь и добраться до берега в лодках, мы увидели на нем огромное количество людей, примерно около четырех тысяч душ.

Когда мы достигли земли, они не стали нас ждать, а побежали в лес, бросая свои вещи. Мы высадились на берег и пошли по тропинке, которая вела к лесу. На расстоянии выстрела из лука мы нашли их палатки, где они разожгли большие костры. Двое из них готовили пищу, жаря нескольких животных и всевозможные виды рыб. Мы увидели, что они поджаривали какое-то чудовище, похожее на змею. У него не было крыльев, и оно было по своему виду столь гадким, что мы очень удивились отсутствию у них чувства отвращения.

Аллегорическое изображение жителей и продуктов Америки
Гравюра 1673 г.

Мы прошлись по их домам, скорее шалашам, и нашли там очень много таких живых змей. Они были привязаны за лапы, их рыла были обвязаны веревкой, так что они не могли открыть своих пастей. В Европе так делают с большими псами, чтобы они не кусались. Они были столь дикого вида, что никто из нас не решился взять ни одного из них с собой, думая, что они были ядовиты. Они были величиной с козленка и длиною с полтора локтя. Их лапы были длинными и толстыми и вооружены большими когтями. У них была грубая кожа различной окраски. Своими рылами и внешностью они напоминали змей. От их рыл начинался гребень наподобие пилы, шедший посредине спины до конца хвоста. Словом, мы приняли их за ядовитых змей, и, однако, их использовали в пишу.

Мы обнаружили, что эти люди приготовляли хлеб из маленьких рыб, которых доставали из моря. Сначала они варили их, затем разминали, приготовляя таким образом тесто или хлеб. Потом выпекали его на горячих угольях и, таким образом, ели. Мы попробовали этот хлеб и нашли, что он был отличным. У них было много всевозможных съедобных вещей, особенно плодов и

кореньев. Было бы слишком сложным описать их подробно.

Видя, что люди не возвращаются, мы решили не трогать и не уносить того, что им принадлежало, с тем чтобы вызвать их доверие. Мы оставили в их хижинах много наших вещей, поместив их там, где они могли бы их увидеть. Затем возвратились ночью на наши корабли.

На следующий день, когда рассвело, мы увидели бесчисленное количество людей. Мы высадились, и, хотя они, казалось, проявляли робость по отношению к нам, однако же осмелились поддерживать с нами беседу, давая нам все, что мы просили, и проявляя по отношению к нам дружелюбие. Они рассказали нам, что это были их жилища и что они пришли сюда для рыболовства, и попросили, чтобы мы посетили их дома и деревни, так как хотели принять нас как друзей. Они были так дружелюбны, ибо двое пленных, бывших с нами, оказались их врагами.

Благодаря их настойчивости, посоветовавшись, мы решили, что 28 наших людей при хорошем вооружении должны пойти с ними, готовые умереть в случае необходимости. Пробыв здесь три дня, мы отправились с ними в глубь страны. Мы приблизились к деревне, находившейся в трех лигах от берега. Здесь было много народа, но мало домов. Их было не более девяти. Нас приняли там с многочисленными варварскими церемониями, которых и пером нельзя описать. Здесь были танцы, песни и причитания вперемежку с проявлениями радости, а также большим количеством пищи. Мы оставались в этом селении всю ночь. Туземцы предложили нам своих женщин, и мы были не в силах отказать им.

Мы провели здесь эту ночь и половину следующего дня, и настолько велико было число людей, пришедших посмотреть на нас, что их невозможно было сосчитать. Наиболее старые просили нас пойти с ними в другие деревни, лежавшие еще дальше от моря, как бы желая оказать нам этим величайшую честь. И куда бы мы ни решали пойти, было бы невозможно вам рассказать, какие почести они нам оказывали. Мы отправились в несколько деревень и путешествовали в продолжение девяти дней, так что наши товарищи, оставшиеся на кораблях, уже сомневались в нашей судьбе.

Когда мы находились уже на расстоянии около 18 лигов от берега, то решили вернуться на корабли. На обратном пути число людей, мужчин и женщин, дошедших с нами до моря, было столь велико, что это просто удивительно. Если кто-либо из нас уставал от ходьбы, они несли нас в своих гамаках для восстановления наших сил. При пересечении рек, которые там многочисленны и

велики, они переносили нас так ловко и безопасно, что мы не подвергались никакому риску.

Многие из них пришли нагруженные вещами, которые они нам дали. Это были гамаки, пышные перья, многочисленные луки и стрелы и бесчисленные попугаи различных цветов. Другие несли вместе с этим домашнюю утварь и вели животных. Но самое удивительное, что я расскажу вам, это то, что, когда нам приходилось пересекать реку, считал себя счастливым тот, кому удавалось нести нас на спине. Когда мы достигли моря и за нами прибыли наши лодки, мы вошли в них. И между туземцами возникла великая борьба за то, чтобы забраться в эти наши лодки и, приблизившись, посмотреть наши корабли.

Мы взяли в наши лодки многих из них, столько, сколько могли, и направились к кораблям. Многие из них плыли за нами, так что мы пришли в некоторое замешательство, видя такое число людей на кораблях, ибо их было свыше тысячи, нагих и безоружных. Они были очень удивлены нашим морским снаряжением, приспособлениями и размером кораблей. С ними здесь произошел смешной случай. Мы решили выстрелить из наших пушек, и, когда выстрел раздался, большинство из них со страху бросилось в море, чтобы поплыть, – не хуже лягушек на краю болота, когда они увидят нечто, что их пугает. То же самое сделали эти люди, а те, которые оставались на кораблях, были столь устрашены, что мы сожалели о своем поступке. Однако мы успокоили их, сказав, что при помощи этого оружия мы расправляемся с врагами.

После того как они развлекались на кораблях уже в течение целого дня, мы приказали им удалиться, так как этой ночью решили отплыть. Они покинули нас очень дружелюбно и с любовью и вернулись обратно на землю.

Побыв среди этих людей и в этой стране, я узнал многие их обычаи и образ жизни. Мне бы не хотелось распространяться больше об этом, так как ваша светлость должна знать, что в каждой из своих поездок я описывал наиболее замечательные вещи. Я объединил их в одном томе географического характера, назвав его «Четвертым днем». В этом труде все описано подробно, и, поскольку у меня нет копии, мне необходимо проверить его содержание.

Эта земля очень населена, полна жителей, многочисленных рек и животных, немногие из которых напоминают наши, за исключением львов, пантер, оленей, свиней, коз и ланей, и даже те имеют некоторое несходство в форме. У них нет лошадей и мулов, ваша милость, ни ослов, ни собак, ни каких-либо овец и быков, но другие животные, которых они имеют, весьма

многочисленны, и все они дикие. Никаких из этих животных они не используют для себя. Этих животных просто нельзя сосчитать. Что же сказать о различных птицах, столь многочисленных, стольких видов и имеющих столь разноцветное оперение, что просто чудо обладать ими!

Земля очень приятна и плодородна, полна обширных, всегда зеленых лесов, ибо листва никогда не опадает. Масса плодов, они бесчисленны и совершенно отличаются от наших. Эта страна находится в жарком поясе, как раз на параллели, которую описывает тропик Рака, на границе второго климата, и здесь полюс над горизонтом имеет высоту в 23 градуса.

Много племен пришло посмотреть на нас. Они удивлялись, глядя на наши лица и белую кожу, и спрашивали, откуда мы пришли. Мы дали им понять, что пришли с небес и собираемся посмотреть мир, и они поверили этому. В этой стране мы установили купель для крещения, бесчисленное количество народа было окрещено. Они называли нас на своем языке караибами, что означало – люди большой мудрости. Мы покинули эту гавань, назвав провинцию «Лариаб», и поплыли вдоль берега, видя все время землю до тех пор, пока не удалились от нее на 870 лигов, все еще идя в направлении мистраля (северо-западного ветра), делая на пути много остановок и вступая в общение со множеством людей.

В нескольких местах мы получили золото путем обмена, но немного по количеству, ибо мы уже много сделали (открыв эту землю и узнав, что они имели золото).

Теперь мы уже были 13 месяцев в путешествии. Наши суда и снаряжение были уже значительно потрепаны, а люди изношены от усталости. На общем совете мы решили вытащить наши корабли на сушу и исследовать их с целью предотвратить течь, так как они пропускали много воды, для того чтобы заново их проконопатить и обмазать дегтем, а затем двинуться по направлению к Испании.

Когда мы пришли к этому решению, мы находились вблизи лучшей в мире гавани, в которую вошли с нашими кораблями. Здесь мы встретили огромное число людей, отнесшихся к нам с большим дружелюбием. Мы воздвигали на берегу укрепление из наших лодок, а также бочек и бочонков, и нашей артиллерии, которая господствовала над всей местностью. Мы вытащили на берег наши корабли, которые были разгружены и облегчены, и отремонтировали их, как это было необходимо. Туземцы оказывали нам большую помощь, постоянно снабжая нас пищей, так что в этой гавани мы употребляли мало своего продовольствия, что оказалось для нас очень выгодным, ибо запас

провизии, который мы имели на обратный путь, был слишком мал и жалок.

Здесь мы оставались 37 дней и много раз ходили в их деревни, где они оказывали нам величайшую честь. Сейчас, желая воспользоваться нашим путешествием, они пожаловались нам, что несколько раз в году из-за моря приплывает в их землю племя очень жестоких людей и их врагов. Они рассказали, как, пользуясь обманом или насилием, пришельцы убивают и съедают многих из них, а некоторых берут в плен и увозят в свои дома или страну и как они едва в состоянии защитить себя от них.

Они дали нам понять, что это были островитяне и что они жили в море на расстоянии около ста лигов отсюда.

Они говорили столь жалостно, что мы поверили им и пообещали расправиться с их врагами, чтобы они избежали такой беды. Они остались очень довольны этим, и многие из них предложили поехать с нами, но мы не пожелали взять их по многим причинам, за исключением семи человек, которых взяли при условии, что они должны вернуться домой в своих каноэ, ибо мы не желали быть обязанными вернуть их обратно в свою страну. И они были удовлетворены этим.

Итак, мы покинули этих людей, оставив их дружески настроенными по отношению к нам. Отремонтировав наши корабли и пройдя семь дней морем в направлении востоко-северо-востока, мы в конце седьмого дня приблизились к островам, которые были многочисленны, некоторые из них необитаемы, другие покинуты. Мы бросили якорь у одного из них, где увидели много людей, называвших этот остров Ити.

Укрепив наши лодки сильными командами и взяв по три пушки в каждую, мы отправились на землю, где нашли около 400 человек мужчин и многих женщин. Все были нагими, как и прежние люди, хорошо сложены и выглядели настоящими воинами, ибо были вооружены луками, стрелами и копьями. У большинства были деревянные квадратные щиты, и туземцы носили их так умело, что они не препятствовали их стрельбе.

Когда мы подошли на наших лодках на расстояние выстрела из лука, все они спрыгнули в воду, чтобы выпустить в нас свои стрелы и предотвратить нашу высадку на берег. Их тела были выкрашены в красный цвет и украшены перьями. Переводчики, бывшие с нами, сказали, что, когда эти люди так себя разрисовывают и украшают перьями, это означает то, что они хотят воевать.

Они так препятствовали нашей высадке, что мы были вынуждены применить свою артиллерию. Когда они услышали выстрел и увидели, что некоторые из их числа упали замертво, то

отступили назад к земле. Созвав свой совет, мы решили, что 42 человека из наших людей должны сойти на берег и, если туземцы будут ждать нас, сразиться с ними.

Когда мы высадились на землю с нашим оружием, они двинулись нам навстречу, и мы сражались около часа. У нас было небольшое преимущество, не говоря о том, что наши арбалеты и пушки убили нескольких из них. Туземцы ранили некоторых из наших людей. Это произошло потому, что они не встречали нас на расстоянии броска копья и удара меча. В конце концов нам пришлось приложить столько мужества, что мы перешли уже к битве мечами. Когда они испытали на себе наше оружие, то обратились в бегство через горы и леса, оставив нас победителями на поле битвы со многими своими убитыми и большим количеством раненых.

У нас не хватило в тот день сил преследовать их, ибо мы очень устали. Мы вернулись на наши корабли, к великому удовольствию семи пришедших с нами туземцев, которые не могли удержаться от радости. Когда наступил следующий день, мы увидели, как со стороны земли двигалось огромное множество людей, подавая сигналы к битве, постоянно трубя в роги и другие различные инструменты, которые они используют в своих войнах. Все были разрисованы и украшены перьями, так что было очень странным зрелищем созерцать их. Все корабли поэтому держали совет, и было решено, что, поскольку эти люди желали враждовать с нами, мы должны отправиться встретить их и попытаться любыми средствами сделать их друзьями. В случае же если они не примут нашей дружбы, мы должны обращаться с ними как с врагами, а многие из них, которых мы будем в состоянии взять в плен, должны стать нашими рабами.

Вооружившись так хорошо, как могли, мы направились к берегу. Они, казалось, не препятствовали нашей высадке, полагаю, из-за страха перед нашими пушками. Мы сошли на землю в составе 57 человек, четырьмя эскадронами, состоящими каждый из капитана и его отряда. И мы приблизились, чтобы сразиться с ними. После длительной битвы, в которой многие из них были убиты, мы вынудили их к бегству и преследовали до деревни, забрав около 250 пленных. Мы сожгли деревню и вернулись на наши корабли с победой и 250 пленными, оставляя многих туземцев убитыми и ранеными. Из наших был убит не более чем один и 22 ранено, из которых все – хвала Господу! – выздоровели. Мы приготовились к отплытию, и семь человек, из которых пятеро были ранены, сели на островное каноэ вместе с семью пленниками, которых мы дали им с собой, – четырьмя женщинами и тремя мужчинами – и вернулись в свою страну,

полные радости, удивляясь нашей силе.

Таким образом, мы отплыли в Испанию с 22 пленными рабами. Мы достигли гавани Кадикса на 15-й день октября 1498 года, где были хорошо встречены и продали наших рабов. Вот что случилось со мной наиболее знаменательного в моем первом путешествии. Кончается первое путешествие и начинается второе.

Второе путешествие (1499 – 1500)

Что касается второго путешествия, то здесь изложено все, что я видел в нем наиболее достойного для рассказа. Мы отправились из порта Кадикс в составе трех кораблей и на 16-й день мая 1499 года начали свое путешествие прямым курсом к островам Зеленого Мыса, проходя в виду Больших Канарских островов. Мы шли до тех пор, пока не бросили якорь у острова, который называется островом Огня. Пополнив запас воды и топлива, мы возобновили наше плавание по направлению к юго-западу и через 44 дня натолкнулись на новую землю.

Мы думали, что она была частью континента и продолжением той земли, о которой было упомянуто выше.[22] Новая земля расположена в жарком поясе, к юго-западу от равноденственной линии. Южный полюс стоит над ней на высоте пяти градусов, вдали от любого климата. Она находится на расстоянии 500 лигов к юго-западу от упомянутых островов. Мы нашли, что дни здесь были равны ночам. Мы достигли этой земли на 27-й день июня, когда солнце находится на высоте тропика Рака. Мы обнаружили, что эта земля изобилует влагой и полна очень больших рек. Пока еще мы не видели людей. Мы поставили наши корабли на якоря, спустили лодки и пошли на них к земле. Как я сказал, мы нашли, что она была полна величайших рек и покрыта большими водами, с которыми мы встретились. Во многих местах мы пытались выяснить, можем ли мы сойти на землю из-за больших разливов рек, но, как энергично мы ни стремились к этому, не могли найти места, которое не было бы затоплено. Мы видели по этим водам, что земля не была населена. Видя, что в этой части мы не смогли бы сойти, мы решили вернуться на корабли и попытаться высадиться в другом месте. Мы подняли наши якоря и поплыли к востоко-юго-востоку, огибая всегда берега, лежавшие в этом направлении. На протяжении 40 лигов мы пытались высадиться в нескольких местах, но это было потерянное время. Мы обнаружили на этом берегу морские течения, столь сильные, что они не позволили нам плыть. Все они шли с юго-востока на северо-запад.

Итак, видя много препятствий для нашего плавания, мы

держали совет и решили повернуть наш курс на северо-запад. Мы шли вдоль берега до тех пор, пока не достигли замечательной гавани, образованной большим островом и расположенной в устье. Внутри острова был очень глубоко вдающийся залив.

Когда мы плыли со стороны острова, чтобы войти в гавань, то увидели множество народа. Обрадовавшись этому, мы направили туда наши корабли для того, чтобы бросить якорь там, где мы видели людей, находясь, вероятно, в четырех лигах морского пути от них».[23] Плывя таким образом, мы увидели каноэ, шедшее из открытого моря, в котором было много людей. Мы решили перехватить его и повернули наши корабли кругом, чтобы встретить каноэ, плывя так, чтобы не потерять его из виду. Идя по направлению к нему в ветреную погоду, мы заметили, что люди на каноэ остановились, все с поднятыми веслами, я полагаю, из удивления перед нашими кораблями. Когда они поняли, что мы стремились приблизиться к ним, то опустили свои весла в воду и начали грести по направлению к земле.

В нашей эскадре была каравелла в 45 тонн водоизмещения, очень быстрое морское судно. Она имела преимущество перед каноэ. Когда настало время устремиться за ним, каравелла подняла все паруса и ринулась на каноэ, мы тоже. Она прошла совсем рядом, не попытавшись, однако, взять его на абордаж. Каноэ прошло мимо и стало затем спокойно против ветра. Когда туземцы поняли, что имеют преимущество, то начали грести веслами, чтобы спастись. Имея лодки, укомплектованные на корме хорошими командами, мы надеялись нагнать это каноэ, но туземцы гребли в течение более двух часов, и, если бы маленькая каравелла не повернула снова на другой галс, мы потеряли бы каноэ из виду.

Люди на каноэ, увидев, что они окружены каравеллой и лодками, бросились в море, примерно 70 человек числом, находясь на расстоянии двух лигов от земли. Преследуя их нашими лодками целый день, мы были не в силах захватить более двух человек, ибо истиной было то, что остальные достигли земли в безопасности. В каноэ оставалось четверо мальчиков. Они были не из племени, так как те люди привезли их как пленников из другой земли. Они их оскопили, ибо все были без мужских членов и имели свежие раны, чему мы очень удивились. Когда их взяли на корабли, они знаками объяснили нам, что люди в каноэ оскопили их для того, чтобы съесть. Мы поняли, что это были люди, называемые каннибалами. Они очень свирепы и едят человеческое мясо.

Привязав каноэ кормой, мы направили наши корабли к земле и бросили якорь на расстоянии полулига от нее. Мы увидели

огромное множество людей на берегу и стали грести в лодках к земле, взяв с собой двух мужчин, захваченных в плен. Когда мы высадились, все туземцы убежали прочь, укрывшись в лесах. Мы дали возможность одному из двух пленников уйти, дав ему с собой несколько маленьких трещоток, указывая тем, что хотим быть друзьями туземцев. Посланный так хорошо повлиял на них, что привел с собой все племя, состоявшее примерно из 400 мужчин и многих женщин. Все пришли без оружия к месту, где стояли наши лодки.

Подружившись с ними, мы вернули им второго пленника и послали затем на корабль за их каноэ, вернув его им обратно. Это каноэ было 26 шагов в длину и двух локтей в ширину. Оно было выдолблено из одного ствола и очень искусно сделано. Когда они спустили его в реку, поставив в безопасное место, то все убежали и больше с нами не поддерживали общения. Нам это показалось варварским поступком, и мы посчитали их за людей, которым нельзя доверять и которые плохо себя ведут. У них мы видели золото, которое они носили в ушах.

Мы отправились и, проделав наш путь к внутренней части залива, нашли такое количество народа, что это просто удивительно. Высадившись, мы с ними подружились, и многие из нас отправились с ними в их деревню, находясь в безопасности и будучи хорошо приняты.

В этом месте мы получили 150 жемчужин, которые они дали нам взамен маленькой трещотки, и немного золота, которое они нам дали просто так. В этой стране мы обнаружили, что они пьют вино, сделанное из фруктов и зерна, наподобие пива как белого, так и красного. Самое лучшее было сделано из «мироболани» и было отличным. Они едят огромное множество этих плодов, на них как раз был сезон. Это прекрасный плод, приятный на вкус и здоровый для организма.

Почва изобилует всем, что необходимо для существования. Люди были вежливыми и самыми миролюбивыми из всех, с которыми мы когда-нибудь встречались.

Мы оставались в этой гавани 17 дней с большим удовольствием, и каждый день из глубины страны приходили новые люди, чтобы посмотреть на нас и подивиться нашей внешности и белизне, нашей одежде и оружию, а также форме и большим размерам кораблей.

От этих людей мы получили сведения о племени, жившем дальше к западу от них, бывшем их врагами. У них имелось огромное множество жемчуга. А тот жемчуг, который имели они, наши друзья, был, по их словам, жемчугом, захваченным у их врагов во время битвы. Они рассказывали нам, как ныряли за ним

и каким образом добывался этот жемчуг. Мы нашли, что они говорят правдиво, как услышит ваше высочество. Мы отправились из этой гавани и поплыли к берегу, над которым постоянно видели облако поднимающегося дыма и людей на берегу.

Через несколько дней мы бросили якорь в гавани с целью отремонтировать один из наших кораблей, который дал большую течь. Здесь мы встретили большое население, с которым были не в состоянии ни силой, ни добрым отношением поддержать какое-нибудь общение. Когда мы сходили на землю, они яростно сражались, чтобы помешать нам сделать это. И когда они уже больше не смогли сопротивляться, то убежали через леса, не ожидая нас. Найдя их столь дикими, мы ушли отсюда.

Продолжая наше путешествие, мы увидели остров на расстоянии 15 лигов от материка, в море. Мы решили отправиться посмотреть, был ли он населен, и обнаружили там самых жестоких и отвратительных людей, которых когда-либо видели. Они были именно такими. По поведению и внешнему виду они были отталкивающими. У всех были опухшие щеки, во рту они держали зеленые ветки, которые постоянно жевали, как животные, так что едва могли говорить. Каждый из них имел на спине две сушеные тыквы, одна из которых была полна тех растений, которые они держали в своих ртах, другая же была полна белой муки, выглядевшей подобно порошкообразному мелу. От времени до времени они окунали в муку маленькую палочку, которую смачивали во рту, и затем вставляли ее между щек, перемешивая, таким образом, с мукой бывшую у них во рту веточку. Мы были не в состоянии понять, в чем секрет, с какой целью они это делали.

Увидя нас, эти люди подошли столь фамильярно, как если бы мы были связаны с ними узами дружбы. Идя с ними вдоль берега и беседуя, мы захотели выпить свежей воды. Они объяснили нам знаками, что у них ее нет, и предложили нам несколько этих веточек и муку. Мы пришли к заключению, что остров беден водой и туземцы держали веточки и муку во рту для того, чтобы предохранить себя от жажды. Мы прошли за полтора дня весь остров, не найдя какой-нибудь проточной воды. Мы увидели, что вода, которую они пьют, добывалась из росинок, выпадающих ночью на некоторых листьях, выглядевших как ослиные уши. Листья напитывались водой, и с них люди утоляли жажду. Это была чудеснейшая влага, но во многих местах этих листьев не было.

Туземцы не имели никаких видов пищи и корней, как на материке. Они питались рыбой, которую ловили в море, а она была в огромном изобилии. Они были искуснейшими

рыболовами, показали нам много удивительных рыб большого размера и массу черепах. Их женщины не имели обыкновения держать растения во рту, как мужчины, но все носили тыкву с водой и пили из нее. У них не было ни деревень, ни домов, ни хижин, за тем исключением, что они селились под деревьями, защищавшими их от солнца, но не от воды.

Я полагаю, что на этом острове дожди шли очень редко. Когда они ловили рыбу в море, то все имели с собой большой широкий лист, под которым было достаточно тени. Они прикрепляли его обычно к земле, и, как только появлялось солнце, они поворачивали лист и таким образом защищали себя от зноя. На этом острове было много всевозможных животных, пьющих болотную воду.

Видя, что здесь не было ничего выгодного для нас, мы отправились отсюда, взяв курс на другой остров. Мы вскоре обнаружили, что на нем обитало племя очень высоких людей. Мы высадились на землю посмотреть, не сможем ли мы найти там свежей воды, вообразив, что остров необитаем, так как мы не видели людей. Идя по берегу, мы заметили очень большие человеческие следы на песке и рассудили, что, если и другие члены тела были соответственного размера, туземцы должны быть очень крупными людьми.

Продвигаясь дальше, мы нашли тропу, ведущую внутрь этого острова. Девять из нас пришли к выводу, согласившись в том, что остров слишком мал и что не может быть, чтобы на нем находилось много людей. Мы пошли затем дальше в глубь острова посмотреть, что это были за люди. Пройдя почти целый лиг, мы увидели в долине пять их хижин, казавшихся необитаемыми. Мы направились к ним, но нашли там только пять женщин: двух старух и трех девушек. Они были столь высоки ростом, что мы смотрели на них с изумлением. Когда они увидали нас, их охватил такой ужас, что им не хватило даже духа убежать. Две старухи стали нас приглашать словами, принесли нам много еды и повели в хижину. Ростом они были выше, чем высокий мужчина, так что были бы такими же крупными, как Франческо дельи Альбизи, но более пропорциональными. Мы хотели забрать с собою трех девушек силой и увезти в Кастилию как чудо.

В то время как мы так рассуждали, в дом начали входить взрослые мужчины. Их было 36 человек. Они были гораздо выше, чем женщины, и так хорошо сложены, что было приятно смотреть на них. Они повергли нас в такой страх, что мы предпочли бы находиться на наших кораблях, чем в обществе таких людей. Они имели с собой очень большие луки и стрелы и несли большие

шишковатые дубинки. Разговаривали они между собой таким тоном, как будто хотели нас схватить. Видя себя в такой опасности, мы начали обсуждать между собой разные планы. Некоторые из нас говорили, что нам следует атаковать их в доме немедленно. Другие – что это будет лучше сделать на открытой местности. Третьи говорили, что нам не следует начинать ссоры до тех пор, пока не поймем, что они хотят делать. Мы решили тихо уйти из их дома и направиться к кораблям. Так мы и поступили и, выйдя из дома, пошли к кораблям.

Остров гигантов
Гравюра

Однако дикари шли за нами следом, находясь всегда на расстоянии броска камня и разговаривая между собой. Я полагаю, они боялись нас не меньше, чем мы их, потому что, когда мы иногда останавливались, они делали то же самое, не подходя ближе, до тех пор пока мы не достигли берега, где нас ожидали лодки.

Мы сели в них и, когда находились уже на некотором расстоянии от берега, видели, как они плясали на нем, посылая в нас много стрел. Но мы уже мало боялись их теперь и произвели два выстрела по ним из пушек, больше для того, чтобы напугать их, чем попасть в них. При выстрелах все они побежали на холм. Таким образом, мы ушли от них, избежав, как нам казалось, опасности этого дня. Эти люди ходили совершенно обнаженными, как и другие. Я называю тот остров Островом гигантов из-за большого роста этих людей.

Мы продвигались вперед, плывя вдоль берега, на котором нам случалось много раз сражаться с туземцами, так как они не разрешали нам брать что-нибудь с острова. Нашим желанием

было теперь вернуться в Кастилию, ибо мы уже около года находились в море и имели очень малый запас продовольствия. К тому же этот небольшой запас был испорчен большой жарой, которую мы переносили, так как с того времени, как мы отправились на острова Зеленого Мыса, и до настоящего времени мы постоянно находились в жарком поясе и дважды пересекали равноденственную линию. Как я уже говорил раньше, мы опускались до пятого градуса ниже ее к югу, а также находились на пятнадцатом градусе севернее ее.

Мы думали, что Господу захотелось дать нам немного облегчения от такого труда. В то время как мы искали гавань, чтобы отремонтировать наши корабли, мы встретили племя, принявшее нас с большим дружелюбием. Мы обнаружили, что они имели в большом изобилии очень красивые восточные жемчужины. У них мы пробыли 47 дней и купили у них 119 марок[24] жемчуга за очень малую цену – полагаю, что он не стоил нам и 40 дукатов, поскольку мы давали им за него только маленькие трещотки, зеркала, бусы, игральные шарики и листочки олова. В самом деле, за одну маленькую трещотку человек отдавал весь жемчуг, который у него был.

От туземцев мы узнали, как и где они его вылавливали. Они дали нам много раковин, в которых росли жемчужины. Мы купили также раковину, в которой было 130 жемчужин, а также другие раковины с меньшим количеством жемчуга. Королева взяла у меня раковину со 130 жемчужинами, но я позаботился, чтобы она не увидела других. Ваше высочество должны знать, что до тех пор, пока жемчужины не созреют и не выпадут сами, они не сохраняются и, если их вынуть, быстро погибают. В этом я убедился на собственном опыте. Когда жемчужины созреют, то лежат, отделившись от тела раковины. Это отличные жемчужины. Как бы плохи они ни были – поскольку большинство из них неровны и плохой формы, – за них платят много денег…

По истечении 47 дней мы покинули этих людей, оставив их очень дружественными по отношению к нам. Мы расстались и из-за необходимости запастись продовольствием направились на остров Антильского архипелага, тот самый, который Христофор Колумб открыл несколько лет назад.[25] Там мы взяли большой запас продовольствия и оставались два месяца и 17 дней. Здесь мы подвергались многим опасностям и беспокойству со стороны людей, бывших на острове с Колумбом, полагаю – из зависти. Чтобы не быть многословным, воздержусь от рассказа о них.

Мы покинули упомянутый остров 22 июня и плыли в течение полутора месяцев, когда вошли в гавань Кадикса. Это произошло днем, в восьмой день сентября моего второго путешествия. Хвала

Господу! Кончается второе путешествие, начинается третье.

Третье путешествие (1501 – 1502)

Находясь затем в Севилье, отдыхая от тяжелых трудов, которые я перенес в те два путешествия, я возымел намерение вернуться в землю жемчуга. Судьба, однако, не посчиталась с моими трудами. Я не знаю, почему светлейшему королю Дону Мануэлю Португальскому пришло в голову пожелать нанять меня. Когда я находился в Севилье без какой-нибудь мысли о поездке в Португалию, приезжает ко мне вестник с письмом от его королевской короны[26], в котором мне предлагается приехать в Лиссабон для разговора с его высочеством, и в этом письме обещается мне вознаграждение.

Я не был того мнения, что мне следует ехать, и отослал вестника, сказав, что плох здоровьем и что, когда поправлюсь и если его высочество все еще будет хотеть нанять меня, то сделаю все, что бы он мне ни приказал. Видя, что он не может заполучить меня, король решил послать Джулиано ди Бартоломео дель Джокондо, жившего в Лиссабоне, с поручением привезти меня любыми средствами. Упомянутый Джулиано лично приехал в Севилью, и вследствие его приезда и просьб я был вынужден поехать. Однако на мою поездку плохо смотрели многие, кто меня знал, ибо я покидал Кастилию, где мне воздавались почести и король относился ко мне с большим уважением.

Самым худшим было то, что я уехал, не попрощавшись с ним, и предстал перед королем Португалии. Последний был очень рад моему приезду и просил меня присоединиться к трем кораблям, готовым отправиться для открытия новых земель. И поскольку королевская просьба является приказом, мне пришлось согласиться на все, чего он от меня добивался.

Мы отправились из гавани Лиссабона на трех кораблях в десятый день мая 1501 года и взяли курс прямо на Большой Канарский остров. Мы прошли в виду его, не останавливаясь, и отсюда шли до западного берега Африки.

На этом берегу мы упражнялись в искусстве ловли рыбы под названием парки. Мы оставались там три дня и оттуда направились к берегу Эфиопии, к гавани под названием Безенице, расположенной в жарком поясе. Над ней Северный полюс стоит на высоте четырнадцати с половиной градусов[27], и лежит она в первом климате.

Мы оставались там 11 дней, запасая воду и топливо, так как моим намерением было отправиться на юг через Атлантический океан. Мы покинули эфиопскую гавань и поплыли к юго-западу,

забирая на одну четверть к югу до тех пор, пока по прошествии 67 дней не бросили якоря у земли, находившейся в 700 лигах к юго-западу от упомянутой гавани.

В течение этих 67 дней мы имели самую плохую погоду, которую когда-либо имел какой-нибудь мореплаватель, с многочисленными штормовыми ливнями, смерчами и бурями, трепавшими нас, так как мы находились здесь в самое неблагоприятное время года, поскольку большая часть нашего плавания проходила постоянно вблизи равноденственной линии. Месяц июнь является здесь зимой, и мы узнали также, что день здесь был равен ночи и что тень всегда отбрасывалась здесь к югу.

Богу было угодно показать нам новую землю. Это произошло в 17-й день августа. Мы бросили якорь на расстоянии полулига от берега, спустили лодки и отправились обследовать землю, чтобы узнать, была ли она населена людьми и кто были эти люди. И мы узнали, что она была населена людьми, которые были хуже животных. Однако ваше высочество должно понять, что хотя мы сначала и не увидели людей, но хорошо поняли, что земля была населена, благодаря многим признакам, которые увидели. Мы взяли эту землю в собственность для светлейшего короля Дона Мануэля.

Мы увидели, что земля была очень приятной и зеленой, прекрасной на вид. Она находилась в пяти градусах к югу от равноденственной линии. И в тот день мы вернулись на корабль.

Поскольку мы очень нуждались в воде и топливе, то решили на следующий день вернуться на берег, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Когда мы находились на земле, то заметили несколько человек на вершине холма. Туземцы стояли, рассматривая нас и не рискуя сойти вниз. Они были обнажены, имея такой же цвет кожи и внешность, как и другие прежние дикари, которых мы встречали раньше.

Хотя мы старались убедить их[28] спуститься и поговорить с нами, мы не могли заставить их сделать это, так как они не доверяли нам. Видя их упрямство и поскольку было уже поздно, мы возвратились на корабль, оставив на земле для них несколько маленьких трещоток, зеркал и других предметов так, чтобы они их видели. Когда мы были уже в море, они спустились с холма и подошли к вещам, которые мы оставили, выражая большое удивление.

В тот день мы обеспечили себя только водой. На следующее утро мы увидели с кораблей, что люди этой земли подавали знаки большими клубами дыма. Думая, что они зовут нас, мы отправились на берег и увидели там, что пришло большое число

людей. Они держались все же от нас в стороне, но подали нам знаки, что мы должны идти с ними в глубь страны. Поэтому двое из наших людей отправились спросить капитана, разрешит ли он им пойти, так как хотели рискнуть отправиться с теми дикарями в глубь страны, чтобы посмотреть, что за люди они были и были ли у них какие-нибудь богатства, пряности или снадобья. Они так сильно просили, что капитану было угодно разрешить. Тогда, запасшись многими вещами для обмена, они покинули нас, получив приказ вернуться не позднее чем через пять дней, ибо мы будем ждать их только в течение этого времени. И они отправились в глубь страны, а мы остались на кораблях, ожидая их.

Туземцы приходили на берег почти ежедневно, но никогда не общались с нами. На седьмой день мы отправились на землю и увидели, что они привели своих женщин с собою. Когда мы сошли на берег, туземцы послали многих своих женщин говорить с нами. Видя, что они не становятся смелее, мы решили послать к ним одного из наших людей, молодого парня, который мог проявить большую ловкость и убедить их.

Мы сели в лодки, а он отправился к женщинам, и, когда подошел к ним, они окружили его, прикасаясь к нему и рассматривая его с большим удивлением. В то время как он был окружен таким образом, мы увидели, как одна женщина сходила с холма. Она несла большой кол в руке и, когда достигла места, где стоял наш человек, подошла сзади него и, подняв кол, нанесла ему такой ужасный удар, что он растянулся замертво на земле. В следующее мгновение другие женщины схватили его за ноги и потащили на холм, а мужчины побежали к берегу за своими луками и стрелами и стали стрелять в нас.

Сцена на берегу Бразилии. Индейцы расправляются с португальцами

Они повергли наших людей в большой ужас. Лодки были закреплены маленькими якорями, которые находились на земле, и из-за многочисленных стрел, выпущенных туземцами по лодкам, никто не имел смелости оторвать свои руки от оружия.

Хотя мы дали четыре выстрела из пушек по ним, они не имели результатов, кроме того, что, услышав выстрелы, туземцы бросились к холму, туда, где женщины уже разрезали человека на куски и поджаривали его на большом огне, который они развели прямо на наших глазах. Держа несколько кусков так, чтобы мы видели, они пожирали их. Мужчины делали знаки, показывая, как они убили двух других наших людей и съели их. Это сильно потрясло нас. Мы видели собственными глазами жестокость, учиненную над мертвым человеком. Для всех нас это было непереносимым оскорблением, и более сорока из нас были полны решимости сойти на землю и отомстить за такую жестокую смерть и за такой зверский и нечеловеческий поступок.

Адмирал не дал своего согласия, так что туземцы остались упиваться своим зверством. Мы уехали от них в гневе, с большим стыдом за капитана и, покинув это место, поплыли на востоко-юго-восток. И эта земля исчезла из глаз. Мы много раз высаживались на берег, но нигде не встречали племени, которое хотело бы вступить с нами в общение. Так мы плыли вперед, пока не обнаружили, что линия берега поворачивала к юго-западу. Когда мы обогнули мыс, которому дали название мыса Святого Августина, то поплыли на юго-запад. Этот мыс находится в 150 лигах расстояния к востоку от упомянутой прежде земли, которую мы видели и где были убиты наши люди, в восьми градусах южнее равноденственной линии.

Однажды во время плавания мы увидели много людей, стоящих на берегу. Они наблюдали за тем прекрасным зрелищем, которое являли собой наши корабли, любуясь, как мы плыли. Мы направили наш путь к ним, бросив якорь в хорошем месте, и поплыли на лодках к земле. Мы нашли их более радушными, чем предыдущие. Хотя для нас было большим трудом приручить их, все же мы сделали их своими друзьями и установили с ними общение.

В этом месте мы оставались пять дней. Мы нашли здесь растение canna istola, очень толстое, зеленое и сухое, на вершинах деревьев. Мы решили взять в этом месте двух туземцев, чтобы они служили нам переводчиками. Трое из туземцев вызвались по собственному желанию поехать в Португалию.

Я устал уже от такого большого письма. Ваше высочество узнает, что мы вышли из этой гавани, идя все время в виду земли в юго-западном направлении, производя частые высадки на берег и разговаривая с бесчисленным множеством людей.

Мы так далеко продвинулись к югу, что находились теперь за тропиком Козерога. Южный полюс стоял здесь на высоте 32 градусов над горизонтом. Мы уже совсем потеряли из виду Малую Медведицу, а Большая стояла очень низко и, как нам казалось, была почти на линии горизонта. Мы руководствовались звездами другого, Южного полушария. Они многочисленны и намного крупнее и ярче, чем звезды нашего полушария. Я нарисовал диаграммы большинства из них, и особенно звезд первой и самой большой величины, с описанием орбит, которые они совершают вокруг Южного полюса, с указанием их диаметров и радиусов, как можно видеть в моем «Четвертом дне».[29]

Мы шли вдоль берега на протяжении 750 лигов от него и в 600 лигах к юго-западу, в 150 лигах западнее мыса, названного мысом Святого Августина.

Если бы я хотел рассказать обо всем, что видел на берегу и что мы испытали, то мне не хватило бы двойного количества бумаги. На этом берегу мы не увидели ничего выгодного для нас, кроме бесчисленного множества красильных деревьев, деревьев cassia и тех, из которых производят мирру, а также других чудес природы, которые не могут быть перечислены.

Будучи пятнадцать полных месяцев в плавании и видя, что в этой земле мы не нашли никаких минеральных богатств, мы решили поскорее уйти отсюда и направиться морем в другое место. Мы держали совет, и было решено, что будет взято то направление, которое я найду подходящим. Командование флотом было полностью мне передано. Я приказал тогда, чтобы все команды и флот обеспечили себя водой и лесом на шесть месяцев, так как капитаны кораблей рассчитывали, что мы можем плыть на них в течение этого времени.

Пополнив на этой земле запасы, мы начали свое путешествие к юго-востоку. Это случилось на 15-й день февраля, когда солнце уже приближалось к равноденствию и поворачивалось к нашему Северному полушарию. Мы так далеко прошли в направлении этого ветра[30], что нашли себя на очень высокой широте. Южный полюс стоял здесь прямо на 52-м градусе над горизонтом. Мы уже не видели звезд ни Малой, ни Большой Медведицы и находились уже на расстоянии целых 500 лигов к юго-востоку от гавани, из которой вышли. В третий день апреля на море поднялся шторм такой большой силы, что мы были вынуждены убрать все свои паруса и неслись без них, гонимые сильным юго-западным ветром

по огромным волнам и под очень штормовым небом. Буря была так свирепа, что весь флот находился в большой опасности. Ночи были очень длинными, так что на седьмой день апреля мы имели ночь, которая длилась 15 часов, так как солнце находилось на краю созвездия Овна. В этих местах была тогда зима. И, как ваше высочество может считать, во время этой бури, на седьмой день апреля, мы увидели новую землю, вдоль которой шли на протяжении около 20 лигов. Мы видели дикий берег, на котором не было ни гавани, ни людей, как я полагаю – из-за холода. Он был таким сильным, что никто на наших кораблях не мог привыкнуть к нему или вытерпеть его.

Видя себя в такой большой опасности и перенося такую бурю, когда один корабль едва мог видеть другой из-за яростных водяных валов, бежавших по морю, из-за густой мглы ненастья, мы согласились с адмиралом дать сигнал другим кораблям флота приблизиться, чтобы оповестить их, что мы покинем эту землю и повернем к Португалии. Это было очень хорошим решением, ибо ясно, что если бы мы задержались и промедлили хотя одну ночь, то все погибли. Когда мы развернулись по ветру и шли так всю ночь и следующий день, буря возросла до такой степени, что мы боялись конца. И нам пришлось дать обет отправиться к святым местам и совершить другие религиозные обряды, что является обычаем моряков в таких обстоятельствах.

Мы шли, гонимые ветром, в течение пяти дней, подходя все ближе к равноденственной линии. Погода и море стали более спокойными, и Богу, видно, было угодно, чтобы мы спаслись от такой большой опасности. Наш курс лежал в направлении северо-северо-восточного ветра, ибо нашим намерением было встретить берег Эфиопии, так как мы находились на расстоянии только трехсот лигов от нее через пучину Атлантического океана.

И по милости Бога на десятый день мая мы подошли к земле, лежащей к югу, которая называется Сьерра-Леоне, где мы оставались, отдыхая, 15 дней. Отсюда мы отплыли, взяв курс на Азорские острова, которые находятся на расстоянии около 750 лигов от страны Сьерра. Мы достигли островов в конце июля, где отдыхали еще 15 дней, и отсюда отправились в Лиссабон, находясь тогда в 300 лигах к западу от него. Мы вошли в гавань Лиссабона на седьмой день сентября 1502 года в хорошем состоянии, – хвала Господу! – но только с двумя кораблями, ибо мы сожгли третий на земле Сьерра-Леоне. Он был уже непригоден для дальнейшего плавания, так как мы находились в путешествии около 15 месяцев, а в течение 11 дней шли, не видя ни Полярной звезды, ни Большой и Малой Медведицы, называемых «Колесницами», руководствуясь звездами другого полушария. Вот

что я видел в это третье путешествие, или в этот «день».

Четвертое путешествие (1503 – 1504)

Мне остается рассказать о вещах, виденных мною в четвертом путешествии, или в «четвертый день». И так как я уже утомлен, а также потому, что это четвертое путешествие не выполнено в соответствии с намерением, которое я себе ставил, то вследствие неудачи, которая постигла нас в пучине Атлантического океана, как ваше высочество вкратце узнает впоследствии, я попытаюсь быть немногословным.

Мы отправились из Лиссабонского порта в составе шести кораблей с намерением открыть остров в восточном направлении, который называли Мелаккой. О нем имелись сведения, что он очень богат и представляет собой склад для всех кораблей, приходящих из Гангского моря и Индийского океана (так же как Кадикс – приемный пункт для всех кораблей, идущих с востока на запад и с запада на восток) по пути в Каликут. Эта Мелакка расположена значительно западнее[31] и гораздо южнее, чем Каликут, так как мы знаем, что она лежит на уровне 33-го градуса Южного полушария.

Мы вышли в 10-й день мая 1503 года, взяв направление прямо на острова Зеленого Мыса, где произвели кренгование[32], подкрепились и стояли здесь 13 дней.

Отсюда мы отправились в наше путешествие под парусами в направлении юго-восточного ветра, и, так как наш адмирал был самонадеянным и очень упрямым человеком, он отправился исследовать Сьерра-Леоне – страну в южной Эфиопии, не имея какой-нибудь надобности, кроме желания показать, что он капитан шести кораблей, и против желания всех остальных капитанов. И когда, продвигаясь вперед, мы приблизились к упомянутой земле, столь велики были трепавшие нас штормы и погода вместе с тем была настолько неблагоприятной, что, хотя мы были в виду берега целых четыре дня, сильный ветер не допускал нас приблизиться к земле.

Поэтому мы были вынуждены повернуть на наш собственный курс и покинуть упомянутую Сьерру И мы поплыли отсюда по направлению юго-юго-западного ветра. И когда прошли под парусами полных 300 лигов через безмерность океана, будучи точно на третьем градусе к югу от равноденственной линии, увидели землю, от которой находились на расстоянии, вероятно, в 22 лига.

Мы пришли в изумление затем, найдя, что это был остров, лежащий посреди моря. Он был очень возвышенный и

представлял собой удивительнейшее творение природы, так как был не более чем два лига в длину и один в ширину. На этом острове никогда не существовало поселения каких-либо людей. Это был дурной остров[33] для всякого флота. Вашему высочеству надо знать, что из-за гибельных советов и управления нашего адмирала он потерял здесь судно, так как наскочил с ним на скалу, и оно раскололось в ночь святого Лаврентия, в десятый день августа, и пошло ко дну.

Аллегорическое прославление путешествий Америго Веспуччи

По рисунку И. Страдануса, гравированному И. Галлем. 1521 г. (Оригинал хранится в Парижской библиотеке)

Тогда не было никакой возможности спасти что-либо от него, кроме экипажа. Это был корабль в 300 тонн водоизмещения, на котором находилось все самое важное для флота. Когда вся эскадра старалась спасти его, адмирал приказал мне разыскать на упомянутом острове хорошую якорную стоянку, где все корабли могли бы стать на якорь. Поскольку мой бот с девятью моими матросами был занят помощью в закреплении снасти кораблей, он пожелал, чтобы я не брал бота и не шел с ним, говоря, что они приведут его ко мне на остров.

Я оставил флот и отправился, как он приказал мне, к острову без бота, располагая только половиной моего экипажа, двинулся на упомянутый остров, находившийся на расстоянии около четырех миль, и нашел на нем превосходную гавань, в которой все корабли могли в полной безопасности стать на якорь. Здесь я ждал моего начальника и весь флот целых восемь дней, но они не пришли, чем мы были очень расстроены. Люди, оставшиеся со мной на корабле, были в таком страхе, что я не был в состоянии успокоить их.

Проведя таким образом 8 дней, мы заметили идущий по

морю корабль, и, боясь, что люди могли нас не увидеть, мы снялись с якоря и направили к нему наше судно, думая, что он везет нам наш бот и команду. И когда мы прошли рядом с ним, то после приветствия они рассказали нам, каким образом корабль адмирала пошел ко дну, и как была спасена команда, и что мой бот и команда остались с эскадрой, которая пошла дальше в море.

Это было для нас весьма великим огорчением, как ваше высочество может себе представить, поскольку мы находились на расстоянии тысячи лигов от Лиссабона, в океане и с небольшим экипажем.

Тем не менее мы повернули нос корабля и пошли вперед. Мы вернулись на остров и с помощью лодки с сопутствующего корабля запаслись водой и строевым лесом. Мы нашли этот остров необитаемым. На нем было много источников со свежей и приятной водой и многочисленные деревья. Он был полон бесчисленным множеством морских и сухопутных птиц. Они были такими ручными, что позволяли брать себя в руки. Мы так много их взяли, что нагрузили лодку этими существами.

Мы не видели никаких других животных, кроме больших крыс, и ящериц с раздвоенными хвостами, и некоторых змей. Запасшись продовольствием, мы отправились с попутным юго-юго-западным ветром, поскольку имели приказ короля, предписывающий нам, что, если какой-либо корабль отстанет от эскадры или от своего командующего, он должен идти к земле, которую мы открыли в предыдущем путешествии, – в гавань, которую мы назвали Badia di luctie sancti.[34]

Богу было угодно дать такую хорошую погоду, что через 17 дней мы достигли земли, находившейся на расстоянии целых 300 лигов от острова. Там мы не нашли ни адмирала, ни какого-либо другого корабля эскадры. В этой гавани мы ожидали два месяца и четыре дня и, видя, что никто не прибывает, решили, мой спутник и я, идти вдоль берега. Мы шли под парусами 260 лигов, пока не прибыли в гавань, где решили построить крепость, и сделали так. Мы оставили в ней 24 человека, которых мой спутник имел для нас. Он подобрал их с затонувшего флагманского корабля.

В этом порту мы оставались пять месяцев, воздвигая укрепление и нагружая наши корабли красильным деревом, поскольку не могли двигаться дальше, так как у нас не было достаточно людей и корабельного снаряжения. Когда все было сделано, мы решили повернуть наш курс в Португалию, лежавшую в направлении ветра между северо-востоком и севером. Мы оставили 24 человека в крепости с запасом продовольствия на шесть месяцев, двенадцатью большими

бомбардами и многим другим оружием. Мы замирили весь народ этой земли, о котором не упоминалось в этом путешествии не потому, что мы не видели их и не общались с их бесчисленным множеством. Мы прошли, 30 человек, в глубь этой земли на 40 лигов. Я видел так много вещей, что избегаю говорить о них, оставляя их для моего «Четвертого дня». Эта земля лежит в 18 градусах южнее равноденственной линии и в 37 градусах к западу от долготы Лиссабона, как показывают наши инструменты.

Когда все было сделано, мы покинули наших людей и землю и начали плавание на северо-северо-восток, то есть в направлении ветра между севером и северо-востоком, с намерением проделать наше путешествие прямым курсом к городу Лиссабону. Через 77 дней после тяжелых трудов и опасностей мы вошли в эту гавань в 18-й день июня 1504 года. Хвала Господу!

Мы были встречены очень хорошо, превыше всяких ожиданий. Весь город считал, что мы погибли, поскольку другие корабли эскадры погибли из-за высокомерия и безрассудства нашего адмирала. Так Господь воздал за гордыню! Сейчас я нахожусь в Лиссабоне и не знаю, что король захочет сделать со мной. Сам я очень хочу покоя.

Податель настоящего письма Бенвенуто ди Доменико Бенвенути расскажет Вашему Высочеству о моем состоянии и о некоторых вещах, которые, чтобы избежать многословия, остались неупомянутыми, поскольку он видел и перенес их.[35] Будь Господь… Я писал так кратко, как только мог. О многих вещах, относящихся к естественной истории этих стран[36], не было рассказано, чтобы избежать многословия. Пусть ваше высочество простит меня. Я умоляю его держать меня в числе своих слуг. Поручаю вашему попечению синьора Антонио Веспуччи и всю мою семью. Молю Бога, чтобы он удлинил дни вашей жизни и чтобы состояние этой величественной республики и честь вашего высочества были бы еще более вознесены. Дано в Лиссабоне в четвертый день сентября 1504 года. Ваш слуга Америго Веспуччи в Лиссабоне.

Стефан Цвейг
АМЕРИГО
Повесть об одной исторической ошибке

В честь кого Америка названа Америкой? На этот вопрос каждый школьник ответит быстро и не задумываясь: в честь Америго Веспуччи.

Но уже второй вопрос вызовет сомнение и колебания даже у взрослых: почему, собственно, эту часть света окрестили именем Америго Веспуччи? Потому, что Америку открыл Веспуччи? Он никогда ее не открывал! Или, быть может, потому, что он первым ступил уже не на прибрежные острова, а на самый материк? Нет! Первыми ступили на материк Колумб и Себастьян Кабот. Тогда, может быть, потому, что Веспуччи ложно утверждал, будто он высадился здесь первым? Веспуччи никогда и нигде не заявлял о своем праве первооткрывателя. Но, возможно, он как ученый и картограф предложил назвать эту землю своим именем просто из честолюбия? Нет, он никогда этого не делал и, вероятно, пока был жив, даже не подозревал, что эта новая земля названа его именем. Почему же как раз ему, который ничего не совершил, выпала такая честь, почему увековечено его имя? Почему Америка называется не Колумбией, а Америкой?

Это произошло из-за сумбурного переплетения случайностей, заблуждений и недоразумений, это история человека, который на основании никогда не совершенного путешествия – причем он сам никогда и не утверждал, что совершил его, – стяжал столь безмерную славу, что его имя стало наименованием четвертой части света. Вот уже четыре столетия название это удивляет и злит весь мир. И каждый раз Америго Веспуччи вновь обвиняют в том, что он вероломно добился подобной чести путем грязных и темных махинаций; каждый раз все новые научные инстанции рассматривают дело по обвинению Америго Веспуччи в «обмане, построенном на вымышленных или искаженных фактах». Одни оправдали Веспуччи, другие приговорили его к вечному позору, и чем неоспоримее защитники Веспуччи доказывают его невиновность, тем более страстно противники уличают его во лжи, подлогах и краже.

Ныне эти споры со всеми их гипотезами, доказательствами и опровержениями составляют целую библиотеку; некоторые считают крестного отца Америки amplificator mundi[37]. одним из великих людей, раздвинувших границы Земли, первооткрывателем, мореходом и большим ученым, а другие –

самым отъявленным мошенником и лгуном, какого только знала история географии.

На чьей стороне правда или, выразимся осторожнее, наибольшая вероятность правды?

В наши дни дело Веспуччи давно уже перестало быть вопросом, интересующим узких специалистов-географов, или проблемой филологии. Это задача на сообразительность, игра, в которой каждый любопытствующий может испытать свои силы; к тому же условия игры легко понять: в ней мало фигур, потому что весь известный нам литературный труд Веспуччи, включая все документы, занимает в целом не более сорока-пятидесяти страниц. Поэтому и я счел возможным еще раз расставить фигуры и вновь, ход заходом, разыграть эту знаменитую шахматную партию истории со всеми ее ошеломляющими и ошибочными построениями.

Портрет Америго Веспуччи
Гравюра XVI в.

Единственное требование географического характера, которое моя работа предъявляет читателю, – это забыть все, что он знает о географии из наших больших атласов, и целиком выключить из своего сознания всякое представление о форме, образе, даже о самом существовании Америки. Лишь тот, кто в состоянии вполне представить себе мрак и сомнения той эпохи,

сможет понять изумление и энтузиазм, охватившие целое поколение, когда в безбрежном дотоле пространстве начали обрисовываться первые контуры неведомой земли. Но если человечество обнаруживает нечто Новое, оно желает дать ему имя. И когда человечество испытывает восхищение, оно стремится выразить его в ликующем возгласе. Это был счастливый день – ветер случайности неожиданно принес новое имя; и человечество, не спрашивая, справедливо то или нет, в нетерпении приняло звонкое, легкокрылое слово и приветствовало новый мир новым и навечно данным ему именем «Америка».

Историческая обстановка

Anno[38] 1000. Тяжелый, гнетущий сон сковал Западный мир. Глаза слишком устали, чтобы зорко смотреть вокруг, чувства слишком притуплены, чтобы проявлять любопытство. Дух человечества парализован, как после смертельно опасной болезни, человечество больше ничего не желает знать о мире, который оно населяет. И самое удивительное: все, что люди знали ранее, непонятным образом ими забыто. Разучились читать, писать, считать; даже короли и императоры Запада не в состоянии поставить свою подпись на пергаменте. Науки закостенели, стали мумиями богословия, рука смертного больше не способна изобразить в рисунке и изваять собственное тело. Непроницаемый туман затянул все горизонты. Никто больше не путешествует, никто ничего не знает о чужих краях; люди укрываются в замках и городах от диких племен, которые то и дело вторгаются с Востока. Живут в тесноте, живут в темноте, живут без дерзаний – тяжелый, гнетущий сон сковал Западный мир.

Иногда в этой тяжелой, гнетущей дремоте блеснет смутно воспоминание о том, что весь мир когда-то был другим – шире, красочнее, светлее, окрыленнее, был полон событий и приключений. Разве все эти страны не были прорезаны дорогами, разве не проходили по ним римские легионы, за которыми следовали ликторы, стражи порядка, мужи закона? Разве не существовал когда-то человек по имени Цезарь, завоевавший и Египет, и Британию, разве не пересекали триремы Средиземное море, достигая тех стран, куда уже давно из страха перед пиратами не отваживается плыть ни один корабль? Разве не добрался однажды некий царь Александр до Индии – этой легендарной страны – и не возвратился через Персию? Разве не было в прошлом мудрецов, умевших читать по звездам, мудрецов,

которые знали, какую форму имеет Земля, и владели тайной человечества? Об этом следовало бы прочесть в книгах. Но книг нет. Нужно было бы попутешествовать, повидать чужие края. Но дорог нет. Все миновало. Может быть, все и было только сном.

Да и к чему стараться? К чему еще раз напрягать силы, когда все идет к концу? Возвещено, что в году 1000 наступит конец света. Бог наказал человечество за то, что оно слишком много грешило, проповедуют священники с амвонов, и первый день нового тысячелетия будет днем Страшного суда. Обезумевшие люди в разодранных одеждах, с горящими свечами в руках стекаются в огромные процессии. Крестьяне покидают поля, богатые продают и расточают свое имущество. Ведь завтра появятся они – всадники Апокалипсиса на своих бледных конях; день Страшного суда близится. Тысячи и тысячи верующих, преклонив колена, проводят эту последнюю ночь в церквах – они ждут, что их поглотит вечная тьма.

Anno 1100 Нет, мир не погиб Бог снова смилостивился над человечеством. Оно может существовать и далее, чтобы свидетельствовать о Божьем милосердии и величии. Надо благодарить Бога за его милость. Надо, чтобы эта благодарность возносилась к небесам, как молитвенно воздетые руки. И вот вырастают соборы и храмы, эти каменные опоры молитвы. Надо доказать свою любовь к Христу, воплощению Божьего милосердия. Можно ли долее терпеть, чтобы место его земных страданий и Гроб Господень оставались в нечестивых руках язычников? Вставайте, рыцари Запада, вставайте, верующие, – все на Восток! Разве вы не слышали зова: «Так велит Господь!» Выходите из замков, деревень, городов! Вперед, вперед! В крестовый поход через моря и земли.

Anno 1200. Святой Гроб Господень отвоеван и вновь потерян. Напрасным был крестовый поход, и все же не совсем напрасным. Потому что в этом походе Европа пробудилась. Она ощутила собственные силы, она измерила свое мужество, она вновь поняла, как много нового и не ведомого ей существует в просторах Божьего мира; иные края, иные плоды, иные ткани, и люди, и звери, и нравы под иными небесами.

Изумленные, пристыженные рыцари, их крестьяне и слуги, побывав на Востоке, увидели, как тесно, как душно живут они сами в своем западном захолустье и как богато, как утонченно, как пышно живут сарацины. У этих язычников, которых жители Запада презирали из своего далека, есть блестящие, мягкие, легкие ткани из индийского шелка и пушистые, сверкающие всеми красками бухарские ковры; у них есть пряности, и коренья, и благовония, которые возбуждают и окрыляют чувства; их

корабли достигают отдаленнейших стран и привозят оттуда рабов, и жемчуг, и драгоценные руды; их караваны бредут по нескончаемым дорогам.

Их не назовешь грубыми неучами, этих людей Востока, – говорят, что они постигли тайну Земли; у них есть карты и таблицы, где все записано и обозначено; у них есть мудрецы, которым ведомы пути небесных светил и законы их движения. Люди эти завоевали земли и моря, присвоили себе все богатства, всю торговлю, все наслаждения жизни, а ведь как воины они не лучше немецких и французских рыцарей.

Как же они добились этого? Они учились. У них есть школы, а в школах – рукописи, в которых повествуется обо всем и все объяснено; они постигли мудрость древних ученых Запада и приумножили ее новыми познаниями. Значит, чтобы завоевать мир, надо учиться. Не растрачивать свои силы в турнирах и беспутных кутежах, а отточить свой ум, сделать его гибким и быстрым, как толедский клинок. Итак, надо учиться, наблюдать, изучать, размышлять! В нетерпеливом соперничестве один за другим открываются университеты – в Сиене и Саламанке, в Оксфорде и Тулузе, каждая страна в Европе хочет быть первой в овладении наукой; после столетий равнодушия человек Запада снова пытается проникнуть в тайны Земли, неба и человечества.

1300. Европа сорвала богословский капюшон, который заслонял от нее мир. Нет никакого смысла вечно размышлять о Боге, нет смысла в том, чтобы вновь и вновь схоластически истолковывать и обсуждать старые тексты. Бог – творец всего и, создав человека по образу и подобию своему, хочет, чтобы человек был существом творческим. Во всех искусствах, во всех науках еще живы образцы, оставленные в наследство греками и римлянами; может быть, удастся сравняться с ними и снова научиться тому, что некогда умели древние, может быть, даже превзойти древних. И Запад снова охвачен дерзанием. Вновь начинают слагать стихи, рисовать, философствовать. Появились и Данте, и Джотто, и Роджер Бэкон, и зодчие, воздвигающие храмы. Едва взмахнув крыльями, давно отвыкшими от полета, освобожденный дух человека уносится в беспредельные дали.

Но почему земля по-прежнему так тесна? Почему земной географический простор так ограничен? Со всех сторон море, и море, и море, омывающее все берега, неизвестное, неприступное, – этот необозримый океан, «Ultra nemo scit quid contineatur»[39], о котором никто не знает, что он таит. Единственный путь в сказочные страны Индии ведет на юг, через Египет, но путь этот закрыли язычники. А за столпы Геркулеса, через Гибралтарский пролив, никто из смертных пройти не смеет.

Вечно будет этот пролив, по словам Данте, пределом всех исканий:

> …quella foce stretta
> Ov'Ercole seġo li suoi riguardi
> Acciocce l'uom piu oltre non si metta.[40]

Увы, нет никакого пути туда, в «mare tenebrosum»[41], ни один корабль, устремивший свой бег в эту таинственную пустыню, не возвратится из нее. Человек принужден жить в не ведомом ему пространстве; он замкнут в мире, пределы и облик которого ему, пожалуй, никогда не познать.

1298. Два старых, бородатых человека, сопровождаемые юношей, вероятно, сыном одного из них, сошли с корабля в Венеции. На них странная одежда, какой никогда еще не видывали на Риальто, – длинные камзолы из толстого сукна, отороченные мехом, редкостные украшения. Но еще удивительнее: эти трое чужеземцев говорят на чистейшем венецианском наречии и утверждают, что они венецианцы; зовут их Поло, младшего же – Марко Поло.

Конечно, нельзя верить тому, что они рассказывают. Свыше двух десятилетий назад они якобы уехали из Венеции и через Московские владения, через Армению и Туркестан доехали до Манги – до Китая, где жили при дворе могущественного из властителей мира – Кублахана. Они якобы прошли через все его огромное государство, по сравнению с которым Италия – словно цветок гвоздики рядом с деревом. Они дошли до края света, где снова увидели океан. И когда великий хан после долгих лет службы, богато одарив венецианцев, отпустил их домой, они отправились по этому океану на родину, прошли сперва мимо Зипангу и «Островов пряностей», затем мимо большого острова Тапробан (Цейлон), проплыли вдоль побережья Персидского залива и через Трапезунд благополучно вернулись в Венецию.

Венецианцы слушают и смеются. Презабавно врут все трое! Еще ни об одном христианине нельзя было с уверенностью сказать, что он достиг океана на другом конце Земли и побывал на островах Зипангу и Тапробан! Невероятно! Но братья Поло приглашают в свой дом гостей и показывают им подарки и драгоценные каменья; и те, кто раньше так необдуманно сомневался, с изумлением убеждаются, что их соотечественники совершили самое смелое открытие своего времени. Шумная слава братьев Поло разносится по всему Западу. Она вновь окрыляет надежду: значит, можно все-таки добраться до Индии. Можно достичь этих богатейших областей Земли и оттуда стремиться

дальше, на другой конец света.

1400. Добраться до Индии – это стало мечтой столетия. И мечтой всей жизни одного человека – принца Энрике Португальского, известного в истории под именем Генриха Мореплавателя, хоть сам он никогда не бывал в дальних океанских плаваниях. Но вся жизнь Энрике подчинена этой единственной мечте – passar a donde nascen las especerias – достичь индийских островов, достичь Молукков, где растут драгоценные пряности: корица, и перец, и имбирь, что ценятся итальянскими и фландрскими купцами на вес золота.

Но оттоманы заперли Красное море – этот ближайший путь, – не пропуская «руми» – неверных, и захватили монополию на доходную торговлю. Разве не было бы выгодным и вместе с тем христианским, крестоносным делом нанести врагам Запада удар в спину? Нельзя ли объехать Африку, чтобы добраться до «Островов пряностей»? Ведь в старых книгах содержатся любопытные сведения о финикийском корабле, который сотни лет назад, выйдя из Красного моря, обогнул Африку и после двухгодичного плавания вернулся в Карфаген, на родину. Не удастся ли это еще раз?

Принц Энрике собирает вокруг себя ученых. В самой западной точке Португалии, на мысе Сагриш, там, где у скалистых берегов пенится прибоем беспредельный Атлантический океан, Энрике построил дом и собирает у себя географические карты и различные сведения по навигации; он призвал к себе астрономов и кормчих. Старые ученые утверждают, что морской путь через экватор невозможен. Они ссылаются на мудрецов древности, на Аристотеля и Страбона, на Птолемея. Вблизи экватора, уверяют они, море сгущается, становится mare pigrum[42], и корабли могут сгореть в отвесных солнечных лучах. Никто не в состоянии жить в тех местах, там не растут ни деревья, ни травы; мореплавателям суждено погибнуть от жары в море и от голода на суше.

Но есть и другие ученые – еврейские и арабские, – они возражают. Надо бы отважиться. Эти небылицы распускают мавританские купцы, чтобы запугать христиан. Великий географ Идриси уже давно установил, что на юге лежит плодоносная земля Билад Гана (Гвинея), откуда караваны мавров, пересекая пустыню, привозят черных рабов. Ученые утверждают, что видели карты, арабские карты, на которых был обозначен путь вокруг Африки. Теперь, когда новые приборы позволяют определять широту, а завезенная из Китая магнитная игла указывает направление к полюсу, можно попытаться пройти вдоль побережья. Можно отважиться, если построить корабли покрупнее

и понадежнее. Принц Энрике отдает приказ. И великое дерзание начинается.

1450. Началось великое дерзание, бессмертный португальский подвиг. В 1419 году открыта, или, вернее, открыта вновь, Мадейра, а в 1435-м находят давно разыскиваемые «Insulae Fortunatae» – «Счастливые острова» древних. Почти каждый год приносит новые успехи. Обогнули мыс Верду – Зеленый Мыс, в 1445-м достигли Сенегала, и посмотрите-ка – всюду пальмы, и плоды, и люди. Теперь новое время уже знает больше, чем мудрецы древности, и Нунью Триштан может торжествующе сообщить, что он в своем плавании «с дозволения его милости Птолемея» открыл плодородный край там, где великий грек начисто отвергал всякую возможность жизни.

Впервые за тысячелетие мореплаватель осмеливается с насмешкой говорить о всеведущем мудреце-географе. Новые герои превосходят один другого – Дьогу Кам и Диниш Диаш, Кадамосто и Нунью Триштан, каждый из них высаживается на дотоле неприступном берегу и водружает горделивый мемориальный камень с португальским крестом в знак присоединения этой земли к Португалии. Мир с изумлением следит за успехами маленького народа, продвигающегося в неведомых просторах, – народа, который собственными силами совершает то, «чего никто еще не совершал» – «feito nunca feito».

1486. Победа! Обогнули Африку! Бартоломеу Диаш обошел мыс Торментозо (мыс Доброй Надежды) Дальше путь лежит не на юг. Теперь необходимо править только на восток, через океан, с попутным муссоном, в направлении, уже известном по картам, которые привезли португальскому королю два еврея, посланных им к христианскому царю Абиссинии, пресвитеру Иоанну, и тогда можно достигнуть Индии. Но команда Бартоломеу Диаша изнурена и лишает его возможности совершить подвиг, который впоследствии прославит Васко да Гама. На сей раз довольно! Путь найден. Никому больше не опередить Португалию!

1492. И все же Португалию опередили! Произошло нечто невероятное. Некий Колон, или Колом, или Коломбо, «Christophorus quidam Colonus vir Ligurus»[43], как сообщает Петр Мартир, по другому же сообщению, «совершенно неизвестный человек» – «und persona qui ninguna persona conoscia» – отправился под испанским флагом в открытый океан – на запад, вместо того чтобы идти восточным путем вокруг Африки, и – чудо из чудес! – «этим кратчайшим путем» – «brevissimo cammino» – достиг, по его свидетельству, Индии. Правда, ему не довелось повидать Кублахана, о котором рассказывал Марко Поло, но, по его словам, он дошел сперва до острова Зипангу (Япония), а затем высадился

в Манги (Китай). Еще несколько дней плавания – и он достиг бы Ганга.

Европа удивлена: Колумб вернулся с диковинными краснокожими индейцами, попугаями, редкостными животными и с бесконечными рассказами о золоте. Странно, странно: значит, земной шар все же меньше, чем думали, значит, Тосканелли говорил правду. Из Испании и Португалии надо плыть на запад всего лишь три недели, чтобы достичь Китая или Японии, а там до «Островов пряностей» рукой подать; значит, просто глупо странствовать по полугоду вокруг Африки, как это делают португальцы, раз Индия со всеми ее сокровищами лежит так близко от Испании. И вот Испания прежде всего обеспечивает себя папской буллой, которая закрепляет за ней не только путь на запад, но и все открытые на этом пути земли.

1493. Колумб – теперь уже не «некто» – «quidam», – он великий адмирал ее королевского величества и вице-король вновь открытых провинций. Колумб вторично отправляется в Индию. Он везет с собой письма королевы Испании великому хану, которого на сей раз твердо надеется застать в Китае; его сопровождают тысяча пятьсот человек – воины, матросы, поселенцы и даже музыканты, «чтобы развлекать туземцев». Он везет с собой окованные железом сундуки для золота и драгоценных камней, которые собирается привезти домой из Зипангу и Каликута.

1497. Другой мореплаватель, Себастьян Кабот, отправился через океан от берегов Англии. И удивительно, он тоже достиг материка. Неужели это древний «Винланд», который знали викинги? Или Китай? Во всяком случае, чудесно, что океан, что «mare tenebrosum», покорен и вынужден теперь раскрывать отважным свои тайны одну за другой.

1499.Торжество в Португалии, сенсация в Европе! Васко да Гама возвратился из Индии, обогнув опасный мыс Доброй Надежды. Он выбрал другой путь, более далекий и трудный, но высадился на берег около Каликута, посетил сказочно богатых «заморинов» и – не в пример Колумбу, побывавшему только на мелких островах и в наиболее уединенных местах материка, – видел самое сердце Индии и ее сокровищницы. И вот уже снаряжают другую экспедицию, ее возглавит Кабрал. Испания и Португалия соперничают, кто раньше окажется в Индии.

1500.Новое событие. Кабрал на своем пути вокруг Африки слишком далеко отклонился на запад и снова столкнулся с материком на юге, так же как Кабот на севере. Что же это – Антилия, легендарный остров старых карт? Или это опять Индия?

1502. Происходит столько событий, что их не обозреть и не

постичь; за десять лет открыто больше, чем за тысячелетие. Один за другим корабли выходят из гаваней, и каждый привозит домой новые вести. Словно прорвали вдруг заколдованную пелену, всюду – на севере, на юге – открываются земли. Каждый корабль, плывущий на запад, находит новый остров. В календаре со всеми его святыми уже не хватает имен, чтобы дать названия всем открытиям. Тысячи таких островов, по уверению адмирала Колумба, открыл он сам, своими глазами видел реки, берущие начало в раю.

Но странно, странно! Почему же все эти острова, все эти диковинные страны индийского побережья были не ведомы ни древним, ни арабам? Почему об этих странах не упоминает Марко Поло, а то, что он сообщает о Зипангу и Зайтуне, совсем непохоже на то, что видел адмирал? Все так сумбурно, так противоречиво, все полно тайны – и, право, не знаешь, чему верить об этих островах на западе. Неужели и впрямь уже объехали вокруг света, неужели Колумб действительно был так близок от Ганга, как он уверяет, и мог бы, продолжая путь на запад, встретиться с Васко да Гама, если бы тот шел на восток?

Земной шар! Меньше он или больше, чем считали раньше?.. Благодаря немецким печатникам книги теперь так легко достать. Хоть бы кто-нибудь объяснил все эти чудеса! С нетерпением ждут ученые, мореплаватели, купцы, князья, ждет вся Европа. Человечество хочет, наконец, после этих всех открытий знать, что же оно открыло. Решающее деяние века – это чувствует каждый – совершено, но люди еще не понимают его смысла и значения.

За тридцать две страницы – бессмертие

1503. В самых различных городах – в Париже, во Флоренции, неизвестно где раньше, но почти повсюду одновременно – замелькало пять-шесть отпечатанных листов, озаглавленных: «Mundus Novus».[44] Автором этого трактата, написанного по-латыни, называют некоего Альберика Веспуция, или Веспутия, который в форме письма к Лаврентию Петру Франциску Медичи сообщает об одном путешествии, предпринятом им по поручению короля Португалии в дотоле неизвестные страны.

Такие письменные сообщения о новых открытиях были в те времена нередки. Все крупные торговые дома Германии, Голландии, Италии – Вельзеры, Фуггеры, Медичи – и, кроме того, Синьория Венеции имеют своих корреспондентов в Лиссабоне и Севилье, которые в целях деловой информации шлют сведения о каждой успешной экспедиции в Индию. Письма этих торговых агентов, сообщающих, по сути, о коммерческих тайнах, весьма

ценятся, и копии этих писем, так же как и карты-портуланы вновь открытых берегов, считаются дорогим товаром. Иной раз одна из таких копий попадает в руки предприимчивого книгоиздателя, и он ее немедленно размножает. Эти листы, заменявшие широкой публике еще не известные в те времена газеты, сообщают интересные новости. Их продают на ярмарках так же, как медицинские рецепты и индульгенции. Друг вкладывает эти листы в письмо или посылку к другу, и, таким образом, то, что первоначально было частным письмом маклера к своему шефу, становится достоянием гласности, как напечатанная книга.

Из всех листов того времени, начиная с первого письма Колумба от 1493 года, в котором он сообщал о своем прибытии на острова «близ Ганга», ни один не вызвал такого всеобщего интереса, таких серьезных последствий, как несколько листов дотоле совершенно не известного Альберика. Уже сам текст содержал нечто из ряда вон выходящее. Письмо это было переведено ex italica in latinam linguam, то есть с итальянского на латинский язык, «дабы все образованные люди знали, сколько замечательных открытий совершено в эти дни» (quam multa miranda in dies reperiantur), сколько неизвестных миров обнаружено и чем они богаты (quanto a tanto tempore quo mundus cepit ignota sit vastitas terrae et quodcontineturinea).

Уже одно это крикливое, зазывающее заглавие служит лакомой приманкой для всех жадно ожидающих новостей. Маленькую книжонку бойко раскупают. Ее многократно перепечатывают в самых отдаленных городах, переводят на немецкий, голландский, французский, итальянский языки и сразу же включают в сборники отчетов о путешествиях, которые выходят теперь на всех языках; она становится межевым и даже, пожалуй, краеугольным камнем новой географии, о которой мир еще ничего не знает.

Большой успех маленькой книжонки совершенно понятен. Ведь неизвестный Веспутий, единственный из всех этих мореплавателей, умеет так хорошо и увлекательно рассказывать. Обычно на кораблях искателей приключений собираются неграмотные морские бродяги, солдаты и матросы, не умеющие даже поставить собственной подписи, и только изредка попадается «эскривано» – сухой юрист-грамотей, равнодушно нанизывающий факты, или кормчий, отмечающий градусы широты и долготы. Поэтому большинство людей на рубеже XV – XVI веков еще ничего не знает о том, что же, собственно говоря, скрыто в этих далеких краях.

Но вот появляется заслуживающий доверия и даже ученый человек, который не преувеличивает, не сочиняет, а честно

рассказывает, как 14 мая 1501 года по поручению португальского короля он прошел океан и два месяца и два дня находился под небом, таким черным и грозовым, что не было видно ни солнца, ни луны. Он дает возможность читателю живо представить себе все ужасы и страхи, описывая, как он и его спутники потеряли всякую надежду благополучно достичь берега на своих дырявых, источенных червями кораблях, но благодаря его опыту космографа 7 августа 1501 года – в других сообщениях приводится другая дата, однако к таким неточностям у этого ученого человека надо привыкнуть – они наконец увидели землю, и что это была за благословенная земля!

Тяжкий труд местным жителям неведом. Деревья не требуют ухода и приносят обильные плоды; реки и источники полны прозрачной, вкусной воды; море богато рыбой; исключительно плодородная земля родит сочные и совершенно неизвестные фрукты; прохладные бризы овевают эту щедрую землю, а густые леса делают приятными даже самые знойные дни. Здесь водятся тысячи разных животных и птиц, о существовании которых Птолемей не имел и понятия.

Люди живут в первобытной невинности; у них красноватый цвет кожи, потому что, объясняет путешественник, они с рождения и до самой смерти ходят нагими и загорели на солнце; у них нет ни одежды, ни украшений, ни вообще какого-либо имущества. Всем, что у них есть, они владеют сообща; также и женщинами, о доступности и страстности которых ученый господин рассказывает довольно пикантные анекдоты. Стыд и законы морали совершенно чужды этим детям природы; отец спит с дочерью, брат – с сестрой, сын – с матерью; никаких эдиповых комплексов, никаких стеснений, и все же эти люди могут дожить до ста пятидесяти лет, если – единственная их неблаговидная особенность – не будут по-каннибальски съедены. Короче говоря, «ежели где-либо существует земной рай, то, видимо, недалеко отсюда».

Прежде чем распроститься с Бразилией, ибо это и есть описываемый им рай, Веспутий подробно рассказывает о красоте звезд, которые в иных образах и в иных созвездиях светят на этом благословенном южном небе, и обещает позже сообщить в книге еще многое как о данном, так и о других своих путешествиях, «дабы память о нем дошла до потомков» (ut mei recordatio apud posteros vivat), «дабы и в этой доселе неизвестной части созданной Богом земли познать дивные деянья Господни».

Можно понять интерес, вызванный у современников таким живым и красочным рассказом. Потому что он не только возбуждал и одновременно удовлетворял любопытство,

вызываемое этими незнакомыми землями, но одной своей фразой о том, что «земной рай, ежели он где-либо существует, то, видимо, недалеко отсюда», этот Веспутий невольно коснулся самой сокровенной надежды своей эпохи. Уже давно отцы церкви, особенно греческие богословы, выдвинули тезис, что Бог после грехопадения Адама отнюдь не разрушил рая. Он только перенес его на «противоположную землю», в недостижимое для людей пространство. Эта «противоположная земля», согласно богословской мифологии, должна находиться за океаном, то есть за пределами, недоступными для смертных. Но теперь, когда благодаря отваге первооткрывателей пересечен этот доселе непреодолимый океан и достигнуто полушарие, над которым светят иные звезды, теперь, быть может, осуществится наконец давнишняя мечта человечества и рай будет обретен снова?

Естественно, что описание безгрешного мира, который видел Веспутий, так удивительно совпадающее с представлением о мире до грехопадения, волнует людей того времени, живущих, подобно нам, под вечной угрозой катастроф. В Германии начинают объединяться крестьяне, не желающие больше терпеть барщину, в Испании свирепствует инквизиция и не оставляет в покое даже самых благонамеренных, в Италии и во Франции бушуют войны. Тысячи и сотни тысяч людей, устав от ежедневных тягот, из одного отвращения к этому мятущемуся миру бегут в монастыри; нигде нет покоя, отдыха, нет мира для «простого человека», который не ищет ничего другого, кроме неприметного, ничем не тревожимого существования.

Но вот внезапно из города в город перелетают несколько узких листков бумаги и приносят весть о том, что надежный человек – не мошенник, не проходимец, не лгун, а ученый, посланный португальским королем, – открыл где-то далеко, за пределами досягаемости, новую страну, в которой еще можно обрести мир для людей. Страну, где жизнь человека не омрачена борьбой за деньги, за собственность, за власть. Страну, где нет ни князей, ни королей, ни кровососов-крепостников, страну, где не надо работать до кровавых мозолей, чтобы добыть хлеб насущный, где земля щедра и кормит людей, где человек человеку не извечный враг. Эту древнюю религиозную мессианскую надежду разжег своим рассказом какой-то неизвестный Веспутий, он затронул одно из самых глубоких стремлений человечества – мечту об освобождении от власти традиций, денег, законов и собственности, извечную, неутолимую жажду к не отягощенной трудом и ответственностью жизни, мечту, которая брезжит в каждой человеческой душе, подобно смутному воспоминанию о рае.

Именно это обстоятельство, видимо, придало нескольким плохо отпечатанным листкам такую значительность и действенность, что они во много раз превзошли все другие сообщения, в том числе и донесения Колумба; но и слава, и всемирно-историческая роль этих маленьких листков основаны не на их содержании, не на воодушевлении, вызванном ими у современников. Главным событием, как ни странно, было даже не само письмо, а его заголовок, два слова, четыре слога «Mundus Novus», которые произвели ни с чем не сравнимую революцию в представлении человека о Земле.

До этого часа Европа считала самым крупным географическим событием эпохи то, что Индии, страны сокровищ и пряностей, достигли в течение одного десятилетия, следуя двумя различными маршрутами: Васко да Гама – двигаясь на восток, вокруг Африки, и Христофор Колумб – двигаясь на запад, через никем дотоле не пересеченный океан. В Европе с изумлением рассматривали сокровища, которые Васко да Гама привез домой из дворцов Каликута, с любопытством слушали рассказы о многочисленных островах, открытых великим адмиралом испанской королевы Христофором Колумбом у побережья, которое он считал побережьем Китая. Значит, Колумб, судя по его восторженному сообщению, тоже побывал в стране великого хана, описанной Марко Поло; теперь, казалось, обошли вокруг света и с двух сторон добрались до Индии, которая была недостижима в течение тысячелетия.

Но вот появляется другой мореплаватель, какой-то удивительный Альберик, и сообщает нечто еще более поразительное. Оказывается, земля, которой он достиг по пути на запад, вовсе не Индия, а совершенно неизвестная страна между Азией и Европой и, следовательно, новая часть света. Веспутий так и пишет, что области, открытые им по поручению португальского короля, можно с уверенностью назвать Новым Светом, «Novum Mundum appellate licet» – и подробно обосновывает свое мнение:

«Никто из наших предков не имел ни малейшего понятия о странах, которые мы видели, и о том, что в них находится; наши знания далеко превзошли знания предков. Большинство из них полагало, что южнее экватора нет материка, а только беспредельный океан, который они называли Атлантическим; и даже те, кто считал возможным наличие здесь материка, по разным причинам придерживались мнения, что он не может быть обитаем. Теперь мое плавание доказало, что такой взгляд неверен

и резко противоречит действительности, ибо южнее экватора я обнаружил материк, где некоторые долины гораздо гуще населены людьми и животными, нежели в нашей Европе, Азии и Африке, к тому же там более приятный и мягкий климат, чем в других знакомых нам частях света».

Эти скупые, но полные уверенности строки делают «Mundus Novus» памятным документом человечества; в них заключена первая Декларация о независимости Америки, написанная за двести семьдесят лет до второй. Колумб до своего смертного часа был слепо уверен в том, что, высадившись на островах Гуанаханн и Кубу, ступил на землю Индии, и этим своим заблуждением он, по существу, сузил для своих современников вселенную; и лишь Веспуччи, опровергая предположение, будто бы новый материк является Индией, и с уверенностью утверждая, что это – новый мир, дает другие, действительные и доныне масштабы вселенной.

Веспуччи снимает пелену, заслонявшую от взора великого Колумба все значение его собственного подвига, и хоть сам Веспуччи даже отдаленно не подозревал, каковы действительные размеры этого материка, он, по крайней мере, понял самостоятельное значение его южной части. В этом смысле Веспуччи действительно завершил открытие Америки, ибо каждое открытие, каждое изобретение становится ценным не только благодаря тому, кто его совершил, но еще больше благодаря тому, кто раскрыл его истинный смысл и действенную силу; если Колумбу принадлежит заслуга подвига, то Веспуччи благодаря этому его высказыванию принадлежит историческая заслуга осмысления подвига. Подобно толкователю снов, он сделал зримым то, что его предшественник открыл, блуждая во сне.

Велико радостное изумление, вызванное сообщением этого дотоле неизвестного Веспутия, оно поражает воображение людей того времени даже глубже и устойчивее, чем само открытие генуэзца. Весть о том, что найден новый путь в Индию и что можно, отправившись из Испании, достичь стран, давно описанных Марко Поло, увлекла более широкими торговыми возможностями лишь небольшой круг непосредственно заинтересованных людей: купцов и торговцев Антверпена, Аугсбурга, Венеции, которые уже усердно высчитали, по какому пути – на восток ли, как Васко да Гама, или на запад, как Колумб, – выгоднее посылать корабли за пряностями, перцем и корицей.

Парусные корабли первой половины XVI в.
Старинная гравюра

Сообщение этого Альберика о том, что среди океана найдена новая часть света, действует на воображение широких масс с непреоборимой силой. Не легендарный ли то остров древних, Атлантида? А может быть, это блаженные острова Алкионы? У людей того времени удивительно возросла уверенность в своих силах благодаря сознанию, что Земля куда более обширна и богата неожиданностями, чем предполагали даже самые мудрые мужи древности, и что именно они, их поколение, призваны раскрыть последние тайны нашей планеты. Понятно, с каким нетерпением ученые, географы, космографы, печатники, а за ними вся огромная масса читателей ждут, когда же этот никому не ведомый Альберик выполнит свое обещание и подробнее расскажет о своих исследованиях и путешествиях, которые впервые дадут человечеству правильное представление о размерах земного шара.

Нетерпеливым не пришлось долго ждать. Двумя-тремя годами позже один флорентийский печатник, предусмотрительно скрывший свое имя – впоследствии нам станет ясно, по каким причинам, – выпустил в свет тоненькую брошюрку в шестнадцать страниц на итальянском языке. Она озаглавлена: «Lettera di Amérigo Vespucci delle isole nuovamente trovate in quattro suoi viaggi» (Письмо Америго Веспуччи об островах, открытых им во время его четырех путешествий), и в конце сказано: «Data in Lisbona a di 4 septembre 1504, Servitore Amérigo Vespucci in Lisbona».[45]

Уже из заглавия мир наконец узнает побольше об этом таинственном человеке. Во-первых, его зовут Америго, а не Альберик, и Веспуччи, а не Веспутий. Из предисловия, адресованного некоему влиятельному лицу, явствуют другие

подробности жизни автора. Веспуччи сообщает, что родился во Флоренции и направился в Испанию в качестве торговца (per tractare mercantie). Четыре года занимался он торговлей и за это время убедился, что счастье изменчиво, «что свои преходящие и непрочные блага оно дарит неравномерно и возносит человека на вершину лишь для того, чтобы тут же низвергнуть его оттуда и лишить всех, так сказать, временно одолженных ему благ». Но так как он вместе с тем увидел, с какими опасностями и трудностями сопряжена охота за прибылями, то он решил отказаться от торговли и посвятить себя более высокой и благородной цели, а именно, решил посмотреть на мир и его чудеса (mi disposi d'andare a vedere parte del mondo e le sue maraviglie)[46].

Для этого представилась благоприятная возможность. Король Кастилии снарядил для открытия новой земли на западе четыре корабля, и ему, Веспуччи, разрешили ехать с этой флотилией, чтобы «содействовать открытию» (per aiutare a discoprire) Но Веспуччи сообщает не только об этом первом своем путешествии, но и о трех других (уже описанных в «Mundus Novus»). Он предпринял следующие путешествия – важна хронология:

первое – с 10 мая 1497 по 15 октября 1498 под испанским флагом;

второе – с 16 мая 1499 по 8 сентября 1500, тоже по повелению короля Кастилии;

третье («Mundus Novus») – с 10 мая 1501 по 15 октября 1502 под португальским флагом;

четвертое – с 10 мая 1503 по 18 июня 1504, тоже по заданию португальцев.[47]

Эти четыре путешествия ввели неизвестного купца в ряды великих мореходов и первооткрывателей своего времени.

Кому адресовано «Léttera», письмо о четырех путешествиях, в первом издании не указано; лишь в более поздних сообщается, что оно было послано гонфалоньеру – правителю Флоренции Пьетро Содерини, чему, однако, до сегодняшнего дня нет точного доказательства: в литературной продукции Веспуччи впоследствии обнаружится много неясностей. Впрочем, за исключением нескольких риторических упражнений в вежливости, которыми начинается письмо, его форма так же легка и увлекательна, а содержание так же многообразно, как и в «Mundus Novus».

Веспуччи не только приводит новые подробности об «эпикурейской жизни» неизвестных народов, но ярко описывает битвы, кораблекрушения, драматические столкновения с каннибалами и гигантскими змеями; сведения о многих животных и предметах обихода (например, о гамаке) впервые

вошли в историю культуры по его описаниям. Географы, астрономы, купцы находят у него ценные сведения, ученые – ряд тезисов, которые они могут обсуждать и истолковывать, не остается внакладе и широкая масса просто любопытных. В заключение Веспуччи обещает, что когда заживет на покое в своем родном городе, то закончит большой и, собственно, свой основной труд о новых частях света.

Но Веспуччи так и не приступил к этому большому сочинению или, может быть, оно до нас не дошло, так же как и его дневники. Таким образом, тридцать две страницы (из которых описание третьего путешествия представляет собой лишь вариант «Mundus Novus») – вот все литературное наследие Америго Веспуччи, крохотный и не слишком ценный багаж для дороги в бессмертие. Можно без преувеличения сказать: никогда еще человек, написавший так мало, не становился так знаменит; надо было нагромоздиться случайности на случайность, ошибке на ошибку, дабы поднять это произведение столь высоко над его эпохой, чтобы и наш век сохранил это имя, которое вместе со звездным знаменем взлетает к звездам.

Первая случайность и одновременно первая же ошибка вскоре приходят на помощь этим не имеющим особого значения тридцати двум страницам. Предприимчивый итальянский печатник еще в 1504 году правильно почуял, что время благоприятствует выпуску сборника рассказов о путешествиях. Венецианец Альбертино Верчеллезе впервые собирает в один томик все отчеты о путешествиях, попадающиеся ему на глаза. Эта «Libretto de tutta la navigazione del Ré de Spagna e terreni nuovamente trovati»[48], включающая рассказы о плаваниях Кадамосто и Васко да Гама, а также о первом плавании Колумба, находит такой хороший сбыт, что в 1507 году другой печатник решается издать в Виченце более объемистую (в 126 страниц) антологию (под редакцией Дзордзи и Монтальбодо), которая содержит описания португальских экспедиций Кадамосто, Васко да Гама, Кабрала, первых трех плаваний Колумба и «Mundus Novus» Веспуччи. Роковым образом издатель антологии не находит для нее лучшего заглавия, чем «Mondo novo e paesi nuovamente retrovati da Alberico Vesputio florentino» («Новый Свет и новые страны, открытые Альберико Веспуччи из Флоренции»).

С этого и начинается великая «Комедия ошибок». В заглавии антологии кроется опасная двусмысленность: оно позволяет думать, будто Веспуччи не только назвал Новым Светом все новые страны, но и сам все эти новые страны открыл; всякий, кто лишь

бегло взглянет на титульный лист антологии, невольно впадет в такую ошибку. И вот эта книга, многократно переиздаваемая, проходит через тысячи рук и с опасной быстротой разносит все дальше ложное сообщение, будто бы Веспуччи и есть первооткрыватель этих новых стран.

Маленькая глупая случайность, происшедшая по вине ничего не подозревающего печатника из Виченцы, поставившего на титульном листе антологии вместо имени Колумба имя Веспуччи, приносит славу также ничего не подозревающему Веспуччи, который, вовсе о ней не зная, без своего ведома и желания становится узурпатором чужого подвига.

Безусловно, одной этой ошибки было бы недостаточно для создания огромной, веками упроченной славы. Но пока это только первый акт и даже пролог к нашей «Комедии ошибок». Понадобится сцепление все новых и новых случайностей, прежде чем будет соткана паутина великого заблуждения. И странным образом именно теперь – поскольку литературный труд всей жизни Веспуччи, ограничивающийся скромными тридцатью двумя страничками, уже закончен – начинается увековечение Веспуччи, быть может, самое гротескное, какое только знает история человеческой славы. И слава эта зарождается в местечке, где Веспуччи никогда не бывал и о существовании которого купец-мореход из Севильи не имел ни малейшего представления: в городке Сен-Дье.

Новая часть света получает имя

Тот, кто никогда не слышал названия городка Сен-Дье, не должен упрекать себя в незнании географии: даже ученым понадобилось больше двухсот лет, чтобы отыскать, где же, собственно, расположен этот богоданный город «Sancti Deodati oppidum»[49], оказавший столь решающее влияние на возникновение названия Америки.

Затерянный в глубине Вогезов, входивший в состав давно исчезнувшего герцогства Лотарингии, этот городок не имел никаких заслуг, которые могли бы привлечь к нему внимание мира. Правивший в то время Рене II, так же как и его знаменитый предок «Добрый король Рене», носил, правда, титул короля Иерусалима и Сицилии и графа Прованса, однако в действительности являлся герцогом одной лишь этой маленькой части лотарингской земли, которой он честно управлял, питая любовь к наукам и искусствам.

Странным образом – история любит игру малых совпадений – именно в этом городке однажды уже вышла книга, оказавшая влияние на открытие Америки: это здесь епископ д'Айи издал свою работу «Imago mundi»[50], которая одновременно с письмом Тосканелли решительно побудила Колумба отправиться в поисках Индии на запад. До самой своей смерти адмирал всюду возил с собой как руководство эту книгу, хорошо сохранившийся экземпляр пестрит пометками, сделанными на полях его рукой. Таким образом, нельзя отрицать некой еще доколумбовской связи между Америкой и Сен-Дье. Но лишь при герцоге Рене в этом городке происходит то диковинное происшествие – или ошибка, – которой Америка навеки обязана своим наименованием.

Под покровительством Рене II и, вероятно, при его денежной поддержке в маленьком городке Сен-Дье собираются несколько гуманистов; они создают своеобразную коллегию, которая называется Gymnasium Vosgianum[51], и этот гимнасий ставит перед собой цель распространять науку путем преподавания или печатания ценных книг. В этой крошечной академии для общей работы на благо культуры объединяются светские и духовные деятели; может быть, никто и никогда не узнал бы об их ученых спорах, если бы – около 1507 года – некий печатник Готье Люд не решил установить там печатный станок и начать печатать книги.

Место было выбрано удачно, потому что в этой маленькой академии Готье Люд находит необходимых ему людей, которые могут быть редакторами, переводчиками, корректорами, художниками-иллюстраторами. К тому же недалеко и до

Страсбурга с его университетами и ценными помощниками. И так как герцог взял академию под свое покровительство, то в маленьком захолустном городке могут решиться и на более серьезное дело.

Какое же это дело? С тех пор как новые открытия год за годом расширяют познания мира, любознательность века устремлена к географии. До того времени была издана лишь одна-единственная классическая книга по географии – «Cosmographia»[52] Птолемея, чьи текст и карты в течение веков считались учеными Европы непревзойденными и непогрешимыми. С 1475 года она в латинском переводе стала доступна всем образованным людям и рассматривалась как незаменимый всеобщий Свод знаний о мире; то, что утверждал или изображал на своих картах Птолемей, считалось неоспоримым уже в силу его авторитета, его имени.

Но именно в эту последнюю четверть пятнадцатого столетия познание Вселенной расширилось больше, чем за все предыдущие столетия. И Птолемея, который в течение тысячелетий знал больше, чем все космографы и географы после него, внезапно опровергло и перегнало несколько отважных мореплавателей и искателей приключений. Тот, кто захочет теперь вновь издать книгу «Cosmographia», должен исправить ее и дополнить; ему нужно нанести на старые карты новые берега и острова, обнаруженные на западе. Опыт должен подправить традицию, а скромная поправка еще более укрепит доверие к классическому труду – если желать, чтобы Птолемей и впредь считался всемудрым, а его книга непререкаемой. До сих пор никому, кроме Готье Люда, не приходила в голову мысль вновь довести до совершенства эту уже несовершенную книгу. Ответственная и в то же время многообещающая задача, а следовательно, самая подходящая для ученого общества, собравшегося в Сен-Дье для общего дела.

Готье Люд не простой печатник, он также секретарь герцога и капеллан, образованный и к тому же богатый человек; присмотревшись к небольшому кружку, он признает, что трудно подобрать более подходящих людей. Рисованием и гравированием карт готов заняться молодой математик и географ Мартин Вальдземюллер, который в соответствии с обычаями того времени подписывает свои научные труды на греческий лад: «Хилакомил». Двадцати семи лет от роду, воспитанник университета в Брейсгау, он сочетает в себе свежесть и отвагу молодости с хорошими знаниями и незаурядными способностями к рисованию, что на десятилетия обеспечит ему превосходство над другими картографами. Здесь же находится молодой поэт

Маттиас Рингманн, назвавший себя Филезием, – весьма подходящий для того, чтобы снабжать ученое произведение поэтическими введениями и со вкусом отшлифовать латинские тексты. Нет недостатка и в хорошем переводчике: он найден в лице Жана Базена, подлинного гуманиста, владеющего не только древними, но и современными языками.

С такой ученой компанией можно уверенно приступить к пересмотру прославленного труда Птолемея. Но где найти материалы для описания вновь открытых стран? Не был ли некий Веспутий первым, кто привлек внимание к Новому Свету? Маттиас Рингманн еще в 1505 году опубликовал в Страсбурге «Mundus Novus» под заглавием: «De Ora Antarctica».[53] И он дает совет органически дополнить птолемеевский труд, приложив к нему итальянское «Léttera» в переводе на латинский язык, которое до тех пор еще не было известно в Германии.

Само по себе это было добросовестным и весьма похвальным начинанием, но честолюбие издателей сыграло с Веспуччи плохую шутку, и, таким образом, затягивается второй узел той веревки, которую потомки сплетут для ничего не подозревающего Веспуччи.

Вместо того чтобы сказать чистую правду, что они просто перевели «Léttera» – сообщение Веспуччи о его четырех путешествиях в той форме, в какой оно появилось во Флоренции, с итальянского на латынь, – гуманисты из Сен-Дье отчасти для того, чтобы придать большую значительность своим публикациям, а отчасти для того, чтобы прославить перед всем миром своего покровителя герцога Рене, придумали романтическую историю. Они постарались создать у читателя впечатление, что Америго Веспутий, первооткрыватель этих новых миров и знаменитый географ, будучи особым другом и почитателем их герцога, якобы прислал ему непосредственно в Лотарингию свое «Léttera», и, таким образом, предлагаемое издание является первой публикацией. Какая честь для их герцога! Величайший и знаменитейший ученый эпохи посылает описание своего путешествия только королю Испании и еще одному лицу, а именно – правителю этого карликового княжества.

Гвидо Антонио Веспуччи (справа), дядя Америго

Деталь фрески из Сикстинской капеллы Ватикана. Портрет работы Доменико Гирландайо. XV в.

Чтобы как-то подкрепить эту скромную мистификацию, изменяется посвящение: вместо итальянского «Magnificenza»[54] подставлено: «Illustrissimus rex Renatus»[55], а, кроме того, чтобы как можно лучше скрыть, что налицо простой перевод с итальянского подлинника, добавлено примечание: «Веспуччи-де прислал свое произведение на французском языке и лишь insignis poëta[56] Иоанн Базин (Жан Базен) перевел его ex gallico, с французского, на благородную латынь (qua pollet elegantia latina interpretavit)».

При более близком рассмотрении этот честолюбивый обман оказывается весьма прозрачным, так как «insignis poëta» работал слишком поспешно и не скрыл тех мест, которые совершенно ясно говорили об итальянском происхождении текста. Базен по оплошности позволяет Веспуччи рассказывать лотарингскому «королю Ренату» такие вещи, которые могли иметь значение только для Медичи или Содерини, например, что оба они одновременно учились у дяди Америго – Антонио Веспуччи – во Флоренции. Или Веспуччи, например, говорит о Данте как о «poëta nostro», то есть «нашем поэте», что, конечно, имеет смысл, лишь когда итальянец пишет итальянцу.

Но должны пройти столетия, прежде чем вскроется этот обман, в котором Веспуччи так же неповинен, как и во всех других. В сотнях произведений (вплоть до новейшего времени) письмо Веспуччи о его четырех путешествиях рассматривается как адресованное действительно герцогу Лотарингии; так вся слава и весь позор Веспуччи нагромождаются на фундамент, созданный одной лишь книгой, напечатанной без его ведома в глухом уголке Вогезов.

Однако обо всем, что совершилось на заднем плане и в коммерческих целях, люди того времени и не подозревали.

Книгопродавцы, ученые, князья, купцы просто обнаружили однажды, 25 апреля 1507 года, на книжном рынке небольшую книжку в пятьдесят две страницы, озаглавленную: «Cosmographiae Introductio. Cum qufbusdam geometriae ac astronomiae principiis ad earn rem necessariis. Insuper quatuor Americi Vespucii navigationes. Universalis cosmographiae descriptio tam in solido quam piano eis etiam insertis quae in Ptolemeo ignota a nuperis reperta sunt» («Введение в космографию с необходимыми для оной основами геометрии и астрономии. К сему четыре плавания Америго Веспуччи и, кроме того, описание (карта) Вселенной как на глобусе тех частей света, о которых не знал Птолемей и которые открыты в новейшее время»).

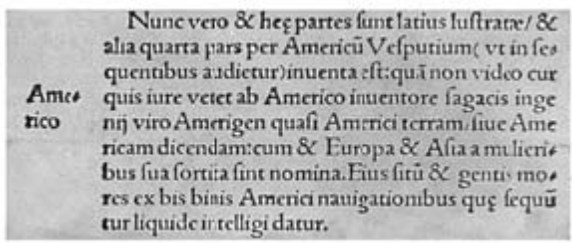
На каждого, раскрывающего эту маленькую книжонку, прежде всего низвергается тщеславие издателей, жаждущих выставить напоказ свои поэтические таланты: короткое посвящение императору Максимилиану в латинских стихах, написанное Маттиасом Рингманном, и предисловие Вальдземюллера-Хилакомила, также обращенное к императору к стопам которого он кладет эту книгу; лишь после того, как честолюбие обоих гуманистов удовлетворено, начинается научный текст Птолемея, а к нему после краткого вводного сообщения прилагается описание четырех плаваний Веспуччи.

Благодаря публикации в Сен-Дье имя Америго Веспуччи поднято еще на одну значительную ступень, но, разумеется, вершина еще не достигнута. В итальянской антологии «Paesi nuovamente retrovati»[57] имя Веспуччи на титульном листе получает довольно двусмысленное значение: он назван открывателем Нового Света, однако в тексте книги его путешествия отмечаются еще в одном ряду с путешествиями Колумба и других мореплавателей. Но в «Cosmographiae Introductio» имя Колумба уже вовсе не упоминается; возможно, это случайность, в которой повинно невежество вогезских гуманистов, но какая роковая случайность! Ибо вся честь и слава великого открытия достаются в таком случае Веспуччи, и только одному Веспуччи.

Во второй главе при описании мира, каким его знал еще Птолемей, сказано, что хотя границы этого мира были расширены и другими людьми, но человечество узнало об этом впервые лишь благодаря Америго Веспутию (nuper vero ab Americo Vesputio latius illustratiam).[58] В пятой главе Веспуччи уже определенно назван первооткрывателем этих новых областей: «Et maxima pars Terrae semper incognitae nuper ab Americo Vesputio repertae».[59] И вот в седьмой главе внезапно впервые мелькает предложение, которое примут последующие века; говоря о четвертой части

земли, «quarta orbis pars», Вальдземюллер высказывает свое личное предложение: «quam quia Americus invenit Amerigem quasi Americi terrain, sive Americam nuncupare licet» («Поскольку эту четвертую часть света нашел Америко, ее следовало бы с этого дня называть Землей Америко, или Америкой»).

Эти строки и являются, собственно, свидетельством о крещении, выданном Америке. Впервые это имя появляется на книжном листе, впервые, отлитое в буквы, размножено печатным станком. И если день 12 октября 1492 года, когда Колумб увидел с палубы «Святой Марии» окутанное туманом побережье острова Гуанахани, можно считать днем рождения нового континента, то 25 апреля 1507 года, день, когда с печатного станка сошла «Cosmographiae Introductio», можно назвать днем именин континента.


Amerigen

Nunc vero & hęc partes ſunt latius luſtratæ/ & alia quarta pars per Americū Veſputium(vt in ſequentibus audietur)inuenta eſt:quā non video cur quis iure vetet ab Americo inuentore ſagacis ingenij viro Amerigen quaſi Americi terram/ſiue Americam dicendam:cum & Europa & Aſia a mulieribus ſua ſortita ſint nomina. Eius ſitū & gentis mores ex his binis Americi nauigationibus quę ſequūtur liquide intelligi datur.

Место в тексте «Intzoductio Cosmographicae», в котором Америке дано название по имени Веспуччи

Правда, это всего лишь предложение, высказанное в тихом городке пока еще никому не известным двадцатисемилетним гуманистом, но оно так восхищает его самого, что он повторяет свое предложение уже более настойчиво. В девятой главе Вальдземюллер отводит ему целый абзац. «Сегодня, – пишет он, – эти части света (Европа, Африка и Азия) уже полностью исследованы, а четвертая часть света открыта Америком Веспутием. И так как Европа и Азия названы именами женщин, то я не вижу препятствий к тому, чтобы назвать эту новую область Америгой, Землей Америго, или Америкой, по имени мудрого мужа, открывшего ее». Вот как это звучит по-латыни: «Nunc vero et hae partes sunt latius lustratae et alia quarta pars per Americum Vesputium (ut in sequentibus audietur) inventa est, quam non video cur quis iure vetet ab Americo inventore sagacis ingenii viro Amerigem quasi Americi terrain sive Americam dicendam: cum et Europa et Asia a mulieribus sua sortita sunt nomina».

Помимо этого Вальдземюллер печатает слово «Америка» на полях страницы и, кроме того, вписывает его в приложенную к книге карту мира. С этого часа, сам того не подозревая, смертный

Америго Веспуччи предстает в ореоле бессмертия; с этого часа Америка, впервые названная Америкой, сохранит это наименование навечно.

Но ведь это же нелепость, возмутится иной взволнованный читатель. Как смеет какой-то двадцатисемилетний провинциальный географ оказывать столь великий почет человеку, который никогда не открывал Америки и вообще-то опубликовал всего тридцать две страницы довольно сомнительных сообщений; как может он назвать его именем огромный континент?

Однако такое возмущение – анахронизм; оно исходит не из понимания реальной исторической обстановки, а из суждения с точки зрения сегодняшнего дня. Мы, люди современности, бессознательно впадаем в ошибку, когда, произнося слово «Америка», невольно думаем об огромной части земного шара, простирающейся от Аляски до Патагонии. О такой протяженности только открытого «Mundus Novus» тогда, в 1507 году, не имел никакого представления ни добрый Вальдземюллер, ни другой смертный.

Часть карты Леонардо да Винчи. Около 1514 г.
Одна из первых карт с названием «Америка» (По Kzetschmez)

Достаточно беглого взгляда на географические карты начала шестнадцатого века, чтобы понять, каким представляла себе тогдашняя космография этот «Mundus Novus». В мутной похлебке Мирового океана плавают бесформенные ломти суши, только по краям слегка надкусанные любопытством первооткрывателей. Крохотную часть Северной Америки, где высадились Кабот и Кортериал, еще относят к Азии, так что поездка из Бостона в

Пекин в тогдашнем представлении требует лишь нескольких часов. Флорида считается большим островом, расположенным неподалеку от Кубы и Гаити, а вместо Панамского перешейка, связующего Северную Америку с Южной, раскинулось широкое море. А еще южнее – новая, незнакомая земля (нынешняя Бразилия) нарисована в виде большого круглого острова, вроде Австралии; эту землю на картах называют: «Terra Sancta Crucis»[60], или «Mundus Novus», или «Terra dos Papagaios»[61] – все какие-то неудобопроизносимые, неблагозвучные имена.

И хотя Веспуччи не был первым, кто открыл эти берега, а лишь первым описал их и познакомил с ними Европу, – Вальдземюллер, которому это неизвестно, только следует принятому обычаю, предлагая присвоить этой земле имя Америго. Бермуды называются по имени Хуана Бермудеса, Тасмания – по имени Тасмана, Фернандо-По – по имени Фернандо По, почему же не назвать еще одну новую землю именем человека, впервые описавшего ее? Это всего лишь дружественный жест признательности по отношению к ученому, который первым – и в этом историческая заслуга Веспуччи – установил, что открытая земля не относится к Азии, а является «quarta pars mundi»[62], то есть представляет собой новую часть света.

Добрый Вальдземюллер и понятия не имел о том, что его предложение – присвоить имя Веспуччи одному лишь предполагаемому острову, «Земле Святого Креста», – станет наименованием целой части света от Лабрадора до Патагонии, и тем самым будет обокраден Колумб, подлинный первооткрыватель этого континента. Но как мог знать об этом Вальдземюллер, если этого не знал сам Колумб, который так горячо и взволнованно доказывал, что Куба – это Китай, а Гаити – Япония? Так этим названием «Америка» была добавлена еще одна нить ошибки в и без того запутанный клубок; каждый, кто даже с самыми добрыми намерениями занимался проблемой Веспуччи, пока лишь завязывал новый узелок и еще больше все запутывал.

Следовательно, Америка зовется Америкой только по недоразумению, и к тому же благодаря двойному совпадению случайностей. Если бы insignis poeta Жан Базен предпочел, переводя на латинский язык имя Америго, назвать его не Америкой, а Альбериком, как это сделали до него другие, то Нью-Йорк и Вашингтон были бы сегодня городами не Америки, а Альберики. Но вот имя «Америка» впервые отлито в буквы, эти семь букв навечно соединены в одно слово, и оно переходит из

книги в книгу, из уст в уста неудержимо, незабываемо.

Оно существует, оно укореняется, это новое слово, и не только благодаря случайному предложению Вальдземюллера, не в силу логики или нелогичности, не по праву или по несправедливости, но из-за присущего этому слову внутреннего благозвучия. «Америка» – это слово начинается и заканчивается самым полнозвучным гласным звуком нашего языка, сочетая его с разнообразным чередованием других звуков. Оно подходит для вдохновенного зова и хорошо запоминается, крепкое, полноценное, мужественное слово, такое подходящее для молодой страны, для сильного, пробуждающегося народа; сам того не сознавая, маленький географ, ошибившись в истории, совершил нечто обладающее глубоким смыслом, когда назвал подымающуюся из мрака страну словом, роднящим ее с Азией, Европой и Африкой.

Это завоевывающее слово. В нем властная сила, которая неудержимо оттесняет все другие обозначения; прошло лишь несколько лет с тех пор, как появилась «Cosmographiae Introductio», а слово «Америка» вытеснило из книг и географических карт мира названия: «Terra dos Papagaios», «Isla de Santa Cruz», «Brazzil», «Indias Occidentals».[63]

Завоевывающее слово. Из года в год оно захватывает в тысячу, в сто раз большее пространство, чем когда-либо мог мечтать добрейший Мартин Вальдземюллер. В 1507 году под «Америкой» подразумевается только северное побережье Бразилии, а юг с Аргентиной еще зовется «Brasilia Inferior»[64]. Если бы так и осталось (в духе пожелания Вальдземюллера), если бы имя Америго было присвоено одному только побережью, впервые описанному Веспуччи, или даже всей Бразилии, никто не посмел бы обвинить Вальдземюллера в ошибке. Но проходит еще несколько лет, и вот уже наименование «Америка» включает в себя все Бразильское побережье, и Аргентину, и Чили, то есть земли, до которых флорентиец никогда не добирался, которых никогда не видел. Все, что открывают вправо и влево, кверху и книзу, южнее экватора, – все превращается в страну Веспуччи, и, наконец, спустя почти пятнадцать лет после выхода книги Вальдземюллера, всю Южную Америку называют «Америка». Все великие картографы капитулировали перед волей скромного школьного учителя из Сен-Дье – и Симон Гриней в своем атласе «Orbis Novus»[65], и Себастьян Мюнстер в своих географических картах мира.

Но это еще не окончательная победа. Грандиозная «Комедия ошибок» все еще продолжается. На картах Северная Америка, словно другая часть света, все еще отделена от Южной, и, по

неведению современников, ее то относят к Азии, то отделяют от материка Америка воображаемым проливом. Но вот наконец наука устанавливает, что этот континент составляет единое целое, что он тянется от одного Ледовитого моря до другого и что его должно объединять одно-единственное название. И тогда-то мощно вырастает гордое, непобедимое слово – плод смешения ошибки с правдой, заблуждения с истиной – и завладевает добычей.

Уже в 1515 году нюрнбергский географ Иоганнес Шённер в маленькой брошюрке, приложенной к его глобусу, широковещательно провозглашает Americam sive Amerigem…[66] четвертой частью света – …novum Mundum et quartam orbis pattern…[67], а в 1538 году король картографов Меркатор составляет карту мира, на которую наносит как единое целое весь континент, каким мы его знаем сегодня, обе его части, обозначая все вместе названием «Америка»: АМЕ – стоит над Севером и РИКА – над Югом. С тех пор другого слова, кроме этого, не существует. За тридцать лет Веспуччи завоевал для себя, для своей грядущей славы четвертую часть мира.

Это крещение без ведома и согласия крестного отца – беспримерный случай в истории земной славы. Два слова «Mundus Novus» прославили, а три строки скромного географа обессмертили человека; никогда еще, пожалуй, случайность и заблуждение не порождали столь дерзкой комедии. Но история, которая столь же величественна в трагедии, сколь изобретательна в комедиях, придумывает для этой «Комедии ошибок» особенно изящное заострение. Предложение Вальдземюллера, едва став известным, с восторгом принимается. Одно издание следует за другим, каждое новое географическое сочинение вводит новое название «Америка» в честь ее inventoris[68] Америго Веспуччи, и прежде всего рисовальщики беспрекословно вписывают его в карты.

Всюду можно найти теперь слово «Америка», на каждом глобусе, на каждой гравюре, в каждой книге, в каждом письме. Этого имени нет только на одной-единственной карте, которая появилась в 1513 году, через шесть лет после выхода первой карты Вальдземюллера. Кто же этот упрямый географ, который не согласен с этим новым названием и отвергает его? Странным образом этим человеком оказывается тот, кто его придумал: сам Вальдземюллер. Испугался ли он, подобно ученику колдуна из гётевского стихотворения, который одним словом превратил метлу в неистово деятельное существо, но не знал другого слова, способного укротить вызванный заклятием дух? То ли ему указали, – быть может, даже сам Веспуччи, – что он допустил

несправедливость по отношению к Колумбу, приписав его подвиг тому, кто лишь понял значение этого подвига? Ничего не известно! И никогда не выяснится, почему именно Вальдземюллер пожелал отобрать у нового континента им же самим придуманное наименование.

Но теперь уже поздно вносить какие бы то ни было исправления! Редко способна истина угнаться за легендой. Слово, выпущенное в мир, черпает силу из этого мира и живет свободно, не завися от того, кто дал ему жизнь. Тщетно пытается одинокий маленький человек стыдливо подавить и замолчать слово, которое он же сам впервые произнес. «Америка» – слово это уже носится в воздухе, оно перескакивает из одного шрифта в другой, из книги в книгу, из уст в уста, оно преодолевает пространство и время, оно неудержимо и бессмертно, потому что сочетает в себе действительность и мечту.

Великий спор начинается

1512. В Севилье несколько человек следуют за гробом, который выносят из церкви на кладбище. Незаметные, скромные похороны, не так хоронят человека богатого или знатного. К месту последнего упокоения несут какого-то королевского служащего, piloto mayor de Casa de Contratación[69], какого-то Деспучи или Веспуччи. И никто в чужом городе не подозревает, что это и есть тот самый человек, чье имя будет носить четвертая часть света. Историографы и летописцы ни единым словом не упоминают об этой безвестной кончине, и тридцать лет спустя в исторических трудах можно будет прочесть, что Америго Веспуччи якобы умер в 1534 году на Азорских островах. Незамеченным скончался крестный отец Америки. И так же тихо похоронили в 1506 году в Вальядолиде самого Adelantado[70], великого адмирала Новой Индии, Кристофоро Коломбо. Ни король, ни герцог не провожали его гроба, и равным образом ни один летописец того времени не счел эту смерть достаточно значительным событием, чтобы оповестить о ней мир.

Две тихие могилы в Севилье и Вальядолиде. Могилы двух людей, часто встречавшихся при жизни, не избегавших друг друга и не питавших друг к другу неприязни. Два человека, воодушевленных одной и той же творческой любознательностью, честно и искренне помогавших друг другу, но над их могилами возникает ожесточенный спор. Без их ведома слава одного вступит в борьбу со славой другого; ошибки, непонимание, страсти и споры исследователей будут вновь и вновь разжигать соперничество между этими двумя великими мореплавателями,

соперничество, которого никогда не было при их жизни. Но они сами не услышат этих споров и пересудов, как не слышат невнятной речи ветра, который проносится над их могилами.

В этой гротескной борьбе одной славы против другой сперва потерпел поражение Колумб. Он умер побежденным, униженным, почти забытым. Человек одной-единственной мечты и одного лишь подвига, он пережил свое бессмертное мгновение в тот час, когда его мечта осуществилась, когда «Санта-Мария» пристала к берегу Гуанахани и впервые был пересечен дотоле недоступный Атлантический океан.

Еще и до этого момента великого генуэзца считали безумцем, фантазером, путаником и беспочвенным мечтателем, а уж после этого – тем более, потому что Колумб не мог освободиться от той мечты, которая с самого начала увлекала его. Когда он впервые сообщает, что «проник в самые богатые царства на земле», когда он сулит золото, жемчуга и пряности из «Индии», которой он достиг, ему еще верят. Снаряжается могучая флотилия, полторы тысячи человек оспаривают друг у друга честь участия в плавании в страны Офир и Эльдорадо, которые, по уверению Колумба, он видел собственными глазами; королева вручает ему завернутые в шелк письма к «великому хану» в Кинсае.

Но вот Колумб возвращается из своего большого плавания и привозит лишь несколько сот полуголодных рабов, которых благочестивая королева отказывается продавать. Несколько сот рабов и свое давнишнее заблуждение – уверенность, что он побывал в Китае и Японии; и это заблуждение становится тем безрассуднее, тем фантастичнее, чем меньше Колумб может подтвердить его фактами. На Кубе Колумб созывает свой экипаж и, угрожая непокорным сотней палочных ударов, заставляет их присягнуть перед escribano – нотариусом – в том, что Куба не остров, а материк – Китай. Беззащитные моряки, пожимая плечами за спиной безумца, подписывают присягу, не принимая ее всерьез, а один из них, Хуан де ла Коса, нисколько не задумываясь над вынужденной клятвой, спокойно наносит на составляемую им карту остров Кубу. Невзирая ни на что, Колумб снова пишет королеве, что «только канал отделяет его от золотого Херсонеса Птолемея» (полуострова Малакка), что «от Панамы до Ганга не дальше, чем от Пизы до Генуи».

Вначале при испанском дворе улыбаются этим безумным обещаниям, но постепенно они начинают вызывать недовольство. Экспедиции стоят огромных денег, а что привозят? Вместо обещанного золота – полумертвых рабов, вместо пряностей – сифилис. Острова, которые корона отдает Колумбу в управление, превращаются в страшные бойни, в опустошенные, усеянные

трупами поля. За одно десятилетие на Гаити погиб миллион туземцев, переселенцы нищают и бунтуют, каждое письмо и каждый из разочарованных колонистов, бегущих из этого «земного рая», приносят ужасные вести о жестоких страданиях. Вскоре в Испании убеждаются: этот фантазер умеет только мечтать, но не управлять; первое, что увидел со своего корабля новый правитель Бобадилья, посланный на смену Колумбу, были виселицы и на них, раскачиваемые ветром, трупы соотечественников. Колумба и двух его братьев отправляют в Испанию закованными в цепи, но даже после того, как Колумбу была возвращена свобода и восстановлены его честь и титул, ореол, окружавший его имя, окончательно потускнел.

Теперь, когда Колумб сходит на берег, его корабль уже не встречают с нетерпением. Напрасно просит он аудиенции при дворе – ему не дают никакого ответа, и этот старик, открывший Америку, вынужден униженно просить разрешения пользоваться в пути мулом. Но Колумб все продолжает обещать и с каждым разом все более фантастические вещи. Он сулит королеве, а затем и папе найти в следующем путешествии «рай», обещает совершить новый крестовый поход по кратчайшему пути и «освободить Иерусалим». В своей «Книге пророчеств» он предрекает грешному человечеству через полтораста лет светопреставление.

В конце концов, никто уже больше не слушает этого fallador'a (болтуна) и его imaginacôes com su Una Cipangu (бредней об острове Зипангу). Купцы, потерявшие из-за него деньги, ученые, презирающие его географические бредни, переселенцы, которых он разочаровал несбывшимися посулами, чиновники, завидующие его высокой должности, начинают создавать единый фронт против «адмирала москитных земель»; старика все больше загоняют в угол, и сам он покаянно признается: «Я говорил, что побывал в самых богатых царствах, я рассказывал о золоте, жемчуге, драгоценных камнях и пряностях, и когда ничего из этого не подтвердилось, я был опозорен». В 1500 году Кристофоро Коломбо – конченый человек, а в году 1506-м – год его смерти – в Испании его уже почти забыли.

И в последующие десятилетия о нем почти не вспоминают – слишком быстро мчится время. Каждый год приносит вести о новых героических подвигах, о новых открытиях, новых названиях, новых победах, и в такие времена легко забыть вчерашние достижения. Вернулись из Индии и Васко да Гама и Кабрал; они привезли с собой не только нагих рабов и туманные обещания, но и все сокровища Востока. Португальский король Мануэл эл Фортунаду благодаря добыче, доставленной из

Каликута и Малакки, становится самым богатым монархом Европы. Открыта Бразилия, Нуньес де Бальбоа впервые видит Тихий океан с высот Панамы. Кортес завоевывает Мексику. Писарро – Перу. Вот когда наконец потекло в европейские сокровищницы настоящее золото. Магеллан обогнул Америку, и после трехлетнего плавания – величайшего морского подвига всех времен – один из его кораблей, «Виктория», совершив кругосветное путешествие, возвратился в Севилью. В 1545 году открыты серебряные копи в Потоси, откуда теперь каждый год плывут в Европу тяжело нагруженные флотилии.

Мореплаватели пересекли все океаны, обошли за полвека вокруг всех или почти всех частей света – какое же значение может иметь в этой гомеровской поэме единственный подвиг одного человека? Еще не вышли книги, описывающие жизнь Колумба, объясняющие его одинокое предвидение, и плавание Колумба считается просто одним из многочисленных путешествий, совершенных прославленными новыми аргонавтами. А так как ему досталась добыча наиболее скромная, то его эпоха, которая, как и всякая другая, мерит собственной меркой, а не меркой истории, судит о нем несправедливо и предает его забвению.

Тем временем возрастает слава Америго Веспуччи. Когда все еще заблуждались, когда всех еще ослепляла иллюзия, будто бы на западе открыли Индию, один Веспуччи понял правду: это Новый Свет и другой континент. Веспуччи всегда говорил лишь правду: он не сулил ни золота, ни драгоценных камней, а скромно рассказывал, что хотя туземцы и уверяют, будто в этих краях можно найти золото, но он, как святой Фома, осторожен и не слишком доверчив: время покажет. Он путешествовал не ради денег и золота, как другие, а только из бескорыстного стремления к открытиям. Америго не мучил людей и не разрушал государства, подобно всем другим преступным конквистадорам: как гуманист, как ученый, наблюдал он и описывал жизнь чужих народов, их нравы и обычаи, не хваля и не порицая. Он, мудрый ученик Птолемея и великих философов, изучал движение новых звезд, исследовал океан, чужие моря и земли, стремясь постигнуть их тайны и чудеса. Им руководил не слепой случай, а строгая математическая и астрономическая наука; да, он один из наших, хвалят его ученые, homo humanus, настоящий гуманист! Он владеет пером и знает латынь (единственный язык, который они признают подходящим для научных трудов). Он, Веспуччи, спас честь науки, служа лишь ей, а не прибылям и деньгам. Каждый из современных ему историков, прежде чем назвать имя Веспуччи, воздает ему хвалу: и Петр Мартир, и Рамузио, и

Овьедо. И так как в ту эпоху было не больше десятка ученых, к которым прислушивались современники, то Веспуччи начинают считать крупнейшим мореплавателем своего времени.

Этой необычайной славой в среде ученых Веспуччи обязан в конечном счете случайному обстоятельству, тому, что обе его – увы, такие тоненькие и сомнительные – книжицы напечатаны на латинском языке, на языке ученых. Прежде всего неоспоримый авторитет его трудам придает издание «Cosmographiae Introductio». И лишь потому, что он первым описал Новый Свет, ученые, для которых слово значит больше, чем дело, не задумываясь, воздают хвалу Веспуччи как первооткрывателю этого Нового Света. Демаркационную линию впервые проводит географ Шёнер: он считает, что Колумб открыл лишь несколько островов, а Веспуччи – Новый Свет. А еще лет через десять благодаря словесным и письменным повторениям это утверждение станет непреложной истиной: Веспуччи открыл новую часть света, и Америка по праву называется Америкой.

В течение всего шестнадцатого столетия ярко сияет ничем не омраченная, незаслуженная слава Веспуччи, первооткрывателя Нового Света. Лишь один-единственный раз раздается возражение, да и то очень робкое. Оно исходит от весьмасвоеобразногочеловека, отМигеляСервета,посмертно стяжавшего себе трагическую славу первой жертвы протестантской инквизиции, – Кальвин отправил его на костер в Женеве. Сервет – любопытный образ в истории мысли, полугений, полубезумец, мятущийся, во всем дерзко сомневающийся дух, который не знает удовлетворения и считает необходимым защищать свое личное мнение в любой из областей науки. Но этому ничего, собственно, не создавшему человеку присуще замечательное чутье – всегда и во всем он затрагивает решающие проблемы. В медицине он уже почти четко формулирует теорию кровообращения, созданную позднее Гарвеем, в богословии нащупывает самое слабое место Кальвина, и всегда ему помогает какая-то таинственная способность если и не разгадывать, то во всяком случае обнаруживать тайны; в географии он также затрагивает самую жгучую проблему.

Отлученный от церкви, он бежит в Лион, где занимается под вымышленным именем врачебной практикой, и тогда же, в 1535 году, выпускает новое издание Птолемея, снабженное своими примечаниями. К этому изданию приложены те же карты, которые были в книге Птолемея, изданной Лаврентием Фризием в 1522 году, и в которых, согласно предложению Вальдземюллера, южная часть нового континента названа «Америкой». И в то время как в 1522 году издатель Птолемея

Томас Анкупарий превозносит в своем предисловии Веспуччи, даже не упоминая имени Колумба, Сервет первым решается выступить с некоторыми возражениями против всеобщего преувеличения роли Веспуччи и против предложенного наименования новой части света.

Ведь, собственно говоря, пишет Сервет, Веспуччи отправился в плавание только как купец «ut merces suas comutaret» и «multo post Columbum», много позднее Колумба. Поначалу это еще очень осторожное высказывание, можно сказать, легкое покашливание протеста. Сервет вовсе и не помышляет лишить Веспуччи славы первооткрывателя, ему не хочется только, чтобы совсем позабыли Колумба. Это еще ни в коем случае не выдвижение антитезы Колумб *или* Веспуччи, спор о приоритете еще не начат. Сервет указывает лишь на то, что следовало бы говорить: Веспуччи *и* Колумб. Не имея ни веских доказательств, ни точного знания исторической обстановки, а исходя единственно из своей инстинктивной подозрительности, заставлявшей его чуять ошибки и подходить к любому вопросу с совершенно новой стороны, Сервет оказался первым, кто указал на то, что не все обстоит ладно с этой славой Веспуччи, словно лавина, обрушившейся на мир.

Решающее возражение должно было исходить, конечно, не от такого человека, как Сервет, который, находясь в Лионе, узнает обо всем лишь из книг и малодостоверных сообщений, но от того, кто владеет точными сведениями о подлинных исторических событиях. И вот раздался авторитетный голос, возражавший против чрезмерной славы Веспуччи, голос человека, перед которым склонялись короли и императоры, чье слово спасло миллионы замученных, истерзанных пыткой людей. То был голос великого епископа Лас Касаса, с такой потрясающей силой обличавшего зверскую расправу конквистадоров с туземцами, что и по сей день его записки читаются с содроганием.

Лас Касас, доживший до девяноста лет, был живым свидетелем великой эпохи открытий и благодаря своему правдолюбию и беспристрастию священника – свидетелем, не вызывавшим сомнения. Написанная им большая история Америки, «Historia general de las Indias»[71], начатая в 1559 году, на восемьдесят пятом году его жизни, в вальядолидском монастыре, еще и сегодня может считаться самым солидным документом по истории той эпохи. Родившийся в 1474 году Лас Касас приехал в Эспаньолу (Гаити) в 1502 году, следовательно, еще при жизни Колумба, и вначале как священник, а впоследствии как епископ, если не считать его многочисленных поездок в Испанию, прожил в новой части света до семидесяти

трех лет. И поэтому никто не мог в большей мере, чем он, быть пригодным для того, чтобы компетентно и достоверно свидетельствовать о событиях той эпохи открытий.

Однажды в пути, возвращаясь из Nuevas Indias[72] в Испанию, Лас Касас, видимо, натолкнулся на одну из тех карт или заграничных книг, в которых новая страна была обозначена именем «Америка». И вероятно, столь же изумленный, как и мы, спросил: «Почему же Америка?» Ответ – потому, что ее открыл Америго Веспуччи, – естественно, должен был вызвать у епископа гнев и внушить ему подозрения. Ведь никто не знал всего так, как *он* . Его отец сопровождал Колумба во втором плавании, да и сам он мог засвидетельствовать, что Колумб «первым открыл ворота того океана, что был замкнут в течение стольких столетий». Как же смеет Веспуччи приписывать себе или как смеют другие приписывать ему славу первооткрывателя Нового Света? Вероятно, и Лас Касас столкнулся с распространенным в то время аргументом, что Колумб открыл только Антилы – острова, лежащие на пути в Америку, а Веспуччи – собственно материк, и это, мол, дает ему право называться открывателем континента.

Тут уж Лас Касас, человек вообще-то мягкосердечный, приходит в ярость. Если Веспуччи утверждает подобное – он лжец. Ни один человек, за исключением адмирала во время его второго плавания в 1498 году, не ступал на землю «Парнас»: это, кроме все прочего, засвидетельствовано торжественной клятвой Алонсо де Охеда на судебном процессе, затеянном в 1516 году государственной казной против наследников Колумба. Среди доброй сотни свидетелей, выступавших в этом процессе, тоже не было ни одного человека, который посмел бы оспаривать этот факт. Эта страна должна с полным правом называться «Колумбией». Как смеет Веспуччи «узурпировать славу и честь, которые принадлежат адмиралу-губернатору, и приписывать себе его заслуги?» Где, когда, с какой экспедицией побывал Веспуччи на материке Америка до адмирала?

Лас Касас изучает сообщение Веспуччи в том виде, в каком оно было напечатано в «Cosmographiae Introductio», дабы разоблачить его мнимое притязание на приоритет. И тут в «Комедии ошибок» наступает новый гротескный поворот, который толкает и без того запутанный клубок в совершенно ложном направлении. В первом издании на итальянском языке, где описано путешествие Веспуччи 1497 года, сказано, что он высадился в каком-то месте, которое называется «Лариаб». В результате опечатки или произвольного исправления в латинском издании, вышедшем в Сен-Дье, вместо слова «Лариаб» напечатано слово «Парнас», отчего создается впечатление, будто бы Веспуччи

и сам утверждал, что посетил землю «Парнас» еще в 1497 году, то есть ровно за год до Колумба. Поэтому для Лас Касаса совершенно ясно – Веспуччи обманщик, воспользовавшийся после смерти адмирала удобным случаем, чтобы приписать себе открытие нового материка с помощью публикации в «заграничных книгах» (ведь в Испании его сразу же изобличили бы). Лас Касас доказывает, что в действительности Веспуччи отправился в Америку в 1499, а не в 1497 году, но предусмотрительно замолчал имя своего спутника Охеды. «То, что писал Америго, – возмущается честный Лас Касас, – с целью прославить себя и молчаливо узурпировать честь открытия материка», было сделано с дурным умыслом, и, следовательно, Веспуччи – обманщик.

Собственно говоря, только опечатка в латинском издании – замена слова «Лариаб», существующего в подлиннике, словом «Парнас» вызвала гнев Лас Касаса по поводу злонамеренного обмана. Но, сам того не желая, Лас Касас затронул наиболее щекотливое обстоятельство, а именно то, что во всех письмах и сообщениях Веспуччи чрезвычайно туманно говорится о задачах и действительных результатах его путешествий. Веспуччи никогда не называет достаточно внятно имена командующих флотилиями, приводимые им даты в разных изданиях различны, его определения долгот неправильны.

С того момента, как ученые начали изучать подлинные исторические материалы его плаваний, не могло не зародиться подозрение, что по каким-то причинам – с которыми мы столкнемся позже – простые и ясные обстоятельства им умышленно затемнялись. Здесь мы впервые приближаемся к самой сути тайны Веспуччи, уже сотни лет занимающей умы ученых всех наций, – сколько же в письмах Веспуччи, где рассказано о совершенных им путешествиях, правды и сколько выдумки (скажем резче – обмана)?

Вызывает сомнение прежде всего первое из четырех путешествий Веспуччи (то самое, 10 мая 1497 года), в котором усомнился уже Лас Касас и которое могло бы, во всяком случае, утвердить за Веспуччи несомненный приоритет в открытии нового континента. Это плавание не упомянуто ни в одном историческом документе, а некоторые его подробности, без сомнения, заимствованы из второго плавания, совершенного Веспуччи вместе с Охедой. Даже самые ярые защитники Веспуччи не сумели доказать его алиби, того, что он действительно совершил плавание в названном году, и, чтобы придать этому сообщению тень правдоподобия, вынуждены были довольствоваться гипотезами.

Если бы мы стали подробно приводить доказательства обеих

сторон в этих нескончаемых и резко противоречивых спорах ученых-географов, то получилась бы целая книга. Достаточно сказать, что три четверти высказавшихся по этому вопросу не признают первого плавания Веспуччи, считая его придуманным, в то время как остальные, выступая в качестве присяжных защитников Веспуччи, утверждают, что именно во время этого плавания он первым открыл по одной версии – Амазонку, а по другой – Флориду. Но поскольку необычайная слава Веспуччи основывается главным образом на этом первом – весьма сомнительном – плавании, то Вавилонская башня, целиком построенная из ошибок, совпадений и невежественной болтовни, зашаталась, как только ее фундамента коснулся топор филологии.

Решающий удар наносит в 1601 году Эррера своей работой «Historia de las Indias Occidentales»[73]. Испанскому историку не пришлось тратить много времени, чтобы вооружиться необходимым аргументом, так как он ознакомился с рукописью не изданной еще в то время книги Лас Касаса, и, собственно, это все еще Лас Касас ратует против Веспуччи. Эррера, пользуясь аргументами Лас Касаса, доказывает, что даты в «Quatuor Navigationes»[74] неверны, что Веспуччи вышел в море с Охедой в 1499 году, а не в 1497 году, и делает вывод – при невозможности для обвиняемого получить слово, – что Америго Веспуччи «коварно и злонамеренно извратил свои сообщения, стремясь украсть у Колумба честь считаться первооткрывателем Америки».

Это разоблачение вызвало мощный отклик. Как? – заволновались ученые, значит, открыл Америку вовсе не Веспуччи? Значит, этот мудрый человек, чьей безмерной скромностью мы все восхищались, оказался лгуном, мошенником, каким-то Мендишем Пинту – одним из этих отвратительных проходимцев, которые хвастались якобы совершенными ими путешествиями? Ведь если Веспуччи сказал неправду об одном из своих плаваний, можно ли верить тому, что он рассказывает о других? Какой позор! Новый Птолемей, оказывается, был подлым Геростратом, который коварно пробрался в храм славы, дабы ценой преступного мошенничества приобрести бессмертие. Какой стыд для всего ученого мира, для тех, кто, дав одурачить себя хвастливой болтовней, назвал новую часть света именем обманщика! Не пора ли исправить постыдную ошибку? И брат Педро Симон самым серьезным образом предлагает в 1627 году «запретить пользование любым географическим сочинением, любой картой, в которых содержится имя «Америка».

Маятник качнулся в другую сторону. Веспуччи – конченый человек, и в семнадцатом веке слава снова возносит полузабытое имя Колумба. Великим, как сама новая земля, предстает его образ. Из его подвигов остался лишь подвиг, совершенный им, потому что дворцы Монтесумы ограблены и разрушены, сокровищницы Перу опустошены, все доблестные и постыдные деяния отдельных конквистадоров забыты. И только Америка – реальность, украшение Земли, прибежище для всех гонимых, страна будущего. Какая несправедливость постигла этого человека при жизни и после его смерти тяготела над ним более столетия!

Колумб становится не признанным в свое время героем, все теневые стороны его образа скрадываются, о дурном правлении великого адмирала, о его религиозных бреднях не говорится ни слова, и его жизнь начинают всячески идеализировать. Все пережитые им трудности драматически преувеличиваются; оказывается, его матросы подняли мятеж, и он силой заставил их плыть дальше; рассказывают, как низкий негодяй привез его в кандалах на родину и как он со своим полумертвым от голода ребенком нашел пристанище в монастыре Рабиды. И если раньше было сделано слишком мало для прославления его подвига, то теперь благодаря неиссякаемой потребности в героизации делается, пожалуй, даже слишком много.

Но по старинному закону драмы и мелодрамы каждому героизированному образу должен противостоять образ отрицательный, как свету – тень, Богу – дьявол, Ахиллу – Терсит, безумному мечтателю Дон Кихоту – здравомыслящий практик Санчо Панса. Чтобы изобразить гения, нужно заклеймить его противоположность, все, что противостояло ему на земле, – низменные силы непонимания, зависти, предательства. Исходя из этого, враги Колумба – честный, добросовестный, незначительный чиновник Бобадилья и кардинал Фонсека – дельный и мыслящий человек – очернены как последние негодяи. Но самый главный противник счастливо найден в лице Америго Веспуччи, и легенде о Колумбе противопоставлена легенда о Веспуччи.

Сидит в Севилье этакая раздувшаяся от зависти ядовитая жаба, ничтожный купчишка, которому очень хочется прослыть ученым и исследователем. Но он слишком труслив, чтобы решиться взойти на корабль. Из своего забранного решеткой окошка он, скрежеща зубами, видит, как чествуют вернувшегося на родину великого Колумба. Украсть славу у Колумба! Украсть ее для себя! И в то время как благородного адмирала влекут

закованного в цепи, этот купчишка ловко наскребает из чужих книг описания путешествий, которых он никогда не совершал. И едва успевают похоронить Колумба, который уже не может защищаться, как этот жаждущий славы шакал сообщает в своих подобострастных письмах всем властителям мира о том, что якобы он является первым и подлинным открывателем Нового Света, и из предосторожности печатает эти письма за границей, на латинском языке.

Он заискивает перед ничего не подозревающими учеными, что живут где-то на другом конце земли, и умоляет их назвать Новый Свет его именем – Америкой. Он пробирается к заклятому врагу Колумба, разделяющему его ненависть, к епископу Фонсеке, и при помощи хитрости добивается, что его, который ничего не смыслит в мореплавании и лишь торчит в своей конторе, назначили piloto mayor и начальником Casa de la Contratación[75], и все это для того, чтобы он мог, добравшись до карт, приложить к ним свою руку.

Таким путем он, наконец, получил возможность – все это действительно приписывают Веспуччи – осуществить свой великий обман. В качестве piloto mayor, в чьи обязанности входит заказывать географические карты, он может бесконтрольно требовать, чтобы всюду, во все карты и глобусы, было внесено его проклятое имя – Америка, Америка, Америка, чтобы оно присутствовало повсюду как название Нового Света. Так покойник, которого при жизни заковали в цепи, был еще раз обворован и обманут этим подлым гением лжи. Не имя Колумба, а имя этого вора украшает теперь новую часть света.

Таков образ Веспуччи в семнадцатом столетии – клеветник, фальсификатор, лжец. Так орел, смелым взором обозревающий мир, превратился внезапно в отвратительного, роющегося в земле крота, в осквернителя трупов и вора. Этот образ несправедлив, но он прочно укореняется. На десятки, на сотни лет имя Веспуччи втоптано в грязь. И Бейль, и Вольтер топчут его могилу, и в каждом школьном учебнике рассказывается о том, как подло стяжал себе славу Веспуччи. И даже такой мудрый и рассудительный человек, как Ралф Уолдо Эмерсон, спустя триста лет (1856) под влиянием этой легенды напишет: «Странно, что обширная Америка должна носить имя вора. Америго Веспуччи, торговец маринадом из Севильи, чей высший морской ранг был равен чину младшего штурмана экспедиции, так и не вышедшей в море, сумел занять в этом лживом мире место Колумба и окрестил половину земного шара своим бесчестным именем».

Документы накапливаются

В семнадцатом столетии Америго Веспуччи – конченый человек. Спор вокруг его имени, его подвига или его подлости, казалось бы, раз и навсегда закончен. Веспуччи развенчан, уличен в обмане и – не носи Америка его имени – был бы обречен на позорное забвение. Но начинается другое столетие, которое не хочет верить ни россказням современников, ни традиционнымсплетням.Историография постепенно превращается из простого летописания в критическую науку, которая ставит своей задачей проверить все факты, пересмотреть все свидетельства. Из всех архивов вытаскивают документы, их изучают, начинают сличать, и неизбежно вновь всплывает старое, казалось бы, давно решенное, судебное дело – Колумб против Веспуччи.

Начинают соотечественники Веспуччи. Они не хотят мириться с тем, чтобы имя этого флорентийца, чья слава столько лет разносила по миру славу их родного города, оставалось пригвожденным к позорному столбу. Флорентийцы требуют прежде всего глубокой и беспристрастной проверки. Аббат Анджело Мариа Бандини публикует в 1745 году первую биографию флорентийского мореплавателя – «Vita e léttere di Amerigo Vespucci»[76]. Бандини удается обнаружить ряд документов. В 1789 году Франческо Бартолоцци присоединяется к Бандини, издавая новое «Ricerche istorico-critiche»[77], и результаты его исследования представляются флорентийцам столь обнадеживающими для реабилитации их земляка, что падре Станислав Кановаи произносит в одной из академий «Elogio d'Amerigo Vespucci»[78] – торжественную хвалебную речь в защиту оклеветанного celebro navigator, знаменитого мореплавателя. Одновременно начинаются поиски в испанских и португальских архивах, и чем больше роются в этом деле, поднимая столбы бумажной пыли, тем оно становится туманнее.

Португальские архивы оказались самыми бедными. В них нет ничего ни об одной из двух экспедиций, в которых якобы участвовал Веспуччи. Не упомянуто его имя и в расходных книгах. Никакого намека на тот «zibaldone»[79], дневник путешествий, который Веспуччи, по его словам, вручил королю Мануэлу Португальскому. Ничего. Ни строки, ни слова. И один из наиболее ожесточенных противников Веспуччи немедленно объявляет такое умолчание лучшим доказательством того, что Америго просто лгал, рассказывая об обоих путешествиях как о совершенных им при «auspiciis et stipendio Portugallensium» – «поощрении и материальной помощи Португалии».

Однако то обстоятельство, что об отдельном человеке, который сам не снаряжал и не отправлял экспедиций, через триста лет не сохранилось документов, разумеется, еще ничего не доказывает. Великий португалец, прославивший свою нацию, Луиш Камоэнс шестнадцать лет отдал служению португальскому королю и, находясь на королевской службе, был ранен, однако о нем тоже нигде официально не упоминается. Камоэнс был арестован и заключен в тюрьму в Индии; но где же документы или хотя бы факты судебного процесса? О его путешествиях тоже нельзя найти ни строчки. Исчез дневник Пигафетты о еще более достопамятном плавании Магеллана. И если в архивах Лиссабона документальные данные о самом значительном периоде жизни Веспуччи равны нулю, то можно только напомнить, что ровно столько же сведений почерпнули мы из архивов об африканских приключениях Сервантеса, о годах странствий Данте, о театральной деятельности Шекспира. И все-таки Сервантес боролся, Данте странствовал из края в край, и Шекспир сотни раз выходил на сцену. Даже наличие документов не всегда является достаточным доказательством, а их отсутствие – и того менее.

Флорентийские документы оказались полнее. Бандини и Бертолоцци нашли в государственном архиве три письма Веспуччи к Лоренцо Медичи. Это не оригиналы, а более поздние копии из коллекции, собранной неким Вальенти, который сам переписывал или поручал переписывать все сообщения, письма и публикации о новых путешествиях и открытиях и располагал их в хронологическом порядке. Одно из этих писем Веспуччи написал непосредственно по возвращении из третьего плавания к мысу Верду – первого плавания, предпринятого им по заданию португальского короля. Второе письмо содержит подробное сообщение об этом так называемом третьем плавании, таким образом включает, по существу, все то, что было впоследствии опубликовано в «Mundus Novus», однако без характерной для последнего очень сомнительной по качеству литературной отделки.

Все это кажется блестящим доказательством правдивости Веспуччи: по крайней мере, факт так называемого третьего плавания – того самого, которое благодаря «Mundus Novus» сделало его знаменитым, – теперь, бесспорно, подтвердился, и Веспуччи уже можно прославлять как невинную жертву необоснованной клеветы. Но вот обнаруживают еще и третье письмо к Лоренцо Медичи, в котором Веспуччи – чертовски неудачливый человек! – описывает свое первое плавание 1497 года, выдавая его за плавание, совершенное в 1499 году, и таким образом подтверждается именно то, в чем его упрекают

противники, то есть, что в печатном издании он датировал свое плавание двумя годами раньше. Этим его собственноручным письмом неопровержимо доказано, что он или кто-то другой сфабриковал из одного путешествия два и что притязание Веспуччи на то, что он будто бы первым ступил на американскую землю, – наглое и вдобавок неуклюжее мошенничество. Теперь мрачное подозрение Лас Касаса неопровержимо подтверждено. И те, кто хочет спасти репутацию Веспуччи как правдивого человека, – его самые ревностные защитники и земляки, выступившие в «Raccolta Columbian»[80], – не видят другого выхода, кроме последнего и самого отчаянного: объявить это письмо Веспуччи подложным.

Таким образом, мы находим во флорентийских документах уже знакомый нам образ вечно двуликого Веспуччи: с одной стороны, это человек, который в частных письмах к своему патрону Лоренцо Медичи честно и скромно сообщает о действительном положении вещей; с другой стороны, это Веспуччи печатных книг, герой великой славы и великого скандала, лживо похвалявшийся никогда не совершенными открытиями и путешествиями и благодаря этой хвастливой болтовне добившийся того, что целая часть света была названа его именем. Чем дольше катится клубок ошибок, тем все больше он запутывается.

Симонетта из семьи Веспуччи, возлюбленная Джулианно Медичи

Портрет работы Сандро Боттичелли. Конец XV в.

И странно, такое же противоречие обнаруживают испанские документы. Из них узнаешь, что Веспуччи приехал в Севилью в 1492 году совсем не как крупный ученый и бывалый мореход, а как мелкий служащий, маклер торгового дома Хуаното Беральди, являвшегося своего рода отделением флорентийского банка

Медичи, и занимался главным образом снаряжением кораблей и финансированием экспедиций. Уже одно это обстоятельство не слишком-то вяжется с представлением о руководителе отважной экспедиции, будто бы отплывшей от берегов Испании в 1497 году. Более того, об этом так называемом первом плавании, совершая которое Веспуччи якобы опередил Колумба и открыл материк, нет следов ни в одном из документов, и тем самым почти неопровержимо доказано, что в 1497 году Веспуччи действительно сидел в своей севильской конторе и усердно занимался торговлей, а вовсе не исследовал берега Америки, как рассказывается в его «Quatuor Navigationes».

Снова документы как будто подтверждают все обвинения, выдвинутые против Веспуччи. Однако странно: именно в испанских документах содержатся одновременно и данные, которые столь же убедительно свидетельствуют о честности Веспуччи, сколь другие данные, несомненно, обличают его в наглой, хвастливой болтовне.

Вот акт о принятии им испанского подданства, из которого явствует, что 24 апреля 1505 года Америго де Веспуччи становится испанским подданным «за усердие, которое он уже доказал и еще докажет на службе испанской короне». Вот документ от 22 марта 1508 года о назначении Веспуччи piloto mayor ó Casa de la Contratación и руководителем всей навигационной службы в Испании. В его обязанность входит «обучать штурманов пользоваться измерительными приборами, астролябией и квадрантами, а также проверять их знания и умение сочетать теорию с практикой». Вот королевский приказ составить padrón real[81], то есть карту мира, которая включала бы все новооткрытые побережья, причем карту эту Веспуччи обязан постоянно дополнять и улучшать.

Мыслимо ли, чтобы испанская корона, имевшая в своем подчинении самых выдающихся мореплавателей тех времен, поручила столь ответственную должность человеку, чье лживое хвастовство и книги о выдуманных путешествиях не внушали никакого доверия? Правдоподобно ли, чтобы король соседней Португалии самолично призвал в свою страну именно этого человека и поручил ему сопровождать две флотилии, отправлявшиеся в Южную Америку, не будь Веспуччи уже прославленным специалистом по навигации? И разве то обстоятельство, что купец Хуаното Беральди, у кого долгие годы работал Веспуччи и который, следовательно, лучше всех других знал, заслуживал ли Веспуччи доверия, назначил, умирая, именно его своим душеприказчиком и ликвидатором фирмы, – разве все это не является доказательством честности Америго Веспуччи?

Снова мы сталкиваемся с одним и тем же противоречием: любой документ о жизни Веспуччи превозносит его как честного, добросовестного, очень знающего человека. Но стоит взять в руки напечатанные работы самого Веспуччи, как мы обнаруживаем хвастовство, небылицы, неправдоподобие.

Однако разве нельзя быть превосходным мореплавателем и в то же время безудержно хвастать и преувеличивать? Разве нельзя быть великолепным составителем географических карт и в то же время мелким завистником? Разве не считаются исстари фантастические россказни слабостью мореходов, а зависть к достижениям коллег – профессиональной болезнью ученых? Таким образом, все документы о Веспуччи отнюдь не снимают с него обвинения в том, что он мошенническими подделками присвоил себе честь открытия Америки, принадлежащую по праву великому адмиралу.

Но вот из могилы раздается голос, доказывающий честность Веспуччи. В великом судебном процессе «Колумб против Веспуччи» свидетелем в пользу Веспуччи выступает именно тот, от кого, казалось, он менее всего мог ожидать поддержки: сам Христофор Колумб. Незадолго до своей смерти, 5 февраля 1505 года, то есть тогда, когда «Mundus Novus» уже давно должен был бы стать известным в Испании, адмирал, в одном из ранних писем называвший Веспуччи своим другом, шлет своему сыну Дьего письмо следующего содержания:

> «5 февраля 1505.
>
> Мой дорогой сын,
>
> Дьего Мендес выехал отсюда в понедельник, 3 сего месяца. После его отъезда я беседовал с Америго Веспуччи, который направляется ко двору, куда его призвали, чтобы посоветоваться с ним относительно некоторых вопросов мореплавания. Он всегда выражал желание быть мне полезным (el siempre tuvo deseo de me hacer placer), это честный человек (mucho hombre de bien). Счастье было к нему неблагосклонно, как и ко многим другим. Его труды не принесли ему тех выгод, на которые он был вправе рассчитывать. Он едет туда (ко двору) с горячим желанием добиться для меня при удобном случае (si a sus manos esta) чего-нибудь благоприятного (que redonde a mi bien). Я не имею возможности, находясь здесь, подробнее объяснить ему, чем он мог бы быть нам полезен, потому что не знаю, чего от него хотят. Но он полон решимости сделать для меня все, что в его силах».

Это письмо – одна из самых неожиданных сцен в нашей «Комедии ошибок». Два человека, в течение трехсот лет являвшиеся в ложном представлении людей непримиримыми соперниками, которые ожесточенно враждовали из-за права увидеть свое имя присвоенным новой земле, были на самом деле сердечными друзьями! Колумб, который из-за свойственной ему подозрительности рассорился почти со всеми своими современниками, хвалит Веспуччи как своего давнишнего помощника и делает его своим заступником при дворе! Значит, они оба – и это бесспорный исторический факт – не имели ни малейшего представления о том, что десять поколений ученых и географов станут натравливать друг на друга их тени в жаркой схватке вокруг пустого звука одного из имен, что в «Комедии ошибок» они станут противниками и один будет играть роль светлого гения, которого обкрадывает другой, подлый негодяй.

Разумеется, обоим неведомо слово «Америка», вокруг которого предстояло разгореться этому спору. Колумб и не подозревал, что за открытыми им островами находится гигантский материк, так же как Веспуччи не знал, что именно к нему относится побережье Бразилии. Люди одной профессии, оба не избалованные судьбой и не сознававшие своей безмерной славы, они понимали друг друга лучше, чем большинство их биографов, которые, вопреки психологической правде, приписывали им совершенно невозможное в то время понимание масштабов собственных достижений. И снова, как это часто случается, правда разбила легенду.

Заговорили первые документы. Но именно после их обнаружения и истолкования великий спор вокруг имени Веспуччи разгорается с еще большей силой; никогда еще тридцать две страницы печатного текста не исследовались в поисках достоверности с таким усердием со всех сторон – психологической, географической, картографической, исторической и полиграфической, – как исследовались сообщения Веспуччи о его путешествиях. Но в результате спорящие географы защищают лишь свои собственные утверждения и отрицания: да или нет, черное или белое, первооткрыватель или лжец – твердят они с одинаковой уверенностью и, казалось бы, с одинаково непреложными доказательствами.

Бегло, шутки ради, я хочу сопоставить здесь все, что за последнее столетие утверждали различные авторитеты по поводу Веспуччи. Он совершил свое первое плавание вместе с Пинсоном. Он совершил свое первое плавание с Лепе. Он совершил свое

первое плавание в составе неизвестной экспедиции. Он вообще не совершал первого плавания, все это выдумки и ложь. Он открыл в первом плавании Флориду. Он ничего не открывал, потому что вообще не участвовал в плавании. Он первым увидел реку Амазонку. Он увидел ее лишь во время своего третьего плавания, а раньше спутал ее с рекой Ориноко. Он обошел и дал названия всем частям побережья Бразилии вплоть до Магелланова пролива. Он обошел лишь самую малую часть побережья, названия же были даны задолго до него. Он был великим мореплавателем. Нет, он никогда не командовал ни кораблем, ни экспедицией. Он был великим астрономом. Ни в коем случае!

Все, что он писал о звездах, – чепуха. Приводимые им даты достоверны. Эти даты ложны. Он был замечательным кормчим. Он был всего лишь подрядчиком по поставке мяса да к тому же еще и невеждой. Его сообщения заслуживают доверия. Он профессиональный мошенник, обманщик и лгун. Веспуччи – первый после Колумба мореплаватель и открыватель своей эпохи. Он гордость, нет, он позор науки. Все это утверждается в книгах, написанных за и против Веспуччи, подкрепляется множеством так называемых доказательств, объясняется и обосновывается с одинаковой страстностью. И так же, как триста лет тому назад, нет ответа на все тот же давнишний вопрос: «Кем же был Америго Веспуччи? Что он совершил и чего не совершал?» Можно ли найти ответ на этот вопрос? Можно ли решить великую загадку?

Кем был Веспуччи

Мы попытались рассказать здесь в хронологическом порядке о той великой «Комедии ошибок», которая разыгрывалась вокруг жизни Америго Веспуччи на протяжении трех столетий и привела в конце концов к тому, что новая часть света была названа его именем. Человек становится знаменитым, но, собственно, неизвестно почему. Можно об этом говорить что угодно: он прославился по праву или без такового, благодаря своим заслугам или с помощью мошенничества. Ведь слава Веспуччи – это вовсе не слава, а нимб, возникший вокруг его имени не столько из-за того, что он совершил, сколько из-за ошибочной оценки совершенного им. Первая ошибка, первый акт нашей «Комедии» – это появление имени Веспуччи на титульном листе книги «Paesi retrovati». Вследствие чего читатели могли подумать, что новые страны были открыты не Колумбом, а Веспуччи. Второй ошибкой, вторым актом была опечатка: «Парнас» вместо «Лариаб», допущенная в латинском издании, в силу чего стали утверждать, что не Колумб, а Веспуччи первым ступил на материк

Америки. Третьей ошибкой, третьим актом была ошибка скромного провинциального географа, предложившего на основании тридцати двух страниц, написанных Веспуччи, назвать Америку его именем.

До конца третьего акта, как и полагается в настоящей плутовской комедии, Америго Веспуччи представляется героем, он царит на сцене как благороднейший рыцарь без страха и упрека. В четвертом акте рождаются подозрения, и уже непонятно, кто он – герой или обманщик? Пятый, заключительный акт, который разыгрывается уже в наш век, должен привнести еще один, неожиданный подъем, чтобы остроумно завязанный узел начал распутываться и в финале все разрешилось бы ко всеобщему удовлетворению.

Но, по счастью, история – великолепный драматург; она умеет находить как для своих трагедий, так и для своих комедий блестящую развязку. Начиная с четвертого акта нам известно, что Веспуччи не открывал Америки, не ступал первым на материк и вообще никогда не совершал того первого плавания, которое надолго сделало его соперником Колумба. Но в то время как на сцене ученые еще спорят о том, сколько плаваний, описанных Веспуччи в его книге, он действительно совершил и скольких не совершал, появляется новое лицо с ошеломляющим известием, что якобы даже эти тридцать две страницы, в том виде, в каком они до нас дошли, написаны не Веспуччи, что эти тексты, взволновавшие весь свет, не что иное, как чья-то безответственная и произвольная компиляция, которая самым грубым образом искажает рукопись Веспуччи.

Этот deus ex machine[82], которого зовут профессором Маньяги, совсем по-новому ставит вопрос и, для того чтобы поставить его правильно, сперва переворачивает его вниз головой. Если некоторые и признавали, что Веспуччи, во всяком случае, сам написал книги, распространяемые под его именем, и лишь сомневались в том, действительно ли он совершил описанные в этих книгах путешествия, то Маньяги утверждает, что хотя Веспуччи и совершал плавания, но весьма сомнительно, чтобы он сам написал свои книги в том виде, в каком они существуют в настоящее время. Следовательно, не Веспуччи похвалялся ложными достижениями, а под прикрытием его имени было учинено и написано много безобразного. Поэтому, если мы хотим справедливо судить о Веспуччи, мы должны – и это самое правильное, – отложив в сторону обе его знаменитые напечатанные работы: «Mundus Novus» и «Quatuor Navigationes», опираться лишь на три оригинала его писем, которые защитники Веспуччи без всякого на то основания объявили поддельными.

Утверждение, что Веспуччи нельзя считать в полной мере ответственным за распространяемые под его именем тексты, вначале озадачивает. Что же тогда остается от славы Веспуччи, если даже эти книги написаны не им? Но при более внимательном рассмотрении тезис Маньяги оказывается не таким уж новым. В действительности подозрение о том, что фальсифицировал отчет о первом плавании Веспуччи вовсе не он сам, а кто-то неизвестный, воспользовавшийся его именем, так же старо, как и первое обвинение, выдвинутое против него.

Припоминают, что епископ Лас Касас был первым, обвинившим Веспуччи в том, что он своим лживым сообщением о никогда не совершенном плавании добился наименования Америки своим именем. Лас Касас обвинял Веспуччи в «хитрейшем обмане» и грубой несправедливости. Но если повнимательнее вчитаться в текст Лас Касаса, то при всех этих резких упреках постоянно обнаруживается определенная reservatio mentalis[83]. Лас Касас хоть и клеймит обман, но всегда осторожно пишет об обмане, к которому прибег Веспуччи «или те, кто опубликовал его «Quatuor Navigationes». Следовательно, Лас Касас не исключал возможности, что незаслуженное возвеличивание Веспуччи произошло без его ведома и участия. Так же и Гумбольдт, в отличие от профессиональных теоретиков не считающий любую напечатанную книгу непогрешимым Евангелием, явственно выражает сомнение, не попал ли Веспуччи в эту передрягу, как Понтий Пилат в «Верую». «Не совершили ли этого подлога без ведома Америго собиратели рассказов о путешествиях? – спрашивает Гумбольдт. – Или, может быть, это всего лишь следствие путаного изложения событий и неточных сведений?»

Итак, ключ был уже изготовлен, и Маньяги с его помощью только открыл дверь для новых наблюдений. Объяснение Маньяги кажется мне логически наиболее убедительным, так как оно совершенно естественно и просто разрешает все противоречия, занимавшие собой три столетия.

С самого начала психологически неправдоподобным было уже то, что один и тот же человек описывал в своей книге плавание, совершенное им якобы в 1497 году, а в своем частном письме датировал это же путешествие 1499 годом; или то, что он якобы послал описания своих плаваний во Флоренцию двум разным людям, принадлежавшим к тому узкому кругу, где письма передавались из рук в руки, причем эти описания, помеченные разными датами, содержали противоречивые подробности. Маловероятным было и то, что человек, проживавший в Лиссабоне, якобы переслал эти письма какому-то захолустному

князьку в Лотарингию и что его труд был напечатан в таком оторванном от мира городке, как Сен-Дье.

Если бы Веспуччи сам издал или собирался издать свои «произведения», то он, по меньшей мере, взял бы на себя труд устранить до imprimatur [Напечатания (лат.).

] наиболее грубые, бросающиеся в глаза противоречия. Мыслимо ли, например, чтобы сам Веспуччи, с совершенно не свойственной ему высокопарностью, полностью противоречащей тону писем, написанных его собственной рукой, лично сообщал Лоренцо Медичи, почему он свое путешествие в «Mundus Novus» называет «третьим», – «потому что до него я уже совершил два плавания на запад по поручению светлейшего короля Испании» («Vostra Magnificenza saprà come per commissione de de questo Ré d'Ispagna mi parti»). [Ваше величество узнает, как я ездил по поручению этого короля Испании (ит.).] Кому же сообщает Веспуччи удивительную новость о том, что он уже совершил ранее два плавания? Своему хозяину, которому он прослужил в качестве корреспондента почти десять лет и кто, следовательно, должен был с точностью до дня и часа знать, предпринимал ли его фактор длительные путешествия и когда именно: ведь понесенные расходы, равно как и полученные от этих путешествий прибыли, должны быть внесены в расходные книги. Это столь же бессмысленно, как если бы некий автор, посылая новую книгу своему издателю, который уже в течение десяти лет неизменно публиковал его произведения и производил с ним расчет, заявил бы ему, что это, дескать, не первая его книга и он уже и прежде печатался.

Подобные нелепости и противоречия пестрят на страницах печатного текста книги Веспуччи – нелепости и противоречия, которые никак нельзя приписывать самому Веспуччи. Вот почему наиболее правдоподобным является предположение Маньяги о том, что три письма Веспуччи, найденные в архивах и до сего времени отвергавшиеся его защитниками как поддельные, в действительности, будучи написаны рукой самого Веспуччи, являются единственными достоверными документами, а прославленные произведения «Mundus Novus» и «Четыре плавания» следует считать недостоверными публикациями, в которых содержатся всевозможные добавления, изменения и искажения.

Однако было бы грубым преувеличением, исходя из этого, безоговорочно называть «Четыре плавания» подделкой, так как в них все же, несомненно, использованы подлинные материалы, написанные рукой Веспуччи. Неизвестный издатель проделал примерно то, что делают владельцы антикварных лавок, когда

они из подлинного ларца эпохи Возрождения, умело используя настоящие и поддельные материалы, мастерят два-три ларца, а то и целый гарнитур, вследствие чего тот, кто отстаивает подлинность этих вещей, так же не прав, как и тот, кто называет их поддельными.

Флорентийский издатель, из осторожности скрывший свое имя, безусловно, имел в руках письма Веспуччи, адресованные торговому дому Медичи, – те три известных нам письма да, вероятно, и другие, которые нам неизвестны. Издатель, разумеется, знал о том огромном успехе, который имело письмо Веспуччи о его третьем путешествии, о «Mundus Novus», вышедшем в течение нескольких лет в двадцати трех изданиях на многих языках! Поэтому нет ничего удивительного, что для издателя, знавшего и о других сообщениях – будь то подлинники или копии, – было очень соблазнительно выпустить новую книжку Веспуччи: «Собрание отчетов о путешествиях». Но так как имевшегося материала не хватало для того, чтобы противопоставить четыре плавания Веспуччи четырем плаваниям Колумба, анонимный издатель решил «растянуть» материал.

Прежде всего он разделил знакомое нам сообщение о плавании 1499 года на два сообщения: одно о плавании, якобы совершенном в 1497 году, и другое – в 1499 году, нимало не подозревая, что из-за этого обмана Веспуччи будет на целых три столетия заклеймен как лгун и мошенник. Кроме того, издатель добавил в свою книгу различные подробности, взятые из писем и отчетов других мореплавателей, и благополучно получил своего рода mixtum compositum – сложную смесь из правды и лжи, которая на сотни лет стала головоломкой для ученых и дала Америке ее название «Америка».

Пожалуй, тот, у кого эта догадка вызовет сомнение, может возразить: да мыслимо ли вообще такое дерзкое вмешательство, чтобы, не испрашивая согласия автора, дополняли его произведение, произвольно вводя в него всяческие выдумки? Но вот случай, позволяющий доказать возможность такого беззастенчивого вмешательства именно в отношении Веспуччи. Годом позже – в 1508 году – один голландский печатник издает поддельный отчет о пятом путешествии Веспуччи, прибегая к самой грубой фальсификации. Точно так же, как письма Веспуччи послужили неизвестному флорентийскому издателю материалом для книги «Четыре путешествия», так и голландский издатель использовал для своей фальсификации описание путешествия одного тирольца, Валтасара Шпренгера, ходившее в рукописи по рукам. Издатель попросту заменяет повсюду слова оригинала: «Ego, Balthasar Sprenger»[84] словами: «Ick, Alberigus»[85], дабы

заставить публику поверить, что это описание путешествия принадлежит самому Веспуччи. И действительно, столь наглая подделка даже четыреста лет спустя ввела в заблуждение председателя Географического общества в Лондоне, в 1892 году с великой торжественностью объявившего, что им обнаружено пятое путешествие Веспуччи.

Почти нет сомнения – и это проясняет запутанную дотоле ситуацию, – что выдуманное сообщение о первом плавании, равно как и все другие противоречия, из-за которых Веспуччи столь длительное время обвиняли в злостном обмане, вовсе не следует приписывать ему, а должно отнести за счет беззастенчивости издателей и печатников, которые, не спрашивая разрешения автора, сдабривали частные письма Веспуччи всевозможными приправами собственного изготовления и в таком виде пускали в печать. Но против такого толкования вопроса, которое вносит в него полную ясность, противники Веспуччи выдвигают еще одно – последнее – возражение. Почему же, спрашивают они, Веспуччи, который умер в 1512 году и, следовательно, не мог не знать об этих книгах, где ему приписывали путешествия, которых он никогда не совершал, ни разу открыто не выступил против этого? Разве не должен был он ясно и во всеуслышание заявить: «Нет, не я являюсь первооткрывателем Америки, этой страны, которую несправедливо назвали моим именем»? Разве не повинен в обмане тот, кто не протестует против лжи, идущей ему на пользу?

На первый взгляд это возражение кажется убедительным. Но зададимся и другим вопросом: где же мог возражать Веспуччи? В какую инстанцию мог он направить свой протест? В те времена еще не знали, что такое литературная собственность; все, что было напечатано или распространялось в рукописи, было общим достоянием, и каждый мог пользоваться чужим именем и чужим произведением, как ему заблагорассудится.

Где мог протестовать Альбрехт Дюрер против того, что десятки граверов ставили его столь популярную подпись «А. Д.» на своих собственных изделиях; куда могли заявить протест авторы первого варианта «Короля Лира» или «Гамлета», когда Шекспир брал и произвольно переделывал их пьесы? Где, в свою очередь, мог возражать Шекспир против того, что чужие пьесы выходили под его именем? А Вольтер – против тех, кто, желая заставить публику читать свои посредственные атеистические или философские памфлеты, издавал их под его всемирно известным именем? Как мог бороться Веспуччи против множества сборников, которые, всякий раз по-новому искажая тексты, разносили по свету его незаслуженную славу? Единственно, что мог сделать Веспуччи, это объяснять свою непричастность ко

всему этому тем людям, с которыми он встречался в своем кругу.

А в том, что он так и поступал, нет никакого сомнения. В 1508 или 1509 годах, по крайней мере, единичные экземпляры книг Веспуччи должны были, безусловно, попасть и в Испанию. И немыслимо, чтобы король назначил кого-либо, опубликовавшего ложные сообщения о не совершенных им открытиях, на столь ответственную должность, занимая которую человек обязан прежде всего обучать штурманов составлению точных и достоверных донесений. Несомненно, что избранный королем человек должен был быть чист от всяких подозрений.

Более того, как уже точно установлено, одним из первых владельцев книги «Cosmographiae Introductio» был Фернандо Коломбо, сын адмирала. Экземпляр с его пометками сохранился и до нашего времени. Он не только читал эту книгу, в которой, вопреки истине, утверждалось, что Веспуччи ступил на материк раньше Колумба, но и сделал на полях книги свои замечания, – на полях той самой книги, где впервые предлагалось назвать новую страну Америкой. И странно, что в написанной им биографии отца Эрнандо Колон, обвиняющий кого угодно в зависти к великому адмиралу, ни единым дурным словом не отзывается о Веспуччи. Уже Лас Касас удивлялся этому умолчанию. «Я изумлен, – пишет он, – что дон Эрнандо Колон, сын адмирала, человек правильных суждений, имеющий, насколько мне известно, книгу Веспуччи «Navigations»[86], обошел полным молчанием несправедливость и узурпирование, содеянные Америго Веспуччи в отношении его сиятельного отца».

И ничто не говорит о невиновности Веспуччи яснее, чем молчание сына Колумба о том злосчастном искажении текста, из-за которого его отец был лишен заслуженной славы и не дал своего имени открытому им Новому Свету: сын Колумба знал – это произошло без ведома и желания Веспуччи.

Здесь была сделана попытка рассказать о «Causa Vespucci»[87], прошедшем столько инстанций, – рассказать о нем с возможно большей объективностью и хронологической точностью, начиная с момента возникновения этого вопроса. Основная трудность заключалась в том, что предстояло разрешить необычайное противоречие между человеком и его славой, человеком и его репутацией. Ибо совершенное Веспуччи деяние, как теперь известно, не соответствует его славе, а слава – его деянию. Между человеком, каким он был на самом деле и каким он предстал перед всем светом, существовала столь резкая разница, что оба портрета – биографический и литературный – оказались несовместимыми. И лишь после того как мы уясним себе, что слава Веспуччи явилась плодом постороннего вмешательства и

запутанных случайностей, станет возможным рассмотреть его действительные достижения и его жизнь как нечто цельное и рассказать о них в их естественной взаимосвязи.

И тогда оказывается, что с безмерной славой связаны скромные заслуги и что жизнь этого человека, возбуждавшего, как немногие другие, и восхищение и неприязнь всего мира, в действительности не была ни великой, ни драматичной. Это ли не «Комедия случайностей», в которую, сам того не ведая, был вовлечен Веспуччи?

Америго Веспуччи – третий сын нотариуса Чернастазио Веспуччи – родился во Флоренции 9 мая 1451 года, то есть через сто тридцать лет после смерти Данте. Веспуччи происходил из почтенного, хотя и обедневшего семейства и получил обычное для его круга гуманистическое образование, характерное для раннего Возрождения. Он изучал латынь, но не владел ею настолько свободно, чтобы писать по-латыни; его дядя, фра Джорджо Веспуччи, доминиканский монах из Сан-Марко, передает ему некоторые научные познания по математике и астрономии. Ничто не говорит о выдающихся способностях или чрезмерном честолюбии молодого человека. В то время как его братья посещают университет, он довольствуется службой в банке Медичи, возглавляемом Лоренцо Пьеро Медичи (не путать с его отцом, Лоренцо Великолепным).

Таким образом, во Флоренции Америго Веспуччи не считался выдающимся человеком и тем более крупным ученым. Его письма к друзьям свидетельствуют, что он был занят своими личными делами и скромными интересами. При ведении коммерческих операций в банке Медичи он тоже как будто не выдвинулся, и только случайность приводит его в Испанию.

Подобно Вельзерам, Фуггерам и другим немецким и фламандским купцам, Медичи имели свои отделения в Испании и в Лиссабоне. Они финансировали экспедиции в новые страны, стараясь получить необходимые сведения и прежде всего вкладывать свои капиталы туда, где они приносят больше всего прибыли. Но вот у хозяев явилось подозрение, что один из служащих их севильской конторы совершил растрату. А поскольку хозяева считают Веспуччи, так же как и все, с кем он имел когда-либо дело, человеком исключительно добросовестным и надежным, то 14 мая 1491 года этого мелкого служащего и посылают в Испанию, где он поступает в филиал фирмы Медичи – торговый дом Хуаното Беральди. И здесь, у Беральди, занятого главным образом снаряжением кораблей, положение Веспуччи также остается скромным.

Веспуччи отнюдь не самостоятельный купец с капиталом и

собственной клиентурой, хотя он и называет себя в письмах «Mercante florentino»[88], а всего лишь «фактор» конторы Беральди, который, в свою очередь, подчинен Медичи. Не занимая высокого положения, Веспуччи, однако, приобретает личное доверие и даже дружбу своего начальника. В 1495 году, чувствуя приближение смерти, Беральди назначает в завещании своим душеприказчиком Америго Веспуччи, которому после смерти Беральди и приходится заняться ликвидацией фирмы.

Таким образом, Веспуччи, которому уже почти пятьдесят лет, снова остается с пустыми руками. Видимо, ему не хватает капитала или желания самостоятельно и на свой риск продолжать дела Беральди. Чем занимался Веспуччи в Севилье в последующие 1497 и 1498 годы, в настоящее время установить нельзя, так как об этом не сохранилось никаких документов. Но, во всяком случае, – и это подтверждается более поздним письмом Колумба – Веспуччи жилось несладко, ибо только неудачами можно объяснить внезапную перемену в его жизни.

Почти тридцать лет проработал умный работяга-флорентиец мелким служащим, всегда занятым чужими делами. Он не обзавелся собственным домом, у него нет ни жены, ни ребенка. На склоне лет он оказался одиноким, необеспеченным человеком. Но эпоха открытий дает смельчаку, способному рискнуть своей жизнью, единственную в своем роде возможность – одним рывком завоевать и богатство и славу. Это эпоха дерзких смельчаков и любителей приключений, с тех пор, пожалуй, более неведомых миру. И, подобно сотням и тысячам других неудачников, этот дотоле мелкий и, вероятно, даже обанкротившийся купец Америго Веспуччи пытается найти свое счастье, отправившись на корабле в Новую Индию. Когда в мае 1499 года Алонсо Охеда снаряжает по поручению кардинала Фонсеки заморскую экспедицию, Америго принимает в ней участие.

В качестве кого взял его с собой Алонсо Охеда, не совсем ясно. Несомненно лишь то, что фактор фирмы Беральди, занимавшийся снаряжением морских кораблей, постоянно имел дело с капитанами, кораблестроителями, поставщиками разных товаров и приобрел в силу этого некоторые профессиональные познания. Он досконально изучил корабль – от киля до кончика мачты. Как образованный флорентиец Веспуччи намного культурнее своих товарищей по плаванию; кроме того, он, по-видимому, заранее приобрел навигационные знания. Он учится пользоваться астролябией и применять новые методы вычисления долготы, занимается астрономией, упражняется в составлении географических карт; поэтому можно предположить, что он участвовал в экспедиции Охеды в качестве кормчего или

астронома, а не как простой маклер.

Но даже если предположить, что Америго Веспуччи участвовал в этой экспедиции не как кормчий, а как простой делец, то, во всяком случае, из многомесячного плавания он возвратился опытным специалистом. Не лишенный сообразительности и тонкой наблюдательности, обладая большой любознательностью, Веспуччи, понаторевший в математических расчетах и рисовании карт, приобрел, видимо, за долгие месяцы плавания те особые качества, которые заметно выделяют его в кругу мореплавателей. И поскольку в Португалии готовится новая экспедиция в недавно открытые Кабралом области Бразилии, вдоль северного побережья которой проходил и Веспуччи в плавании с Охедой, то именно к нему обращается король с предложением сопровождать эту новую экспедицию в качестве кормчего, астронома или составителя карт. То обстоятельство, что король соседнего государства, где, право же, не было недостатка в собственных отличных кормчих и мореходах, пригласил именно Веспуччи, непреложно свидетельствует о высокой репутации этого дотоле неизвестного человека.

Веспуччи колеблется не слишком долго. Плавание с Охедой не принесло ему никакой прибыли. После всех опасностей и трудностей многомесячного путешествия он возвратился в Севилью таким же бедняком, каким уехал; у него нет должности, нет профессии, нет занятия, нет состояния, следовательно, ни в коей мере не является изменой Испании то, что он принял почетное предложение португальского короля.

Но и новое плавание не приносит Веспуччи ни выгоды, ни почета. Его имя столь же редко упоминается в документах, где говорится об этой экспедиции, как и имя командующего флотилией. Задача этого разведывательного плавания состояла в том, чтобы возможно дальше пройти вдоль побережья на юг и открыть уже давно разыскиваемый путь к «Островам пряностей». Ибо люди все еще одержимы иллюзией, что Земля Святого Креста, на которую наткнулся Кабрал, является не чем иным, как островом средней величины, и тот, кому посчастливится обогнуть его, сможет очутиться у Моллуков – этой сокровищницы пряностей и источника всех богатств.

Историческая заслуга экспедиции, в которой участвовал Веспуччи, заключается в том, что она позволила впервые опровергнуть это заблуждение. Португальцы достигают тридцатого, сорокового, пятидесятого градуса южной широты, но все еще плывут вдоль берега. Ему нет ни конца, ни края. Давно остались позади жаркие края, становится все холоднее и холоднее, и вот уже морякам приходится отказаться от надежды

обогнуть этот огромный новый материк, который, словно гигантская поперечная балка, преграждает им путь в Индию.

Однако, приняв участие в неудавшемся, но тем не менее одном из самых смелых и значительных плаваний эпохи, о котором Веспуччи имеет полное право с гордостью сказать, что оно измерило четвертую часть света, этот дотоле никому не известный человек делает огромный вклад в географическую науку: Веспуччи привозит Европе сознание того, что новонайденная земля не есть Индия или какой-то остров, а что это «Mundus Novus» – новый материк, Новый Свет.

Не более успешно и следующее плавание, которое Веспуччи предпринимает опять-таки по поручению короля Португалии; цель плавания та же – найти восточный путь в Индию, то есть попытаться осуществить тот подвиг, который лишь впоследствии удалось совершить Магеллану. Правда, на сей раз флотилия спускается еще дальше на юг, оставив позади себя Рио-де-Ла-Плата, однако, гонимая бурями, она вынуждена вернуться. И еще раз Веспуччи, теперь уже на пятьдесят четвертом году жизни, возвращается в Лиссабон таким же бедным, разочарованным и – как сам он считает – совершенно безвестным человеком, одним из многих, кто искал свое счастье в Новой Индии и так и не нашел его.

Но тем временем происходит нечто невероятное, чего Веспуччи, находясь под другим небом, на другом полушарии, не мог предвидеть, о чем не мог и мечтать: оказывается, именно он, скромный, безвестный и нищий мореход, взволновал умы всех ученых Европы. Каждый раз, возвратившись из плавания, он писал своему бывшему хозяину и личному другу Лоренцо Медичи письма, в которых правдиво и честно описывал все, что довелось ему увидеть в пути. Кроме того, он вел дневники и вручил их королю Португалии; как письма, так и дневники были исключительно личными документами и предназначались только для политической или торговой информации.

Веспуччи никогда не приходила в голову мысль выдавать себя за ученого или писателя и считать свои частные письма литературными или научными произведениями. Веспуччи выразительно говорит, что во всем им написанном, как он сам считает, di tanto mal sapore[89], что он не может решиться опубликовать это в столь незаконченном виде. Если же он один раз упоминает о плане задуманной им книги, то тут же прибавляет, что хочет издать ее лишь «при помощи ученых людей». И только тогда, когда он «уйдет на покой», quando saro de reposo[90], чтобы после смерти снискать некоторую славу – qualche fama.

Но, сам того не ведая и уж, конечно, ничего для этого не предпринимая, он, странствующий в эти дни в чужих морях, нежданно и словно с черного хода приобрел славу великого писателя и самого ученого географа своей эпохи. То письмо к Лоренцо Медичи, в котором Веспуччи описывал свое третье плавание, было переведено на латинский язык, затем весьма вольно отредактировано, стилизовано под научный отчет и, появившись в печати под заглавием «Mundus Novus», произвело невероятную сенсацию. С того момента, как эти четыре печатных листа выпорхнули в свет, во всех городах и гаванях знают, что вновь открытые земли совсем не Индия, как предполагал Колумб, а Новый Свет и что именно Альберик Веспутий первым поведал миру эту чудесную истину.

Но человек, которого вся Европа считает образованнейшим ученым и наиболее отважным из всех мореплавателей, ничего не ведает о своей славе и старается найти такое место, которое обеспечило бы ему наконец скромное, спокойное существование. Уже будучи в годах, Веспуччи женится и окончательно отказывается от столь утомительных приключений и плаваний. Наконец на пятьдесят седьмом году жизни осуществляется его заветное желание. Он достиг того, к чему стремился всю свою жизнь: получив должность главного кормчего Casa de Contratación с окладом в пятьдесят тысяч, а позже в семьдесят пять тысяч мараведисов, он зажил мирной жизнью обывателя. С этого времени новоявленный Птолемей не больше и не меньше как обыкновенный чиновник короля – один из многих почтенных королевских чиновников в Севилье.

Было ли Веспуччи в последние годы его жизни известно о той славе, которая выросла вокруг его имени вследствие недоразумений и ошибок? Подозревал ли он когда-нибудь, что новую землю, лежащую по ту сторону океана, хотят назвать его именем? Возражал ли он против этой незаслуженной славы, высмеивал ли ее или только тихо и скромно сказал своим ближайшим друзьям, что не все происходило так, как печатают в книгах?

Мы знаем лишь одно, а именно, что эта невероятная слава, которая, подобно урагану, пронеслась через моря и горы, прокатилась через многие страны и, прозвучав на разных языках, докатилась даже до Нового Света, не принесла самому Веспуччи никакой, даже самой ничтожной, осязаемой выгоды. Он остается таким же бедняком, каким был и в первый день своего приезда в Испанию; и когда 22 февраля 1512 года Веспуччи скончался, его вдове пришлось униженно просить о назначении ей минимальной годовой пенсии в десять тысяч мараведисов. Единственно, что

осталось ценного после Веспуччи, – это дневники его путешествий. Лишь они могли бы открыть нам всю правду, но дневники эти попали к племяннику Веспуччи, хранившему их так небрежно, что они навсегда для нас потеряны, как и многие другие драгоценные документы эпохи открытий.

Ничего не осталось от трудов этого скромного, сдержанного человека, кроме сомнительной и не по праву присвоенной ему славы. Одно ясно – человек, заставивший ученых в течение четырех столетий решать одну из самых сложных проблем, сам, по существу, прожил весьма несложную, бесхитростную жизнь. Решимся же утверждать следующее: Веспуччи был не более как человеком посредственным. Он не был первооткрывателем Америки, не был amplificator orbis terrarium[91], но не был равным образом и обманщиком, каким его ославили. Он не был великим писателем, но и не воображал, что является таковым. Веспуччи не выдающийся ученый, он не глубокомысленный философ, и не астроном Коперник, и не Тихо де Браге; и пожалуй, даже слишком смело ставить его в первый ряд великих мореплавателей, потому что нигде его печальная судьба не позволила ему проявить собственную инициативу.

Ему не доверили флотилии, как Колумбу и Магеллану; занимая различные должности, Веспуччи всегда был лицом подчиненным и не имел возможности самостоятельно что-либо исследовать, открывать, приказывать или руководить. Он всегда был во втором ряду, заслоненный чужой тенью. И если, несмотря ни на что, сверкающий луч славы пал именно на него, то это произошло не в силу его особых заслуг или особой вины, а из-за своеобразного стечения обстоятельств, ошибок, случайностей, недоразумений. То же самое могло произойти с любым другим участником того же плавания, рассказывавшим о нем в своих письмах, или со штурманом какого-нибудь соседнего корабля.

Экспедиция Америго Веспуччи
Гравюра XVI в.

Но история не позволяет спорить, она выбрала именно его, и ее решение, пусть даже ошибочное, пусть несправедливое, бесповоротно. Два слова «Mundus Novus», которыми сам Веспуччи или неизвестный издатель озаглавил его письма и «Четыре путешествия», – причем даже не установлено, во всех ли плаваниях он принимал участие, – ввели Веспуччи в гавань бессмертия. Никогда уже его имя не будет вычеркнуто из книги человеческой славы, и, пожалуй, всего точнее можно определить его заслуги в истории мировых открытий парадоксом: Колумб открыл Америку, но не знал этого, Веспуччи ее не открывал, но первым понял, что Америка – новый континент. Это единственное достижение Веспуччи связано со всей его жизнью, с его именем. Ибо никогда сам по себе подвиг не является определяющим, а решающее значение имеют осознание подвига и его последствия.

Человек, который рассказывает о подвиге и поясняет его, может стать для потомков более значительным, чем тот, кто его совершил. И в не поддающейся расчетам игре исторических сил малейший толчок может зачастую вызвать сильнейшие последствия. Кто ждет от истории справедливости, тот требует от нее большего, чем она намерена дать: она часто дарует среднему человеку славу подвига и бессмертие, отбрасывая самых лучших, храбрых и мудрых во тьму безвестности.

И все же Америке не следует стыдиться своего имени. Это имя человека честного и смелого, который уже в пятидесятилетнем возрасте трижды пускался в плавание на

маленьком суденышке через неведомый океан, как один из тех «безвестных матросов», сотни которых в ту пору рисковали своей жизнью в опасных приключениях. И, быть может, имя такого среднего человека, одного из безымянной горстки смельчаков, более подходит для обозначения демократической страны, нежели имя какого-нибудь короля или конквистадора, и, конечно же, это более справедливо, чем если бы Америку называли Вест-Индией, или Новой Англией, или Новой Испанией, или Землей Святого Креста.

Это смертное имя перенесено в бессмертие не по воле одного человека; то была воля судьбы, которая всегда права, даже если нам кажется, что она поступает несправедливо. Там, где приказывает эта высшая воля, мы должны подчиниться. И мы пользуемся сегодня этим словом, которое придумано по воле слепого случая, в веселой игре, как само собой разумеющимся, единственно мыслимым и единственно правильным – звучным, легкокрылым словом «Америка».

ФЕРНАН МАГЕЛЛАН

Антонио Пигафетта
ПУТЕШЕСТВИЕ МАГЕЛЛАНА

Его сиятельству и превосходительству синьору Филиппу де Вилье Лиль Адану, именитому магистру Родосского ордена, достойнейшему синьору моему, от патриция из Виченцы, рыцаря ордена Родосского Антонио Пигафетты.

Сиятельный и превосходительный синьор!

На свете немало любознательных людей, которые не только не удовольствуются тем, что узнают и услышат о великих и удивительных вещах, которые Господь Бог сподобил меня перевидать и претерпеть в долгом и опасном плавании, ниже мною описанном, но также пожелают узнать, какими средствами, способами и путями пользовался я, совершая это плавание, и не придадут полной веры его успешному завершению, пока им не будет доподлинно известно, каково было его начало. Ввиду этого да будет ведомо вам, сиятельный синьор, что в бытность мою в Испании в 1519 году от Рождества нашего Спасителя при дворе светлейшего короля римлян[92] в составе свиты достопочтенного монсиньора Франческо Кьерикати, апостолического протонотария и нунция блаженной памяти папы Льва X, возведенного впоследствии в сан епископа Апрутинского и принца Терамского, узнав до того из многих книг, мною прочитанных, а также из рассказов разных особ, беседовавших с вами, мой господин, о великих и удивительных явлениях на Море-Океане, я решил, пользуясь благоволением его кесаревского величества, а также и вышеупомянутого господина моего, испытать сам и повидать все это собственными глазами, дабы в некоторой мере удовлетворить свою любознательность, равно как и для того, чтобы снискать себе некую славу в далеком потомстве. Услыхав, что в городе Севилье снаряжен с этой целью флот в составе пяти кораблей для добычи пряностей на Молуккских островах, под начальством капитан-генерала Фернана ди Магальяйнша [Магеллана], португальского дворянина, командора ордена Св. Якова Меченосца, многократно пересекавшего в различных направлениях Океан и снискавшего себе этим великую славу, я отправился туда из города Барселоны, где в это время пребывало его величество, везя с собой много благожелательных писем. Я отплыл на корабле в Малагу, а оттуда сушей прибыл в Севилью. Целых три месяца я провел в Севилье в ожидании, пока упомянутый флот готовился к плаванию, и когда, наконец,

наступил срок отправления, путешествие началось при чрезвычайно счастливых предзнаменованиях, в чем, превосходительнейший мой господин, вы убедитесь из дальнейшего. А так как в бытность мою в Италии для свидания с его святейшеством папой Климентом, вы были столь милостивы, благосклонны и благожелательны ко мне при встрече в Монте Розо и заявили мне, что вам доставило бы большое удовольствие, если бы я составил для вас описание всего того, что увижу и претерплю во время моего путешествия, то, хотя у меня представлялось к тому мало удобств, я все же постарался удовлетворить ваше желание, насколько мне это позволяло мое скудоумие. В соответствии с этим в сей маленькой книжке, мною написанной, я преподношу вам описание всех моих бдений, трудностей и странствований и прошу вас, как бы вы ни были заняты непрерывными заботами о Родосском ордене, соблаговолить бегло просмотреть ее, чем вы, светлейший мой господин, немало вознаградите меня, вверяющего себя вашей благосклонности.

Портрет Фернана Магеллана
Гравюра 1673 г.

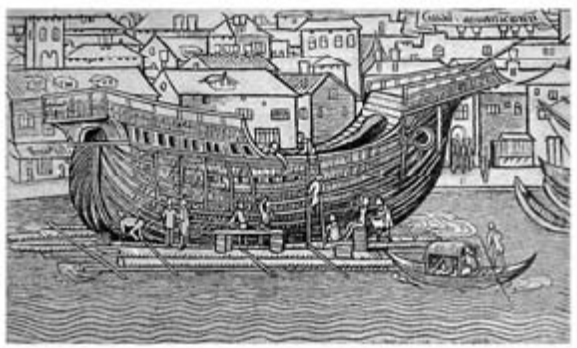
Решив совершить столь длительное плавание по Океану, на котором повсеместно свирепствуют неистовые ветры и сильные бури, и не желая в то же время, чтобы кто-нибудь из его экипажа знал о его намерениях в этом предприятии, дабы их не могла смутить мысль о свершении столь великого и необыкновенного деяния, которое он готовился осуществить с помощью Господа Бога (сопровождавшие его капитаны испытывали к нему чрезвычайно сильную неприязнь, неизвестно по какой причине, если только не оттого, что он был португальцем, а все они были испанцы), наряду с желанием выполнить клятвенное обещание, данное им императору дону Карлу, королю Испании, он предписал нижеследующие правила и преподал их кормчим и боцманам своих кораблей с той целью, чтобы корабли не отделялись друг от друга во время бурь и в ночную пору Он должен был все время идти впереди других кораблей в ночное время, они же следовать за ним, причем на его корабле будет гореть большой смоляной факел, называемый «фаролем». Этот фароль будет находиться на корме его корабля и служить для других кораблей знаком, чтобы они следовали за ним. Другой световой сигнал – при помощи фонаря или фитиля, сделанного из камыша и носящего название «веревки из эспарто»[93], хорошенько вымоченного в воде и затем высушенного на солнце или прокопченного в дыму, – превосходныйматериал дляэтойцели.Другиекорабли должны давать ответные сигналы таким образом, чтобы он мог всегда знать, двигаются ли все корабли вместе. Если за фаролем будут гореть два световых сигнала, то корабли должны менять направление или поворачивать на другой галс, по той ли причине, что ветер неблагоприятен или не подходит для плавания по взятому курсу, или когда он желал идти медленнее. Когда он давал три световых сигнала, они должны были убирать лисель, каковой представляет собой часть снастей, находящуюся под грот-мачтой и прикрепленную к ней при хорошей погоде, чтобы лучше придерживаться ветра; он убирается затем, чтобы возможно было с большей легкостью опустить грот-мачту тогда, когда внезапный шквал начинает сильно трепать корабль. Когда на корме у него показывались четыре световых сигнала, то это означало, что на кораблях должны немедленно убрать все паруса, а затем он давал один световой сигнал, показывая этим, что его корабль остановился. Если показывалось еще больше световых сигналов или стреляли из пушки, то это означало близость земли или мелей. Четыре сигнала зажигались, когда он хотел, чтобы корабли шли на всех парусах в его кильватере, руководствуясь факелом, горящим на корме. Когда нужно было поднять лисель,

он зажигал три света. Когда он менял курс, он показывал два света, а чтобы удостовериться в том, что все корабли следуют за ним и что они идут вместе, он показывал один сигнал, и каждый из кораблей в ответ делал то же самое. По ночам назначались три вахты: первая – с наступлением ночи, вторая, называемая средней, полуночной, – в полночь, а третья – к концу ночи. Экипаж кораблей был разделен на три части: над первой начальствовал капитан или боцман, они сменяли один другого ночью; начальником второй был либо кормчий, либо помощник боцмана, начальником третьей – боцман. Капитан-генерал требовал неуклонного соблюдения правил о сигналах и вахтах всеми кораблями, дабы тем обеспечить наиболее благоприятные условия для плавания.

Герб Магеллана
Рисунок, хранящийся в португальском архиве Торре дель Томбо

В понедельник утром, 10 августа, в день Св. Лаврентия упомянутого уже года флот, снабженный всем необходимым для морского путешествия и имея на борту разных людей, числом всего двести тридцать семь[94], готовился покинуть севильский порт. Дав залп из многих орудий, поставили фок-стаг по ветру и спустились вниз по Бетису ныне называемому Гвадалкивиром, и миновали Хуан д'Альфаракс, некогда обширное поселение мавров, посреди которого находился мост, пересекавший эту реку и ведший в Севилью. До нынешнего дня еще сохранились под водой два устоя этого моста, и когда суда проходят в этом месте, приходится прибегать к помощи людей, отлично знающих расположение устоев, дабы суда не ударились о них. Лучше всего проходить эти места во время полноводья, бывающего при приливах. То же самое относится ко многим другим поселениям вдоль этой реки, около которых река недостаточно глубока для прохода судов с грузом, да и самый проход не очень широк. Затем

корабли прошли мимо другого поселения, Корьи, а также многих других, пока не достигли замка герцога Медина Сидонья, называемого Сан Лукар и являющегося гаванью и выходом в Море-Океан. Он находится в юго-западном направлении к мысу Св. Винсента, который лежит на 37° широты и на расстоянии 10 лиг[95] от этого порта. А от Севильи до этого пункта [Сан Лукара] 17 или 20 лиг по реке. Тут мы пробыли немало дней для окончания работ по снаряжению флота всем необходимым. Ежедневно отправлялись мы на берег служить мессу в селении Баррамедская Богоматерь, неподалеку от Сан Лукара. Перед отплытием капитан-генерал пожелал, чтобы все мы исповедались. Он распорядился не допустить на эскадру ни одной женщины, ввиду важности предприятия.



Сооружение каравеллы
Фрагмент гравюры XVI в.

Во вторник, 20 сентября того же года, мы оставили Сан Лукар и взяли курс на юго-запад. 26-го того же месяца мы прибыли к острову Большая Канария под названием Тенериф, что лежит на 28° широты, и сделали тут остановку, чтобы запастись мясом, водой и дровами. Мы простояли тут три с половиною дня, запасаясь всем вышесказанным. Затем мы пришли в порт Монте Розо[96] за смолой и простояли там два дня. Да будет ведомо вашему именитству что среди Канарских островов есть один, на котором нет ни одного источника воды, но где в полдень с неба сходит облако, которое окутывает растущее на этом острове дерево, после чего из его листьев и ветвей сочится большое количество воды. У подножья этого дерева находится ров, напоминающий своим видом ключ, и в него стекает вся эта вода, и только этой водой и никакой другой утоляют жажду обитающие тут люди, домашние и дикие животные.

В понедельник, 3 октября, в полночь, мы плыли на всех парусах на юг и вступили в открытый Океан, пройдя между

Зеленым Мысом и примыкающими к нему островами, расположенными на 14°30' широты. Таким образом мы шли много дней вдоль берегов Гвинеи или Эфиопии, где находится гора под названием Сьерра Леоне, расположенная на 8° широты, испытывая и противные ветры, и штили, и дожди без ветра, пока не достигли экватора, причем в течение шестидесяти дней беспрерывно лил дождь. Вопреки мнению древних[97], до того, как мы достигли этой линии на 14° широты, мы выдержали много яростных шквалов и течение шло против кормы. Так как не было возможности двигаться вперед, то, во избежание кораблекрушения, паруса убирались, и таким-то образом нас носило то туда, то сюда все время, пока продолжалась буря, – так яростна была она. При дожде ветер стихал. С появлением солнца наступало затишье. Какие-то большие рыбы, называемые акулами, подплывали к кораблям. У них страшные зубы, и как только им попадается человек, они пожирают его. Мы выловили много рыб при помощи железных крюков, но они непригодны для еды; размерами поменьше лучше, но точно так же не годятся для этой цели. Во время этих бурь нам не раз являлось святое тело, т. е. св. Эльм, в пламени[98], а в одну очень темную ночь он показался на грот-мачте, пылая точно ярко горящий факел, где и оставался в продолжение двух с лишним часов, принося нам отраду, так как все мы проливали слезы. Когда этот благословенный свет погас, столь яркой была его последняя вспышка, что она поразила наше зрение, и все мы больше чем одну восьмую часа не могли видеть ничего и молили, чтобы сжалились над нами. Но как раз тогда, когда мы считали себя на краю гибели, море внезапно успокоилось. Я видел много разнообразных родов птиц, в том числе таких, которые вовсе не имеют гузки; были и другие, у которых самка, собираясь класть яйца, делает это на спине самца и там же высиживает их. У этой птицы нет ног, и она постоянно живет на море. Видел я и такую птицу, которая питается пометом других птиц и, кроме этой, никакой иной пищи не принимает. Я часто наблюдал, как эта птица, называемая «кагасела», летала вслед за другой до тех пор, пока последняя не выпускала помета, который первая немедленно же подхватывала, после чего оставляла преследуемую в покое. Я видел летающих рыб и много других рыб, собравшихся вместе, так что они напоминали собою целый остров.

Миновав экватор и направляясь на юг, мы потеряли из виду Полярную звезду, затем, идя по курсу юго-юго-запад, пришли в страну, именуемую страной Верзин[99], расположенную на 20°30' широты в направлении к Южному полюсу. Эта страна тянется на пространстве от мыса Св. Августина, лежащего на 8° той же

широты. Там мы сделали обильный запас кур, пататов, множества сладких ананасов – воистину самый вкусный плод, который только можно найти на земле, мяса «анта»[100], напоминающего по вкусу говядину, сахарного тростника и бесчисленного множества другого продовольствия, которого не перечисляю, дабы не быть докучным. Здесь нам давали за один рыболовный крючок пять или шесть кур, за гребенку – пару гусей, за зеркало или пару ножниц – столько рыбы, сколько хватило бы на прокормление десятка людей, за погремушку или кожаный шнурок – целую корзину пататов. Штаты вкусом напоминают каштаны, величиной они с репу. За короля в игральных картах давали мне шесть кур, и при этом считали, что надули меня.

В этот порт мы вступили в день св. Люсии, солнце стояло в зените, и как в этот, так и в последующие дни, в которые солнце все время оставалось в зените, мы страдали от жары гораздо сильнее, чем когда находились на экваторе.

Страна Верзин и размерами своими, и богатствами больше, чем Испания, Франция и Италия вместе взятые, она принадлежит королю Португалии. Здешний народ – не христиане и ничему не поклоняются. Они живут сообразно с велениями природы и достигают возраста 125–140 лет. Как мужчины, так и женщины ходят нагие. Они живут в продолговатых домах, называемых «бойи», и спят в хлопчатобумажных сетках «амаке», привязываемых внутри этих домов концами к толстым брусьям. Под этими сетками на полу разложен очаг. В каждом из «бойи» помещается по сотне мужчин с женами и детьми, отчего стоит большой шум. У них есть лодки, «каноэ», выдолбленные из одного громадного дерева при помощи каменных топоров. Так как у местных жителей нет железа, то они пользуются камнем так же, как мы пользуемся железом. В подобного рода лодке помещается от 30 до 40 человек. Гребут веслами, напоминающими ухваты; черные, нагие, остриженные догола, они походят во время гребли на гребцов на стиксовом болоте. Мужчины и женщины такого же сложения, как и мы. Они едят мясо своих врагов, и не потому, чтобы оно было вкусное, а таков уж установившийся обычай. Обычай этот, общий для всех, возник благодаря одной старой женщине, у которой единственный сын был убит врагами. По прошествии нескольких дней друзья старой женщины взяли в плен одного из тех, что убили ее сына, и привели его в то место, где она находилась. Увидав его и вспомнив сына, она накинулась на него, как разъяренная сука, и укусила его в плечо. Вскоре пленнику удалось бежать к своим соплеменникам, которым он рассказал, что его пытались съесть, и при этом показал знаки укуса на своем плече. После этого, как

только они брали в плен кого-нибудь из врагов, они съедали его, и точно так же поступали с ними их враги. Вот каким образом возник подобный обычай. Они не съедают труп целиком, но каждый отрезывает по кусочку и уносит его домой, где и коптит его. Затем каждую неделю он отрезает небольшой прокопченный кусочек и съедает его вместе с другой пищей, чтобы помнить о своих врагах. Все это рассказал мне кормчий Жуан Каваджо, ехавший с нами и проживший в этой стране четыре года.

Туземцы разрисовывают тело и лицо удивительным способом при помощи огня на всевозможные лады; то же делают и женщины. Мужчины обриты догола, бород у них нет: волосы они выщипывают. Одеты они в платье из перьев попугая, у пояса же они носят круг из самых больших перьев – вид прямо-таки уморительный. Почти у всех, за исключением женщин и детей, в нижней губе проткнуты три отверстия,с которых свисают круглые камушки длиною около пальца. Цвет кожи у них не черный, а желтоватый. Срамные части ничем не прикрыты, все тело лишено волос, и тем не менее и мужчины и женщины ходят всегда нагие. Своего повелителя они называют «касиком».

Тут водится бесчисленное множество попугаев; нам давали в обмен на одно зеркало восемь штук. Водятся и маленькие обезьянки, похожие на львов, но желтого цвета и очень красивые. Туземцы пекут круглый белый хлеб из мякоти, находящейся между древесиной и корою и напоминающей собою заквашенное молоко; он не очень хорош на вкус. Тут водится свинья с пупком на спине, а также большие птицы без языка, но с клювами наподобие ложек.

За один топор или большой нож мужчины отдавали нам в рабыни одну или двух своих дочерей, но жен своих они отказывались давать в обмен на что бы то ни было. Да и сами жены ни за что на свете не позволяют себе вести себя постыдно по отношению к мужьям и, как нам передавали, они дают согласие своим мужьям только ночью, а не днем. Женщины обрабатывают поля, они носят свою пишу с гор в корзинах или коробах прямо на голове или прикрепленными к голове. Но их постоянно сопровождают мужья, вооруженные при этом луком, сделанным из бразильского дерева или черной пальмы, и пучком бамбуковых стрел, так как они очень ревнивы. Женщины носят детей в хлопчатобумажной сетке, подвешенной к шее. Я упускаю другие подробности, дабы не быть докучным.

На берегу была дважды отслужена месса, в продолжение которой туземцы стояли на коленях с таким покаянным видом и поднятыми горе сложенными руками, что видеть их такими доставляло истинную радость.

Они соорудили для нас дом, полагая, что мы намерены оставаться здесь дольше, а перед нашим отплытием нарубили для нас большое количество бразильского дерева.

Около двух месяцев тут не было дождей, но как раз в тот день, когда мы вошли в этот порт, пошел дождь, вследствие чего они твердили, что мы явились с неба и принесли с собой дождь. Этот народ можно легко обратить в веру Иисуса Христа.

На первых порах они думали, что маленькие лодки не что иное, как дети кораблей, и что роды происходят тогда, когда их спускают с кораблей на воду, тогда же, когда они привязаны вдоль кораблей, как это обычно и бывает, им казалось, что корабли кормят их грудью.

В этой стране мы пробыли тринадцать дней, затем, продолжая наш путь, мы достигли 34 1/3° широты в направлении Южного полюса, где встретили на берегу пресноводной реки людей, называемых каннибалами, употребляющих в пишу человеческое мясо. Один из них, гигантского роста, приблизился к флагманскому судну, ободряя своих сотоварищей. Голос его походил на рев быка. В то время, когда он находился на борту корабля, остальные занимались тем, что уносили свои пожитки подальше от места, где жили, из боязни перед нами. Видя это, мы высадили на берег сотню наших людей с целью найти языков и поговорить с ними или захватить одного из них силой. Они немедля обратились в бегство и делали такие большие шаги, что мы не могли догнать их, хотя старались также быстро бежать.

На этой реке расположено семь островов, и на самом большом находятся драгоценные камни. Это место носит название мыса Св. Марии. Одно время полагали, что отсюда можно выйти в Южное, то есть Полуденное море, но ничего дальше не было когда-либо открыто. Теперь это название присвоено не мысу, а реке с устьем шириною 17 лиг[101]. Испанский капитан Хуан де Солис некогда отправился с шестьюдесятью моряками для открытия стран, подобно нам, и был съеден на этой реке каннибалами, которым он слишком доверился.

Продолжая путь по направлению к Южному полюсу вдоль побережья этой страны, мы бросили якоря у двух островов, изобилующих гусями и морскими волками[102]. Поистине трудно было определить число этих гусей: их было так много, что за один час мы нагрузили ими все пять кораблей. Гуси эти черного цвета, и все тело и крылья покрыты перьями одинаковой формы. Они не летают и питаются рыбой. Они такие жирные, что вовсе не было необходимости ощипывать перья, – мы попросту сдирали с них кожу. Клюв их похож на вороний. Морские волки разной

масти, они таких же размеров, как корова, с коровьей головой, маленькими круглыми ушами и большими зубами. У них нет лап, а только подошвы с маленькими когтями у самого туловища, похожие на наши руки, а между пальцами у них перепонка, как у гусей. Умей они бегать, они были бы весьма свирепы. Они плавают и питаются рыбой.

В этом месте корабли перенесли очень сильную бурю, во время которой неоднократно являлись нам три святых тела, а именно: св. Эльма, св. Николая и св. Клары, вскоре после чего буря прекратилась.

Оставив это место, мы достигли наконец 49°30' широты в направлении Южного полюса. Так как наступила зима, то суда остановились в одном безопасном для зимней стоянки порту[103]. Тут мы провели два месяца, не видя ни одного человека. Однажды мы вдруг увидали на берегу голого человека гигантского роста, он плясал, пел и посыпал голову пылью. Капитан-генерал велел одному из наших сойти на берег и проделать то же самое в знак миролюбивых намерений. Таким способом ему удалось завести его на островок и представить его капитан-генералу. Когда гигант увидел нас и капитана, он чрезвычайно удивился и начал делать знаки поднятием пальца вверх, как бы заявляя, что мы явились с неба. Он был такого роста, что наши головы достигали только до его пояса, и очень хорошо сложен. Его широкое лицо было все расцвечено красной краской, около глаз – желтой, на щеках нарисованы были два сердца. Скудные волосы его были раскрашены белой краской. Одет он был в шкуры одного животного, искусно сшитые вместе. У этого животного голова и уши такой же величины, как у мула, шея и туловище – как у верблюда, ноги – как у оленя, а хвост – как у лошади, подобно которой он также и ржал. В этой стране живет очень много подобных существ[104]. Обут дикарь был в кожу от ног того же животного, шкурой которого было покрыто его тело.[105] В руке у него был короткий тяжелый лук с тетивой, немного потолще струны лютни, сделанной из кишок того же животного, и пучок не очень длинных бамбуковых стрел, оперенных, как и наши, и снабженных острыми наконечниками из белого и черного кремня вместо железных, наподобие турецких стрел. Острия эти обрабатываются при посредстве другого камня. Капитан-генерал велел накормить и напоить великана. Между прочими предметами ему показали большое стальное зеркало. Когда он увидел в зеркале свое лицо, он был страшно испуган и шарахнулся назад, опрокинув при этом на землю четырех наших. Затем ему дали несколько погремушек, зеркало, гребенку и несколько молитвенников. Капитан-генерал отправил его на

берег в сопровождении четырех вооруженных. Когда один из сотоварищей великана, не побывавший на наших кораблях, увидел его и спутников, он кинулся к тому месту, где находились остальные. Все они, выстроившись в ряд, нагие, начали подходить к нашим людям. При приближении к ним наших людей они пустились в пляс и начали петь, поднимая палец к небу. Они показали нашим белый порошок, изготовляемый ими из корней одной травы и сохраняемый в глиняных горшках; этот порошок служит им пищей, ничего другого у них нет. Наши знаками пригласили их на корабли, обещая помочь им перенести туда все их пожитки. Но мужчины взяли только свои луки, в то время как их жены, словно мулы, нагрузили на себя все остальное. Женщины не такого высокого роста, как мужчины, зато гораздо более тучные. Их вид нас крайне поразил. Груди у них длиною в полтора локтя, они раскрашены и одеты так же, как и мужчины, но спереди кусок меха прикрывает их срамные части. Они вели за собой четырех детенышей упоминавшихся уже животных, связанных ремнями наподобие поводьев. Охотясь на этих животных, они привязывают детенышей к терновому кусту. Взрослые животные приходят поиграть с детенышами, и туземцы убивают их стрелами из своих укрытий.

Наши люди привели к кораблям восемнадцать туземцев, мужчин и женщин, и расставили их по обеим сторонам бухты, чтобы они изловили нескольких животных.

Спустя шесть дней наши люди, занятые рубкой дров, заметили другого великана, раскрашенного и одетого точно таким же образом. В руке у него были лук и стрелы. Когда наши приблизились к нему, он прежде всего коснулся руками головы, лица и туловища, и то же самое проделали и наши, и затем поднял руки к небу. Извещенный об этом, капитан-генерал приказал привезти его на маленькой лодке. Его привезли на островок в бухте, где нами был выстроен дом под кузницу и кладовую для хранения некоторых предметов с кораблей. Великан этот был даже выше ростом и еще лучше сложен, чем остальные, и столь же смирный и добродушный, как и они. Он плясал, подскакивая, и при каждом прыжке ноги его вдавливались в песок на целую пядь. Он прожил у нас много дней, так что мы его окрестили и дали имя Хуан. Он повторял за нами слова: «Иисус», «Отче наш», «Ave Maria» и «Хуан» столь же отчетливо, как и мы, но необыкновенно громким голосом. Капитан-генерал дал ему рубаху, шерстяную куртку, суконные штаны, шапку, зеркало, гребенку, погремушки и всякой всячины и отослал его так же, как и его сотоварищей, домой. Он покинул нас счастливый и веселый. На следующий день он привел к

капитан-генералу одно из упомянутых больших животных, взамен чего ему дано было много вещей с тем, чтоб он привел животных побольше, но с той поры мы его не видели больше. Мы решили, что сотоварищи убили его за то, что он общался с нами.

Бразильцы на лодках
Гравюра 1565 г.

Спустя две недели мы увидели четырех таких же безоружных великанов: они скрыли свое оружие в кустах, о чем нам стало известно от двух взятых нами в плен. Каждый из них был раскрашен по-разному. Двоих из них, помоложе и лучше сложенных, капитан-генерал захватил при помощи очень хитрой уловки для того, чтобы повезти их в Испанию. Если бы он употребил для этой цели другие средства, то они легко могли бы убить кого-нибудь из нас. Уловка же, к которой он прибегнул для того, чтобы их захватить, состояла в следующем. Он дал им много ножей, ножниц, погремушек и стеклянных бус; всем этим заняты были обе руки великанов. Капитан при этом держал две пары ножных кандалов и делал такие движения, как если бы хотел передать их великанам, которым эти вещи пришлись по вкусу, так как они были из железа, но они не знали их назначения. Им очень не хотелось отказываться от этого подарка, но им некуда было положить остальные подарки, да они еще должны были придерживать руками меха, в которые были укутаны. Другие два великана собирались было помочь им, но капитан им не разрешил этого. Видя, что они не склонны отказываться от кандалов, капитан знаками показал им, что может прикрепить их к их ногам, и таким образом они могут их унести с собой. Они кивнули головами в знак согласия, и в ту же минуту капитан наложил кандалы на обоих одновременно. Когда наши приступили к запору замков на кандалах, великаны заподозрили что-то недоброе, но капитан успокоил их, и они продолжали

стоять неподвижно. Однако, увидев, что обмануты, они рассвирепели, как быки, громко крича: «Сетебос» – и призывая его на помощь. С трудом связали мы руки остальным двум и отправили их с девятью нашими на берег с тем, чтобы они указали место, где спряталась жена одного из захваченных нами великанов, так как этот последний выражал сильное горе по поводу того, что она осталась одна, судя по знакам, которые он делал и по которым мы поняли, что речь идет именно о ней. Пока они находились в пути, один из великанов высвободил свои руки и пустился бежать с такой быстротой, что наши вскоре потеряли его из виду. Он прибежал на то место, где остались его сотоварищи, но не нашел там одного из них, который остался с женщинами и отправился на охоту. Он немедля отправился в поиски за ними и рассказал ему обо всем случившемся. Другой великан делал такие усилия освободиться от уз, что наши вынуждены были ударить его, слегка ранив при этом в голову, и заставили повести их, несмотря на его ярость, туда, где находились женщины. Кормчий и предводитель нашего отряда Жуан Каваджо порешил не уводить женщин ночью, а заночевать на берегу, так как уже вечерело. В это время появились два других великана. Увидев своего сотоварища раненым, они заколебались было, но ничего не сказали. Однако на рассвете они сообщили об этом женщинам, и все они бросились тотчас же бежать, покинув все свои пожитки, причем те, что были ростом поменьше, бежали быстрее других. Двое из них обернулись и выстрелили в наших из луков. Один уводил с собою животных, предназначенных для охоты, как описано было выше. В этом бою один из наших был поражен стрелою в бедро и вскоре умер. Увидев это, великаны побежали еще быстрее. Наши были вооружены мушкетами и самострелами, но не могли ранить ни одного из великанов, так как во время сражения великаны не стояли на одном месте, а кидались в разные стороны. Наши похоронили убитого товарища и сожгли все имущество великанов, оставленное ими. Действительно, эти великаны бегают быстрее, чем лошади, и весьма сильно ревнуют своих жен.

Когда у туземцев болит желудок, они, вместо того чтобы очистить его, засовывают в глотку стрелу на глубину двух и более пядей и изрыгают смешанную с кровью массу зеленого цвета, так как они употребляют в пищу какой-то вид чертополоха. Если у них болит голова, они делают порез на лбу; порезы делают они также на руках, ногах и на других частях тела, чтобы выпустить побольше крови. Один из тех, которых мы захватили и содержали на нашем корабле, объяснил нам, что кровь отказывается оставаться дольше (там, где чувствуется боль), отчего и

причиняет им страдание.

Волосы у них острижены, как у монахов, в виде тонзуры, но они длиннее. Голова охвачена хлопчатобумажным шнурком, к которому они, отправляясь на охоту, прикрепляют стрелы. Когда кто-нибудь из них умирает, появляются десять или двенадцать раскрашенных с головы до ног демонов и затевают веселую пляску вокруг трупа. Один из них, утверждают они, выше всех остальных, он и кричит и веселится громче всех. Они и окрашивают себя на тот же лад, что и появляющиеся им демоны. Самого большого демона они называют именем Сетебоса, а других Келуле. Великан знаками дал нам знать, что он сам видел демонов с двумя рогами на голове и длинными волосами, висящими до пят; они изрыгают пламя изо рта и зада. Капитан-генерал назвал этот народ патагонцами. Одеты они в шкуру упомянутого уже животного, и других жилищ, кроме как из шкур того же животного, у них нет; в этих домах они кочуют с места на место подобно цыганам. Питаются они сырым мясом и сладким корнем, называемым ими «капа». Каждый из захваченных нами великанов съедал по корзине сухарей и залпом выпивал полведра воды. Они едят также крыс вместе с кожей.

В этой бухте, названной нами бухтой Св. Юлиана [Сан Хулиан], мы пробыли около пяти месяцев. Тут имело место немало происшествий. Дабы ваша светлость знал некоторые из них, расскажу, что, как только мы вошли в бухту, капитаны остальных кораблей замыслили измену с целью убийства капитан-генерала. Заговорщиками были: смотритель флота Хуан де Картахена, казначей Луис де Мендоса, счетовод Антоньо де Кока и Гаспар де Кесада. Заговор был раскрыт, и смотритель был четвертован, а казначей умер от ударов кинжала. Спустя несколько дней после этого Гаспар де Кесада вместе с одним священнослужителем был изгнан в Патагонию. Капитан-генерал не захотел убить его, так как сам император дон Карл назначил его капитаном. Корабль «Сантьяго» потерпел крушение во время экспедиции, предпринятой для исследования побережья страны. Экипажу удалось спастись каким-то чудом, никто даже не промок. Двое из них, испытав множество трудностей, явились к нам и рассказали о случившемся. Тогда капитан-генерал послал несколько человек с запасом сухарей на два месяца. Они нуждались в пище, так как каждый день собирали обломки корабля. Дорога туда была далекая, 24 лиги, или 100 миль, весьма неровная и заросшая колючим кустарником. Наши моряки провели четыре дня в дороге, отдыхая по ночам в кустах. Воды найти нельзя было, и они утоляли жажду льдом, что усугубляло их трудности.

В этой бухте [Сан Хулиан] мы находили моллюсков, названных нами «миссилиони». Они несъедобны, но внутри их находятся жемчужины, правда небольшие. Мы встречали тут также ладан, страусов, лисиц, воробьев и кроликов помельче наших. Мы тут водрузили крест на самой высокой вершине в знак того, что страна эта принадлежит королю Испании, и назвали эту вершину Монте Кристо.

Покинув это место, мы нашли на 51 градусе без одной трети в направлении Южного полюса пресноводную реку. Наши корабли тут чуть не погибли из-за яростных ветров, но Бог и святые тела вызволили нас из беды. Мы простояли на этой реке около двух месяцев для обеспечения кораблей водой, дровами и рыбой, длиною в один и более локоть, покрытой чешуей. Она очень хороша на вкус, но ее было немного. Перед тем как покинуть реку, капитан-генерал и все мы исповедались и причастились, как подобает истинным христианам. Подойдя к 52° той же широты, мы открыли в день Одиннадцати тысяч дев пролив, мыс на котором был назван мысом Одиннадцати тысяч дев в память столь великого чуда. В длину этот пролив простирается на 10 лиг, или 40 миль, а в ширину – на пол-лиги, в одном месте он уже, в другом шире. Он ведет к другому морю, получившему название Тихого моря, и окружен со всех сторон очень высокими горами, покрытыми снегом. Мы не могли нащупать дно и вынуждены были ошвартоваться у берега, на расстоянии 25–30 морских брасов. Без капитан-генерала нам бы ни за что не обнаружить этот пролив, так как нам говорили, что он закрыт со всех сторон. Но капитан-генерал, который знал, куда следует направиться, чтобы найти скрытый от глаз пролив, так как он видел его на карте в сокровищнице короля Португалии, нарисованной таким превосходным мужем, как Мартин Бегайм, отрядил два корабля, «Сан Антоньо» и «Консепсьон», для исследования того, что именно находится внутри бухты Байя. Мы же на других кораблях, флагманском «Тринидад» и «Виктория», оставались внутри бухты, ожидая их возвращения. В эту ночь на нас налетела буря, продолжавшаяся до полудня следующего дня. Она вынудила нас поднять якоря, и нас кидало в бухте из стороны в сторону. Те же два корабля не в состоянии были из-за встречного ветра обогнуть мыс, образуемый бухтой почти у выхода из нее, и с минуты на минуту ожидали гибели. Но как раз тогда, когда они подошли к краю бухты, ожидая неминуемой гибели, они заметили какой-то проход, который оказался не проходом даже, а резким поворотом. В отчаянии они устремились туда, и так вот, случайно, они и открыли пролив. Убедившись в том, что это – не резкий поворот, а пролив, граничащий с сушей,

они проследовали дальше и обнаружили бухту[106]. Направляясь еще дальше, они открыли еще один пролив и еще одну бухту, еще более широкие, чем предыдущие. С радостным чувством поспешили они известить об этом капитан-генерала. Мы же решили, что они потерпели крушение, во-первых, из-за жестокого шторма, а во-вторых, потому, что прошло уже два дня, а они еще не вернулись, а также потому, что были замечены дымовые сигналы, сделанные двумя посланными с наших кораблей на берег, чтобы подать нам весть. В таком состоянии мы и увидели эти два корабля, подходившие к нам на всех парусах с развевающимися по ветру флагами. Подойдя к нам ближе в таком виде, они тут же стали стрелять из орудий и шумно приветствовали нас. Тогда все мы возблагодарили Бога и Деву Марию и направились на дальнейшие поиски.

Вступив в этот пролив, мы нашли два выхода из него – один на юго-восток, другой – на юго-запад.[107] Капитан-генерал отправил корабль «Сан Антоньо» вместе с кораблем «Консепсьон» удостовериться, имеется ли выход на юго-востоке в Тихое море. Корабль «Сан Антоньо» отказался ждать «Консепсьон», намереваясь бежать и вернуться в Испанию, каковое намерение он и осуществил. Кормчим этого корабля был Стефан Гомес, который ненавидел капитана пуще всего оттого, что, когда эскадра была уже снаряжена, император повелел дать ему несколько каравелл для совершения открытий, но его величество так и не предоставил их ему вследствие появления капитан-генерала. По этой-то причине он и замыслил заговор с некоторыми испанцами, и на следующий день они захватили капитана своего корабля, двоюродного брата капитан-генерала, Альваро де Мескита, ранили его и заключили в оковы и в таком виде отвезли в Испанию.

На этом корабле находился один из великанов, которого мы захватили, но он умер, как только наступила жаркая погода. «Консепсьон» не мог следовать за этим кораблем и стал крейсировать в ожидании его отправления. «Сан Антоньо» вернулся ночью и в ту же ночь бежал тем же проливом.

Мы отправились в поиски другого выхода к юго-западу. Направляясь все время по этому проливу мы подошли к реке Сардин, названной так потому что там было очень много сардин. Мы пробыли здесь четыре дня в ожидании прихода двух остальных кораблей. За это время мы отрядили хорошо снаряженную лодку для исследования мыса другого моря. Посланные вернулись через три дня с известием, что они видели мыс и открытое море. Капитан-генерал прослезился от радости и назвал этот мыс Желанным, так как мы долгое время его желали.

Затем мы возвратились, чтобы соединиться с двумя другими кораблями, но нашли только «Консепсьон». На наш вопрос, где же второй корабль, Жуан Серран, капитан и кормчий первого, также, как и корабля, потерпевшего крушение, ответил, что он не знает и что после вступления в проход он более его не видел. Мы произвели розыски на всем протяжении пролива вплоть до самого выхода, через который он бежал, а капитан-генерал отправил корабль «Виктория» обратно к входу в пролив, чтобы удостовериться, там ли этот корабль. Было дано распоряжение, в случае ненахождения корабля, водрузить на вершине невысокого холма флаг и зарыть под ним письмо в глиняном горшке с таким расчетом, чтобы, когда станет виден флаг и найдено будет письмо, корабль мог узнать курс, по которому мы направились. Таков был согласованный между нами способ на случай, если бы отдельные корабли сбились с пути. С такого рода письмами были водружены два флага: один на небольшом возвышении в первой бухте, другой – на островке в третьей бухте[108], где находилось множество морских волков и больших птиц. Капитан-генерал поджидал этот корабль вместе с другим своим кораблем у островка Ислео и поставил крест на островке у реки, протекающей между высокими горами, покрытыми снегом, и впадающей в море вблизи реки Сардин. Не открой мы этого пролива, капитан-генерал непременно дошел бы до 75° широты в направлении к Южному полюсу.

На этой широте в летнее время ночи нет, а если ночь и бывает, то короткая; столь же короток и день в зимнее время. Чтобы ваше сиятельство мог этому поверить, скажу, что, когда мы находились в этом проливе, ночь продолжалась не более трех часов, а были мы там в октябре месяце.

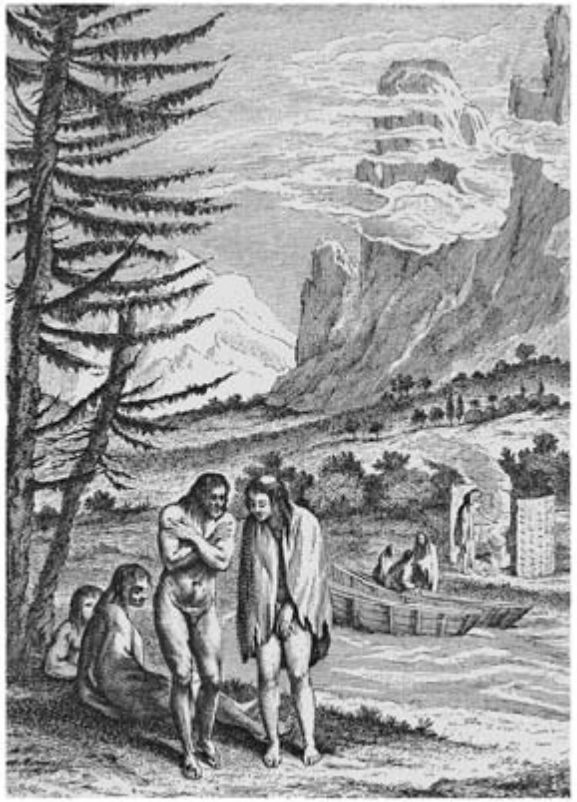
Магелланов пролив на карте Пигафетты
(на подлинной карте север находится внизу)

По левую сторону от пролива земля тянулась в юго-восточном направлении и представляла собою низменность.

Пролив этот мы назвали Патагонским проливом. Через каждые пол-лиги мы находили надежнейшие гавани, воду, превосходные деревья, но не кедр, рыбу, сардины и миссиолиони, сельдерей, сладкую траву (хотя там имеются и более горькие виды), растушую около источников. Мы питались этой травой много дней подряд за неимением другой пищи.

Думаю, что нет на свете пролива более прекрасного и удобного, чем этот.

На этом Море-Океане можно быть свидетелем очень забавной охоты. Охотником является рыба трех родов. Она достигает в длину более одной пяди и носит название: дорадо, альбикор и бонито. Эта рыба преследует летающую рыбу, колондрино, длиною более одной пяди и очень приятную на вкус. Когда упомянутая рыба трех родов замечает летающую рыбу, последняя тут же выскакивает из воды и летит на расстояние выстрела из самострела, пока крылья у нее еще влажные. Пока она летит, другие рыбы мчатся вслед за нею под водой, следуя за ее тенью. Как только колондрино падает в воду, они немедленно хватают ее и пожирают. Забавно и ловко так, что приятно смотреть.



Туземцы Магелланова пролива, которых называли патагонцами, с их хижинами и лодками

Гравюра 1754 г.

Когда туземцы намерены развести огонь, они трут один заостренный кусок дерева о другой, пока огонь не охватит сердцевины одного какого-то дерева, помещаемой ими между двумя этими кусочками.

В среду, 28 ноября 1520 г., мы выбрались из этого пролива и погрузились в просторы Тихого моря. В продолжение трех месяцев и двадцати дней мы были совершенно лишены свежей пищи. Мы питались сухарями, но то уже не были сухари, а сухарная пыль, смешанная с червями, которые сожрали самые лучшие сухари. Она сильно воняла крысиной мочой. Мы пили желтую воду, которая гнила уже много дней. Мы ели также воловью кожу, покрывающую грот-грей, чтобы ванты не перетирались; от действия солнца, дождей и ветра она сделалась неимоверно твердой. Мы замачивали ее в морской воде, в продолжение четырех-пяти дней, после чего клали на несколько минут на горячие уголья и съедали ее. Мы часто питались древесными опилками. Крысы продавались по полдуката за

штуку, но и за такую цену их невозможно было достать.

Однако хуже всех этих бед была вот какая. У некоторых из экипажа верхние и нижние десны распухли до такой степени, что они не в состоянии были принимать какую бы то ни было пищу, вследствие чего и умерли. От этой болезни умерло девятнадцать человек, в том числе и великан, а также индеец из страны Верзин. Из числа тридцати человек экипажа переболело двадцать пять, кто ногами, кто руками, кто испытывал боль в других местах, здоровых оставалось очень мало. Я, благодарение Господу, не испытал никакого недуга.

За эти три месяца и двадцать дней мы прошли четыре тысячи лиг, не останавливаясь, по этому Тихому морю. Поистине оно было весьма мирным, ибо за все это время мы не выдержали ни одной бури. Кроме двух пустынных островков, на которых мы нашли одних только птиц да деревья и потому назвали их Несчастными Островами, мы никакой земли не видали. Они лежат на расстоянии двухсот лиг один от другого. Мы не находили места, куда бы бросить якоря, и видели около них множество акул. Первый островок лежит под 15° южной широты, а другой под 9°. Согласно измерениям, которые мы производили по бревну от корабельного носа до кормы, мы делали ежедневно 50, 60 или 70 лиг. Если бы Господь Бог и приснoблаженная Мать Его не послали нам хорошей погоды, мы все погибли бы от голода в этом необычайно обширном море. Я глубоко уверен, что путешествие, подобное этому, вряд ли может быть предпринято когда-либо в будущем.

Если бы после оставления пролива мы двигались беспрерывно в западном направлении, мы объехали бы весь мир, но не открыли бы ничего, кроме мыса Одиннадцати Тысяч Дев. Это – мыс в этом проливе у Тихого моря в прямом направлении на юго-запад, как и мыс Желанный в Тихом море. Оба эти мыса лежат точно на 52° в направлении к Южному полюсу.

Южный полюс не такой звездный, как Северный. Здесь видны скопления большого числа небольших звезд, напоминающие тучи пыли. Между ними расстояние небольшое, и они несколько тусклые. Среди них находятся две крупные, но не очень яркие звезды, двигающиеся очень медленно. Это – две звезды Южного полюса. Наша магнитная стрелка, хотя и отклонялась то в одну, то в другую сторону, все же направлялась все время к Северному полюсу, но тут сила этого движения не такая, как в своем полушарии. По этой-то причине, когда мы находились на этих просторах и капитан-генерал запрашивал кормчих, идут ли они вперед по курсу, отмеченному нами на картах, и они в ответ ему заявляли: «Точно по вашему курсу, здесь начертанному», он

указывал им, что они шли по неправильному курсу, в чем он был прав, и что надлежит выправить магнитную стрелку, ибо у нее не хватает силы в этом полушарии. Когда мы находились посреди этих открытых просторов, мы наблюдали пять необычайно ярко сверкающих звезд, расположенных крестом в прямом направлении на запад и одна против другой[109].

Эти дни мы шли между западом и северо-западом, пока не достигли экватора на расстоянии 122° от демаркационной линии. Линия же демаркации лежит на 30° от начального меридиана, а этот меридиан лежит на 3° к юго-западу от Зеленого Мыса.

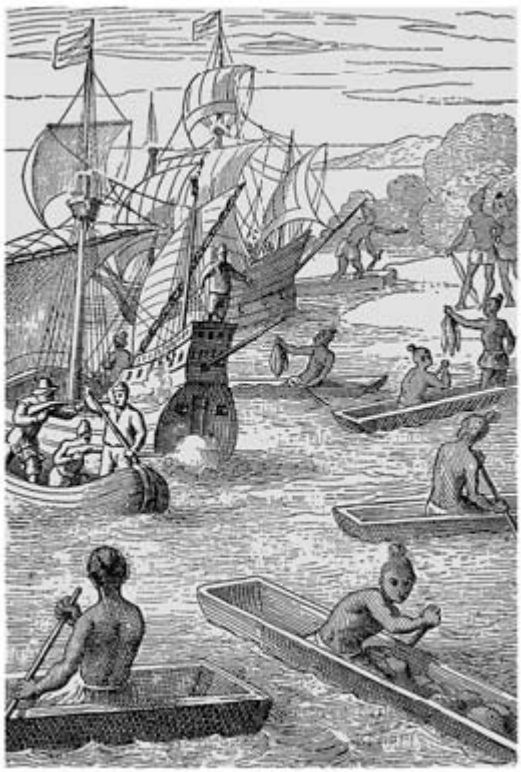
Идя в этом направлении, мы прошли на коротком расстоянии от двух изобилующих большими богатствами островов, расположенных – один под 20° широты Южного полюса под названием Сипангу и другой – под 15° – под названием Сумбдит-Прадит[110].

Миновав экватор, мы направились на запад-северо-запад, между западом и севером, после чего шли 200 лиг на запад, переменив курс на юго-запад, и достигли 13° широты Северного полюса с целью быть ближе к мысу Гатикара. Этот мыс – да простят мне космографы, которыми он не был замечен, – вовсе не находится там, где представляют себе его местоположение, а севернее на 12° или около этого.

Пройдя около 70 лиг по этому курсу, мы нашли под 12° широты и 146° долготы в среду, 6 марта, небольшой остров в северо-западном направлении и два других – в юго-западном, из которых один более возвышенный и больше двух остальных. Капитан-генерал намеревался было сделать стоянку около большого острова, чтобы запастись свежей водой, но он не мог выполнить своего намерения потому, что жители этого острова забирались на корабли и крали там все, что было под руками, мы же не могли защититься от них. Наши решили было уже спустить паруса и высадиться на берег, но туземцы весьма ловко похитили у нас небольшую лодку, прикрепленную к корме флагманского судна. Тогда капитан-генерал в гневе высадился на берег с 40 или 50 вооруженными людьми, которые сожгли 40–50 хижин вместе с большим числом лодок, и убил семерых туземцев. Он забрал свою лодку, и мы тотчас же пустились в путь, следуя по тому же направлению. Перед тем как мы высадились на берег, некоторые из больных нашего экипажа попросили нас принести им внутренности мужчины или женщины в том случае, если мы кого-нибудь убьем, дабы они могли немедленно излечиться от своей болезни.

Когда кто-нибудь из туземцев бывал ранен дротиками наших самострелов, которые пронзали его насквозь, он раскачивал

конец дротика во все стороны, вытаскивал его, рассматривал с великим изумлением и таким образом умирал. Так же поступали и раненные в грудь, что вызывало у нас сильное чувство жалости. Когда мы уезжали, туземцы провожали нас на расстоянии свыше одной лиги более чем на сотне лодок. Приближаясь к кораблям, они показывали нам рыбу, точно хотели дать ее нам, и тут же забрасывали нас камнями. И хотя мы шли на всех парусах, они с большой ловкостью скользили в своих лодчонках между кораблями и небольшими шлюпками, привязанными к корме. Вместе с ними на лодках находились и женщины, которые кричали и рвали на себе волосы, вероятно, оплакивая убитых нами.



Туземцы Разбойничьих островов
Старинная гравюра

Каждый из этих туземцев живет согласно своей воле, так как у них нет властелина. Ходят они нагие, некоторые носят бороду и черные волосы, спускающиеся до пояса. Они носят, подобно албанцам, небольшие шляпы из пальмовых листьев. Они такого же роста, как и мы, и хорошо сложены. Они ничему не поклоняются. Цвет их кожи смуглый, хотя родятся они белыми.

Зубы их окрашены в красный и черный цвета, они считают это признаком самой большой красоты. Женщины ходят голые, только срамная часть у них прикрыта узкой полоской тонкой, как бумага, коры, растущей между древесиной и корою пальмы. Они миловидны и изящно сложены, цвет кожи у них светлее, чем у мужчин. Черные волосы их распущены и падают до земли. Женщины не занимаются полевыми работами, а проводят время дома за плетением циновок, корзин и изготовлением других хозяйственных предметов из пальмовых листьев. Пишу их составляют кокосовые орехи, пататы, фиги величиной в одну пядь [бананы], сахарный тростник и летающие рыбы, помимо другого съестного. Они мажут тело и волосы кокосовым и кунжутным маслом. Дома их построены из дерева, крышей служат жерди, на которых лежат листья фигового[111] дерева длиною в две пяди; имеются полы и окна. Комнаты и постели убраны очень красивыми пальмовыми циновками. Спят они на пальмовых тюфяках, очень мягких и нежных. Иного вида вооружения, кроме копья с насаженной на его конце рыбьей костью, у них не имеется. Они бедны, но весьма ловки и особенно вороваты, вследствие чего эти три острова названы были Островами воров (Разбойничьими). Они бороздят море на своих лодчонках, что служит развлечением как мужчин, так и женщин. Они напоминают собой физолеры[112], но они уже, некоторые окрашены в белый или красный цвет. Напротив паруса лежит заостренное в конце бревно; к нему накрест прикреплены жерди, опускающиеся в воду, чтобы уравновесить лодку. Парус изготовляется из сшитых вместе пальмовых листьев и напоминает собой латинский парус. Рулем служит лопасть, похожая на лопатку булочника, с куском дерева на конце. Корма служит также и носом; в общем они напоминают дельфинов, которые перескакивают с волны на волну. «Воры», судя по знакам, которые они делали, были в полной уверенности, что, кроме них, на свете иных людей нет.

В субботу, 16 марта 1521 г., поутру, мы подошли к возвышенной местности, на расстоянии 300 лиг от Разбойничьих островов, – то был остров Самаль [Самар]. На следующий день капитан-генерал решил для большей безопасности высадиться на другом необитаемом острове, расположенном справа от вышеупомянутого, и там запастись водой и отдохнуть немного. Он велел раскинуть на берегу два шатра для больных и зарезать для них свинью.

В понедельник, 18 марта, под вечер, мы заметили приближающуюся к нам лодку с девятью туземцами. Капитан-генерал приказал всем не делать ни малейшего движения и не

вымолвить ни одного слова без его позволения. Когда они подошли к берегу, их начальник тотчас направился к капитан-генералу со знаками радости по поводу нашего прибытия. С нами остались пятеро наиболее пышно разукрашенных, другие вернулись к лодке позвать оставшихся в ней и занятых рыбной ловлей, после чего собрались все. Видя, что эти люди благорассудительные, капитан-генерал распорядился дать им поесть и роздал им красные головные уборы, зеркала, гребенки, погремушки, безделушки из слоновой кости, демикотон и другие вещи. Довольные обхождением капитана, они предложили рыбу, кувшин пальмового вина, называемого у них «урака» [аррак], фиги длиною более пяди [бананы], а также фиги меньшего размера и более сладкие и два кокосовых ореха. У них с собой больше ничего, кроме этого, не было, но знаками, при помощи рук, они показали, что привезут нам «умай», или рис, кокосовые орехи и множество других предметов пищи в ближайшие четыре дня.

Кокосовые орехи – это плоды пальмового дерева. Подобно тому, как мы удовлетворяем свою нужду в хлебе, вине, масле и молоке, туземцы извлекают все необходимое для питания из этого дерева. Поступают же они для получения из пальмы вина следующим образом. Они просверливают в стволе на вершине пальмы отверстие до самой древесины, и из этого отверстия начинает сочиться жидкость, похожая на белый муст. Жидкость эта сладкая, но несколько терпкая на вкус. Ее собирают в бамбуковые стебли толщиной в ногу и даже больше. Привязанные к пальме стебли бамбука они оставляют до утра, а привязанные с утра – до самого вечера.

Плод пальмы – кокосовый орех величиною с голову или около этого. Его внешняя скорлупа зеленого цвета и толще двух пальцев. Внутри скорлупы находятся волокна, из которых они изготовляют веревки для связывания лодок. Под этой скорлупой находится твердая кожура, более толстая, чем у ореха; они ее сжигают и получают таким образом порошок для различного употребления. Под этой кожурой находится белая мякоть толщиной с палец, которую они едят в сыром виде, как мы едим хлеб с мясом и рыбой. По вкусу она напоминает миндаль. Ее можно высушить и превратить в муку. Внутри этой мякоти находится весьма укрепляющая сладкая жидкость. Стоит ей постоять некоторое время на воздухе, как она застывает и становится похожей на яблоко. Для получения масла они дают перебродить мякоти вместе с жидкостью, затем кипятят и получают масло вроде сливочного. Для получения уксуса они дают перебродить одной только жидкости, выставляют ее на

солнце и получают уксус, похожий на наш из белого вина. Из этой жидкости можно также раздобыть молоко; мы получили его немного. Так, мы наскоблили мякоть и смешали ее с ее же жидкостью, процеженной через полотно, и получили таким образом молоко вроде козьего. Эти пальмы похожи на финиковые, но хотя ствол их не гладкий, он все же не такой сучковатый, как ствол финиковой пальмы. Семья из десяти человек может прокормиться при двух пальмах, используя одну из них одну неделю, а другую – другую неделю, – в противном случае пальмы высохнут. Пальмы эти живут целое столетие.

Туземцы свыклись с нами. Они рассказывали нам о многом, о том, как их зовут, а также названия некоторых островов, которые мы могли видеть из нашей стоянки. Остров, на котором они жили, носит название Сулуан. Он не очень больших размеров. Встречи с ними доставляли нам большое удовольствие, так как они были очень приветливы и общительны. Дабы оказать им еще больше внимания, капитан-генерал привел их на свой корабль и показал им все свои товары: гвоздику, корицу, перец, имбирь, мускатный орех, матию, золото и многое другое. Он велел выстрелить из нескольких орудий, отчего они были сильно испуганы и пытались даже спрыгнуть с корабля. Они знаками дали нам понять, что все эти предметы как раз и находятся там, откуда они сами. Прощаясь с нами, они расстались очень вежливо и приветливо и заявили, что скоро вернутся.

Остров, где мы находились, носит название Хумуну но так как мы нашли на нем два источника прозрачнейшей воды, мы дали ему название «Водоема с хорошими признаками»: мы действительно обнаружили тут первые признаки золота, имеющегося в этой стране. Мы нашли тут также множество белых кораллов и огромные деревья, плоды которых не намного меньше миндаля и напоминают семена сосны. Тут растет много пальм различных пород, одни похуже, другие получше. В этом краю много островов, почему мы и назвали его архипелагом Святого Лазаря, так как мы их открыли в субботу, в день св. Лазаря. Он лежит на 10° широты к Северному полюсу и 161° долготы от демаркационной линии.

В пятницу, 22 марта, в полдень туземцы, согласно обещанию, приехали к нам на двух лодках, груженных кокосовыми орехами, сладкими апельсинами, кувшином пальмового вина и петухом, чтобы показать, что на острове водится птица. При виде нас они выражали большое удовольствие. Мы закупили у них все привезенные ими предметы. Их властителем был разрисованный [татуированный] старик. В ушах у него были две золотые серьги, у его спутников было много золотых браслетов на руках и платки

на головах.

Мы простояли тут неделю, и за это время наш капитан ежедневно высаживался на берег, навещая больных и давая им из своих рук напиток из кокосового ореха, что весьма подкрепляло их.

В этом краю поблизости от этого острова мы встретили людей, в ушах которых были проделаны такие широкие отверстия, что сквозь них можно было просунуть руку. Это – кафры, то есть язычники. Они ходят голые, только срамная часть покрыта плетеньем из древесной коры; их начальники одеты в хлопчатобумажную ткань, вышитую по концам шелком при помощи иглы. Они – темного цвета, тучны и разрисованы. Они мажут тело кокосовым и кунжутным маслом для защиты от солнца и ветра. У них очень черные волосы, опускающиеся до пояса. У них в употреблении кинжалы, ножи и копья, украшенные золотом, широкие щиты, гарпуны, дротики и рыболовные сети, похожие на наш невод. Их лодки напоминают наши.

В понедельник на Страстной неделе, в день нашей владычицы, 25 марта, под вечер, когда мы собирались уже поднимать якорь, я подошел к борту, намереваясь половить рыбу, и, не успев поставить ногу на рею, ведущую в кладовую, поскользнулся, так как рея была мокрая от дождя, и упал в море, а меж тем поблизости не было никого. Я уже погрузился в воду, но тут моя левая рука нащупала веревку от грот-мачты, которая болталась в воде. Я крепко ухватился за нее и стал так громко кричать, что ко мне поспешили на шлюпке и спасли меня. Разумеется, не мои заслуги были причиной моего спасения, а только благость этого источника милосердия (Богородицы).

В тот же день мы направились на юго-юго-запад между четырьмя небольшими островами, именно: Сенало, Хьюнанган, Ибуссон и Абарьен.

В четверг, 28 марта, утром мы отшвартовались у острова, на котором накануне ночью заметили огонь. К флагманскому кораблю приблизилась лодка, которую туземцы называют «болото», с восемью людьми на ней. С ними заговорил раб [раб-переводчик] капитан-генерала, уроженец Саматры [Суматры], носившей ранее название Трапробана. Они его поняли сразу, но остановились поодаль от корабля, отказываясь подняться на борт. Видя, что они нам не доверяют, капитан приказал сбросить им красную шапку и другие вещи, привязанные к куску дерева. Они очень охотно приняли эти вещи и тотчас уехали, чтобы известить своего властителя. Часа два спустя мы увидели две «баланги». Так называются у них большие лодки. На них было множество людей, а на самой большой находился их властитель, который сидел под

навесом из циновок. Раб повел с ним разговор, как только тот приблизился к флагманскому кораблю. Он понял речь раба, так как в этих краях властители знают больше наречий, чем все другие [его подданные]. Некоторым из своих спутников он приказал подняться на корабль, сам же он оставался в своей баланге на некотором расстоянии от корабля, ожидая возвращения своих людей. Как только они вернулись, он уехал. Капитан-генерал оказал большое внимание туземцам, взошедшим на корабль, и одарил их некоторыми вещами, за которые властитель их пожелал перед отъездом дать капитану большой слиток золота и корзину имбиря. Капитан, однако, отказался их принять, сердечно поблагодарив властителя. Под вечер мы подошли на кораблях ближе к берегу и остановились недалеко от поселения властителя.

На следующий день, в Страстную пятницу, капитан-генерал отправил своего раба, служившего нам толмачом, на берег в небольшой шлюпке, поручив ему спросить властителя, может ли он прислать на корабли съестные припасы; он велел передать, что тот будет полностью вознагражден нами, так как он и его люди явились в эту страну как друзья, а не как враги. После этого властитель приехал с шестью или восемью своими людьми и взошел на корабль. Он обнял капитан-генерала и дал ему три фарфоровых кувшина с невареным рисом, закрытые листьями, две большие рыбы (дорадо) и другие предметы. Капитан-генерал, в свою очередь, преподнес ему платье из красной и желтой материи турецкого фасона и красивый красный головной убор, а его свите – одним ножи, другим зеркала. Затем он велел подать им завтрак, а толмачу-рабу приказал передать властителю, что хочет быть ему «каси-каси»[113], то есть братом, на что властитель ответил, что он точно так же желает находиться в братских отношениях с капитан-генералом. Капитан показал ему разноцветные материи, полотно, коралловые украшения и множество других товаров, а также артиллерию, при этом были сделаны выстрелы из нескольких пушек, что сильно напугало туземцев. Затем капитан-генерал велел одному из наших надеть полное вооружение, а трем другим, вооруженным мечами и кинжалами, наносить ему удары по всему телу. Властитель был донельзя поражен этим зрелищем. При этом капитан-генерал сказал ему через раба, что один вооруженный таким образом человек может сражаться против ста его же людей. На что властитель ответил, что он в этом убедился воочию. Капитан-генерал заявил, что на каждом из кораблей находится по двести человек, вооруженных таким же образом. Он показал ему кирасы, мечи, щиты, а также как ими пользоваться. После этого он повел

властителя на дек корабля, что находится над кормой, и велел принести туда морскую карту и бусоль. Через толмача он объяснил ему, каким образом ему удалось открыть пролив, позволивший ему прибыть сюда, и сколько месяцев он провел на море, не видя суши. Рассказ этот сильно удивил властителя. В заключение он попросил у властителя позволения послать с ним двух своих людей с тем, чтобы тот показал ему некоторые из его предметов. Властитель изъявил согласие, после чего туда отправился я в сопровождении одного из наших людей.

Едва мы сошли на берег, как властитель поднял руки к небу, после чего повернулся к нам. Мы повторили то же перед его лицом, точно так же поступили и все окружающие. Властитель взял меня за руку, а спутника моего взял за руку один из начальников. Они повели нас под бамбуковый навес, под которым находилась баланга, в длину равная восьмидесяти моим ладоням и напоминающая собой галеру (фусту). Мы сели на корме этой баланги, переговариваясь все время при помощи знаков. Свита властителя окружила нас, вооруженная мечами, кинжалами, копьями и щитами. Властитель распорядился принести блюдо со свининой и большой кувшин с вином. Каждый кусок пищи мы запивали чашей вина. Остатки вина в чаше – это, правда, случалось редко – выливались обратно в кувшин. Чаша властителя оставалась все время закрытой, и из нее дозволялось пить только властителю и мне.

Перед тем как поднести чашу ко рту, властитель поднимал сложенные руки к небу, а потом простирал их ко мне, когда же он приступал к питью, то протягивал сжатый кулак (на первых порах я решил было, что он собирается ударить меня) и только после этого принимался пить. Я поступал точно так же, обращаясь все время к нему. Каждый из присутствующих делал такие же движения по отношению к рядом с ним находившимся. С такими церемониями мы вкушали пищу, обмениваясь в то же время знаками, выражающими дружбу. Я ел мясо в Страстную пятницу но ничего не поделаешь.

До наступления ужина я передал властителю множество предметов, которые захватил с собою. Названия многих предметов на их наречии я тут же записал. Они были крайне удивлены, видя меня пишущим и особенно узнав, что я записал их собственные слова.

Пока я занимался этим, подали ужин. Внесли два больших фарфоровых блюда, одно с рисом, другое – со свининой с подливкой. Ужин сопровождался такими же церемониями и знаками, после чего мы направились во дворец властителя, который имел вид сеновала, покрытого банановыми и

пальмовыми листьями. Он покоился высоко над землей на огромных деревянных сваях, и чтобы туда взойти, надо было взбираться по лестнице. Властитель предложил нам сесть на бамбуковую циновку со скрещенными ногами, как то делают портные. Спустя полчаса было внесено блюдо с вареной рыбой, разрезанной на куски, свежесобранный имбирь и вино. В это время явился наследник, старший сын властителя, и властитель велел ему сесть рядом с нами, что он и сделал. После этого внесли два блюда: одно с рыбой и подливкой, другое – с рисом, чтобы мы могли поужинать вместе с наследником. Мой спутник опьянел оттого, что много пил и ел.

Здесь для освещения употребляется смола одного дерева, называемая ими «аниме», которую они заворачивают для этой цели в пальмовые или банановые листья. Властитель сделал нам знак, что отправляется на покой. Наследник остался с нами, и мы спали вместе с ним на бамбуковой циновке и подушках, сделанных из листьев.

С наступлением рассвета явился властитель, взял меня за руку и повел туда, где накануне мы ужинали, для того, чтобы попотчевать нас, но в это время пришли звать нас с нашей шлюпки. При расставаньи властитель с большой радостью облобызал нам руки, и мы его. С нами отправился один из его братьев, властитель другого острова, и трое туземцев. Капитан-генерал оставил его обедать с нами и надавал ему много вещей.

На этом острове, откуда властитель явился к нам на корабль, можно найти куски золота, стоит только просеять землю. Все блюда этого властелина сделаны из золота, из золота сделана также часть его дома – так рассказывал нам он сам. Сообразно существующим здесь обычаям он был одет наряднее всех других и действительно казался самым красивым среди всех окружающих его людей. Волосы его были черного-черного цвета и спускались до плеч. Его голова была покрыта шелковой тканью, а в ушах висели большие золотые серьги. От пояса до колен он был покрыт хлопчатобумажным покровом, расшитым шелком. На боку висел кинжал с довольно длинной золотой рукояткой в ножнах из инкрустированного дерева. На каждом зубе у него были три золотые крапинки, и казалось, будто зубы его связаны золотом. Он был надушен росным ладаном. Цвета он был желтого и весь покрыт татуировкой.

Острова, которыми он владел, называются Бутуан и Калаган. Всякий раз как властители этих двух государств пожелают встретиться друг с другом, они отправляются на охоту на тот остров, на котором мы теперь находились. Имя первого властителя было раджа Коламбу, другого – раджа Сиау.

В воскресенье, в последний день марта, день пасхальный, рано утром капитан-генерал отправил священнослужителя вместе с некоторыми нашими людьми на берег для приготовлений к мессе. Вместе с ними поехал и наш толмач предупредить властителя, что мы высаживаемся не для того, чтобы откушать вместе с ним, а слушать мессу. Властитель прислал нам двух зарезанных свиней. С наступлением часа мессы на берег сошло человек около пятидесяти, не в полном вооружении, но все же имея при себе оружие и одетые как можно лучше. Перед тем как мы добрались до берега, были сделаны выстрелы из шести пушек в знак наших мирных намерений. После того как мы показались на берегу, оба властителя обняли капитан-генерала и поместили его рядом с собою. Боевым маршем прибыли мы на место, предназначенное для мессы и находившееся неподалеку от берега. Прежде чем приступить к службе, капитан окропил обоих властителей от головы до пят мускусной водой. Во время мессы властители выступили вперед, чтобы приложиться к кресту, следуя нашему примеру, но не вознесли жертвы. Во время возношения даров они оставались коленопреклоненными и возносили моления со сложенными руками. Как только тело Христово вознеслось, раздался артиллерийский залп, по знаку, данному выстрелами из мушкетов теми, которые были на берегу. По окончании мессы некоторые наши причастились. Капитан-генерал устроил фехтовальный турнир, который сильно понравился властителям. Затем он распорядился принести крест и венец с гвоздями, перед каковым все упали на колени. Властителям он объяснил через толмача, что это знамя, доверенное ему императором, его сувереном, и что он обязан воздвигать его повсюду, в какое бы место он ни приезжал. Он намерен водрузить крест этот ради их же блага, потому что какой бы корабль ни явился сюда в будущем, они по этому кресту убедятся, что мы уже были тут, и, следовательно, не предпримут ничего такого, что могло бы причинить им неприятность или нанести ущерб их имуществу. Если бы кто-нибудь из туземцев был ими задержан, то его освободят тут же, как только им будет показан этот крест. Крест же этот надлежит водрузить на вершине самой высокой горы так, чтобы, видя его каждое утро, они могли поклоняться ему; если они будут поступать таким образом, то ни гром, ни молния, ни буря ни в какой степени не повредят им. Властители сердечно поблагодарили его, заявив при этом, что они охотно сделают все, чего он от них потребует. Капитан-генерал, в свою очередь, спросил их, какова их вера – мавры они или язычники. В ответ они заявили, что они не поклоняются ничему, но что они воздевают сложенные руки и обращают лицо к

небу и называют своего бога «абба». Капитан остался весьма доволен таким ответом, а первый властитель, заметив это, воздел руки к небу и заявил, что он желал бы чем только возможно показать, как он любит его. Толмач задал ему вопрос, почему тут так мало съестного. Властитель ответил, что он бывает в этих местах только тогда, когда отправляется на охоту и на свидание со своим братом, а что живет он на другом острове, где пребывает также и его семья. Капитан-генерал попросил его сказать, нет ли у него врагов, дабы он вместе со своим флотом мог истребить их или привести в покорность. Раджа поблагодарил его за это и сообщил, что тут действительно находятся два острова, которые враждебно относятся к нему, но теперь не время идти на них войной. Капитан дал ему понять, что если Господу будет угодно дозволить ему вновь вернуться в эти края, он приведет с собой столько людей, что сможет силой заставить врагов раджи повиноваться ему. Он сказал ему, что так как наступило время обеда, то он вернется на берег после обеда для водружения креста на вершине горы. Раджи выразили свое согласие, наши люди построились в батальон и дали залп из мушкетов, капитан обнял обоих раджей, и мы попрощались с ними.

Мы отправились после обеда, одетые в простые куртки, и вместе с обоими раджами поднялись после полудня на вершину самой высокой горы. Когда мы взошли на эту гору, капитан-генерал заявил, что он считает за высокую честь для себя труды, положенные им ради их же блага, ибо раз крест будет находиться тут, он послужит им только на величайшую пользу. Он спросил их, в какой гавани легче всего будет найти съестные припасы, на что они ответили, что поблизости имеются три гавани: Сейлон, Субу и Калаган[114] и что Субу – самый крупный и торговый порт. По собственному почину они предложили дать нам лоцманов для указания туда дороги. Капитан-генерал поблагодарил их и решил направиться туда, куда влекла его злосчастная судьба.

После того как крест был водружен на месте, каждый из нас повторил молитвы «Отче наш» и «Ave Maria» и поклонился кресту; то же самое сделали раджи, после чего мы спустились вниз, миновали их возделанные поля и пришли в то место, где находилась баланга. Раджа приказал принести туда несколько кокосовых орехов, чтобы мы могли подкрепиться. Капитан попросил прислать к нему лоцманов, так как он собирался утром следующего дня отбыть, и заявил при этом, что будет обращаться с ними так, как если бы они были раджами, и что он согласен дать им одного из своих людей в качестве заложника. Раджи в ответ заявили, что боцманы будут в его распоряжении, когда он только пожелает, но за ночь первый раджа изменил свое мнение и

послал сказать капитан-генералу, что ему нужно собрать урожай риса и закончить кое-какие другие работы, а потому просил из любви к нему переждать два дня. Одновременно он попросил капитан-генерала прислать ему на помощь несколько человек для того, чтоб ускорить окончание работ, и заявил, что он самолично отправится в качестве лоцмана. Капитан послал ему несколько человек, но раджи пили и ели столько, что целый день спали. В оправдание некоторые сказали нам, что они слегка занедужили. Наши люди ничего не делали в этот день, но зато поработали следующие два дня.

Один из туземцев принес нам миску с рисом и восемь или десять бананов в виде связки в обмен на нож, которому красная цена была три кваттрина[115]. Капитан, видя, что туземец хлопочет только о ноже, позвал его, чтобы показать другие предметы. Он вынул из кошелька реал и собирался дать ему, но тот отказался. Он показал ему дукат, но он отказался и от дуката. Наконец капитан попытался предложить ему «доппьоне»[116] стоимостью в два дуката, но он решительно отказывался от всего, требуя только ножа, и капитан поэтому дал ему нож. Когда один из наших людей сошел на берег, чтобы запастись водою, туземец предложил ему большой слиток золота размерами в «колону»[117] в обмен на шесть стеклянных бус, но капитан запретил производить обмен, дабы туземцы с самого же начала усвоили себе, что мы ценим наши товары гораздо выше золота.

Здешний народ – язычники, они ходят голые и раскрашенные. Срамную часть они прикрывают древесной тканью. Они большие пьяницы. Женщины носят покровы из древесной коры от пояса и ниже, волосы у них черные и ниспадают до земли. У них отверстия в ушах, заполненные золотом. Туземцы постоянно жуют плод, называемый ими «арека» и напоминающий грушу. Они разрезают этот плод на четыре части и заворачивают его в листья дерева, которое носит у них название «бетре» [бетель]. Листья эти похожи на листья тутового дерева. Они примешивают к нему немного глины и, прожевав, выплевывают его. От этого рот становится невероятно красным. Во всех этих краях бетель употребляют все, так как он освежает сердце, и откажись они от его употребления, они умерли бы.

Тут водятся собаки, кошки, свиньи, куры, козы, растут рис, имбирь, кокосовые орехи, фиги [бананы], апельсины, лимоны, просо, птичье просо, сорго, имеется воск и большое количество золота. Этот остров расположен на 9 2/3˚ в направлении Северного полюса и на 162˚ долготы от демаркационной линии. От Аквады он отстоит на расстоянии 25 лиг и называется Масава.

Мы пробыли тут семь дней, по истечении коих взяли курс на

северо-запад, миновав пять островов, именно: Сейлон, Бохол, Каниган, Байбай и Гатиган. На этом последнем острове Гатиган встречаются летучие мыши величиной с орла[118]. Так как был уже конец дня, мы убили одну из них, вкусом напоминающую курицу. Тут водятся голуби, горлицы, попугаи и какой-то род черных птиц, равных своими размерами домашним курам, с длинным хвостом. Упомянутые птицы кладут яйца в песок, и птенцы вылупливаются оттого, что песок этот очень горячий. Вылупившись, птенцы вылезают из-под песка и выходят на свет божий. Эти яйца очень питательны.

От Масавы до Гатигана 200 лиг расстояния. Мы направились на запад от Гатигана, но так как властитель Масавы не имел возможности тут же последовать за нами, то мы в ожидании его задержались вблизи трех островов, именно: Поло, Тикобон и Посон[119]. Догнав нас, он выразил большое удивление по поводу быстроты нашего плавания. Капитан-генерал пригласил его на свой корабль вместе с некоторыми его начальниками, что доставило всем им большое удовольствие. Так мы шли от Субу до Гатигана, а расстояние между ними 15 лиг.

В воскресенье, 7 апреля, в полдень мы вступили в гавань Субу, минуя множество поселений, и увидели большое число хижин, построенных на сваях. При приближении к городу капитан-генерал распорядился поднять все флаги. Паруса были спущены, как то бывает перед боем, и из всех пушек дан был залп, что навело большой страх на туземцев. Капитан отправил одного из своих питомцев в качестве посла вместе с толмачом к властителю Субу. Достигнув города, они увидели около властителя большую толпу народа, встревоженную нашими пушками. Толмач объяснил им, что таков наш обычай, когда мы вступаем в эти края, что это – знак мира и дружбы и что мы стреляли из пушек в честь властителя этого селения. Властитель и окружающие его успокоились, и через своего правителя властитель спросил, чего мы хотим. Толмач ответил, что его хозяин – капитан на службе у величайшего из государей и владык в мире и что он направляется отыскивать Молукку но сюда он прибыл только ради того, чтобы свидеться с властителем, так как слышал о нем много хорошего от властителя Масавы, а также для того, чтобы получить продовольствие в обмен на свои товары. В ответ властитель заявил, что он приветствует их приход, но у них обычай таков, что все вступающие в эти гавани суда обязаны платить дань и что только четыре дня назад такую дань уплатила прибывшая сюда джонка из Сиамы [Сиама] с грузом золота и рабов. В доказательство своих слов он указал толмачу на купца из Сиамы, оставшегося здесь для торговли золотом и рабами.

Толмач заявил ему, что раз его хозяин является капитаном на службе у столь могущественного государя, он не платит дани ни одному властителю в мире и что если властитель этот хочет мира, пускай будет мир, а если вместо этого он хочет войны, пускай будет война. Тогда купец-мавр сказал властителю: «Смотри в оба, государь. Эти люди – те же самые, что завоевали Каликут, Малакку и всю Большую Индию[120]. Если с ними будут обращаться хорошо, они будут также хорошо обращаться, а если с ними будут обращаться дурно, они будут обращаться еще хуже, подобно тому, как они поступили в Малакке». Толмач понял эту речь и сказал, обращаясь к властителю, что государь его господина гораздо могущественнее и людьми и кораблями, чем король Португалии, что он – король Испании и император всех христиан и что если властитель не будет относиться к нему с дружелюбием, то в ближайшее же время он направит сюда такое число людей, что его владения будут разрушены. Мавр передал все эти слова властителю, который ответил, что посоветуется со своими и даст ответ капитану завтра. После этого он распорядился попотчевать нас разнообразной пищей из мяса, поданной на фарфоровых блюдах, а также вином, принесенным в кувшинах. Закусив, наши вернулись на корабль и передали все слышанное. Властитель Масавы, наиболее влиятельный после этого властителя и владетель многочисленных островов, направился на берег затем, чтобы рассказать властителю о большой учтивости нашего капитан-генерала.

В понедельник утром в Субу направились наш нотариус и толмач. Властитель явился на площадь в сопровождении своих начальников и предложил нашим сесть рядом с ним. Он спросил нотариуса, много ли капитанов в нашем экипаже и требует ли капитан, чтобы он платил дань императору, его хозяину. Нотариус ответил, что этого не требуется и что капитан желает лишь одного: вести торговлю с ними и ни с кем другим. Властитель заявил, что удовлетворен этим ответом, и прибавил, что если капитан желает стать его другом, пускай пришлет ему каплю крови из правой руки, и он сделает то же – в знак искреннейшей дружбы. Нотариус сказал, что капитан так и поступит. После этого властитель сообщил ему, что все приезжавшие сюда капитаны обычно давали ему подарки, и он, в свою очередь, давал подарки им, и спросил, кто должен теперь начать первый: капитан или он. Толмач сказал, что, раз он желает поддерживать этот обычай, пусть он и начинает.

Во вторник утром властитель Масавы пришел на корабль в сопровождении мавра. Он приветствовал капитана от имени властителя [Субу]и сообщил, что тот занят сбором

продовольствия в таком количестве, в каком только его возможно собрать, чтобы дать ему, и что после обеда он пришлет сюда своих племянников и двух других из своих начальников на предмет заключения мира. Капитан-генерал велел одному из наших людей надеть свое вооружение и, показывая на него мавру, объяснил, что все мы сражаемся подобным образом. Мавр был сильно напуган, но капитан успокоил его, заявив, что наше оружие мягко по отношению к друзьям, но жестко по отношению к нашим врагам, и с той же легкостью, с какой отирают пот носовым платком, и наше оружие низвергает и сокрушает всех наших противников, равно как и тех, кто враждебен нашей вере. Капитан поступил так стой целью, чтобы мавр, казавшийся более смышленым, чем все прочие, мог передать это властителю.

После обеда племянник властителя, его наследник, пришел на корабль вместе с властителем Масавы, мавром, правителем, начальником охраны и восемью другими начальниками для заключения с нами мира. Капитан-генерал принял их, сидя в кресле, обитом красным бархатом, его главные помощники сидели на стульях, обитых кожей, а остальные расположились на циновках на полу. Через толмача капитан-генерал задал им вопрос, каков их обычай в этих случаях: вести переговоры втайне или публично, а также уполномочены ли наследник и властитель Масавы заключить мир. В ответ они заявили, что в обычае у них вести переговоры публично и что они имеют полномочие на заключение мира. Капитан-генерал много говорил о том, что касается до мира, и о том, что он молил Бога утвердить этот мир в небесах. Они заявили, что им никогда еще не приводилось слышать такие речи и что для них было удовольствием внимать ему. Убедившись в том, что они слушали и отвечали ему охотно, он начал приводить доказательства в пользу обращения их в [христианскую] веру. На его вопрос, кто наследует владения после смерти властителя, он получил ответ, что у короля нет сыновей, а есть только дочери, старшая из которых – жена одного из его племянников, который потому и является наследником властителя. Когда у них отцы и матери становятся старыми, они уже больше не пользуются почетом, и власть переходит к их детям. На это капитан сказал им, что Господь Бог сотворил небо, землю, море и все остальное и завещал нам почитать наших отцов и матерей, тот же, кто поступает не так, осуждается на горение в вечном огне, что мы все происходим от Адама и Евы, наших праотцов, что дух наш бессмертен, и многое другое говорил он касательно веры. Выражая радость, они просили капитана оставить им двоих из наших людей или, по меньшей мере, одного, дабы он наставлял их в вере, обещая оказывать им

большие почести. В ответ на это капитан заявил, что он не может оставлять им людей, но если они желают стать христианами, наш священник совершит над ними обряд крещения, а он сам в скором времени привезет с собою священников и монахов для наставления их в нашей вере. Они сказали, что поговорят об этом сначала со своим властителем, а затем станут христианами; слушая их, все мы прослезились от большой радости. Капитан-генерал объяснил им, что их должны подвигнуть на то, чтобы стать христианами, не страх перед нами или желание доставить нам приятное, а только их собственная свободная воля, и что те, что желают продолжать жить согласно своему уставу, не должны опасаться каких-либо неприятностей, но все же с христианами будут обходиться и обращаться лучше, чем с остальными. Все вскричали в один голос, что не из страха или из желания сделать нам приятное, а только по собственной свободной воле они намерены стать христианами. Тогда капитан заявил им, что когда они станут христианами, он оставит им одно полное вооружение, ибо так повелел ему государь. Он также сказал, что если мы будем вступать в общение с их женами, то совершим этим очень большой грех, так как они язычницы. Он уверил их также в том, что, как только они станут христианами, дьявол перестанет являться им, разве только перед самой смертью. Они же сказали, что им невозможно надлежащим образом отвечать на прекрасные речи капитана, но они доверяются ему полностью, и он может относиться к ним, как к преданнейшим своим слугам. Со слезами на глазах капитан обнял их, и, взяв руку наследника и руку властителя в свои собственные, он заявил им, что обещает им вечный мир с королем Испании, в чем заверяет их своей верой в Бога и своего суверена, императора, а также принадлежностью своей к ордену. Они, в свою очередь, дали подобный же обет. После заключения мира капитан велел попотчевать их, а затем наследник и властитель [Масавы] передали капитану от имени властителя несколько корзин с рисом, свиней, коз и кур, прося простить им ничтожность даров для столь достойного мужа. Капитан подарил наследнику белое платье из тончайшего полотна, красный головной убор, несколько стеклянных бус и позолоченную чашку. В этих краях такие чашки ценятся очень высоко. Властителю Масавы он не дал ничего, так как уже подарил ему раньше платье из камбайской материи, не говоря уже о других вещах. Каждому из остальных он давал то одну вещь, то другую. Властителю Субу он отослал через меня и другого из наших людей шелковое платье желтого и фиолетового цвета, сшитое на турецкий фасон, красивый красный головной убор, несколько стеклянных бус – все это было положено на

серебряное блюдо, а также две позолоченные чашки для питья, которые мы несли в руках. Прибыв в город, мы нашли властителя во дворце, окруженного большим числом людей. Он сидел на полу на пальмовой циновке, только срамная часть у него была прикрыта куском хлопчатобумажной материи, голова была окутана вышитым от руки шарфом, на шее висело ожерелье большой ценности, а в ушах две большие золотые серьги, осыпанные драгоценными камнями. Он был небольшого роста, тучен и разрисован разными изображениями, выжженными огнем. На другой циновке стояли два фарфоровых блюда с яйцами черепахи, которые он ел, тут же находились четыре кувшина, полных вина, прикрытых приятно пахнувшими травами, и из каждого кувшина торчало по тростнику, при помощи которого он пил. Отвесив ему положенным образом поклон, толмач сообщил ему, что хозяин горячо благодарит его за подарок и что подарок, который он ему посылает, не есть вознаграждение за присланное, а выражение подлинной любви, которую он испытывает к нему. Мы накинули на него платье, возложили на его голову убор и отдали ему все остальные вещи, затем, поцеловав бусы и возложив их ему на голову, я их преподнес ему. Принимая их, он их также поцеловал. Затем властитель предложил нам угоститься яйцами и выпить вина через гибкие тростниковые трубки. В это время его посланцы передали ему слова капитана касательно мира и как он их увещевал принять христианство. Властитель выразил желание, чтобы мы остались до ужина, но мы ответили, что не можем. После того как мы с ним распрощались, наследник повел нас к себе в дом, где четыре молодые девушки играли, одна на барабане, похожем на наши, но стоящем на земле, другая ударяла палкой с толстой обмоткой на конце из пальмовой ткани по двум подвешенным литаврам, а третья ударяла одним небольшим литавром о другой, и они издавали при этом приятный звук. Они играли так согласованно, что можно было бы подумать, что они обладают хорошим музыкальным чувством. Эти девушки были очень красивы, белокожи, как и наши, и такого же роста. Они были нагие, только древесная кора покрывала их от пояса до колен. Некоторые были совсем обнажены, в ушах у них были большие отверстия, куда вставлены были маленькие куски дерева, делавшие отверстия большими и круглыми. У них были длинные черные волосы, на голове лежал кусок материи, они были на босу ногу. Наследник приказал трем совершенно обнаженным девушкам поплясать перед нами. Мы закусили, после чего отправились на корабль.

Их литавры сделаны из металла, изготовляют их в этих краях в окрестностях Большого залива, именуемых Китаем[121]. Они в

таком же ходу в этих краях, как у нас колокола, и называются они «агон».

В среду утром я и толмач явились к властителю с просьбой указать нам место, где мы могли бы похоронить одного из наших, умершего истекшей ночью. Властитель находился в окружении большого числа людей. Отвесив надлежащие поклоны, я обратился к нему с этой просьбой. Он ответил на это: «Если я и любой из подданных моих находимся в распоряжении вашего государя, то тем более ему принадлежит вся эта земля». Я сказал ему, что мы должны освятить это место и водрузить там крест. Он ответил, что это доставит ему полное удовольствие и что он желал бы поклоняться кресту так же, как это делаем мы. Покойник был похоронен на площади с всевозможной торжественностью, дабы подать этим хороший пример. Затем мы освятили место. Вечером мы похоронили еще одного из наших.

Мы свезли на берег большое количество товаров и сложили их в одном из домов. Властитель взял на себя его охрану. Он также отрядил четырех человек для оптовой меновой торговли.

Люди эти живут в согласии с правосудием. У них имеются весы и меры. Они предпочитают мир, довольство, покой. У них деревянные весы, поддерживаемые веревкой, прикрепленной к середине перекладины. На одном конце висит кусок свинца, а на другом имеются обозначения: четверти фунта, полуфунта, фунта. Для взвешивания они кладут весы с тремя веревочками, как наши, над обозначениями, и таким образом получается правильный вес. У них имеются очень большие бездонные меры емкости.

Молодежь играет на дудках – таких же, как наши, называемых ими «субин».

Дома их построены из дерева и составлены из досок и бамбука, возвышаясь над землей на больших бревнах, и взбираться туда приходится по лестнице. Комнаты у них такие же, как и у нас. Под домом они держат своих свиней, коз и птицу.

Тут водятся морские улитки, красивые на вид, которые убивают китов. Последние глотают их живыми, и когда они уже находятся внутри кита, они вылезают из своей раковины и пожирают его сердце. Туземцы находят их после этого живыми возле мертвого сердца кита. У этих тварей черные зубы и кожа и белого цвета раковина, мясо их приятно на вкус. Их называют здесь «лаган»[122].

В пятницу мы показали им нашу лавку, полную товаров, что привело их в крайнее изумление. Они давали нам золото в обмен на чугун и прочий крупный товар. За другие товары они давали нам рис, свиней, коз и прочие предметы продовольствия. За 14

фунтов железа они давали нам десять слитков золота, причем каждый слиток был ценою в 1½ дуката. Капитан-генерал отказывался от большого количества золота, так как среди нас находились такие, которые готовы были отдать все, что у них было, за небольшое количество золота и тем самым могли бы погубить навсегда нашу торговлю.

В четверг, во исполнение обещания, данного капитаном властителю, обратить его в христианство, воздвигли возвышение на площади, которую освятили заранее и по случаю крещения украсили занавесами и пальмовыми ветвями. Капитан-генерал послал предупредить его, чтобы он не испугался, если в это утро будут даны выстрелы из пушек, так как у нас в обычае делать залпы из орудий, не заряжая их камнями, в дни самых торжественных наших праздников.

В воскресенье, 14 апреля, утром сорок наших людей сошли на берег. Двое из них были в полном вооружении и шли впереди королевского знамени. Как только мы ступили на сушу, раздались выстрелы из всех пушек. Туземцы ходили за нами повсюду. Капитан и властитель обнялись. Капитан сказал властителю, что королевское знамя обычно выносится на берег не иначе, как в сопровождении 50 человек, вооруженных так же точно, как эти двое, да еще 50 мушкетеров, но его любовь к властителю столь велика, что он решил вынести знамя на берег таким образом, как он поступил теперь. После этого все мы с весельем подошли к возвышению. Капитан и властитель уселись в креслах, покрытых красным и фиолетовым бархатом, начальники на подушках, а все остальные на циновках. Капитан передал через толмача, что он возносит благодарность Богу за то, что он внушил властителю мысль стать христианином, – с этого дня ему будет гораздо легче одолевать своих врагов. В ответ на это властитель сказал, что он желает стать христианином, но что некоторые из его начальников не желают ему повиноваться: мы-де, говорят они, такие же хорошие люди, как и он. Тогда капитан позвал начальников властителя и заявил им, что если они не будут оказывать повиновение своему властителю, как своему государю, он велит всех их убить, а владения их отдать властителю. Они ответили, что будут впредь ему подчиняться. Капитан объявил властителю, что намерен отправиться в Испанию, но собирается в скором времени вернуться с такими значительными силами, с помощью которых он сделает его величайшим властелином этих областей, потому что он первый принял решение стать христианином. Воздев руки к небу, властитель поблагодарил капитана и попросил его оставить здесь кого-нибудь из своих людей, дабы он и его народ были лучше наставлены в вере. Капитан ответил, что

удовлетворит его просьбу и оставит двух человек, но что ему хотелось бы взять с собою двух детей начальников для того, чтобы они научились нашему языку и, по возвращении, сумели рассказать обо всем, что видели в Испании.

В самом центре площади был водружен большой крест. Капитан заявил всем, что если они действительно хотят стать христианами, как они обещали в предыдущие дни, они должны сжечь всех своих идолов и водрузить на их место крест. Каждый день должны они поклоняться кресту со сложенными руками и каждое утро, по обычаю их [испанцев], они должны сотворять крестное знамение, – при этом капитан показал, как это надо делать, – и ежечасно, по крайней мере по утрам, подходить к кресту и класть поклоны. Уже изъявленное ими намерение они обязаны подтвердить добрыми делами. Властитель и все другие выразили желание подтвердить это полностью. Капитан-генерал объяснил властителю, что белая одежда, которая на нем теперь, свидетельствует об его искренней любви к ним. Они сказали, что у них нет слов для ответа на такие сладкие речи. Говоря им все это, капитан повел властителя за руку к возвышению для совершения обряда крещения. Он сказал властителю, что отныне имя его будет дон Карл, по имени императора, его суверена, наследник будет именоваться дон Фернандо, по имени брата императора, властитель Масавы – Хуаном, начальник – Фернандо, по имени нашего же начальника, то есть капитана, мавр – Христофором. Так он дал новые имена всем, кому одно, кому другое. До мессы было крещено пятьсот человек. После того как месса была отслужена, он пригласил властителя и некоторых его начальников на обед, но они отказались и только проводили нас до берега. На кораблях дали выстрелы из орудий. Обняв друг друга, властитель, начальники и капитан расстались.

После обеда священник и некоторые другие высадились на берег для крещения жены властителя, которая пришла в сопровождении сорока женщин. Мы повели ее на возвышение и усадили на подушку, остальные женщины уселись около нее, пока священник готовился к обряду. Ей показали образ нашей владычицы, очень красивую деревянную статуэтку младенца Иисуса и крест. Все это повергло ее в большую печаль, и она со слезами на глазах просила, чтобы ее окрестили. Мы дали ей имя Хуаны, по имени матери императора, дочь ее, жену наследника, мы назвали Екатериной, жену властителя Масавы – Елисаветой, дали мы по имени также женщинам из ее свиты. Мы окрестили восемьсот душ мужчин, женщин и детей. Жена властителя была молодая и красивая, одета была она вся в белое с черным. Ее рот и ногти были ярко-красного цвета, на голове у нее была широкая

шляпа из пальмовых листьев вроде зонтика, поверх которой возвышался венец из тех же листьев, наподобие папской тиары. Без нее она не появляется нигде. Она попросила нас отдать ей младенца Иисуса, чтобы заменить им своих идолов, после чего удалилась.

Под вечер к берегу пришли властитель с женою в сопровождении большого числа лиц. По этому случаю капитан распорядился выпустить много огневых петард и стрелять из больших орудий, что доставило им большое удовольствие. Капитан и властитель называли друг друга братьями. Имя властителя было раджа Гумабон.

До конца недели были крещены все жители этого острова и некоторые с других островов. Одну хижину на соседнем острове мы сожгли по той причине, что жители отказали в повиновении радже или нам. Мы воздвигли там крест, так как население этого острова состояло из язычников. Будь они мавры, мы воздвигли бы на этом месте колонну как знак величайшей твердости, ибо в деле обращения в христианство мавры гораздо более жестки, чем язычники.

Капитан-генерал в эти дни ежедневно высаживался на берег слушать мессу и в это время рассказывал радже многое, касающееся веры. Однажды жена властителя весьма торжественно явилась к мессе. Впереди нее шли три девушки с тремя ее шляпами в руках. Одета она была в белое с черным, широкий шелковый шарф с поперечными золотыми полосками был наброшен на голову и покрывал ее плечи. Она была в шляпе. Ее сопровождало большое число женщин, все нагие и босые, только срамные части прикрыты у них были куском ткани из пальмового дерева и на голову наброшен маленький шарф, волосы у них были распущены. Жена властителя, отвесив надлежащий поклон перед алтарем, уселась на шелковую вышитую подушку. До начала мессы капитан окропил ее и некоторых ее женщин розовой мускусной водой, так как аромат этот сильно нравился им. Зная, что жене правителя очень понравилась статуэтка младенца Иисуса, он дал ее ей, сказав при этом, что ее нужно поместить вместо идолов, потому что это память о Сыне Божьем. Она приняла статуэтку, поблагодарив его от всего сердца.

Однажды перед мессой капитан-генерал предложил властителю надеть белую шелковую одежду; то же предложил он и городской знати, отцу наследника по имени Бендара и его брату, другому его брату, по имени Кадайо, некоторым другим [приближенным], их имена: Симиут, Мибуайя, Магалибе, и многим другим, имен которых я не буду приводить, дабы не быть докучным. Капитан велел им всем поклясться в верности своему

властителю, в знак чего они облобызали руку последнего. После этого он предложил властителю объявить, что он будет всегда соблюдать покорность и верность государю Испании, в чем тот дал клятву. При этом капитан обнажил свой меч перед образом нашей владычицы и сказал, обращаясь к властителю, что кто бы ни давал клятву, он должен предпочесть смерть нарушению таковой клятвы, если он дает ее перед этим образом, и ценою своей собственной жизни и одежды на нем[123] оставаться вечно верным ему. После этого капитан подарил властителю кресло, обитое красным бархатом, и объяснил, что куда бы он ни направлялся, он должен брать его с собою, а носить его должен кто-нибудь из ближайшей его родни; он при этом показал, как следует носить это кресло. Властитель заявил, что все это он будет исполнять с охотою из любви к нему, и прибавил, что приказал изготовить для него драгоценности, именно – две большие золотые серьги для ушей, два браслета для рук и два других кольца на ноги выше колен, помимо драгоценных камней для украшения его ушей. Это – самые красивые украшения, которые допускаются к ношению властителями в этих краях. Они обычно ходят босиком и носят кусок материи, спускающийся от пояса до колен.

Однажды капитан-генерал спросил властителя и других, по какой причине они не сожгли своих идолов в согласии с данным им, когда они были обращены в христианство, обещанием; а также почему они приносят в жертву так много мяса. Они ответили ему, что поступают так не ради самих себя, а ради одного больного, который вот уже четыре дня как лишился голоса и которому идолы могли бы вернуть здоровье. Это был брат властителя, самый доблестный и мудрый муж на острове. Капитан предложил им сжечь идолов и довериться Христу; он сказал, что если бы этот больной был крещен, то он выздоровел бы очень скоро; он дает свою голову на отсечение, если это не произойдет именно так, как он говорит. На это властитель ответил, что он так и поступит из истинной веры в Христа. В торжественной процессии мы направились от площади к дому больного. Мы его нашли там в таком состоянии, что ни говорить, ни двигаться он не мог. Мы окрестили его, двух его жен и десять девушек. После этого капитан спросил, как он чувствует себя. Тот сразу же заговорил и сказал, что с Божьей благодатью он вполне оправился. Это было чудо самое явное, случившееся в наши дни. Капитан, услышав его речь, вознес горячую благодарность Богу. Он дал больному миндального молока, которое было уже заготовлено по его распоряжению. Потом он послал ему матрац, две простыни, одеяло из желтой материи и подушку. Пока тот

выздоравливал, капитан присылал ему миндальное молоко, розовую воду, розовое масло и сладкие варенья. Не прошло и пяти дней, как больной начал ходить. Капитан велел сжечь в присутствии властителя и всего населения идола, которого несколько старух спрятали в доме больного. Он велел также разрушить множество алтарей на берегу, на которых съедалось жертвенное мясо. При этом народ кричал: «Кастилия! Кастилия!» – и сам принимал участие в разрушении этих алтарей. Если Бог продлит им жизнь, они сожгут всех идолов, которых найдут, даже если бы они находились в доме у самого властителя.

Эти идолы сделаны из дерева, они полые внутри, а сзади они открыты. Руки у них распростерты, ступни загнуты под телом и широко расставлены. У них широкое лицо и четыре очень крупных зуба, похожие на клыки дикого кабана. Они разрисованы сверху донизу.

На этом острове много селений. Вот их названия, а также имена начальников этих селений: Сингапола, начальники – Силатон, Сигабукан, Симанинга, Симатихат и Сиканбул; Мандауй, начальник – Апаноаан; Лалан, начальник – Тетеу; Лалутан, начальник – Тапан; Силумай; Лубукун. Все эти селения изъявили покорность нам и предоставили нам продовольствие и уплатили дань.

Поблизости от острова Субу находится остров, называемый Матан, и там и была та гавань, в которой мы бросили якорь. Поселение на нем носит название Матан, а его начальниками были Зула и Силапулапи. На этом же острове находился и город, который мы сожгли и который назывался Булайя.

Дабы ваше сиятельство имело представление о церемониях, с которыми у этого народа приносят в жертву свинью (я вам их опишу). Они начинаются ударами в большие литавры. После этого приносят три больших блюда, на двух – розы и пироги с рисом и просом, завернутые в листья, и жареная рыба; на третьем – кусок камбайской материи и два флажка из пальмовой ткани. Кусок камбайской материи разостлан на земле. Затем приходят две престарелые женщины, у каждой из которых в руке бамбуковая труба. Как только они вступают на материю, они отвешивают поклон солнцу. После этого они укутываются материей (лежащей на блюде). Одна из них обвязывает голову платком так, чтобы торчали два конца, как рога, другой платок берет в руку и, танцуя и трубя, испускает возгласы, обращаясь к солнцу. Другая с одним из флажков танцует и трубит. Так они танцуют и взывают к солнцу короткое время, произнося какие-то слова, обращенные к солнцу. Та, что с платком, берет потом другой флажок, роняет платок на землю, и обе, продолжая

трубить, танцуют вокруг связанной свиньи. Та, что с рогами, говорит шепотом, обращаясь к солнцу, другая отвечает ей. Той, что с рогами, подают бокал вина, и она, танцуя и повторяя какие-то слова, в то время как другая ей отвечает, и делая четыре или пять раз такие движения, будто собирается пить вино, изливает его на сердце свиньи. После этого она снова пускается в пляс. В это время ей подают копье. Размахивая им и повторяя какие-то слова и все продолжая танцевать и делая четыре или пять раз такие движения, точно собирается пронзить копьем сердце свиньи, она внезапным и резким ударом пронизывает его насквозь. Рану тут же быстро закрывают травами. Та, что убила свинью, берет факел, который горит во время обряда, подносит его ко рту и тушит. Другая, погрузив конец своей трубы в кровь свиньи, обходит присутствующих и касается пальцами, смоченными в крови, прежде всего лба своих мужей, а затем и всех остальных: к нам она не подходила ни разу. После этого они раздеваются и принимаются за пищу на блюдах, приглашая разделить трапезу одних только женщин. Свинью палят на огне. Таким-то образом только старые женщины освящают мясо свиньи, и мясо это едят только после того, как свинья убита с соблюдением этого обряда. Когда кто-нибудь из нас сходил на берег, будь то днем или ночью, каждый туземец приглашал его к себе поесть и выпить. Мясо они не доваривают до конца и сильно солят его. Пьют они часто и обильно через тростниковые трубочки, вставленные в кувшины, и за одной из трапез проводят по пять-шесть часов.

Когда кто-нибудь умирает из начальников, они совершают следующий обряд. К дому умершего направляются прежде всего все знатные женщины селения. Покойник помещается в ящике посреди дома. Вокруг ящика протянуты веревки в виде ограды, и к ним прикреплено множество ветвей. На каждой ветке висит кусок хлопчатобумажной ткани, так что образуется нечто вроде балдахина с занавесами. Под этими занавесами усаживаются наиболее именитые женщины, все в белых одеждах из хлопчатобумажной ткани, и около каждой стоит девушка с опахалом из пальмового листа. Другие женщины с печальным видом сидят вокруг комнаты. Одна из женщин начинает медленно срезывать ножом у покойника волосы. Другая женщина, его главная жена, ложится на него, прильнув ртом, руками и ногами ко рту, рукам и ногам покойника. В то время как первая срезает волосы, вторая плачет, когда же первая кончает, вторая затягивает песню. В комнате множество фарфоровых сосудов с огнем, в который бросают мирру, росный ладан, отчего по комнате распространяется сильный аромат. Эта церемония

длится пять-шесть дней, и все это время труп остается в доме. По-видимому, труп набальзамирован камфарою. Его хоронят в том же ящике, который прибивают деревянными гвоздями к бревну и закрывают бревнами же.

Ежедневно около полуночи над городом появляется черная-черная птица величиною с ворону, которая начинает кричать, как только приближается к жилищам. Тогда все собаки поднимают лай, и эти крик и лай не прекращаются в течение четырех-пяти часов. Туземцы никак не могли объяснить нам причину этого.

В пятницу, 26 апреля, Зула, начальник острова Матан, прислал к капитан-генералу одного из своих сыновей с козами. Он сообщил, что мог бы послать ему все, что было ему ранее обещано, но он не мог этого сделать по той причине, что другой начальник, Силапулапи, отказался подчиниться королю Испании. Он просил капитана снарядить одну шлюпку со своими людьми и отправить их той же ночью, чтобы помочь ему сражаться с этим начальником. Капитан-генерал решил отправиться сам с тремя шлюпками. Мы настойчиво просили его не ездить туда, однако он, как добрый пастырь, отказывался покинуть свое стадо. В полночь шестьдесят человек в нагрудниках и касках вместе с властителем-христианином, наследником и некоторыми именитыми туземцами двинулись в путь на двадцати или тридцати балангах. Мы добрались до Матана за три часа до рассвета. Капитан не хотел начинать битву в это время ночи и отправил в качестве посла к туземцам мавра, поручив ему передать им, что если они будут оказывать повиновение королю Испании и признают христианского государя как своего суверена и уплатят нам дань, то он станет их другом, если же они желают другого, то пускай убедятся в том, какие раны наносят наши копья. Они сказали в ответ, что если у него имеются копья, то копья имеются и у них, хотя и из бамбука, а также колья, закаленные на огне. Они просили нас не начинать наступления теперь, а выждать наступления утра, чтобы они могли набрать побольше людей. Эта просьба объяснялась их намерением побудить нас направиться на поиски их, они же выкопали меж домов ямы, в которые мы должны были попадать. Как только наступило утро, сорок девять человек наших бросились в воду, которая доходила им до бедер. Пришлось проплыть расстояние свыше двух выстрелов из самострела, прежде чем добраться до берега. Из-за подводных скал лодки не могли подойти к берегу ближе. Когда мы добрались до берега, туземцы числом свыше 1500 человек выстроились в три отряда. Увидав нас, они кинулись на нас с невероятными криками, два отряда обрушились на наши фланги, а один – с фронта. Тогда капитан

построил нас в два отряда, и началось сражение. Мушкетеры и лучники стреляли издали около получаса, однако без всякой пользы, так как пули и стрелы пробивали только их щиты, сделанные из тонких деревянных дощечек, и руки. Капитан кричал: «Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу!», – но никто не обращал внимания на его крики. Когда туземцы убедились в том, что наша стрельба не достигает цели, они начали кричать, что будут стойко держаться, и возобновили крик с еще большей силой. Во время нашей стрельбы туземцы не оставались на одном месте, а бегали то туда, то сюда, прикрываясь щитами. Они осыпали нас таким количеством стрел и бросали такое множество копьев в сторону капитана (некоторые копья были с железными наконечниками), да еще закаленные на огне колья, да камни и землю, что мы едва были в состоянии защищаться. Видя это, капитан отрядил несколько человек с приказом сжечь их дома, дабы подействовать на них страхом. Вид сжигаемых домов привел их в еще большую ярость. Двое из наших были убиты у домов, мы же сожгли от двадцати до тридцати домов. На нас накинулось такое множество туземцев, что им удалось ранить капитана в ногу отравленной стрелой. Вследствие этого он дал приказ медленно отступать, но наши, за исключением шести или восьми человек, оставшихся при капитане, немедленно обратились в бегство. Туземцы стреляли нам только в ноги, потому что мы не были обуты. И так велико было число копьев и камней, которые они метали в нас, что мы не в состоянии были оказывать сопротивление. Пушки с наших судов не могли оказывать нам помощи, так как они находились слишком далеко. Мы продолжали отступать и, находясь на расстоянии выстрела от берега, продолжали сражаться, стоя по колени в воде. Туземцы продолжали преследование, и, поднимая с земли по четыре – шесть раз одно и то же копье, метали их в нас вновь и вновь. Узнав капитана, на него накинулось такое множество людей, что дважды с его головы сбили каску, но все же он продолжал стойко держаться, как и подобает славному рыцарю, вместе с другими, рядом с ним стоящими. Так мы бились больше часа, отказываясь отступать дальше. Один индеец метнул бамбуковое копье прямо в лицо капитана, но последний тут же убил его своим копьем, застрявшим в теле индейца. Затем, пытаясь вытащить меч, он обнажил его только до половины, так как был ранен в руку бамбуковым копьем. При виде этого на него накинулись все туземцы. Один из них ранил его в левую ногу большим тесаком, похожим на турецкий палаш, но еще более широким. Капитан упал лицом вниз, и тут же его закидали железными и бамбуковыми копьями и начали наносить удары тесаками до тех

пор, пока не погубили наше зерцало, наш свет, нашу отраду и нашего истинного вождя. Он все время оборачивался назад, чтобы посмотреть, успели ли мы все погрузиться на лодки. Полагая, что он умер, мы, раненые, отступили, как только было возможно, к лодкам, которые сразу же двинулись в путь. Властитель-христианин хотел оказать нам помощь, но перед тем, как мы отправились на берег, капитан настоял на том, чтобы он не покидал своей баланги, а оставался на ней и наблюдал, как мы будем сражаться. Узнав, что капитан убит, он залился слезами. Если бы не злосчастный капитан, то ни один из наших не спасся бы на лодках, так как, пока он бился, другие успели отступить к лодкам. Возлагаю упование на ваше сиятельство, что слава о столь благородном капитане не изгладится из памяти в наши дни. В числе других добродетелей он отличался такой стойкостью в величайших превратностях, какой никто никогда не обладал. Он переносил голод лучше, чем все другие, безошибочнее, чем кто бы то ни было в мире, умел он разбираться в навигационных картах. И то, что это так и есть на самом деле, очевидно для всех, ибо никто другой не владел таким даром и такой вдумчивостью при исследовании того, как должно совершать кругосветное плавание, каковое он почти и совершил.

Бой этот происходил в субботу, 27 апреля 1521 г. Капитан не хотел принять бой в четверг, ибо это был особенно чтимый им день. В этом бою было убито вместе с ним восемь наших людей и четверо индейцев, обращенных в христианство, которые поспешили нам на помощь, но погибли от выстрелов из орудий на наших лодках. Неприятель потерял убитыми пятнадцать человек, а среди наших раненых было много.

Перед вечером властитель-христианин послал с нашего согласия сказать жителям Матана, что если они отдадут нам тело капитана и других убитых, то мы дадим им столько товара, сколько они пожелают. В ответ они заявили, что мы напрасно воображаем, будто они возвратят нам такого человека, и что они не отдадут его ни за какие сокровища мира, так как они намерены сохранить его у себя как память [о своей победе].

В субботу, в день убийства капитана, четверо наших, оставшихся в городе для торговли, перенесли наши товары на корабли. Мы избрали двух командиров, именно Дуарте Барбозу португальца, и Жуана Серрана, испанца. Так как наш толмач, по имени Генрих, получил легкую рану, он не сходил больше на берег и не помогал нам больше в наших делах, лежа все время в постели. Ввиду этого Дуарте Барбоза, командир флагманского корабля, обратился к нему с упреками, говоря, что хотя хозяин его, капитан, и умер – это еще не означает, что он свободен:

напротив, он [Барбоза] позаботится о том, что, как только мы вернемся в Испанию, он останется рабом доньи Беатриж, супруги капитан-генерала.[124] Он угрожал рабу, что если тот не сойдет на берег, он прикажет высечь его, а тот поднялся, делая вид, что не обращает внимания на эти угрозы, направился на берег и там сообщил властителю-христианину что мы вскоре собираемся отплыть и что если тот последует его совету, то он заполучит корабли и все наши товары. Они обдумали измену совместно, и раб вернулся на борт, где показал большую покорность и расторопность, чем раньше.

В понедельник, 1 мая, утром властитель-христианин послал сообщить командирам, что обещанные им для короля Испании драгоценности уже готовы и что он приглашает их приехать к нему на ужин вместе с сотоварищами, когда им и будут переданы эти драгоценности. На берег сошло двадцать четыре человека, в том числе и наш звездочет Сан Мартин де Севилья. Я лишен был возможности поехать вместе с ними, так как весь распух от раны, причиненной мне отравленной стрелой, пущенной в лицо. Жуан Каваджо и алгуасил вернулись и рассказали нам, что видели того человека, который излечился чудом; он увел к себе в дом священника. По этой причине они заподозрили недоброе и покинули это место. Едва они сообщили нам это, как послышались громкие крики и вопли. Немедленно подняли мы якоря и, стреляя из многих пушек по домам, подошли ближе к берегу. Стреляя таким образом, мы увидали Жуана Серрана в одной рубахе и раненого, который кричал нам, чтобы мы больше не стреляли, так как туземцы убьют его. Мы спросили, убиты ли все другие и толмач вместе с ними. Он ответил, что убиты все, кроме толмача. Он настоятельно просил нас выкупить его за какие-нибудь товары, но Жуан Каваджо, его благодетельный товарищ, запретил шлюпке подойти к берегу – и поступил он так с целью, чтобы они одни остались хозяевами на кораблях. И несмотря на то, что Жуан Серран, плача, молил его не поднимать так быстро паруса, так как они убьют его, и заявлял, что он молит Бога потребовать от него возмездия за свою душу в день Страшного суда, мы тут же отбыли. Я не знаю, убит ли он или остался в живых.

На этом острове водятся собаки, кошки, растут рис, просо, птичье просо, сорго, имбирь, фиги [бананы], апельсины, лимоны, сахарный тростник, чеснок, имеются мед, кокосовые орехи, «нангка», тыква, имеются мясо разного рода, пальмовое вино и золото. Это – большой остров, тут хороший порт с двумя входами, один на запад, другой лежит между востоком и северо-востоком. Он лежит на 10-м градусе широты в направлении к Северному

полюсу и на 164-м градусе долготы от демаркационной линии. Он называется Субу Мы здесь имели сведения о Молукке еще до смерти капитан-генерала. Туземцы играют на скрипке с медными струнами.

Посреди этого архипелага, на расстоянии 18 лиг от острова Субу у оконечности другого острова, именуемого Бохолом, мы сожгли корабль «Консепсьон», ибо слишком мало из нас осталось [для его обслуживания]. Мы перенесли самые лучшие запасы, находившиеся на нем, на другие два корабля, после чего взяли курс на юго-юго-запад и прошли берегом острова, называемого Панилонгом, где люди черного цвета, как в Эфиопии.

Затем мы подошли к большому острову [Минданао], властитель коего, дабы войти в дружбу с нами, источил кровь из левой руки и помазал ею тело, лицо и кончик языка, что является знаком теснейшей дружбы; то же самое проделали и мы. Я сошел на берег один с властителем осмотреть этот остров. Как только мы вошли в реку, множество рыбаков предложило властителю рыбу. Тогда властитель снял покровы со своей срамной части, то же сделали и его вельможи и с пением начали грести, направляясь мимо многих домов, которые находились на реке. В два часа ночи мы добрались до жилища властителя. Расстояние от устья реки, стоянки наших судов, было две лиги. Когда мы вступили в дом, нас встретили с большим числом факелов из тростника и пальмовых листьев. Эти факелы были из «аниме», о чем уже сказано было выше. До того, как подали ужин, властитель с двумя своими вельможами и двумя красивыми женами осушил большой сосуд вина, ничем не закусив. Я же отказался от вина, заявив, что ужинал уже и пью только один раз. Выпивая, они соблюдали те же обряды, что и властитель острова Масава. Принесли ужин, который состоял из риса и очень соленой рыбы, в фарфоровых тарелках. Они ели рис, точно это был хлеб. Они пекут его следующим образом. Прежде всего кладут в глиняный кувшин, подобный нашим, большой лист так, чтобы он покрывал всю внутренность сосуда. Затем туда насыпают рис и наливают воды и, закрыв сосуд, дают ему кипеть до тех пор, пока рис не станет таким же твердым, как хлеб, после чего его вынимают оттуда кусками. Во всех этих краях рис варят таким же способом.

После того как мы отужинали, властитель приказал принести тростниковую циновку и другую из пальмовых листьев и подушку из листьев, дабы я мог спать на них. Властитель отправился почивать с двумя женами в особую комнату, а я лег вместе с одним из его вельмож.

На следующее утро, пока готовили завтрак, я отправился

бродить по острову. В домах я видел много предметов из золота, но мало пищи. Мы позавтракали рисом и рыбой, и по окончании трапезы я знаками спросил властителя, могу ли я видеть его жену. Он ответил, что охотно сделает это, и мы направились вместе с ним к высокому холму, на вершине которого находилось ее жилище. Войдя в дом, я поклонился ей, и она ответила тем же, после чего я сел рядом с ней. Она была занята плетением циновки из пальмовых листьев для постели. В доме висело большое число фарфоровых сосудов и четыре металлических литавра; один из них был размерами больше другого рядом с ним, остальные – поменьше; жена властителя играла на них. Множество рабов мужского и женского пола служили ей. Этот дом построен так же, как и упоминавшиеся мною.

Попрощавшись с нею, мы вернулись к властителю в дом, где он тотчас же угостил нас напитками из сахарного тростника.

Больше всего на этом острове золота. Они показывали мне широкие долины и знаками объяснили мне, что там такое обилие золота, сколько волос на их головах, но у них нет железа для того, чтобы выкапывать это золото, да им и мало дела до этого. Эта часть острова принадлежит к той же стране, как и Бутуан и Калаган, и расположена она в направлении к Бохолу, прилегая к Масаве. Так как мы еще вернемся к этому острову, я больше теперь распространяться о нем не буду.

Так как прошло уже полдня, я решил вернуться на корабли. Властитель и прочие начальники пожелали проводить меня, и мы вернулись в той же баланге. Возвращаясь рекою, я заметил с правой стороны на вершине холма висящих на дереве трех человек; ветки на дереве были срезаны. Я спросил властителя, что это означает, и он ответил мне, что это злоумышленники и грабители.

Здесь люди ходят нагишом, как и в других упомянутых мною местах. Имя властителя раджа Каланао.

Гавань тут превосходная. Здесь можно найти рис, имбирь, свиней, коз, кур и многое другое. Гавань лежит на 8° широты в направлении к Северному полюсу и на 167° долготы от демаркационной линии. Он отстоит от Субу на расстоянии 50 лиг и называется Кипит. В двух днях перехода оттуда к северо-западу находится большой остров Лосон, куда ежегодно приходят шесть или восемь джонок, принадлежащих жителям Леки[125].

Отплыв оттуда и взяв курс на запад-юго-запад, мы бросили якорь около острова не очень больших размеров и почти необитаемого. Народ, населяющий этот остров, – мавры, загнанные сюда с острова Бурне. Они ходят нагишом, как и все другие. Они вооружены луками и колчанами, полными стрел и

ядовитых трав. У них кинжалы с рукоятками, украшенными золотом и драгоценными камнями, копья, панцири, палицы и небольшие щиты из рогов буйвола. Они называли нас святыми существами. На этом острове мало предметов питания, зато тут встречаются громадные деревья. Он лежит на 7 ½° по направлению к Северному полюсу и на расстоянии 43 лиг от Кипита. Он носит название Кагайян.

На расстоянии 25 лиг к западу-северо-западу от этого острова мы нашли большой остров, на котором имеются рис, имбирь, свиньи, козы, куры, финики, длиною в локоть и толщиною в руку [бананы], они превосходны; некоторые другие – в длину больше ладони и еще вкуснее, чем остальные; кокосовые орехи, пататы, сахарный тростник и корнеплоды, вкусом похожие на репу. Здесь варят рис на огне в бамбуковых или деревянных сосудах; так он сохраняется лучше, чем рис, сваренный в глиняных горшках. Мы назвали эту страну Обетованной землей, ибо до того, как нашли ее, мы голодали очень сильно. Нередко бывало, что мы готовы были покинуть корабли и сойти на берег, чтобы не умереть от голода.

Властитель заключил с нами дружбу, сделавши одним из наших ножей небольшой надрез на груди и смазав кровью кончик языка и лоб в знак подлинного мира, и мы поступили точно так же. Этот остров лежит на 9 1/3° широты в направлении Северного полюса и на 171 1/3° долготы от демаркационной линии. Называется он Пулаоан.

Обитатели Пулаоана ходят нагишом, как и все прочие. Почти все они занимаются обработкой земли. Они имеют луки с толстыми деревянными стрелами, длиною больше локтя, с заостренными концами из рыбьих костей, отравленными соком травы; другие снабжены бамбуковыми остриями и также отравлены. Вместо перьев на конце стрел прикреплен кусочек железа, похожий на головку дротика; когда стрелы у них кончаются, они сражаются при помощи лука. У них в большой цене медные кольца и цепи, колокольчики, ножи, но выше всего они ценят медную проволоку для связывания своих рыболовных крючков.

У них имеются больших размеров домашние петухи, которых они не употребляют в пищу вследствие того, что они некоторым образом почитают их. Иногда они заставляют их биться друг с другом, и при этом ставят определенную сумму на того или иного петуха, и выигрыш получает владелец победившего петуха. Они гонят вино из риса, и оно крепче и вкуснее, чем пальмовое.

На расстоянии десяти лиг к юго-западу от этого острова мы пришли к острову, который, по мере того как мы плыли вдоль его

берегов, поднимался, казалось, вверх. После того как мы вступили в гавань, в кромешном мраке загорелись огни св. Эльма. От гавани до края этого острова расстояние в пятьдесят лиг. На следующий день, 9 июля, властитель этого острова прислал к нам очень красивую пирогу, нос и корма которой были украшены золотом. На носу поднимался бело-голубой флаг с павлиньими перьями. Некоторые на пироге играли на музыкальных инструментах и барабанах. Пирогу сопровождали два «альмади»[126]. Пирога имеет вид фусты [галеры], «альмади» же представляют собой небольшие рыбачьи челны. Восемь старейшин-вождей взошли на суда и уселись на ковре на корме. Они преподнесли нам в дар раскрашенный деревянный кувшин, наполненный бетелем (плод, который они жуют постоянно), араком и жасминовыми и апельсиновыми цветами, покров из желтого шелка, две клетки с птицами, двух коз, три кувшина с рисовой водкой и несколько связок сахарного тростника. Те же дары они оставили и на другом корабле и, обняв нас, расстались. Рисовая водка прозрачна, как вода, но такая крепкая, что многие из нас опьянели. Она называется араком.

Спустя шесть дней властитель вновь прислал пышно разукрашенные три пироги, которые окружили наши суда под звуки музыки и бой барабанов и литавров. Они приветствовали нас своеобразными полотняными шапочками, покрывающими только макушку. Мы отвечали им салютом из бомбард, не заряженных камнями. Тогда они преподнесли нам в дар разнообразную пишу, изготовленную из одного только риса. Некоторые блюда были завернуты в листья и представляли собой продолговатые кусочки, некоторые были похожи на головы сахара, другие имели форму пирогов с яйцами и медом.

Они сообщили, что их властитель охотно разрешает нам добывать здесь продовольствие и запасаться водой и вести торговлю сколько нам будет угодно. Услыхав это, семеро наших спустились в пирогу, везя с собою подарок их властителю, состоявший из платья зеленого бархата, сшитого на турецкий манер, кресла, обитого фиолетовым бархатом, пяти локтей красного сукна, головного убора, позолоченной чашки для питья, стеклянного сосуда с крышкой, трех тетрадей писчей бумаги и позолоченного письменного прибора. Для жены властителя мы захватили с собою: три локтя желтого сукна, пару посеребренных башмаков и серебряный игольник, полный иголок. Мы взяли с собою три локтя красного сукна, головной убор и позолоченную чашку для питья для правителя. Глашатаю, прибывшему к нам на пироге, мы подарили платье из красного с зеленым шелка, сшитого на турецкий манер, головной убор и тетрадь писчей

бумаги, и так мы дали всем семерым старейшинам – одному кусок сукна, другому головной убор, и каждому из них тетрадь писчей бумаги. После этого мы немедля отправились на остров.

Прибыв в город[127], мы оставались в пироге два часа, пока не появились два слона, покрытые шелковыми попонами, и двенадцать человек, каждый из которых держал фарфоровый кувшин, закрытый шелком, в которых они должны были унести наши подарки. Тогда мы сели на слонов, и впереди нас пошли эти двенадцать человек с подарками в сосудах. Так мы доехали до дома правителя, где нас накормили ужином из многих и разнообразных блюд. Ночью мы спали на хлопковых матрацах, подбитых шелком, а простыни были из камбайского полотна. Половину следующего дня мы пробыли в доме правителя, после чего мы направились на слонах к дворцу властителя, предшествуемые, как и прошлый день, людьми с подарками. Все улицы от дома правителя до жилища властителя были полны людей, вооруженных мечами, копьями и щитами, ибо таков был приказ властителя. Мы въехали в дворцовый двор на слонах. Мы поднялись по лестнице в сопровождении правителя и других старейшин и вступили в большой зал, наполненный знатью, сели на ковер, а сосуды с подарками были поставлены поблизости от нас.

В конце этого зала был другой зал, несколько поменьше, но выше. Он был украшен шелковыми драпировками; два окна, через которые свет проникал в этот зал, были закрыты двумя расшитыми занавесами. Там находилось 300 телохранителей с обнаженными кинжалами у бедер. В конце малого зала было большое окно, расшитый занавес был отдернут затем, чтобы мы имели возможность лицезреть властителя, восседающего за столом с одним из своих юных сыновей, жуя бетель. Сзади него стояли одни только женщины.

Один из старейшин предупредил нас, что нам нельзя прямо заговорить с властителем и что если нам что-либо нужно, мы должны сказать об этом ему, а он, в свою очередь, передаст это особе более высокого положения. Последний сообщит это брату правителя, находящемуся в малом зале, а этот последний передаст это при помощи разговорной трубы через отверстие в стене одному из лиц, находящихся в зале вместе с властителем. Он же научил нас, как сделать три поклона властителю при помощи рук, сложенных над головой, подняв раньше одну ногу, а затем и другую и целуя руки, протянутые к нему. Так мы и сделали, ибо такова тут форма царского поклона.

Мы сообщили властителю, что прибыли от короля Испании, что последнему угодно заключить с ним мир и он просит лишь

разрешения на торговлю. Властитель ответил, что раз король Испании желает быть его другом, он с большой охотой станет его другом также, и что он разрешает нам брать здесь продовольствие и воду и вести торговлю как нам будет угодно. Мы ему вручили тогда подарки, и при получении каждого из них он слегка кивал головой. Каждому из нас дали парчовое с золотом и шелком платье, наброшенное на наше левое плечо, где оно оставалось только короткий миг. Все находившиеся во дворце были наряжены в золототканое платье из шелка, которое покрывало их срамные части, у них были кинжалы, коих рукоятки были отделаны золотом и драгоценными камнями, на пальцах у них было много перстней. Мы возвратились в дом правителя на слонах, предшествуемые семерыми, несшими подарки властителя. Когда мы дошли до дома правителя, они роздали каждому из нас его подарок, кладя его на левое плечо. В благодарность за хлопоты мы дали каждому из них по паре ножей. К дому правителя явилось девять человек с таким же числом больших деревянных блюд, присланных властителем. На каждом блюде помещалось от 10 до 12 фарфоровых мисок с телятиной, каплунами, цыплятами, павлинами и мясом других животных, а также рыбой. Мы отужинали, сидя на пальмовой циновке на земле, тридцатью или тридцатью пятью различными блюдами из мяса, помимо рыбы и другой пищи. Каждый кусок пищи мы запивали их водкой из фарфоровой чашки величиной с яйцо. Рис и прочие сладкие блюда мы ели золотыми ложками, похожими на наши. В наших спальнях, в которых мы провели эти две ночи, постоянно горели свечи из белого воска в серебряных канделябрах, и две большие лампы, наполненные маслом, с четырьмя фитилями, причем два человека все время снимали с них нагар. Мы вернулись к берегу моря на тех же слонах, и две пироги отвезли нас на суда.

Весь город построен на море, за исключением домов властителя и некоторых главных начальников. Он состоит из двадцати пяти тысяч очагов. Дома построены из дерева и возвышаются на сваях. Во время прилива женщины в лодках ездят по городу и продают все необходимое для поддержания жизни. Перед домом властителя выстроена большая кирпичная стена с башнями вроде крепости, и на ней размещены пятьдесят шесть бронзовых бомбард и шесть чугунных. Во время двухдневного нашего пребывания там несколько раз стреляли из многих пушек.

Властитель этих мест – мавр, и имя его раджа Сирипада. Ему было сорок лет от роду, был он стар и тучен. Ему служили только женщины, дочери главных начальников. Он никогда не покидает дворца, за исключением тех случаев, когда отправляется на охоту,

и никому не позволено разговаривать с ним иначе, чем через разговорную трубу. У него десять писцов, именуемых «хиритолями», которые описывают его деяния на очень тонкой древесной коре.

Утром в понедельник, 29 июля, мы увидели свыше ста пирог, разделенных на три эскадры, и столько же «тунгули» [небольшие лодки], направляющиеся к нашим судам. Решив, что тут замышляется какая-то хитрость, мы с наивозможной поспешностью подняли паруса, впопыхах оставив один из якорей. Мы были охвачены подозрением тем более, что могли очутиться между джонками, которые накануне бросили якорь вблизи наших судов. Мы немедленно выступили против них, захватили четыре джонки и перебили немало людей. Три или четыре джонки успели добраться до берега. В одной из захваченных нами джонок находился сын властителя острова Лосона. Он был капитаном-генералом властителя Бурне и вернулся на этих джонках из большого города, называемого Лаоэ и расположенного на окраине этого острова, обращенной к Большой Яве. Он предал этот город разрушению и разграблению по той причине, что тот отказал в повиновении властителю [Бурне], а поддался под руку властителя Малой Явы[128]. Наш кормчий Джованни [Жуан] Каваджо самовольно отпустил на свободу капитана и джонки за определенную сумму золота, как это выяснилось впоследствии. Не отпусти его наш кормчий, мы могли бы получить в виде выкупа за него у властителя все, чего бы мы ни потребовали, так как этого капитана сильно боялись во всех этих краях, и особенно язычники, которые весьма враждебно относятся к властителю-мавру

В этой же гавани находится и другой город с языческим населением; он размерами больше, чем город, населенный маврами, и точно также построен на море. По этой причине между жителями обоих городов происходят в гавани ежедневные стычки. Властитель язычников столь же могущественен, как и властитель мавров, но не столь тщеславен, как тот, и его легко было бы обратить в христианство. Когда до слуха властителя мавров дошло известие о том, как мы поступили с джонками, он дал нам знать через одного из наших людей, оставшихся на берегу, что джонки вовсе не собирались учинить нам вред, а шли в поход против язычников. В доказательство этих слов мавры показали ему несколько голов убитых, которые, по их заявлению, принадлежали язычникам. Мы велели передать властителю просьбу соблаговолить отпустить к нам двух из наших людей, остававшихся в городе на предмет торговли, а также сына Жуана Каваджо, родившегося в Верзине [Бразилии], но он отказал нам в

этом. Таковы были последствия того, что Жуан Каваджо отпустил на свободу капитана. Мы задержали шестнадцать знатнейших людей [захваченных на джонках], чтобы отвезти их в Испанию, а также трех женщин для королевы, но Жуан Каваджо забрал их себе.

Джонки – это их корабли, и строятся они следующим образом. Подводная часть выше воды на два локтя и сделана из досок, скрепленных деревянными гвоздями, довольно хорошо сделанными; верхняя часть сделана из очень толстого тростника. Для противовеса служит бамбук. Грузоподъемность такой джонки такая же, как и у нашего корабля. Мачты сделаны из бамбукового дерева, а паруса из древесной коры.

Их фарфор – это нечто вроде очень белой земли, которая должна пролежать пятьдесят лет под землей, прежде чем ее употребляют, иначе она не будет такой тонкой. Отец закапывает ее в землю ради своего сына. Если положить отраву в сосуд из тонкого фарфора, то он немедленно трескается.

Деньги в этих краях у мавров бронзовые, посередине просверленные, чтобы можно было их нанизывать. Буквы выбиты на одной только стороне – их четыре и они означают титулы великого китайского императора. Мы называем эту монету «пичи»[129]. Нам отдавали шесть фарфоровых блюд за один ртутный «катил»[130], что равно двум нашим фунтам; за тетрадь писчей бумаги мы получали сто «пичи»; небольшой фарфоровый сосуд мы покупали за 60 бронзовых «катилов»; фарфоровую вазу нам отдавали в обмен на три ножа; один «бахар», который равняется 203 «катилам» воска, – за 160 бронзовых «катилов»; один «бахар» соли – за 80 бронзовых «катилов»; один «бахар» «аниме» для конопачения наших судов (смолу невозможно найти в этих краях) – за 40 бронзовых «катилов». 20 «тагилей» составляют один «катил».

В этих краях высоко ценят бронзу, ртуть, киноварь, шерстяную материю, полотно и многие другие наши изделия, но превыше всего чугун и очки. Эти мавры ходят нагишом, как и другие племена. Они пьют ртуть – больные для того, чтобы исцелиться, здоровые – ради сохранения здоровья.

Властитель Бурне владеет двумя жемчужинами величиною с куриное яйцо. Они настолько округлы, что не могут стоять неподвижно на столе. Я знаю, что это так, потому что, когда мы подносили ему дары, мы знаками попросили его показать их нам, и он ответил, что покажет их нам на следующий день. Некоторые старейшины говорили нам потом, что видели эти жемчужины собственными глазами.

Эти мавры поклоняются Магомету. Согласно его уставу, им

запрещено потреблять свинину; если они моют свои ягодицы левой рукой, то нельзя этой же рукой дотрагиваться до пищи; им запрещено что-либо резать правой рукой, убивать птиц или коз не иначе, как предварительно обратившись к солнцу; они обязаны при этом отрезывать концы крыльев и свисающие вниз куски кожи, а также ножки птиц, а затем разрубать их надвое. Лицо должно мыть правой рукой, нельзя чистить зубы пальцами. Нельзя есть мясо животного, если оно не убито ими самими.[131]

На этом острове производят камфару, род бальзама. Он просачивается между стволом дерева и корой, и капли эти столь же малы, как и частицы высевок. Если оставить ее на воздухе, то она превращается в ничто [испаряется]. Тут ее называют «капор». Здесь можно найти корицу, имбирь, сливы, апельсины, лимоны, «нангка», арбузы, огурцы, тыкву, репу, капусту, фиги, коров, буйволов, свиней, коз, кур, гусей, оленей, слонов, лошадей и мн. др. Остров так велик, что для объезда его на пироге требуется не менее трех месяцев. Он лежит на 5 ¼° широты по направлению к Северному полюсу и на 176 2/3° долготы от демаркационной линии. Остров этот называется Бурне [Борнео].

Покинув этот остров, мы вернулись назад в поисках удобного места для конопачения кораблей, которые начали давать течь. Один из кораблей наскочил из-за небрежности своего кормчего на мель у острова Бибалона[132], но с Божьей помощью мы снялись с мели. Один из моряков на этом корабле сбросил нагар со свечи в бочку с порохом, но успел тотчас же вынуть его оттуда без всякого вреда для корабля. По пути следования мы захватили пирогу, груженную кокосовыми орехами и направлявшуюся в Борнео. Экипаж лодки пытался было бежать на островок, но мы овладели пирогой. Три другие пироги скрылись за другими островками.

У оконечности Борнео, именно между этим островом и островом, именуемым Симбонбон, расположенным на 8 градусах и 7 минутах широты, мы нашли превосходную гавань, пригодную для починки наших судов. Мы вступили в гавань, но так как не хватало многих предметов, нужных для ремонта, мы простояли там 42 дня. В продолжение всего этого времени каждый из нас работал очень усиленно: один делал одно, другой – другое. Самая большая трудность состояла в необходимости ходить босиком в лес за древесным материалом. На этом острове водятся дикие кабаны. Мы убили одного, который переходил вброд от одного островка к другому, охотясь за ним на лодке. Его голова имела 2 ½ локтя в длину, зубы его очень большие. Там водятся большие крокодилы – как на суше, так и в воде, устрицы, крабы разного рода. В числе пойманных нами двух крабов один был такой

большой, что мясо его весило 26 фунтов, мясо другого – 44 фунта. Мы поймали рыбу с головой, похожей на голову свиньи, и двумя рогами. Тело ее состоит из одной только кости, на спине же у нее нечто вроде седла; она мала размерами.[133]

Мы нашли также деревья, листья которых, опадая, оживают и даже двигаются. Они похожи на листья шелковицы, но не такой длины. По обеим сторонам короткого и заостренного черешка у них две ножки.[134] Крови у них нет, но стоит лишь дотронуться до них, как они тотчас же ускользают. Один из них я хранил девять дней в коробке. Когда же я ее открывал, то лист двигался вокруг коробки. Я полагаю, что эти листья живут одним только воздухом.

Оставив за собою этот остров, т. е. гавань, мы наткнулись по пути у оконечности острова Пулаоана на джонку, шедшую из Борнео. На ней находился правитель Пулаоана. Мы сделали ей знак переменить направление, но так как они отказались подчиниться нашему приказу, мы захватили силой пирогу, а также все, что на ней было. Правителю же мы заявили, что если он желает, чтобы мы его отпустили на свободу, то он должен доставить нам в течение недели 400 мер риса, 20 свиней, 20 коз и 150 кур. Предоставив нам все это, он преподнес нам в дар кокосовые орехи, фиги [бананы], сахарный тростник, кувшины с пальмовым вином и много других предметов. Во внимание к его великодушию мы вернули ему некоторое число кинжалов и аркебузов, дав ему сверх того флаг, платье из желтого дамасского сукна и 115 локтей материи. Брату правителя мы дали платье из зеленого сукна и другие вещи. После этого мы расстались друзьями.

Мы направились обратно между островом Кагайян и гаванью Кипит, держа курс на восток и юг в целях отыскания Молуккских островов. Мы прошли мимо некоторых небольших возвышений (рифов), поблизости от которых обнаружили море, покрытое травой, хотя глубина здесь была очень большая. Нам казалось при этом, что мы вступаем в другое море.

Оставив Кипит с восточной стороны, мы обнаружили в западном направлении два острова – Соло и Тагиму[135], в окрестностях которых имеется жемчуг. Тут-то и были найдены две жемчужины, принадлежавшие властителю Борнео, и он раздобыл их, согласно рассказам, следующим образом: он взял в жены дочь властителя Соло, и она сообщила ему, что эти две жемчужины находятся во владении ее отца. Властитель [Борнео] решил овладеть ими во что бы то ни стало. Ночью он отправился с 500 пирогами к этим островам, захватил в плен властителя и двух его сыновей и отвез их на Борнео. Властителю Соло он

предложил дать свободу в обмен на две жемчужины.

Оттуда мы направились по курсу между востоком и севером и прошли мимо двух селений, Кавит и Субанин, а также мимо населенного острова Монорипа, расположенного в 10 лигах от рифов. Население этого острова живет на лодках и иных жилищ не имеет. В этих двух поселениях, Кавите и Субанине, расположенных на островах Бутуан и Калаган, произрастает самая лучшая корица. Задержись мы тут дня два, жители нагрузили бы наши корабли [корицей], но мы не хотели откладывать отъезда, намереваясь воспользоваться благоприятным ветром для того, чтобы обойти мыс острова и некоторые лежащие неподалеку от него островки. Во время плавания нам удалось обменять два больших ножа, взятых нами у правителя Пулаоана, на 17 фунтов [корицы].

Коричное дерево достигает высоты 3 – 4 локтей, толщиной оно с палец. У него не больше трех-четырех небольших веток, а листья его похожи на лавровые. Корицей является его кора, которую сдирают два раза в год. И древесина и листья такого же крепкого запаха, как и кора, когда они еще зеленые. Здесь его называют «каю мана»: «каю» означает дерево, и «мана» – сладкое, отсюда «сладкое дерево».

По пути на северо-восток, направляясь к большому городу Майнгданао [Минданао], расположенному на острове, где находятся Бутуан и Калаган, чтобы добыть сведения о Молуккских островах, мы захватили «бигнидай», судно, похожее на пирогу, и перебили на ней семь человек. Всего на ней находилось 18 человек – такого же крепкого сложения, как и все те, что встречались нам в этих краях. Это были начальники из Майнгданао, и в их числе один, оказавшийся братом властителя Майнгданао, который сказал нам, что знает местоположение Молуккских островов. В соответствии с его указаниями мы прервали наш курс на северо-восток и направились на юго-восток. На мысу острова, где расположены Бутуан и Калаган, вблизи реки, живут косматые люди, отменные воины и лучники. Они пользуются мечами длиною в один локоть и питаются только человеческими сердцами в сыром виде вместе с апельсинным или лимонным соком. Эти косматые люди носят название «бенаянов».

В это время мы находились на широте 6 градусов и 7 минут в направлении Северного полюса и в 30 милях от Кавита.

По пути на юго-восток мы обнаружили четыре острова: Сибоко, Бирахам-Батолак, Сарангани и Кандигар. В субботу, 26 октября, в ночную пору, когда мы направлялись вдоль берегов Бирахам-Батолак, на нас налетел сильнейший шторм. С обращенными к Богу молитвами мы спустили все паруса, и тотчас

же на трех мачтах появились тела святых [огни св. Эльма], которые рассеяли мрак. Св. Эльм держался на грот-мачте свыше двух часов, пылая точно факел, св. Николай – на верхушке бизань-мачты, а св. Клара – на фок-мачте. Мы обещали святым Эльму, Николаю и Кларе по невольнику и роздали милостыню.

Продолжая наше плавание, мы вошли в гавань, что находится между островами Сарангани и Кандигар, и бросили якорь в восточной части поблизости от селения Сарангани, где находят золото и жемчуг. Местное население состоит из язычников; они ходят нагишом, как и все прочие [в этих краях]. Гавань расположена на широте 5 градусов и 9 минут и на расстоянии 50 лиг от Кавита.

Во время однодневной стоянки в этой гавани мы силой захватили двух лоцманов и велели им показать нам дорогу к Молуккским островам. Затем, направившись на юго-юго-запад, мы прошли мимо восьми островов, из которых часть заселена, а часть необитаема; они расположены в виде улицы. Их названия: Кеава, Кабяо, Каманука, Кабалусао, Кеаи, Липан и Нуса. Миновав их, мы подошли к острову прекрасному на вид. Так как дул встречный ветер, мы были лишены возможности обогнуть его, и нам оставалось лишь лавировать поблизости от него. Воспользовавшись этим, один из тех, кого мы захватили в Сарангани, а также брат властителя Майнгданао вместе со своим малолетним сыном сбежали ночью с корабля и вплавь добрались до острова; при этом ребенок утонул, не имея сил удержаться на спине своего отца. Не будучи в состоянии обогнуть остров, мы спустились ниже, где обнаружили множество маленьких островков. На этом острове правят четыре властителя: раджа Магандату раджа Лалага, раджа Бапти и раджа Парабу. Население состоит из язычников. Остров лежит на 3 1/2° широты к Северному полюсу и на расстоянии 27 лиг от Сарангани. Он называется Сангир.

Идя по тому же курсу, мы прошли мимо шести островов: Кеама, Каракита, Пара, Сангалура, Сиау – последний на расстоянии 10 лиг от Сангира, на нем находится высокая, но небольших размеров гора, правит на нем раджа Понто – и Пагинсара. Этот остров отстоит на 8 лиг от Сиау; на нем находятся три большие возвышенности. Имя его властителя раджа Бабинтан. Затем мы нашли остров Талаут, а на расстоянии 12 лиг к востоку от Пагинсары два острова небольших размеров, однако населенные, называемые Соар и Меау. Оставив за собой эти два острова, мы обнаружили в среду, 6 ноября, четыре высоких острова в 14 лигах к востоку от двух вышеупомянутых. Находившийся среди нас лоцман сказал, что эти четыре острова и

есть Молуккские острова. Услыхав это, мы возблагодарили Бога и в знак радости дали залп из нашей артиллерии. Наша радость не должна казаться необыкновенной – ведь мы провели 27 месяцев без двух дней в поисках этих Молуккских островов. В месте расположения всех этих островов и вплоть до Молуккских в самом мелком месте глубина была от одного до двухсот локтей, вопреки утверждениям португальцев, что эти места не судоходны по причине множества мелей и темного неба, как они представляли себе.

В пятницу, 8 ноября 1521 года, за три часа до заката, мы вошли в гавань на острове Тадор и, бросив якорь на глубину 20 локтей вблизи берега, дали артиллерийский залп. На следующий день к нашим судам подъехал на пироге властитель и сделал один круг. Мы немедленно вышли ему навстречу на маленькой лодке, дабы оказать ему почести. Он предложил нам перейти к нему на пирогу и сесть рядом с ним. Сам он сидел под шелковым зонтом, закрывавшим его со всех сторон. Впереди него находился один из его сыновей с царским скипетром, двое с двумя золотыми сосудами для омовения рук властителя и двое других с двумя ларцами с бетелем. Властитель заявил, что рад нашему приходу и что некоторое время назад ему привиделось во сне, что в Молукку предстоит прибытие судов из отдаленных краев. Для пущей уверенности он решил погадать по луне, благодаря чему он узнал, что суда находятся в пути и что мы уже прибыли. Когда властитель ступил на наш корабль, все облобызали ему руку, после чего его повели на корму. Чтобы войти внутрь шканцев, он перебрался туда через верхнее отверстие, не желая нагибаться. Усадив его в обитое красным бархатом кресло, мы набросили на него платье из желтого бархата, сшитое на турецкий манер. Чтобы оказать ему пущую честь, все мы уселись около него на полу. Тогда властитель заговорил и сказал, что он и его народ всегда были исполнены желания стать самыми преданными друзьями и вассалами нашего испанского короля. Он готов принять нас как своих детей, и мы можем сойти на берег и чувствовать себя там, как у себя дома, и что с этого дня этот остров будет именоваться не Тадором, а Кастилией, в силу большой любви, которую он испытывает к нашему королю, своему суверену. Мы преподнесли ему в дар платье, кресло, кусок тонкого полотна, 4 локтя пурпуровой материи, кусок парчевого шелка, кусок желтой дамасской ткани, разную индийскую ткань, шитую золотом и шелком, кусок «берании» (белое камбайское полотно), два головных убора, шесть ниток стеклянных бус, 12 ножей, три больших зеркала, шесть пар ножниц, шесть гребенок, несколько позолоченных чашек и другие предметы. Сыну его мы

подарили индийскую одежду из золототканой шелковой материи, большое зеркало, головной убор и два ножа, каждому из девяти присутствовавших при этом начальников по шелковому платью, головному убору и по два ножа; всем прочим – головные уборы и ножи. Мы продолжали раздавать подарки, пока властитель не предложил нам прекратить раздачу, после чего он объявил, что, кроме жизни, у него нет больше ничего, что он мог бы послать королю, своему суверену. Он предложил нам подойти ближе к городу и заявил, что если кто-нибудь осмелится ночью приблизиться к кораблям, мы вправе стрелять в него из своих ружей. Покидая корму, властитель ни разу не наклонил головы. Когда он покинул нас, мы дали залп из всех мушкетов.

Этот властитель – мавр, и ему около 45 лет от роду. Он хорошо сложен, и у него царственный вид. Он – превосходный звездочет. Во время посещения на нем была рубаха из чрезвычайно тонкой белой материи с рукавами, по краям расшитыми золотом, и покров от пояса до ступней. Он был на босу ногу, вокруг головы у него был повязан шелковый шарф, а на голове гирлянда цветов. Его имя раджа Султан Мансор.

В воскресенье, 10 ноября, этот властитель пожелал узнать, сколько времени назад мы покинули Испанию и какое каждому из нас положено жалованье и «кинталада»[136]. Он попросил нас дать ему королевскую печать и королевский стяг, ибо и ныне и впредь он подчиняет этот остров, а также и другой остров, Таренат, где он намеревался посадить на престол своего внука, по имени Калонагапи, королю Испании. Он заявил, что готов биться насмерть за честь своего государя, когда же силы его иссякнут, он отправится со всей своей семьей в Испанию в джонке, недавно построенной, взяв с собой королевскую печать и знамя, и с той поры он до конца жизни – королевский слуга. Он просил нас оставить при нем
[137]

несколько человек, дабы при виде их он постоянно помнил о короле испанском. Ему не нужны наши товары, так как они не будут оставаться с ним. Он уведомил нас, что намерен отправиться на остров, называемый Бакьян, для ускорения погрузки наших кораблей гвоздикой, так как у него на острове нет потребного для погрузки количества сухой гвоздики. Так как это был день воскресный, то решили не вести торга. У них же праздничным днем считается суббота.

Дабы вашему сиятельству ведомо было, на каких островах произрастает гвоздика, я тут же их и перечислю. Их всего пять, а именно: Таренат, Тадор, Мутир, Макьян и Бакьян. Главный из них – Таренат, и когда жил раджа этого острова, то правил почти

всеми остальными островами. Тадор, единственный из этих островов, на котором мы были, управляется раджой. На Мутире и Макьяне раджи нет, – ими управляет сам народ, и оба эти острова поставляют людей раджам Тарената и Тадора в тех случаях, когда между ними происходят военные действия. На пятом острове, Бакьяне, раджа имеется. Весь этот край, в котором растет гвоздика, называется Молуккой.

За восемь месяцев до нашего прибытия сюда, в Таренат, умер некий Франсишку Серран[138], португалец. Он служил капитан-генералом у раджи Тарената, враждовавшего с раджой Тадора. Он повел дело так, что раджа Тадора отдал одну из своих дочерей в жены радже Тарената и в качестве заложников почти всех сыновей вельмож. От этой-то дочери тот внук раджи Тадора, о котором речь шла выше. Таким образом был заключен мир между обоими властителями, но, когда Франсишку Серран явился однажды в Тадор закупать гвоздику, раджа Тадора дал ему отраву из упоминавшихся уже листьев бетеля. Он жил только четыре дня. Раджа собирался хоронить его по своему [магометанскому] обряду, но трое его слуг, христиан, воспротивились этому. Серран оставил после себя сына и дочь в малом возрасте, которых он прижил с женщиной, на которой женился на Большой Яве, и 200 бахар гвоздики. Он состоял в тесной дружбе и родстве с нашим королевским капитан-генералом, и именно он побудил последнего предпринять это путешествие, ибо в то время как Магальяйнш[139] был в Малакке, он неоднократно писал ему, что находится в Таренате. Когда дон Мануэль, король португальский, отказался повысить ему жалованье на один-единственный тестон[140] в месяц, что было им заслужено, Магеллан отправился в Испанию и там добился всего того, чего просил у его священного величества.

Спустя десять дней после смерти Франсишку Серрана раджа Тарената Абулеис, изгнавший с острова своего зятя, раджу Бакьяна, был отравлен своей дочерью, женою раджи Бакьяна. Раджа прожил не более двух дней и оставил после себя девять сыновей: Кекили-Момули, Джадоре, Руниги, Кекили де Роис, Сили Мансур, Силипаги, Кекили Катара, Вайеку Серих и Калано Гапи.

В понедельник, 11 ноября, один из сыновей раджи Тарената, Кекили де Роис, подъехал к нашим судам, одетый в красный бархат. Он прибыл на двух пирогах, на которых играли на упомянутых уже ранее литаврах. Он отказался взойти на борт. С ним были жена и дети Франсишку Серрана и все имущество последнего. Когда мы узнали об этом, мы послали к радже осведомиться, можем ли мы принять у себя Кекили де Роиса,

поскольку мы находились в его гавани, и он ответил, что мы можем поступить по нашему усмотрению. Но сын властителя, заметив, что мы колеблемся, отплыл на некоторое расстояние от наших кораблей. Мы поехали за ним на лодке для вручения ему подарка, состоящего из золототканого шелкового индейского платья, нескольких ножей, зеркал и пар ножниц. Он принял их с несколько надменным видом и тут же отъехал. Его сопровождал индеец-христианин по имени Мануэль, слуга Педру Аффонсу ди Лороза, португальца, прибывшего в Таренат из Бандана после смерти Франсишку Серрана. Так как этот слуга умел изъясняться по-португальски, то он поднялся на борт и рассказал нам, что, хотя сыновья раджи Тарената состоят во враждебных отношениях с раджой Тадора, они всегда готовы служить королю Испании.

С этим слугою мы передали письмо Педру Аффонсу ди Лороза, приглашая его приехать к нам без всяких колебаний.

У этих раджей столько жен, сколько они пожелают иметь, но одна считается главной, и ей повинуются все остальные. У упомянутого раджи Тадора большой дом за городом, и в нем живут двести главных жен его, в услужении коих находится такое же число женской прислуги. Во время приема пищи раджа находится один или вместе с главной женой на возвышении вроде галереи, и той, которая понравится ему больше всех других, он приказывает провести с ним ночь. Окончив есть, он может повелеть женщинам есть всем вместе, в противном случае каждая отправляется есть в свою комнату. Без разрешения раджи никто не в праве смотреть на этих женщин, и если найдут кого-нибудь поблизости от покоев раджи, будь то днем или ночью, его тотчас же убивают. Каждое семейство обязано отдавать королю одну или двух дочерей. У него 26 детей, в том числе 8 сыновей, остальные все девочки.

Неподалеку от этого острова лежит большой остров Жалоло (Жилоло), населенный маврами и язычниками. У этих мавров были двое раджей, один из которых, по словам властителя (Тадора), имел 600 детей, а другой – 525. У язычников нет такого большого числа жен. Нет у них также такого множества суеверий. В течение дня они боготворят тот предмет, который первый бросается им в глаза, как только утром они выходят из дому. Повелитель этих язычников, раджа Папуа, обладает несметным количеством золота и обитает внутри острова.

На кремнистых скалах острова Жилоло растет тростник толщиною с ногу, наполненный водой, очень приятной на вкус. Мы здесь закупили очень большое количество этого тростника. [141]

Во вторник, 12 ноября, раджа за один день приказал

построить в городе дом для наших товаров. Мы снесли сюда почти все наши товары и приставили четырех человек для охраны. Мы открыли немедля торг, который вели таким способом. За 10 локтей красного сукна высокого качества нам давали один бахар гвоздики, что равнозначно четырем кинталам, или шести фунтам; за 15 локтей сукна не особенно высокого качества – один кинтал, или 100 фунтов; за 15 топориков – один бахар; за 35 стеклянных чашек – один бахар (раджа сам забрал все чашки); за 17 катилов киновари – один бахар; за 17 катилов ртути – один бахар; за 26 локтей полотна – один бахар; за 150 ножей – один бахар; за 50 пар ножниц – один бахар; за 40 головных уборов – один бахар; за 10 локтей гудзератской материи – один бахар; за 3 гонга, что у них в употреблении, – два бахара; за кинту бронзы – один бахар. Почти все зеркала, которые мы везли с собою, по пути разбились; немногие уцелевшие раджа пожелал оставить себе. Большинство пущенных нами в обмен предметов были с джонок, которые мы в свое время захватили. Мы торопились с возвращением в Испанию, вследствие чего отдавали свой товар туземцам на более выгодных для них условиях, чем мы это делали бы при других обстоятельствах. Ежедневно нам привозили к кораблям на лодках такие количества коз, кур, бананов, кокосовых орехов и прочего продовольствия, что мы только диву давались. Мы запаслись пресной водой, которая в горячем виде бьет из земли; стоит подержать ее на воздухе вне источника в продолжение часа, как она становится очень холодной, и это объясняется тем, что она берет начало в горах, где растет гвоздика. Это явление опровергает ходячее в Испании представление, что на Молукку надо возить воду из отдаленных мест.

В среду раджа отправил своего сына, по имени Моссаап, на остров Мутир, чтобы ускорить снабжение нас [гвоздикой]. В тот же день мы уведомили раджу, что захватили некоторых индейцев. Раджа сердечно возблагодарил бога и попросил нас оказать ему услугу и передать ему трех пленных, дабы он мог отослать их назад в их страну в сопровождении пяти человек из числа его слуг с тем, чтобы они прославили имя испанского короля и также его собственное. Тогда мы передали ему трех женщин, захваченных нами для королевы, в исполнение его намерения. На следующий день мы передали радже всех наших пленников, за исключением захваченных нами в Борнео, и он горячо поблагодарил нас за это. После чего он попросил нас в знак нашей любви к нему перебить всех свиней, которые были на наших кораблях, в возмещение чего он обещал выдать нам такое же число коз и птиц. Чтобы доставить ему приятное, мы зарезали

наших свиней и вывесили их туши под деком. Стоит местному жителю увидеть свинью, как он закрывает лицо, чтобы не смотреть на нее или не обонять ее запаха.

Под вечер того же дня приехал на пироге португалец Педру Аффонсу Он не успел еще высадиться на берег, как раджа послал за ним, чтобы воодушевить его, и шутя потребовал, чтобы он давал правдивые ответы на все наши вопросы, даже если он прибыл с острова Таренаты. Он рассказал нам, что в Индии находится уже шестнадцать лет, из них 10 лет в Молукке, так как Молуккские острова были уже открыты без всякой огласки некоторое время тому назад. Прошел уже год без двух недель с того дня, как в это место прибыло из Малакки большое судно и уехало, приняв груз гвоздики, но по причине неблагоприятной погоды вынуждено было задержаться на несколько месяцев в Бандане. Капитаном этого судна был португалец Триштан ди Менезиш. На вопрос Педру Аффонсу, что нового в христианском мире, тот ответил, что флот в составе пяти судов вышел из Севильи под начальством Фернана Магеллана, португальца, для того чтобы, по поручению короля Испании, открыть Молукку; что король Португалии, раздосадованный тем, что португалец посмел пойти против него, послал несколько судов к мысу Доброй Надежды и столько же судов к мысу Святой Марии, где живут людоеды, с целью воспрепятствовать продвижению [флота Магеллана], но они не нашли его. Узнав вскоре, что этот капитан перешел в другое море и находится на пути в Молукку, король португальский немедленно написал своему главному капитану в Индии дону Дьогу Лопиш ди Сикейра приказ направить шесть судов в Молукку. Но последний не мог сделать этого по той причине, что в Малакку направлялся в это время турецкий султан, и он вынужден был выслать ему навстречу 60 весельных судов к проливу Мекки в стране Джуда[142]. Они нашли только небольшое число галер с пробоинами на побережье могучего и красивого города Адема и сожгли все эти галеры. После этого главный капитан выслал навстречу нам большой галеон с двумя рядами пушек, но галеон не имел возможности двинуться дальше из-за мелей и течений вблизи Малакки, а также противного ветра. Капитаном этого галеона был Франсишку Фарья, португалец. За несколько дней до нашего прихода сюда в этих местах появилась каравелла с двумя джонками, чтобы добыть о нас сведения. Джонки с семью португальцами на них прибыли в Бакьян, чтобы принять груз гвоздики. Так как эти португальцы отнеслись без должного уважения к женам раджи и его подданным и отказывались повиноваться правилам, то их убили. Когда весть об этом дошла до оставшихся на каравелле, они решили немедленно

вернуться в Малакку, покинув джонки с 400 бахарами гвоздики и немалым количеством товаров для закупки дополнительных 100 бахаров.

Ежегодно немалое число джонок отправляется из Малакки в Бандан и из Бандана в Молукку за гвоздикой. Туземцы совершают рейс от Молукки в Бандан за три дня, а из Бандана в Малакку за две недели.

Король португальский уже десять лет пользуется Молуккскими островами так, чтобы король испанский ничего об этом не знал.

Этот португалец оставался у нас до 3 часов утра и рассказал нам многое другое. Мы настойчиво убеждали его вернуться с нами в Испанию, обещав ему за то хорошее жалованье, и он согласился на это.

В пятницу, 15 ноября, раджа заявил, что намерен отправиться в Бакьян за гвоздикой, брошенной там португальцами. Он просил дать с ним два подарка для двух правителей Мутира от имени короля Испании. Проходя мимо наших судов, он выразил желание посмотреть, как стреляют наши арбалеты, ружья и кулеврины, – последние размерами больше ружья. Он сам три раза выстрелил из арбалета, и это понравилось ему больше, чем стрельба из аркебуза.

В субботу раджа мавров острова Жилоло подошел к нашим судам в сопровождении большого числа пирог. Некоторым из его спутников мы подарили немного дамасского шелка, два локтя красного сукна, зеркала, ножницы, ножи, гребенки и две позолоченные чашки. Раджа сказал, что, раз мы друзья раджи Тадора, то тем самым мы и его друзья, так как он любит того, как своего родного сына. Кто бы из нас ни пришел в его страну, ему будут оказаны величайшие почести. Этот раджа преклонных лет и, так как он очень могущественен, то внушает страх всем жителям этих островов. Его имя раджа Джессу

Остров Жилоло таких больших размеров, что для объезда его на пироге требуется четыре месяца.

В воскресенье утром этот же раджа подошел к нашим судам и пожелал понаблюдать, как мы ведем войну и стреляем из наших орудий. Это доставило ему величайшее удовольствие. Он уехал тотчас же после того, как выстрелили из орудий. Нам рассказывали, что в молодости он слыл искусным воином.

В тот же день я высадился на берег посмотреть, как растет гвоздика. Гвоздичное дерево высокое, толщиной оно с человеческое тело или около этого. У середины ствола ветки широко раскинуты, а на верхушке они имеют форму пирамиды. Листья похожи на лавровые, а кора темного цвета. Гвоздика

растет на концах веточек, по 10 или 20 штук вместе. На гвоздичных деревьях бывает больше плодов то на одной, то на другой стороне, в зависимости от времени года. Побеги гвоздики белые, в период созревания они красного цвета, а высушенные – темного. Их собирают дважды в год: в Рождество Господа нашего Спасителя, и другой раз ко дню Иоанна Крестителя, так как климат становится более умеренным в эти два времени года, особенно ко времени Рождества нашего Спасителя. Если в течение года стоит жаркая погода и бывает мало дождей, то здесь на каждом острове собирают от 300 до 400 бахаров гвоздики. Гвоздичные деревья растут только в горах, когда же их высаживают в долинах вблизи гор, они погибают. Листья, кора и древесина издают такой же крепкий запах, как и плоды гвоздики. Если не собрать их, когда они созрели, то они становятся больше и такие твердые, что пригодной остается только ее шелуха. Гвоздика не водится нигде на свете, кроме как на пяти горах на этих пяти островах; правда, несколько гвоздичных деревьев обнаружено было и на Жилоло и на небольшом островке между Тадором и Мутиром, по названию Маре, но плоды их не так хороши. Почти каждый день наблюдали мы, как спускался туман, окружая то ту, то другую из гор на этом острове; благодаря этому туману гвоздика становится лучше качеством. У каждого туземца имеются гвоздичные деревья, и каждый из них оберегает свои собственные деревья, но они не разводят их.

В этой стране растет мускатный орех. Дерево, носящее мускатный орех, походит на наше ореховое дерево, сходство имеют также и листья. Мускатный орех, когда его собирают, имеет вид маленькой айвы: у него такой же пушок и тот же цвет. Наружная кожура его такой же толщины, как и зеленая шелуха нашего ореха. Под ней находится тонкая кожура, а под ней мацис [мускатный цвет]. Он ярко-красного цвета и устилает все дно ореховой скорлупы; в ней и заключен мускатный орех.

Строятся тут дома таким же образом, как и в других местах, с той лишь разницей, что они не так высоко выступают над землей и окружены, точно изгородью, бамбуковыми деревьями.

Женщины безобразны на вид, ходят нагие, как и все другие в этих краях, покровами для них служит древесная кора. Эти покровы изготовляются ими следующим образом. Они кладут кусок коры в воду и оставляют его там, пока он не станет более мягким. Затем они бьют по нему деревянными колотушками, удлиняя его таким образом до желаемых размеров. Кора становится похожей на пелену из шелка-сырца, и нити на ней производят впечатление ткани.

Хлеб приготовляется ими из дерева, похожего на пальму,

следующим способом. Они берут кусок мягкой древесины и удаляют от него длинные черные колючки. После этого они толкут эту древесину и таким образом получают хлеб. Этот хлеб они называют «сагу» [саго]: это – единственное продовольствие, которое они берут с собою во время морских плаваний.

Ежедневно из Таренаты приходили лодки, груженные гвоздикой, но мы приобретали только предметы продовольствия, так как ожидали возвращения раджи. Приезжавшие из Таренаты выражали сильное недовольство по поводу того, что мы не вступали с ними в торг.

В ночь с воскресенья 24 ноября на понедельник прибыл раджа с музыкантами, игравшими на литаврах, и прошел между нашими судами, по каковому случаю мы дали несколько залпов. Он сообщил нам, что гвоздика прибудет сюда дня через четыре. В понедельник раджа прислал нам 791 катил гвоздики, не считая тары. Считать тару значило бы принять меньший вес пряностей, так как последние теряют ежедневно в весе, становясь более сухими. Так как это был первый принятый нами груз гвоздики, то мы дали много выстрелов из наших орудий.

Гвоздика носит тут название «гомод»; в Сарангане, где мы взяли в плен двух лоцманов, она называется «бонгалаван», в Малакке «чанче».

Во вторник, 26 ноября, раджа заявил, что не в обычаях раджи покидать свой остров, но что он покинул свой остров из любви, которую питает к королю Кастилии, а также для того, чтобы мы могли скорее отправиться в Испанию и затем вернуться сюда с таким числом судов, которое дало бы возможность отомстить за его отца, умерщвленного на острове Буру и сброшенного затем в море. Он сказал нам также, что, по существующему здесь обычаю, каждый раз, когда суда или джонки грузятся гвоздикой нового урожая, раджа устраивает пир для экипажей судов и молебствия своему богу о ниспослании благополучного плавания груженным пряностями судам. Он это сделает с тем большей охотой, что в это время у него в гостях раджа Бакьяна вместе со своими братьями. Для этой цели он велел навести чистоту на улицах города. Некоторые из нас заподозрили в этом готовящуюся измену, так как мы узнали, что три португальца, сопровождавшие Франсишку Серрана, были убиты в том самом месте, где мы запасались пресной водой, некоторыми туземцами, скрывшимися в густой чаще, а также потому, что заметили индейцев, перешептывающихся с нашими пленниками. По этим причинам одни из наших возражали тем, которые намерены были пойти на праздник, напомнив им о празднике, оказавшемся для нас столь злополучным. Мы приняли срочные меры к отплытию и решили

просить раджу тотчас же явиться к нам, ибо мы готовимся уже к отъезду и намерены передать ему обещанных четырех человек, помимо некоторых товарищей. Раджа вскоре явился и взошел на борт. Своим спутникам он сказал, что является к нам с полной верой в свою безопасность, как если бы он пришел в свой собственный дом. По его словам, он был весьма удивлен нашим намерением отплыть так скоро, невзирая на то, что судам обычно потребно тридцать дней для погрузки: он-де покинул свою страну не ради того, чтобы учинить нам ущерб, а, напротив того, чтобы помочь наискорейшей погрузке гвоздики. Если бы он был предупрежден об этом, он не уезжал бы, так как это время года неподходящее для плавания как потому, что у Бандана находятся мели, так и потому, что мы можем легко наткнуться на португальские суда [в этих водах]. Если все же, невзирая на все это, мы решили уехать, то мы должны забрать с собою весь товар: ведь все раджи окрестных стран могут сказать, что раджа Тадора, получивший так много даров от столь могущественного государя, ничего не отдал ему взамен; они могут также подумать, что мы уехали из боязни какого-нибудь предательства, и впредь будут считать его предателем. При этом он взял свой Коран и, предварительно облобызав его три или пять раз и возложив его на голову и произнеся при этом про себя несколько слов (они называют это «самбахеан»)[143], заявил во всеуслышание, что поклялся Аллахом и Кораном, который находится в его руках, что он навсегда останется преданным другом государя Испании. Все это он говорил чуть ли не со слезами на глазах. В ответ на эти его заявления мы сообщили ему, что готовы оставаться тут еще недели две, и вручили ему при этом королевскую печать и штандарт. Все же впоследствии мы узнали от осведомленных лиц, что некоторые из начальников этих островов действительно замышляли убить нас, говоря при этом, что это доставило бы величайшее удовлетворение португальскому королю и что последний простит им за это ущерб, учиненный им в Бакьяне. Раджа же заявил им, что он ни в коем случае не согласится так поступить, раз он признал государя Испании и заключил с ним мир.

В среду, 27 ноября, в послеобеденное время раджа издал приказ, которым обязал всех собственников гвоздичных деревьев принести гвоздику на наши корабли. Весь этот и следующий день мы вели с всевозможной энергией меновую торговлю. В среду после полудня прибыл правитель Макьяна с большим числом пирог. Он отказался высадиться на берег, объяснив это тем, что изгнанные из Бакьяна его отец и один из братьев находились в Тадоре. На следующий день наш раджа и его племянник,

правитель, поднялись на борт. Так как у нас не было больше сукна, то раджа велел принести из своих запасов три локтя материи и отдал их нам, а мы вручили их вместе с некоторыми подарками правителю. При его отплытии мы дали несколько залпов. После этого раджа прислал нам еще шесть локтей красной материи для вручения правителю, что мы немедленно и сделали, и он сердечно поблагодарил нас за подарки, пообещав послать нам порядочное количество гвоздики. Имя этого правителя Гумар. Ему было тогда двадцать пять лет от роду.

Правитель уехал в воскресенье, 1 декабря. Нам сообщили, что раджа Тадора, в свою очередь, дал ему шелковую одежду и несколько литавров из своих запасов с тем, чтобы он поскорее прислал нам гвоздику

В понедельник раджа отбыл из своей страны за гвоздикой. В среду утром мы дали залп из всех пушек по случаю дня св. Варвары[144], а также прибытия раджи. Ночью раджа появился на берегу и попросил показать стрельбу и фейерверк, чем остался весьма доволен. В четверг и пятницу мы закупили много гвоздики как в городе, так и на судах. За четыре локтя лент нам давали в обмен один бахар гвоздики, за две бронзовые цепочки – ценою в один «марчелло»[145] – 100 фунтов гвоздики. Когда у нас истощились все запасы товаров, многие из наших начали выменивать свои собственные вещи на гвоздику, дабы иметь и свою долю в грузе: один отдавал плащ, другой – свой камзол, третий – рубашку, а также и другие предметы одежды.

В субботу на борт поднялись трое сыновей раджи Таренаты с тремя своими женами, дочерьми нашего раджи, и Педру Аффонсу португалец. Каждому из трех братьев мы подарили по позолоченной стеклянной чашке, а женщинам – по паре ножниц и другие предметы. При их отъезде были сделаны выстрелы из многих пушек. Вслед за этим мы отослали много подарков дочери нашего раджи, жене раджи Таренаты: она отказалась прийти к нам вместе с другими. Все они, и мужчины и женщины, ходят босиком.

В воскресенье, 8 декабря, в день зачатия, мы сделали много выстрелов из ружей и пушек и жгли фейерверк. В понедельник перед вечером на борт поднялся раджа с тремя женами, которые несли его бетель. Брать женщин с собой имеет право только один раджа. Вскоре явился и раджа Жилоло, снова пожелавший посмотреть нашу стрельбу. Спустя несколько дней раджа заявил нам, что он чувствует себя точно грудной младенец, которого отрывают от лона дорогой матери. Безутешность его сильнее еще оттого, что он сроднился с нами и почувствовал вкус к некоторым испанским изделиям. Именно в силу того, что нашего

возвращения приходится ожидать лишь в далеком будущем, он настойчиво просил нас оставить ему наши кулеврины для личной его защиты. Когда мы уезжали, он советовал нам плыть только днем, принимая во внимание наличие множества мелей среди этих островов. Мы возразили ему, заявляя, что должны ехать день и ночь, если хотим добраться до Испании. Выслушав наши возражения, он сказал, что будет ежедневно возносить мольбы своему богу, дабы он довел нас невредимыми до назначения. Так как раджа Бакьяна собирается женить одного из своих сыновей на одной из его (раджи Тадора) дочерей, то он просит нас придумать какое-нибудь развлечение для увеселения гостей, но он против залпов из крупных пушек, из боязни, что стрельба может повредить нагруженным судам. В это же время явился к нам и португалец Педру Аффонсу с женой и всем своим скарбом, чтобы остаться с нами. Два дня спустя приехал на хорошо укомплектованной людьми пироге Кекили де Роис, сын раджи Тарената. Он попросил португальца спуститься к нему на несколько минут, но тот отказался, заявив, что вместе с нами отправляется в Испанию, в ответ на что сын раджи сделал попытку подняться на борт, но мы его не допустили, зная, что он состоит в тесной дружбе с португальским капитаном Малакки и прибыл сюда, чтобы захватить португальца. Тогда он начал ругать тех, что находились рядом с португальцем, за то, что они допустили его на корабль без его разрешения.

В воскресенье, 15 декабря, в предвечернее время приехал раджа Бакьяна со своим братом на пироге с тремя рядами весел у каждого борта. Всего было на пироге 120 весел. На них были флаги из перьев белых, желтых и красных попугаев. Слышны были звуки многочисленных литавров, весла двигались в такт этим звукам. На двух пирогах приехали девушки, предназначенные в дар новобрачной. Когда они проходили мимо судов, мы приветствовали их выстрелами из пушек, они же отвечали нам тем, что объехали вокруг кораблей и сделали круг по гавани. Наш раджа прибыл, чтобы приветствовать его, так как не в обычае одного раджи высаживаться на территории другого раджи, так что когда раджа Бакьяна увидел приближающегося к нему нашего раджу, он поднялся с ковра, на котором сидел, и занял один его край. Наш раджа отказался сесть на другой край ковра, и таким образом ни один из них не занимал ковра. Раджа Бакьяна вручил нашему радже 500 «патолей» за то, что последний выдает свою дочь за брата первого. Патоли представляют собою золототканую шелковую материю, производящуюся в Китае и высоко ценимую в этих краях. Когда кто-нибудь здесь умирает, то члены семьи одеваются в эту материю, чтобы тем оказать

покойнику больше почестей. За одно из таких платьев они отдают три бахара гвоздики или около этого, сообразно качеству материи.

В понедельник наш раджа послал с пятьюдесятью женщинами, покрытыми шелковыми нарядами от пояса до колен, пиршественное угощение радже Бакьяна. Женщины эти шли по две в ряд, посредине находился мужчина. Каждая несла большое блюдо, на котором стояли маленькие блюда с разнообразными яствами. Мужчины несли одни только большие кувшины с вином. Десять самых старых женщин выступали в качестве жезлоносиц. Так дошли они до самой пироги, где вручили все радже, восседавшему на ковре под красно-желтым балдахином. На возвратном пути женщины потащили с собою некоторых наших моряков, которым удалось освободиться от них, только раздав им маленькие подарки. Раджа прислал нам коз, кокосовые орехи, вино и много других предметов продовольствия.

В этот день мы завязали на кораблях новые паруса. На них был изображен крест св. Якова из Галисьи[146] и надпись, которая гласила: «Это – образ нашей благоприятной судьбы».

Во вторник мы преподнесли в дар нашему радже несколько орудий вроде аркебузов из числа тех, которые мы захватили на этих островах, а также несколько кулеврин вместе с четырьмя бочками пороха. Мы приняли на борт каждого корабля по восьмидесяти бочек воды. За пять дней до этого раджа отправил сто человек нарубить для нас дрова на остров Маре, мимо которого мы должны были пройти. В этот же день на берег пришел раджа Бакьяна с многочисленной свитой для того, чтобы заключить с нами мир. Впереди раджи шествовало четыре человека с обнаженными кинжалами в руках. Он объявил в присутствии нашего раджи и всех других, что навсегда посвящает себя службе государю Испании и что ради него он будет сохранять оставленную португальцами гвоздику вплоть до прибытия следующего нашего флота и что без разрешения государя он никогда не отдаст ее португальцам. В подарок государю Испании он посылает раба, два бахара гвоздики (он предлагал десять бахар, но чрезмерно нагруженные корабли не могли принять все присланное количество) и двух мертвых птиц необычайной красоты. Величиной эти птицы с дрозда, с маленькой головой и длинным клювом. Ноги их длиною в одну пядь и тонкие, как тростинки; у них нет крыльев, вместо них длинные перья разнообразной расцветки, наподобие султана. Хвост у них, как у дрозда. Остальные перья у них цвета дубленой кожи. Они летают только при ветре. Туземцы считают, что эти птицы происходят из земного рая, а потому называют их «болон

дивата», что значит «божьи птицы»[147].

В этот день каждый из раджей Молукки написал государю Испании письмо с изъявлениями верности. Радже Бакьяна около 70 лет. Обычай его таков: всякий раз, как он собирается на войну или на какое-нибудь иное значительное предприятие, он предварительно дважды или трижды испытывает свою силу на одном из своих слуг, которые предназначены для одной только этой цели.

Однажды наш раджа прислал сказать нашим людям, находившимся в здании, где хранились наши запасы, чтобы они не выходили ночью наружу, так как некоторые из его людей, совершив помазание, бродят ночью по городу. Они кажутся безголовыми и, когда встречают кого-нибудь, дотрагиваются до его руки и втирают ему немного мази, после чего человек этот заболевает и,спустя три или четыре дня, умирает. Встречая трех или четырех человек, они одурманивают их и лишают чувств. Раджа, по его словам, многих из них повесил.

Построив новый дом, местные жители, прежде чем поселиться в нем, зажигают вокруг него огни и устраивают пиры, а потом прикрепляют к кровле образчики всего того, что находится на острове, с той целью, чтобы обитатели дома ни в чем не испытывали недостатка.

Имбирь имеется повсюду на этих островах. В неспелом виде он заменял нам хлеб. Имбирь растет не на деревьях, а на небольших растениях, которые пускают из почвы побеги длиною в одну пядь, похожие на тростник, и листья на них подобны листьям тростника, только более узкие. Имбирь дают не побеги, а их корни. В сыром виде он не так вкусен, как в засушенном. Тут его сушат в извести, иначе он не сохраняется.

Изображение корабля «Виктория»
Гравюра XVI в.

В среду утром мы собрались в путь, и к нам явились раджи Тадора, Жилоло и Бакьяна проводить нас до острова Маре. На корабле «Виктория» подняли паруса, но несколько повременили с отплытием в ожидании корабля «Тринидад». Но на последнем никак не могли поднять якорь, и внезапно обнаружили течь. Поэтому «Виктория» вернулась к месту стоянки, и мы тут же принялись разгружать корабль, чтобы можно было приступить к починке. Вода вливалась с силой, словно через трубу, но мы никак не могли найти пробоину. Весь этот и следующий день мы занимались только выкачиванием воды, но все наши усилия оказались тщетными. Узнав о нашей беде, к нам поспешил наш раджа и приложил немало стараний, чтобы самому найти пробоину. Он послал пятерых своих спутников, приказав им нырнуть в воду и попытаться найти пробоину под водой. Они пробыли там не менее получаса, но им точно так же не удалось найти пробоину. Видя тщету своих усилий помочь нам, а между тем вода с каждым часом все прибывала, он чуть ли не со слезами на глазах объявил нам, что поедет на остров за тремя своими людьми, которые могут оставаться под водою более долгий срок. В пятницу поутру прибыл наш раджа с тремя своими людьми. Он тотчас же приказал им нырнуть в воду с распущенными волосами, дабы таким способом они могли обнаружить течь. Целый час они пробыли в воде, но все же не могли найти пробоину. Убедившись в своем бессилии помочь нам, он спросил нас в слезах, кто из нас отправится «в Испанию к моему повелителю, чтобы дать ему знак обо мне». Мы ответили ему, что туда отправится «Виктория», пользуясь подувшими кстати южными ветрами, а «Тринидад» после ремонта, дождавшись западного ветра, направится в Дариен, расположенный по другую сторону моря, в краю Дьюкатан [Юкатан]. Раджа сказал, что у него имеется сто двадцать пять плотников, которые займутся ремонтными

работами, а к оставшимся здесь нашим он будет относиться так, как если бы они были его сыновьями. За исключением двоих из нас, которые будут наблюдать за работами, все остальные будут свободны от каких-либо тягот. Он говорил это с таким пылом, что мы невольно прослезились. Мы, отправлявшиеся на «Виктории», опасаясь, чтобы корабль не расселся от чрезмерного груза, сбросили с него шестьдесят кинталов гвоздики и перенесли в дом, в котором хранились остальные запасы гвоздики. Некоторые из наших моряков пожелали остаться на острове, боясь, что судно не выдержит переезда в Испанию, но пуще всего, чтобы не умереть по пути от голода.

В субботу, 21 декабря, в день св. Фомы, к нам явился наш раджа и привел с собою двух лоцманов, которым мы уплатили за то, чтобы они вывели нас за пределы этих островов. Они заявили, что погода как раз подходящая для отплытия, но так как остававшиеся на острове писали в это время письма в Испанию, мы не могли двинуться в путь ранее полудня. Когда же этот час наступил, корабли обменялись прощальными пушечными залпами, и казалось, что они, как бы рыдая, расставались один с другим. Оставшиеся на острове провожали нас на лодках, и мы наконец расстались после слез и объятий. Правитель провожал нас до самого острова Маре. Не успели мы подойти к острову, как тут же закупили четыре пироги с дровами и менее чем за час времени подняли их на борт и немедленно пустились в путь по направлению к юго-западу. На острове остался Жуан Каваджо с 53 нашими, а экипаж нашего судна состоял из 47 наших и 13 индейцев.

На острове Тадоре имеется епископ. Когда мы были на острове, у этого епископа было 40 жен и множество детей.

Повсюду на Молуккских островах находятся гвоздика, имбирь, саго (это их древесный хлеб), рис, козы, гуси, куры, кокосовые орехи, фиги [бананы], миндаль, размерами больше чем наш, сладкие и вкусные гранаты, апельсины, лимоны, пататы, мед, производимый пчелами величиной с муравья, – они откладывают его на деревьях, – сахарный тростник, кокосовое масло, кунжутное масло, арбузы, дикие огурцы, тыква, освежающий плод величиной с огурец, по названию «комуликай», другой плод, похожий на персик и называемый «гуава», и другие виды плодов. Там находятся также попугаи разной окраски, в том числе белого цвета, называемые «катара», и некоторые сплошь красного цвета, называемые «норн». Красный попугай ценится на вес бахара гвоздики; он гораздо отчетливее произносит слова, чем все остальные.

Мавры, населяющие Молуккские острова, живут там около

пятидесяти лет. Обитавшие на этих островах до них язычники не обращали ни малейшего внимания на гвоздику. Остатки язычников живут в горах, где произрастает гвоздика.

Остров Тадор лежит на широте 22° по направлению к Северному полюсу и на 161° долготы от демаркационной линии. Он находится на расстоянии ½° южнее первого острова архипелага под названием Самаль и простирается между севером, востоком, югом и западом. Таренат лежит на широте 2/3° по направлению к Северному полюсу. Мутир расположен как раз на экваторе. Макьян расположен на ¼° широты, а Бакьян под 1° широты по направлению к Южному полюсу. Таренат, Тадор, Мутир и Бакьян представляют собой четыре высокие остроконечные горы, на которых растет гвоздика. С этих островов не видать Бакьяна, но он самый большой из них. На нем гора с гвоздичными деревьями не так остроконечна, как горы на прочих островах, но размерами она гораздо больше.

Следуя своим курсом, мы прошли мимо следующих островов: Кайоан, Лайгома, Сико, Джоджи и Кафи. На этом последнем живет племя ростом столь же малое, как карлики, народ очень забавный; это – пигмеи. Их силою подчинил своей власти раджа Тадора. Мы прошли также мимо островов Лабуан, Толиман, Титаметри, Бакьян, о котором речь уже шла выше, Лалалата, Табоби, Мага и Баутига. Проходя вдоль западных окраин этого последнего, мы направили курс на запад-юго-запад и в направлении к югу обнаружили несколько островков. Ввиду того, что молуккские лоцманы советовали нам направиться именно сюда, так как наш курс лежал посреди многочисленных островов и отмелей, мы повернули на юго-восток и наткнулись на остров под 2° широты по направлению к Южному полюсу на расстояние 50 лиг от Молукки. Остров этот носит название Судах и населен язычниками. У них нет властителя, и они людоеды. Ходят они нагие как мужчины, так и женщины; срамную часть они прикрывают куском древесной коры шириною в два пальца. Тут много островов, население которых употребляет в пищу человеческое мясо. Вот названия некоторых из этих островов: Силан, Носелао, Бига, Атулабаоу Лейтимор, Тенетун, Гондия, Пайларурум, Манадан и Бенайя. Затем мы прошли вдоль берегов двух островов, называемых Ламатола и Тенетун, расположенных в десяти лигах от Сулаха. На том же направлении мы встретили очень большой остров, где есть рис, свиньи, козы, куры, кокосовые орехи, сахарный тростник, саго, кушанье, изготовляемое тут из одной разновидности фиг [бананов] и называемое «чанали», а также «чакаре», называемое «нангка». «Нангка» – плод, походящий на огурец. Снаружи он покрыт

наростами, а внутри находится маленький плод красного цвета, похожий на абрикос. Косточки нет, вместо этого мозгообразная мякоть, похожая на фасоль, но несколько больше. Эта мякоть обладает нежным вкусом, как каштан. Там встречается плод, напоминающий ананас. Снаружи он желтого цвета, внутри – белого; если разрезать его на две части, как грушу, то мякоть его окажется более нежной и вкусной. Этот плод носит название «конниликаи».

Жители этого острова ходят голые, так же как и на острове Судах. Они – язычники, и у них нет властителя. Остров расположен на 3 ½° широты в направлении Южного полюса и на расстоянии 75 лиг от Молукки. Его название – Буру. В десяти лигах к югу от этого острова находится остров больших размеров, граничащий с Жилоло. Населяют его мавры и язычники. Последние употребляют в пищу человеческое мясо. Все перечисленные выше плоды имеются также и тут. Называется этот остров Амбон. Между Буру и Амбоном расположены три острова, окруженные рифами; их названия: Вудия, Кайларури и Бенайя. Поблизости от Буру, на расстоянии приблизительно четырех лиг к югу, находится небольшой остров Амбалао.

В тридцати пяти приблизительно лигах к юго-западу от острова Буру находится Бандан. Бандан состоит из двенадцати островов. На шести из них растет мускатный орех. Названия этих островов следующие: Соробоа, самый большой из них, Келисель, Самианапи, Пулак, Пулурум и Росогин. Другие шесть островов носят следующие названия: Унуверу, Пуланбаракон, Лайлака, Манукан, Ман и Меут. На них нет мускатного ореха, а есть рис, саго, кокосовые орехи, фиги [бананы] и другие плоды. Острова эти расположены один возле другого. Население их состоит из мавров. Властителя у них нет. Бандан лежит на 6° широты в направлении к Южному полюсу и на 163° долготы от демаркационной линии. Так как он лежал несколько в стороне от нашего курса, мы не пошли туда.

Оставив за собою упомянутый остров Бару [Буру] и взяв курс на запад-юго-запад, мы добрались после того, как прошли около трех градусов долготы, до трех островов, лежащих довольно близко друг около друга и называемых: Солот, Носемамор и Галиау. Плавая меж этих островов, мы были настигнуты сильным штормом, так что мы дали обет совершить паломничество к Богородице путеводной. Мы шли в фордевинд, и нас несло к высокому острову, но прежде чем мы достигли его, нас сильно измотали жестокие порывы ветра, идущего от гор на этом острове, и сильные морские течения. Жители этого острова – настоящие дикари и звероподобны, они едят человеческое мясо. У

них нет властителя, ходят они голые, только небольшой кусок коры покрывает их, как и других в этих краях. Лишь когда они отправляются в поход, они покрываются спереди, сзади и с боков кусками буйволовой кожи, украшенными небольшими раковинами, свиными клыками и хвостами, сделанными из козьей кожи и прикрепленными спереди и сзади. Волосы у них закручены высоко на голове, будучи скреплены длинными бамбуковыми шпильками, продетыми через них в обе стороны и сдерживающими таким образом взбитые вверх волосы. Бороды завернуты в бамбуковые листья и засунуты в тонкие бамбуковые трубки – вид прямо-таки уморительный. Это – самое безобразное из всех племен, населяющих эти индийские края. Их луки и стрелы также сделаны из бамбука. Женщины носят свою пищу и питье в чем-то наподобие мешков, сделанных из древесных листьев. Когда жители этого острова завидели нас, они вышли навстречу нам со своими луками, но после того как мы роздали им подарки, они сразу же приняли дружественный вид. Мы задержались тут две недели для того, чтобы законопатить борта нашего корабля. На этом острове имеются куры, козы, кокосовые орехи, воск (они давали нам пятнадцать фунтов воска в обмен на фунт старого чугуна) и перец – продолговатый и круглый. Продолговатый перец напоминает первый цвет ореха в зимнее время. Подобно плюшу, это растение обвивается вокруг деревьев, но листья его походят на листья тутового дерева. Оно носит название «лули». Круглый перец растет так же, как и продолговатый, но он колосится подобно индийскому житу и его лущат. Он называется «лада». В этих краях поля покрыты перцем этой разновидности, посаженным так, что они походят на деревья. Мы захватили одного туземца и приказали ему повести нас в такое место на острове, где мы могли бы запастись съестными припасами.

Этот остров лежит на 8 ½° широты в направлении Южного полюса и на 169 2/3° от демаркационной линии. Его название – Малуа.

Наш старый лоцман из Молукки рассказывал нам, что поблизости должен быть остров по названию Арукето, жители которого, мужчины и женщины, ростом не больше локтя, но уши у них такой величины, как они сами: одно ухо заменяет им ложе, другим они покрываются во время сна. Волосы у них острижены, ходят они совсем голые, и голос у них пронзительный. Живут они в подземных пещерах, питаются рыбой и веществом, растущим между древесиной и корой, круглым по форме и белого цвета, напоминающим варенье из кориандра и называемым тут «амбулоне». Мы, однако, не могли посетить этот остров из-за

сильных течений и множества мелей.

В субботу, 25 января 1522 года, мы оставили за собою остров Малуа. В воскресенье, 26-го, мы достигли большого острова, лежащего в пяти лигах к юго-юго-западу от Малуа. Я высадился на берег один, чтобы переговорить с начальником города Амабана о снабжении нас съестными припасами. Он ответил, что даст мне буйволов, свиней, коз, но мы не могли прийти с ним к соглашению, так как он запросил слишком много предметов в обмен за одного только буйвола. К тому же у нас оставалось очень мало предметов для обмена, да и голод заставлял нас быть решительными, вследствие чего мы задержали на корабле одного начальника и его сына из другого поселения, по названию Балибо. Боясь, чтобы мы его не убили, он тут же распорядился дать нам 6 буйволов, 5 коз и 2 свиней, а для того, чтобы возместить недостающую до требуемого количества живность (мы требовали 10 свиней и 10 коз), он дал нам (дополнительно) еще одного буйвола. Таковы были наши условия отпуска его на свободу. После этого мы отпустили их на остров, весьма довольных врученными им подарками: полотном, индийской материей из шелка и хлопка, топорами, индийскими ножами, ножницами, зеркалами и нашими ножами.

Начальник, с которым я вел переговоры на острове, пользуется в качестве слуг одними только женщинами. Все эти женщины ходят голые, как то в обычае на всех этих островах. В ушах у них золотые серьги, с которых свисают шелковые кисточки. Руки у них до самого локтя украшены большим числом золотых и бронзовых браслетов. Мужчины ходят голые, так же как и женщины, но вокруг шеи у них навешены разные предметы из золота, круглые, наподобие тарелки, а в волосах у них бамбуковые гребни, украшенные золотыми колечками. Некоторые носят на шее вместо золотых вещей засушенные горлышки тыквенных бутылок.

Белое сандаловое дерево[148] растет только на этом острове и ни в каких иных местах. Там находятся также: буйволы, свиньи, козы, куры, имбирь, рис, фиги [бананы], сахарный тростник, апельсины, лимоны, воск, миндаль, турецкий боб и многое другое, равно как и попугаи разных цветов. В другой части острова живут четверо братьев, являющихся раджами этого острова. Там, где мы были, находились города, в которых живут их начальники. Названия четырех поселений раджей следующие: Оибич, Ликсана, Суаи и Кабанаса. Самое большое поселение – Оибич. Много золота находится на одной горе в Кабанасе, судя по полученным нами сведениям, и жители покупают все нужное за маленькие кусочки золота. В этом краю и закупают жители Явы и

Малакки сандаловое дерево и воск. Мы встретили здесь джонку, пришедшую сюда из Лосона для закупки сандалового дерева. Население состоит из язычников. Рассказывают, что, когда они отправляются на порубку сандалового дерева, им является дьявол в разных видах и предлагает им просить у него всего, в чем они нуждаются. В результате этого явления их постигает недуг, продолжающийся несколько дней. Сандаловое дерево рубят в известные фазы луны, в противном случае оно не будет хорошего качества. В обмен на сандал им дают красную материю, полотно, топоры, железо и гвозди. Населен весь остров. На юго-западе он раскинут на большом пространстве, на северо-востоке он не такой ширины. Он лежит на 10° широты в направлении к Южному полюсу и 174° ½' долготы от демаркационной линии и носит название Тимор. На всех островах этого архипелага, которые мы посетили, свирепствует болезнь св. Иова[149], но больше всего на этом. Она носит название «фои франки», то есть «португальская болезнь». Нам говорили, что на расстоянии дневного перехода по направлению к северо-западу мы можем найти остров, на котором в большом количестве растет корица и что название этого острова Энде. Население его состоит из язычников, и властителя у них нет. Нам говорили также, что имеется много островов в том же направлении, расположенных один за другим; они тянутся до самой Явы Большой и мыса Малакка. Названия этих островов следующие: Энде, Танабутун, Креуо, Кили, Бимакор, Аранаран, Мани, Сумбава, Ломбок Корум и Большая Ява. Жители называют ее не Явой, а Яоа. Самые крупные поселения расположены на Яве, а именно: Маджепахер (когда властитель был еще жив, он был самым могущественным на всех этих островах, его имя было раджа Патиунус), Судна, где растет в большом количестве перец, Даха, Дама, Каджамада, Минутаранган, Сипара, Сидайу, Тубан, Кресси, Сирубайя и Балли[150]. Нам говорили также, что Малая Ява – это остров Мадура, что она расположена поблизости от Явы Большой, на расстоянии всего лишь полулиги. Когда на Яве Большой умирает какой-нибудь именитый человек, то тело его сжигают, так нам рассказывали. Его главную жену, всю украшенную гирляндами цветов, переносят на сидении трое или четверо мужчин через все селение. Улыбаясь и утешая родственников, рыдающих над трупом, она говорит им: «Не плачьте, сегодня вечером я буду ужинать с моим супругом, а ночью буду с ним спать». После этого ее подносят ближе к костру, на котором находится труп ее супруга. Обратившись вновь к родственникам и продолжая их утешать, она сама кидается в огонь, в котором сжигают ее мужа. Не поступи она так, ее перестали бы считать честной женщиной или верной женою

покойному супругу.

Самый старый пилот наш рассказывал нам, что на острове Аколоро, лежащем ниже Большой Явы, мужчин нет вовсе – есть только женщины. Они беременеют от ветра. Когда у них рождается мальчик, они его убивают, если же девочка, они ее воспитывают. Когда на этом острове показываются мужчины, они их убивают, если только в силах это сделать.

Нам рассказывали также, что ниже Большой Явы в направлении к северу, в Китайском заливе, который древние называли «Sinus Magnus» [Большой залив], живут птицы «гаруда». Они такой величины, что способны перетащить буйвола или слона на дерево, растущее в месте, называемом «Пусатавер», само же дерево носит название «кам панганги», а плод его «буа панганги». Величиной своей плод этот превосходит огурец. Находившиеся на нашем корабле мавры из Бурне говорили, что сами видели этих птиц, так как их раджа получил двух таких птиц из сиамского государства. Ни одна джонка или какая-либо другая лодка не может приблизиться к месту, где растет это дерево, из-за бурных водоворотов у этих берегов. Впервые узнали об этом дереве после того, как одну джонку втянуло в водоворот и она разбилась в щепы, причем весь экипаж джонки утонул и спасся чудесным образом только один мальчик, привязавший себя к толстой доске. Он взобрался на дерево, не будучи никем замечен, и спрятался под крылом одной из этих птиц. На другой день птицы поднялись, чтобы полететь к берегу и поймать буйвола, и мальчик вылез из-под крыла. От него-то и узнали про этих птиц, а также откуда происходят плоды, находимые в море.

Малаккский мыс лежит на 1 ½° широты в направлении Южного полюса. Вдоль всего восточного побережья мыса расположено множество городов и поселений. Вот названия некоторых из них: Сингапола, помещающийся на самом мысу, Паган, Калантан, Патани, Брадлун, Бенан, Лагон, Кереджигаран, Тумбон, Пран, Куй, Брабри, Банга, Индия – в последнем живет король сиамский, по имени Сири Сакабедера, – Джандибум, Лану и Лангонпифа. Города эти построены так же, как и наши, и все подвластны властителю сиамскому.

На берегах рек в сиамском государстве водятся, как нам рассказывали, большие птицы, которые до тех пор не дотрагиваются до падали, пока какая-нибудь другая птица не сожрет сердца, – только после этого они употребляют эту падаль в пищу.

Вблизи Сиама находится Камбодиа[151], властитель которой носит имя Сарет Сакабедера, затем Кьемпа, где властителем раджа Брагаун Маитри. Тут растет ревень, который собирают

следующим образом. Группа в 20 или 25 человек отправляется вместе в джунгли. С наступлением ночи они взбираются на деревья как для того, чтобы уловить запах ревеня, так и из страха перед львами, слонами и другими дикими животными. Ветер доносит до них запах ревеня из тех мест, где он растет. Рано на рассвете они отправляются туда, откуда доносился к ним запах, и приступают к отысканию ревеня. Это – сгнившая древесина одного дерева, которое до того, как не сгнивает, не испускает никакого запаха. Лучшая часть дерева – корень, хотя и сама древесина дает ревень, который тут называется «калама»[152].

Тут же находится Коки, властителем коего является раджа Серибумни Пала, а за этой страной лежит Великий Китай, властитель коего самый могущественный на свете. Его имя раджа Сантоа. Лично ему подвластны семьдесят коронованных государей, некоторые из последних имеют под своей властью от 10 до 15 государей. Гавань этого государства носит название Гуантан [Кантон]. Из числа многих городов главнейшие Нанкин и Комлаха[153] – резиденция повелителя Китая. Вблизи его дворца находятся четыре его главных сановника – один к западу от дворца, другой – к востоку, третий – к югу, четвертый – к северу. Каждый из них дает аудиенцию только тем, кто прибывает с его стороны. Все государи и властители Большой и Верхней Индии подвластны этому государю. Знаком их подлинной преданности как вассалов служит изваянный из мрамора зверь, более сильный, чем лев, и называемый «чинга», который возвышается у них на площади. «Чинга» вырезан на печати властелина Китая, и все те, кто прибывает в Китай, обязаны иметь изваяние этого животного, сделанное из воска или слоновой кости, в противном случае они не допускаются в гавань. Если какой-нибудь из властителей выходит из повиновения государю, то с него сдирают кожу, и эту кожу высушивают на солнце и солят, а затем ее набивают соломой или чем-нибудь другим и подвешивают головой вниз на видном месте на площади, причем руки сложены над головой так, чтобы все видели, что он выполняет «зонгу»[154], то есть обряд повиновения. Никому не дозволено видеть государя. Когда он пожелает посмотреть на свой народ, то объезжает дворец верхом на искусно сделанном павлине, затейливо изукрашенном, в сопровождении шести самых главных своих жен, одетых так же, как и он. Затем он входит внутрь змеи, называемой «нага», сделанной с небывалым великолепием и помещающейся в самом большом дворе дворца. Государь и жены его входят внутрь, так что никто точно не знает, кто из них действительно государь. На народ он смотрит через большое стекло, помещающееся в груди змеи. Через это стекло можно видеть и властелина и его жен, но

никто не может угадать, кто из них государь. Он женат на своих сестрах, дабы царская кровь не смешивалась ни с какой другой. Двор окружен семью стенами, на каждой из этих стен 10 000 человек находятся на охране дворца. Они остаются там, пока не зазвонит колокол и на смену им не придут другие 10 000 стражей. Они сменяются таким образом каждый день и каждую ночь. У каждой стены находятся ворота. У первых ворот стоит человек с большим бичом в руке; он носит название «сату хоран» с «сату боган». У вторых ворот – пес, «сату хаин»; у третьих – человек с железной палицей («сату хоран» с «покум бесин»); у четвертых – человек с луком в руке («сату хоран» с «анат панан»); у пятых – человек с копьем («сату хоран» с «тумак»); у шестых – лев («сату хориман»); у седьмых – два белых слона, оба называемых «гаджина путе». Во дворце 79 зал, в которых находятся одни только женщины, прислуживающие государю. Во всем дворце круглые сутки горят факелы. Чтобы обойти весь дворец, требуется целый день. В верхней части дворца находятся четыре зала, куда иногда являются главные сановники для беседы с государем. Один из залов отделан медью, вверху и внизу; другой – весь отделан серебром, третий – золотом, четвертый – жемчугом и драгоценными камнями. Когда подданные государя приносят ему золото или какие-нибудь другие ценные предметы в качестве дани, их вводят в эти залы, и они говорят: «Да будет это ради умножения чести и славы нашего раджи Сантоа». Все вышесказанное и многое другое нам передал один мавр, который все это видел сам.

Жители Китая – светлокожие и ходят в платье. Так же, как и мы, они едят за столом. У них имеется крест, но неизвестно ради какой надобности.

В этой стране производят мускус. Животное, производящее мускус, – кошка, напоминающая кошку цибет. Она питается только сладкой древесиной толщиной с палец, по названию «чамару». Приступая к производству мускуса, они приставляют ей пиявку и отнимают ее только тогда, когда вся пиявка не раздуется от крови. После этого они выжимают пиявку в блюдо и выставляют его на солнце в течение четырех или пяти дней. Затем они окропляют кровь мочою и всякий раз выставляют ее на солнце. Таким образом получается превосходный мускус. Владелец такого животного уплачивает государю особую сумму. Известные нам зерна мускуса не что иное как козлиное мясо, истолченное в мускусе, но не кровь. Хотя и кровь может быть в виде зернышек, но она быстро испаряется. Дающие мускус кошки называются «кастор», а пиявка – «линта».

Вдоль побережья этой страны Китая живет много племен. Вот

они. Ченчии населяют острова, где растет корица и имеется жемчуг. Леки живут на материке. Над их гаванью возвышается гора, так что при входе в нее на джонках и судах приходится спускать паруса. Имя повелителя на материке Мом. Ему подвластно двадцать королей, он же сам подвластен государю Китая. Город, в котором находится его резиденция, называется Баранаки. Великий Восточный Катайо[155] расположен именно тут. Хан – холодный, высокий остров, где находятся медь (металл), серебро, жемчуг и шелк. Имя властителя этого острова – раджа Сотру; острова Мли Янла – раджа Кетискнуга; Гнио – раджа Судакали. В этих трех местах холодный климат, и они расположены на материке. Троганба и Трианга – два острова, на которых находятся жемчуг, медь, серебро и шелк; правит здесь раджа Рром. Басси Басса находится на материке. За ним расположены два острова, Сумбдит и Прадит, на которых имеется в большом обилии золото. На ногах его жителей большие золотые кольца у голени. Вблизи этих мест на материке в горах живет племя, которое убивает отцов и матерей по достижении ими преклонного возраста, дабы не иметь больше забот о них. Все население этих областей состоит из язычников.

В ночь со вторника на среду, 11 февраля 1522 г., мы оставили за собою остров Тимор и вступили в великое открытое море, называемое Лаут Кидол[156]. Направляясь по курсу запад-юго-запад, мы оставили остров Саматра, ранее носивший название Трапробана[157], к северу направо от себя, из страха перед королем Португалии, а также Пегу Бенгала, Уриса и Келин, где живут малабары, подданные властителя Нарсинга; Каликут, подвластный этому же властителю; Камбайя, где живут гузераты; Кананор, Гоа, Ормуз и все остальное побережье Большой Индии. Великую Индию населяет шесть различных родов людей: наири, паничали, иранаи, пангелини, макуаи и полеаи. Наири – это знать; паничали – городское население. Эти два разряда людей могут разговаривать друг с другом. Иранаи занимаются сбором пальмового вина и фиг. Пангелини – мореходы, макуаи – рыбаки, полеаи – сеют и жнут рис. Эти последние живут в деревнях, хотя изредка заходят и в города. Когда им что-либо дают, то предварительно кладут предмет на землю, и только после этого они его берут себе. Проходя по улицам, они выкрикивают: «По! по! по!», т. е. «Берегись меня!». Случилось однажды, рассказывали нам, что, к несчастью для наира, к нему прикоснулся полеа; наир велел тут же убить себя, чтобы таким образом смыть с себя позор.

Для того чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, мы поднялись до 22° на стороне Южного полюса. В продолжение девяти недель стояли мы у этого мыса со спущенными парусами из-за северо-

западных и западных ветров, дувших в корму, и очень сильной бури. Этот мыс лежит под 34° 1/2' широты и на расстоянии 1600 лиг от Малаккского мыса. Это – самыйбольшой исамыйопасный из всех мысов в мире. Некоторые из наших, не только больные, но и здоровые, выразили желание добраться до португальского поселения Мозамбик, так как корабль дал сильную течь, холод был страшный, а главное, по той причине, что, кроме риса и воды, у нас не осталось съестного; из-за недостатка соли все мясные продукты попортились. Однако другие, заботясь больше о своей чести, чем о жизни, решили плыть до Испании, хотя бы это стоило им жизни. С Божьей помощью мы обогнули, наконец, 6 мая этот мыс на расстоянии пяти лиг от него. Мы никогда не добились бы этого, если бы не подошли к нему так близко. Затем целых два месяца мы шли на северо-запад без свежей пищи и свежей воды. За это короткое время умер двадцать один человек. Когда мы опускали в море их трупы, христиане пошли ко дну с лицами, обращенными вверх, а индейцы – с лицами, обращенными вниз. Если бы Господь не послал нам благоприятного ветра, все мы погибли бы от голода. Побуждаемые крайней нуждой, мы подошли, наконец, к островам Зеленого Мыса. В среду, 9 июля, мы добрались до островов Святого Якова [Сантьяго] и тут же отправили лодку к берегу за провизией, придумав для португальцев историю, будто мы потеряли нашу фок-мачту под экватором (на самом же деле мы потеряли ее у мыса Доброй Надежды), и за это время, что мы ее восстанавливали, наш капитан-генерал уехал с двумя другими кораблями в Испанию. Расположив их таким образом к себе, а также отдав им нашего товару, нам удалось получить от них две груженные рисом лодки. Мы поручили нашим людям, отправившимся на лодке к берегу, расспросить, какой это был день, и они узнали, что у португальцев был четверг, что нас весьма удивило, так как у нас была среда, и мы никак не могли понять, отчего могла произойти такая ошибка. Я чувствовал себя хорошо все время и делал отметки каждый день без перерывов. Как выяснилось впоследствии, тут не было никакой ошибки, ибо мы шли все время по направлению к западу и вернулись к тому же пункту, куда двигалось и солнце, и таким образом выиграли двадцать четыре часа, в чем никаких сомнений быть не может.

Аллегорическое изображение первого кругосветного плавания, совершенного Магелланом

По рис. И. Страдамуса, резанному по меди И. Галле. 1522 г.

На рисунке изображен Фернан Магеллан на своем корабле. Слева – Огненная Земля (видны дым и пламя). Справа – патагонец, засовывающий в горло стрелу (в соответствии с рассказом Антонио Пигафетты). В левом верхнем углу сказочная птица Рук, которая, как сообщал Марко Поло, уносит в когтях слона

Когда наша лодка вновь подошла к берегу за рисом, были задержаны тринадцать человек экипажа вместе с лодкой. Произошло же это оттого, что один из них, как мы узнали потом в Испании, заявил португальцам, что капитан наш умер и что умерли также и остальные, мы же вовсе не собираемся в Испанию. Опасаясь того, чтобы некоторые каравелы не задержали также и нас, мы в спешном порядке направились дальше.

В субботу, 6 сентября 1522 г., мы вошли в бухту Сан Лукар, имея на борту всего лишь восемнадцать человек экипажа, да и то большей частью больных, – вот что осталось от шестидесяти человек, покинувших Молукку Некоторые из них умерли от голода, некоторые бежали на остров Тимор, другие были осуждены на смерть за преступления. Начиная с того дня, как мы вышли из этой бухты [Сан Лукар], и до того дня, как возвратились в нее, мы проделали четырнадцать тысяч четыреста шестьдесят лиг и таким образом совершили путешествие вокруг света, плывя с востока на запад.[158]

В понедельник, 8 сентября, мы бросили якорь у набережной Севильи и дали залп из всех наших пушек. Во вторник все мы в рубахах и на босу ногу, держа каждый свечу в руке, отправились на богомолье в храм Св. Марии Победы и в храм Св. Марии Древности.

Покинув Севилью, я направился в Вальядолид, где преподнес

его священному величеству дону Карлу не золото и не серебро, а предметы, гораздо более ценимые столь могущественным государем. Между прочими предметами я дал ему книгу, собственноручно мною написанную и содержащую описание всего того, что происходило изо дня в день на всем протяжении нашего плавания. Уехал я оттуда, как только мог, скорее и прибыл в Португалию, где рассказал королю Жуану обо всем мною виденном. Из Испании затем я направился во Францию, где преподнес некоторые предметы из другого полушария матери христианнейшего короля дона Франциска, государыне-регентше. После этого я поехал в Италию, где и обосновался, посвятив скромный свой труд преславному и знаменитому синьору Филиппу Вилье Лиль Адану, достойнейшему великому магистру Родосского ордена.

Рыцарь Антонио Пигафетта

Стефан Цвейг
МАГЕЛЛАН
Человек и его деяние

От автора

Книга зарождается из разнородных чувств. На создание книги может толкнуть и вдохновение, и чувство благодарности; в такой же мере способны разжечь духовную страсть досада, гнев, огорчение. Иной раз побудительной причиной становятся любопытство, психологическая потребность в процессе писания уяснить себе самому людей и события. Но и мотивы сомнительного свойства: тщеславие, алчность, самолюбование – часто, слишком часто побуждают нас к творчеству; поэтому автору, собственно, каждый раз следовало бы отдавать себе отчет, из каких чувств, в силу какого влечения выбрал он свой сюжет. Внутренний источник данной книги мне совершенно ясен. Она возникла из несколько необычного, но весьма настойчивого чувства – пристыженности.

Было это так. В прошлом году мне впервые представился долгожданный случай поехать в Южную Америку. Я знал, что в Бразилии меня ждут прекраснейшие места на земле, а в Аргентине – ни с чем не сравнимое наслаждение: встреча с собратьями по духу. Уже одно предвкушение этого делало поездку чудесной; а в дороге присоединилось все, что только может быть приятного: спокойное море, полное отдохновение на быстроходном и поместительном судне, отрешенность от всех обязательств и повседневных забот. Безмерно наслаждался я райскими днями этого путешествия.

Но внезапно, на седьмой или восьмой день, я поймал себя на чувстве какого-то досадливого нетерпения. Все то же синее небо, все та же синяя безмятежная гладь! Слишком долгими показались мне в эту минуту внезапного раздражения часы путешествия. В душе я уже хотел быть у цели, меня радовало, что стрелка часов каждый день неустанно продвигается вперед. Ленивое, расслабленное наслаждение ничем как-то вдруг стало угнетать меня. Одни и те же лица все тех же людей казались утомительными, монотонная жизнь на корабле раздражала нервы именно своим равномерно пульсирующим спокойствием. Лишь бы вперед, вперед, скорей, как можно скорей! И сразу этот прекрасный, уютный, комфортабельный, быстроходный пароход стал для меня недостаточно быстрым.

Может быть, какая-то секунда понадобилась мне, чтобы осознать свое нетерпение и устыдиться. «Ведь ты, – гневно сказал я себе, – совершаешь чудесное путешествие на безопаснейшем из судов, любая роскошь, о которой только можно помыслить, к твоим услугам. Если вечером в твоей каюте слишком прохладно, тебе стоит только двумя пальцами повернуть регулятор – и воздух нагрелся. Полуденное солнце экватора кажется тебе несносным – что же, в двух шагах от тебя находится помещение с охлаждающими вентиляторами, а чуть подальше тебя уже ждет бассейн для плавания. За столом в этой роскошнейшей из гостиниц ты можешь заказать любое блюдо, любой напиток – все появится в мгновение ока, словно принесенное легкокрылыми ангелами, и притом в изобилии. Ты можешь уединиться и читать книги или же сколько душе угодно развлекаться играми, музыкой, обществом. Тебе предоставлены все удобства и все гарантии безопасности.

Ты знаешь, куда едешь, точно знаешь час своего прибытия и знаешь, что тебя ждет дружеская встреча. Так же и в Лондоне, Буэнос-Айресе, Париже и Нью-Йорке ежечасно знают, в какой точке вселенной находится твое судно. Тебе нужно только подняться на несколько ступенек по маленькой лесенке, и послушная искра беспроволочного телеграфа тотчас отделится от аппарата и понесет твой вопрос, твой привет в любой уголок земного шара, и через час тебе уже откликнутся с любого конца света. Вспомни же, нетерпеливый, ненасытный человек, как было раньше! Сравни хоть на миг свое путешествие со странствиями былых времен, и прежде всего с первыми плаваниями тех смельчаков, что впервые открыли для нас эти необъятные моря, открыли мир, в котором мы живем, – вспомни и устыдись!

Попробуй представить себе, как они на крохотных рыбачьих парусниках отправлялись в неведомое, не зная пути, затерянные в беспредельности, под вечной угрозой гибели, отданные во власть непогоды, обреченные на тягчайшие лишения. Ночью – беспросветный мрак, единственное питье – тепловатая, затхлая вода из бочек или набранная в пути дождевая, никакой еды, кроме черствых сухарей да копченого прогорклого сала, а часто долгие дни даже без этой скудной пищи. Ни постелей, ни места для отдыха, жара адская, холод беспощадный, и к тому же сознание, что они одни, безнадежно одни среди этой жестокой водной пустыни.

На родине месяцами, годами не знали, где они, и сами они не знали, куда плывут. Невзгоды сопутствовали им, тысячеликая смерть обступала их на воде и на суше, им угрожали люди и стихии; месяцы, годы – вечно эти жалкие, утлые суденышки

окружены были ужасающим одиночеством. Никто – и они это знали – не может поспешить к ним на помощь, ни один парус – и они это знали – не встретится за долгие, долгие месяцы плавания в этих не вспаханных корабельным килем водах, никто не выручит их из нужды и опасности, никто не принесет вести об их смерти, гибели». Едва я начал думать об этих первых плаваниях конквистадоров морей, как я глубоко устыдился своего нетерпения.

Это чувство пристыженности, однажды пробудившись, уже не покидало меня в продолжение всего пути, мысль о безымянных героях не давала мне ни минуты покоя. Меня потянуло подробней узнать о тех, кто первым отважился вступить в бой со стихией, прочесть о первых плаваниях по неисследованным морям, описания которых волновали меня уже в отроческие годы. Я зашел в пароходную библиотеку и наудачу взял несколько томов.

Из всех описаний людей и плаваний меня больше всего поразил подвиг одного человека, непревзойденный, думается мне, в истории познания нашей планеты. Я имею в виду Фернандо Магеллана, того, кто во главе пяти утлых рыбачьих парусников покинул Севильскую гавань, чтобы обогнуть земной шар. Прекраснейшая одиссея в истории человечества – это плавание двухсот шестидесяти пяти мужественных людей, из которых только восемнадцать возвратились на полуразбитом корабле, но с флагом величайшей победы, реющим на мачте. Многого я из этих книг о нем не вычитал, во всяком случае, для меня этого было мало. Возвратившись домой, я продолжал читать и рыскать в книгах, дивясь тому, сколь малым и сколь малодостоверным было все ранее рассказанное об этом геройском подвиге. И снова, как много раз прежде, я понял, что лучшей и плодотворнейшей возможностью объяснить самому себе необъяснимое будет воплотить в слове и объяснить его для других.

Так возникла эта книга – по правде говоря, мне самому на удивление. Ибо в то время как я, в соответствии со всеми доступными мне документами, по мере возможности придерживаясь действительности, воссоздавал эту вторую одиссею, меня не оставляло странное чувство, что я рассказываю нечто вымышленное, одну из великих грез, священных легенд человечества. Но ведь нет ничего прекраснее правды, кажущейся неправдоподобной! В великих подвигах человечества, именно потому, что они так высоко возносятся над обычными земными делами, заключено нечто непостижимое; но только в том невероятном, что оно свершило, человечество снова обретает веру в себя.

Navigare necesse est [159]

Вначале были пряности. С тех пор как римляне в своих путешествиях и войнах впервые познали прелесть острых и дурманящих, терпких и пьянящих восточных приправ, Запад уже не может и не хочет обходиться как на кухне, так и в погребе без especeria – индийских специй, без пряностей. Ведь вплоть до позднего Средневековья пища северян была невообразимо пресна и безвкусна. Пройдет еще немало времени, прежде чем наиболее употребительные ныне плоды – картофель, кукуруза и помидоры – обоснуются в Европе; пока же мало кто подкисляет кушанья лимоном, подслащивает сахаром; еще не открыты изысканные тонизирующие свойства чая и кофе; даже государи и знатные люди ничем, кроме тупого обжорства, не могут вознаградить себя за бездушное однообразие трапез.

Но удивительное дело: стоит только в самое незатейливое блюдо подбавить одно-единственное зернышко индийских пряностей – крохотную щепотку перца, сухих мускатных цветов, самую малость имбиря или корицы, – и во рту немедленно возникает своеобразное приятное раздражение. Между ярко выраженным мажором и минором кислого и сладкого, острого и пресного начинают вибрировать очаровательные гастрономические обертоны, и промежуточные вкусовые нервы средневековых людей начинают все более жадно требовать этих новых возбуждающих веществ. Кушанье считается хорошо приготовленным, только когда оно донельзя переперчено, до отказа едко и остро; даже в пиво кладут имбирь, а вино так приправляют толчеными специями, что каждый глоток огнем горит в гортани. Но не только для кухни нужны Западу столь огромные количества especeria.

Женская суетность тоже требует все больше и больше благовоний Аравии, и притом все новых, – дразнящего чувственность мускуса, приторной амбры, розового масла; для женщин ткачи и красильщики вырабатывают китайские шелка, индийские узорчатые ткани, золотых дел мастера раздобывают белый цейлонский жемчуг и голубоватые нарсингские алмазы.

Еще больший спрос на заморские товары предъявляет католическая церковь, ибо ни одно из миллиардов зернышек ладана, курящегося в кадильницах, мерно раскачиваемых причетниками тысяч и тысяч церквей Европы, не выросло на европейской земле, каждое из миллиардов этих зернышек морем и сушей совершало свой неизмеримо долгий путь из Аравии.

Аптекари, в свою очередь, являются постоянными покупателями прославленных индийских специй – таких, как

опий, камфара, драгоценная камедистая смола; им по опыту известно, что никакой бальзам, никакое лекарственное снадобье не покажется больному истинно целебным, если на фарфоровой баночке синими буквами не будут начертаны магические слова «arabicum» или «indicum»[160]. Все восточное в силу своей отдаленности, редкости, экзотичности, быть может, и дороговизны, начинает приобретать для Европы неотразимую, гипнотизирующую прелесть. «Арабский», «персидский», «индостанский» – эти определения в Средние века (так же как в восемнадцатом веке эпитет «французский») тождественны словам: роскошный, утонченный, изысканный, царственный, драгоценный. Ни один товар не пользовался таким спросом, как пряности: казалось, аромат этих восточных цветов незримым волшебством околдовал души европейцев.

Но именно потому, что мода так настойчиво требовала индийских товаров, они были дороги и непрерывно дорожали. В наши дни почти невозможно точно проследить лихорадочный рост цен на эти товары, ибо все исторические таблицы денежных цен, как мы знаем по опыту, достаточно абстрактны. Наглядное представление о бешено взвинченных ценах на пряности лучше всего можно получить, вспомнив, что в начале второго тысячелетия нашей эры тот самый перец, что теперь стоит на столиках любого ресторана, перец, который сыплют небрежно, как песок, сосчитывался по зернышкам и ценился едва ли не на вес серебра. Ценность его была столь устойчива, что многие города и государства расплачивались им, как благородным металлом; на перец можно было приобретать земельные участки; перцем выплачивать приданое, покупать за перец права гражданства. Многие государи и города исчисляли взимаемые ими пошлины на вес перца, а если в Средние века хотели сказать, что кто-либо неимоверно богат, его в насмешку обзывали «мешком перца». Имбирь, корицу, хинную корку и камфару взвешивали на ювелирных и аптекарских весах, наглухо закрывая при этом двери и окна, чтобы сквозняком не сдуло драгоценную пылинку. Как ни абсурдна на наш современный взгляд подобная расценка пряностей, она становится понятной, когда вспомнишь о трудности их доставки и сопряженном с нею риске.

Бесконечно велико было в те времена расстояние между Востоком и Западом, и каких только опасностей и препятствий не приходилось преодолевать в пути кораблям, караванам и обозам, какая одиссея выпадала на долю каждому зернышку, каждому лепестку, прежде чем они с зеленого куста Малайского архипелага попадали на свой последний причал – прилавок европейского торговца!

Разумеется, само по себе ни одно из этих растений не являлось редкостью. По ту сторону земного шара все они – коричные деревья на Тидоре, гвоздичные на Амбоине, мускатный орех на Банде, кустики перца на Малабарском побережье – растут в таком же изобилии и так же привольно, как у нас чертополох, и центнер пряностей на Малайских островах ценится не дороже, чем щепотка пряностей на Западе. Но в скольких руках должен перебывать товар, прежде чем он через моря и пустыни попадет к последнему покупателю – к потребителю!

Первая пара рук, как обычно, оплачивается всех хуже: раб-малаец, который собирает только что созревшие плоды и в плетеной, навьюченной на смуглую спину корзине тащит их на рынок, не наживает ничего, кроме ссадин и пота. Но уже его хозяин получает известный барыш; купец-мусульманин покупает у него товар и на крохотном челноке в палящий зной везет его с Молуккских островов восемь, десять, а то и больше дней до Малакки (близ нынешнего Сингапура). Здесь в сотканной им сети уже сидит первый паук-кровосос, хозяин гавани – могущественный султан – взимает с купца пошлину за перегрузку товара. Лишь после внесения пошлины купец получает право перегрузить душистую кладь на джонку покрупнее, и снова широкое весло или четырехугольный парус медленно движет суденышко вперед, вдоль берегов Индии.

Так проходят месяцы: однообразное плавание, а в штиль – бесконечное ожидание под знойным, безоблачным небом. И затем снова стремительное бегство от тайфунов и корсаров. Бесконечно трудна и несказанно опасна эта перевозка товара по двум, даже по трем тропическим морям. В дороге из пяти судов одно почти всегда становится добычей бурь или пиратов, и купец возносит благодарственные молитвы, когда, благополучно миновав Камбай, наконец достигает Ормуза или Адена, где ему открывается доступ к Arabia felix[161] или к Египту.

Но новый вид перевозки, начинающийся с этих мест, не менее труден, не менее опасен. Длинными покорными вереницами стоят в этих перевалочных гаванях тысячи верблюдов, послушно опускаются они на колени по первому знаку хозяина; один за другим на них навьючивают крепко увязанные, набитые перцем и мускатными цветами тюки, и, мерно покачиваясь, «четвероногие корабли» начинают свой путь по песчаному морю. Долгие месяцы тянутся по пустыне арабские караваны с индийскими товарами – «Тысяча и одна ночь» воскресает в этих названиях – через Басру, Багдад, Дамаск в Бейрут и Трапезунд или через Джидду в Каир. Идут они через пустыню дальними, древними путями, хорошо известными

купцам еще со времен фараонов и бактрийцев. Но, на беду, не хуже известны они и бедуинам – этим пиратам песчаных пустынь; дерзкий набег зачастую одним ударом уничтожает плоды трудов и усилий многих месяцев.

То, чему посчастливилось спастись от песчаных смерчей и бедуинов, становится добычей других разбойников: с каждого верблюда, с каждого тюка генджасские эмиры, египетские и сирийские султаны взимают пошлину, и притом немалую. Ежегодный доход одного только египетского грабителя от пошлин, взимаемых за провоз пряностей, исчисляется сотнями тысяч дукатов. А когда наконец караван доходит до устья Нила, близ Александрии, там его уже поджидает последний, но отнюдь не самый скромный взиматель податей – венецианский флот.

Со времени вероломного уничтожения торговой соперницы – Византии эта маленькая республика целиком захватила монополию торговли пряностями на Западе; вместо того чтобы прямо отправляться к месту назначения, товар следует на Риальто, где его с аукциона приобретают немецкие, фламандские и английские маклеры. И лишь тогда в повозках на широких колесах, по снегам и льдам альпийских ущелий, катят эти плоды, рожденные и взращенные два года назад тропическим солнцем, к европейскому торговцу и тем самым к потребителю.

Не меньше чем через дюжину хищных рук, как меланхолически вписывает Мартин Бехайм в 1492 году в свой глобус, в знаменитое свое «Яблоко земное», должны пройти индийские пряности, прежде чем попасть в последние руки – к потребителю: «А также ведать надлежит, что специи, кои растут на островах индийских, на Востоке во множестве рук перебывают, прежде чем доходят до наших краев».

Но хоть и дюжина рук делит наживу, каждая из них все же выжимает из индийских пряностей довольно золотого сока; несмотря на весь риск и опасности, торговля пряностями слывет в Средние века самой выгодной, ибо наименьший объем товара сочетается здесь с наивысшей прибылью. Пусть из пяти кораблей – экспедиция Магеллана доказывает правильность этого расчета – четыре пойдут ко дну вместе с грузом, пусть из двухсот шестидесяти пяти человек двести не возвратятся домой, пусть капитаны и матросы расстаются с жизнью, купец и тут не останется внакладе.

Если по прошествии трех лет из пяти кораблей вернется лишь самый малый, но груженный одними пряностями, этот груз с лихвой возместит все убытки, ибо мешок перца в XV веке ценится дороже человеческой жизни. Неудивительно, что при большом предложении не имевших никакой ценности жизней и бешеном

спросе на высокоценные пряности расчет купцов всегда оказывается верным. Венецианские палаццо, дворцы Фуггеров и Вельзеров едва ли не целиком сооружены на прибыли от индийских пряностей.

Но как на железе неминуемо образуется ржавчина, так большим прибылям неизменно сопутствует едкая зависть. Любая привилегия всегда воспринимается другими как несправедливость, и там, где отдельная группа людей безмерно обогащается, сама собой возникает коалиция обделенных. Давно уже косятся генуэзцы, французы, испанцы на оборотистую Венецию, сумевшую отвести золотой Гольфстрим к Канале-Гранде, и еще более злобно взирают они на Египет и Сирию, где ислам неодолимой цепью отгородил Индию от Европы: ни одному христианскому судну не разрешается плавание в Красном море, ни один купец-христианин не вправе пересечь его. Вся торговля с Индией неумолимо осуществляется через турецких и арабских купцов и посредников.

Такое положение вещей не только бессмысленно удорожает товар для европейского потребителя, не только заведомо урезает прибыль христианских купцов – возникает новая опасность: весь избыток драгоценных металлов может отхлынуть на Восток, ибо стоимость европейских товаров значительно уступает стоимости индийских. Уже из-за одного этого весьма ощутительного убытка нетерпеливое желание западных стран освободиться от разорительного и унижающего их контроля становилось все более настойчивым, и силы наконец объединились.

Крестовые походы отнюдь не были (как это часто изображается романтизирующими историками) только мистически-религиозной попыткой отвоевать у неверных Гроб Господень; эта первая европейско-христианская коалиция являлась в то же время и первым продуманным и целеустремленным усилием разомкнуть цепь, преграждавшую доступ к Красному морю, снять для Европы, для христианского мира запрет торговли с восточными странами. Но так как эта попытка не удалась, поскольку Египет остался во власти мусульман и ислам по-прежнему преграждал дорогу в Индию, то, естественно, возникло желание отыскать другой свободный, независимый путь в эту страну.

Отвага, побудившая Колумба двинуться на запад, Бартоломеу Диаша и Васко да Гама – на юг, Кабота – на север, к Лабрадору, рождалась прежде всего из целенаправленного стремления наконец-то открыть для западного мира вольный, беспошлинный, беспрепятственный путь в Индию и тем самым сломить позорное превосходство ислама. В истории важнейших изобретений и

открытий окрыляющим началом всегда является духовное, нравственное побуждение, но толкают на претворение этих открытий в жизнь чаще всего мотивы материального порядка. Разумеется, уже одной своей дерзновенностью замыслы Колумба и Магеллана должны были воодушевить королей и их советников; но никогда эти проекты не были бы поддержаны деньгами, нужными для их осуществления, никогда монархи и спекулянты не снарядили бы флот для отважных конквистадоров, если бы эти экспедиции в неведомые страны не сулили в то же время тысячекратного возмещения затраченных средств. За героями этого века открытий в качестве движущей силы стояли купцы, и этот первый героический порыв завоевать мир был вызван весьма земными побуждениями. Вначале были пряности.

В истории всегда чудесны те мгновения, когда гений отдельного человека вступает в союз с гением эпохи, когда один человек проникнут творческим устремлением своего времени. Среди стран Европы была одна, которой еще не удалось выполнить свою часть общеевропейской задачи, – Португалия, в долгой героической борьбе освободившаяся от владычества мавров. Но теперь, когда добытые оружием победа и самостоятельность закреплены, молодой, полный сил народ пребывает в вынужденном бездействии. Естественное стремление к экспансии, присущее каждому успешно развивающемуся народу, пока еще не находит выхода. Все сухопутные границы Португалии соприкасаются с Испанией, дружественным братским королевством, следовательно, для маленькой бедной страны возможна только экспансия на море посредством торговли и колонизации.

На беду, географическое положение Португалии по сравнению со всеми другими мореходными нациями Европы является – или кажется в те времена – наименее благоприятным. Ибо Атлантический океан, чьи несущиеся с запада волны разбиваются о португальское побережье, слыл, согласно географии Птолемея (единственного авторитета Средних веков), беспредельной, не доступной для мореплавания водной пустыней. Столь же недоступным изображается в Птолемеевых описаниях Земли и южный путь – вдоль африканского побережья: невозможным считалось обогнуть морем эту песчаную пустыню, дикую, необитаемую страну, якобы простирающуюся до антарктического полюса и не отделенную ни единым проливом от terra australis[162]. По мнению старинных географов, из всех европейских стран, занимающихся мореплаванием, Португалия, не расположенная на берегу единственного судоходного моря – Средиземного, находилась в наиболее невыгодном положении.

И вот делом жизни одного португальского принца становится превратить это мнимо невозможное в возможное, отважно попытаться сделать, согласно евангельскому изречению, последних первыми. Что, если Птолемей, этот geographus maximus[163], этот непогрешимый авторитет землеведения, ошибся? Что, если этот океан, могучие западные волны которого нередко выбрасывают на португальский берег обломки диковинных, неизвестных деревьев (а ведь где-нибудь они да росли), вовсе не бесконечен? Что, если он ведет к новым, неведомым странам? Что, если Африка обитаема и по ту сторону тропиков? Что, если премудрый грек попросту заврался, утверждая, будто этот неисследованный материк нельзя обогнуть, будто через океан нет пути в индийские моря? Ведь тогда Португалия, лежащая западнее других стран Европы, стала бы подлинным трамплином всех открытий и через Португалию прошел бы ближайший путь в Индию. Тогда бы Португалия не была больше заперта океаном, а напротив, больше других стран Европы пригодна к мореходству.

Эта мечта сделать маленькую, бессильную Португалию великой морской державой и Атлантический океан, слывший доселе неодолимой преградой, превратить в водный путь стала in mice[164] делом всей жизни infant[165]Энрике, заслуженно и в то же время незаслуженно именуемого в истории Генрихом Мореплавателем. Незаслуженно, ибо, если не считать непродолжительного морского похода в Сеуту Энрике ни разу не ступал на корабль, не написал ни одной книги о мореходстве, ни одного навигационного трактата, не начертил ни единой карты. И все же история по праву присвоила ему это имя, ибо только мореплаванию и мореходам отдал этот португальский принц всю свою жизнь и все свои богатства.

Уже в юные годы отличившийся при осаде Сеуты (1412 г.), один из самых богатых людей в стране, этот сын португальского и племянник английского короля мог удовлетворить свое честолюбие, занимая самые блистательные должности; европейские дворы наперебой зовут его к себе. Англия предлагает пост главнокомандующего. Но этот странный мечтатель всему предпочитает плодотворное одиночество. Он удаляется на мыс Сагриш, некогда священный (sacrum) мыс Древнего мира, и там в течение без малого пятидесяти лет готовит морскую экспедицию в Индию и тем самым – великое наступление на Mare incognitum[166]. Что дало одинокому и дерзновенному мечтателю смелость наперекор величайшим космографическим авторитетам того времени, наперекор Птолемею и его продолжателям и последователям защищать утверждение, что Африка отнюдь не

примерзший к полюсу материк, что обогнуть ее возможно и что там-то и пролегает искомый морской путь в Индию? Эта тайна вряд ли когда-нибудь будет раскрыта. Правда, в ту пору еще не заглохло (упоминаемое Геродотом и Страбоном) предание, будто в покрытые мраком дни фараонов финикийский флот, выйдя в Красное море, два года спустя, ко всеобщему изумлению, вернулся на родину через Геркулесовы столбы (Гибралтарский пролив). Быть может, инфант слыхал от работорговцев-мавров, что по ту сторону Libya deserta[167] – Западной Сахары – лежит «страна изобилия» – «bilat ghana», и правда, на карту, составленную в 1150 году космографом-арабом для норманнского короля Роджера II, под названием «bilat ghana» совершенно правильно нанесена нынешняя Гвинея.

Итак, возможно, что Энрике, благодаря опытным разведчикам, лучше был осведомлен о подлинных очертаниях Африки, нежели ученые-географы, считавшие непреложной истиной лишь сочинения Птолемея и в конце концов объявившие пустым вымыслом описания Марко Поло и Ибн Батуты. Но подлинно высокоморальное значение инфанта Энрике в том, что одновременно с величием цели он осознал и трудность ее достижения; благородное смирение заставило его понять, что сам он не увидит, как сбудется его мечта, ибо срок больший, чем человеческая жизнь, потребуется для подготовки столь гигантского предприятия.

Как было отважиться в те времена на плавание из Португалии в Индию без знания океана, без хорошо оснащенных кораблей? Ведь невообразимо примитивны были в эпоху, когда Энрике приступил к осуществлению своего замысла, познания европейцев в географии и мореходстве. В страшные столетия духовного мрака, наступившие вслед за падением Римской империи, люди Средневековья почти полностью перезабыли все, что финикийцы, римляне, греки узнали во время своих смелых странствий; неправдоподобным вымыслом казалось в ту эпоху пространственного самоограничения, что некий Александр достиг границ Афганистана, пробрался в самое сердце Индии; утеряны были превосходные карты и географические описания римлян, в запустение пришли их военные дороги, исчезли верстовые камни, отмечавшие пути в глубь Британии и Вифинии, не осталось следа от образцового римского систематизирования политических и географических сведений; люди разучились странствовать, страсть к открытиям угасла, в упадок пришло искусство кораблевождения.

Не ведая далеких дерзновенных целей, без верных компасов, без правильных карт опасливо пробираются вдоль берегов, от

гавани к гавани, утлые суденышки, в вечном страхе перед бурями и грозными пиратами. При таком упадке космографии, со столь жалкими кораблями еще не время было усмирять океаны, покорять заморские царства. Долгие годы самоотвержения потребуются на то, чтобы наверстать упущенное за столетия долгой спячки. И Энрике – в этом его величие – решился посвятить свою жизнь грядущему подвигу.

Лишь несколько полуразвалившихся стен сохранилось от замка, воздвигнутого на мысе Сагриш инфантом Энрике и впоследствии разграбленного и разрушенного неблагодарным наследником его познаний Фрэнсисом Дрейком. В наши дни сквозь пелену и туманы легенд почти невозможно с точностью установить, каким образом инфант Энрике разрабатывал свои планы завоевания мира Португалией. Согласно, быть может, романтизирующим сообщениям португальских хроник, он повелел доставить себе книги и атласы со всех частей света, призвал арабских и еврейских ученых и поручил им изготовление более точных навигационных приборов и таблиц. Каждого моряка, каждого капитана, возвратившегося из плавания, он зазывал к себе и подробно расспрашивал. Все эти сведения тщательно хранились в секретном архиве, и в то же время он снаряжал целый ряд экспедиций.

Неустанно содействовал инфант Энрике развитию кораблестроения; за несколько лет прежние barcas – небольшие открытые рыбачьи лодки, команда которых состоит из восемнадцати человек, – превращаются в настоящие naos – устойчивые корабли водоизмещением в восемьдесят, даже сто тонн, способные и в бурную погоду плавать в открытом море. Этот новый, годный для дальнего плавания тип корабля обусловил и возникновение нового типа моряков. На помощь кормчему является «мастер астрологии» – специалист по навигационному делу, умеющий разбираться в портулаках[168], определять девиацию[169] компаса, отмечать на карте меридианы. Теория и практика творчески сливаются воедино, и постепенно в этих экспедициях из простых рыбаков и матросов вырастает новое племя мореходов и исследователей, дела которых довершатся в грядущем. Как Филипп Македонский оставил в наследство сыну Александру непобедимую фалангу для завоевания мира, так Энрике для завоевания океана оставляет своей Португалии наиболее совершенно оборудованные суда своего времени и превосходнейших моряков.

Но трагедия предтеч в том, что они умирают у порога обетованной земли, не увидев ее собственными глазами. Энрике не дожил ни до одного из великих открытий, обессмертивших его

отечество в истории познания вселенной. Ко времени его кончины (1460 г.) вовне, в географическом пространстве, еще не достигнуты хоть сколько-нибудь ощутимые успехи. Прославленное открытие Азорских островов и Мадейры было, в сущности, всего только нахождением их вновь (уже в 1351 году они были отмечены в Лаврентийской портулане). Продвигаясь вдоль западного берега Африки, корабли инфанта не достигли даже экватора; завязалась только малозначительная и не особенно похвальная торговля белой и по преимуществу «черной» слоновой костью – иными словами, на сенегальском побережье массами похищают негров, чтобы затем продать их на невольничьем рынке в Лиссабоне, да еще находят кое-где немного золотого песку; этот жалкий, не слишком славный почин – вот все, что довелось увидеть Энрике из своего заветного дела.

Но в действительности решающий успех уже достигнут. Ибо не в обширности пройденного пространства заключалась первая победа португальских мореходов, а в том, что было ими сделано в духовной сфере: в развитии предприимчивости, в уничтожении зловредного поверья. В течение многих веков моряки боязливо сообщали друг другу, будто за мысом Нан (что означает мыс «Дальше пути нет») судоходство невозможно. За ним сразу начинается «зеленое море мрака», и горе кораблю, который осмелится проникнуть в эти роковые воды. От солнечного зноя в тех краях море кипит и клокочет. Обшивка корабля и паруса загораются; всякий христианин, дерзнувший проникнуть в это «царство сатаны», пустынное, как земля вокруг горловины вулкана, тотчас же превращается в негра.

Такой непреодолимый ужас перед плаванием в южных морях породили эти россказни, что папе, дабы хоть как-нибудь доставить инфанту моряков, пришлось обещать каждому участнику экспедиции полное отпущение грехов; только после этого удалось завербовать несколько смельчаков, согласных отправиться в неведомые края. И как же ликовали португальцы, когда Жил Эанниш в 1434 году обогнул дотоле слывший неодолимым мыс Нан и уже из Гвинеи сообщил, что достославный Птолемей оказался отменным врагом, «…ибо плыть под парусами здесь так же легко, как и у нас дома, а страна эта богата и всего в ней в изобилии».

Теперь дело сдвинулось с мертвой точки; Португалии уже не приходится с великим трудом разыскивать моряков – со всех сторон являются искатели приключений, люди, готовые на все. С каждым новым, благополучно завершенным путешествием отвага мореходов растет, и вдруг налицо оказывается целое поколение молодых людей, превыше жизни ценящих приключения. «Navigare

necesse est, vivere non est necesse»[170] – эта древняя матросская поговорка вновь обретает власть над человеческими душами. А когда новое поколение сплоченно и решительно приступает к делу, мир меняет свой облик.

Поэтому смерть Энрике означала лишь последнюю краткую передышку перед решающим взлетом. Едва успел взойти на престол деятельный король Жуан II, как начался подъем, превзошедший всякие ожидания. Жалкий черепаший шаг сменяется стремительным бегом, львиными прыжками. Если вчера еще великим достижением считалось, что за двенадцать лет плавания были пройдены немногие мили до мыса Боядор и еще через двенадцать лет медленного продвижения суда стали благополучно доходить до Зеленого Мыса, то сегодня скачок вперед на сто, на пятьсот миль уже не является необычайным.

Быть может, только наше поколение, пережившее завоевание воздуха, и мы, тоже ликовавшие, когда аэроплан, поднявшись над Марсовым полем[171], пролетел по воздуху три, пять, десять километров, а спустя десятилетие уже видевшие перелеты над материками и океанами, – мы одни способны в полной мере понять тот пылкий интерес, то бурное ликование, с которым вся Европа наблюдала за внезапным стремительным проникновением Португалии в неведомую даль.

В 1471 году достигнут экватор, в 1484 году Дьогу Кам высаживается у самого устья Конго, и, наконец, в 1486 году сбывается пророческая мечта Энрике: португальский моряк Бартоломеу Диаш достигает южной оконечности Африки, мыса Доброй Надежды, который он поначалу, из-за встреченного там жестокого шторма, нарекает Cabo Tormentoso – мысом Бурь. Но хотя ураган в клочья рвет паруса и расщепляет мачту, отважный конквистадор смело продвигается вперед. Он уже достиг восточного побережья Африки, откуда мусульманские лоцманы с легкостью могли бы довести его до Индии, как вдруг взбунтовавшиеся матросы заявляют: на этот раз хватит.

С разбитым сердцем вынужден Бартоломеу Диаш повернуть обратно, не по своей вине лишившись славы быть первым европейцем, проложившим морской путь в Индию; другой португалец, Васко да Гама, будет воспет за этот геройский подвиг в бессмертной поэме Камоэнса. Как всегда, зачинатель, трагический основоположник, забыт ради более удачливого завершителя. И все же решающее дело сделано! Географические очертания Африки точно установлены; вопреки Птолемею впервые показано и доказано, что свободный путь в Индию существует. Через много лет после смерти своего наставника мечту Энрике осуществили его ученики и последователи.

С изумлением и завистью обращаются теперь взоры всего мира на это незаметное, забившееся в дальний угол Европы племя мореходов. Покуда великие державы – Франция, Германия, Италия – истребляли друг друга в бессмысленной резне, Португалия, эта золушка Европы, тысячекратно увеличила свои владения, и уже никакими усилиями не догнать ее безмерных успехов. Почти внезапно Португалия стала первой морской державой мира. Достижения ее моряков закрепили за ней не только новые области, но и целые материки. Еще одно десятилетие – и самая малая из всех европейских наций будет притязать на владычество и управление пространствами, превосходящими пространства Римской империи в период ее наибольшего могущества.

Разумеется, проведение в жизнь столь непомерных притязаний должно было очень быстро истощить силы Португалии. И ребенок сообразил бы, что крохотная, насчитывающая не более полутора миллионов жителей страна не сможет надолго удержать в руках всю Африку, Индию и Бразилию, колонизировать их, управлять ими или хотя бы даже только монополизировать торговлю этих стран и менее всего сможет на вечные времена оградить их от посягательств других наций. Капле масла не успокоить бушующего моря; страна величиной с булавочную головку не может навсегда подчинить себе в сотни тысяч раз большие страны.

Итак, с точки зрения разума беспредельная экспансия Португалии – нелепость, опаснейшее донкихотство. Но героическое всегда иррационально и антирационально; когда отдельный человек или народ дерзает выполнить задачу, превышающую его силы, силы эти возрастают до неслыханных размеров. Пожалуй, ни одной нации не доводилось так великолепно сосредоточить в одном мгновенном и победоносном усилии свои силы, как это осуществила Португалия на исходе XV века. Не только собственного Александра и собственных аргонавтов в лице Албукерке, Васко да Гама и Магеллана внезапно породила эта страна, но и собственного Гомера – Камоэнса, собственного Тита Ливия – Барруша. Словно из-под земли появляются ученые, зодчие, предприимчивые купцы; подобно Греции при Перикле, Англии в царствование Елизаветы, Франции при Наполеоне, здесь целый народ осуществляет на всех поприщах свой сокровенный замысел и являет его как зримый подвиг взорам всего мира. В продолжение одного незабываемого часа всемирной истории Португалия была первой нацией Европы, предводительницей человечества.

Но каждое великое деяние отдельного народа совершается

для всех народов. Все они чувствуют, что это первое вторжение в неизвестность в то же время опрокидывает общепринятые дотоле мерки, понятия, представления о дальности, и вот при всех дворах, во всех университетах с лихорадочным нетерпением следят за новыми вестями из Лиссабона. В силу какой-то чудесной прозорливости Европа постигает творческие возможности этого расширившего рамки мира великого подвига португальцев, постигает, что вскоре мореходство и открытия новых стран перестроят мир решительнее, чем все войны и осадные орудия, что долгая эпоха Средневековья кончилась и начинается новая эра – «новое время», которое будет мыслить и созидать в иных пространственных масштабах.

Флорентийский гуманист Полициано, представитель мирной научной мысли, сознавая величие этой исторической минуты, поет хвалу Португалии, и в его вдохновенных словах звучит благодарность всей просвещенной Европы: «Не только шагнула она далеко за Столбы Геркулеса и укротила бушующий океан, – она восстановила нарушенное дотоле единство обитаемого мира. Какие новые возможности, какие экономические выгоды, какое возвышение знаний, какое подтверждение выводов античной науки, взятых под сомнение и отвергнутых, сулит это нам! Новые страны, новые моря, новые миры (alii mundi) встают из векового мрака. Отныне Португалия – хранитель, страж нового мира».

Ошеломляющее событие прерывает грандиозное продвижение Португалии на восток. Кажется, что «другой мир» уже достигнут, что королю Жуану обеспечена корона и все сокровища Индии, ибо, после того как португальские моряки обогнули мыс Доброй Надежды, никто уже не может опередить Португалию и ни одна из европейских держав не смеет даже следовать за ней по этому закрепленному за нею пути. Еще Энрике Мореплаватель предусмотрительно выхлопотал у папы буллу, отдававшую все земли, моря и острова, которые будут открыты за мысом Боядор, в полную, исключительную собственность Португалии, и трое пап, сменившихся с того времени, подтвердили эту своеобразную «дарственную запись», одним росчерком пера признавшую весь еще неведомый Восток с миллионами его обитателей законным владением династии Визеу.

Итак, Португалии, и только Португалии, подчинены все новые миры. С такими незыблемыми гарантиями в руках люди обычно не обнаруживают большой склонности к рискованным предприятиям; поэтому вовсе не так недальновидно и странно, как это a posteriori[172] считает большинство историков, что beatus possidens[173] король Жуан II не проявил интереса к странному

проекту безвестного генуэзца, страстно требовавшего целый флот, para buscar el levante por el ponente, – чтобы с запада добраться до Индии. Правда, Христофора Колумба любезно выслушивают в Лиссабонском дворце, наотрез ему не отказывают. Но там слишком хорошо помнят, что все экспедиции на якобы расположенные к западу между Европой и Индией легендарные острова Антилию и Бразиле кончались плачевными неудачами. Да и чего ради рисковать полновесными португальскими дукатами для поисков весьма сомнительного пути в Индию, когда после многолетних усилий верный путь уже найден и рабочие на корабельных верфях у берегов Тежу день и ночь трудятся над постройкой большого флота, который, обогнув мыс Бурь, прямиком пойдет к Индии?

Поэтому, как камень, брошенный в окно, ворвалось в Лиссабонский дворец ошеломляющее известие, что хвастливый генуэзский авантюрист действительно пересек под испанским флагом Oceano tenebroso[174] и спустя каких-нибудь пять недель плавания в западном направлении наткнулся на землю. Чудо свершилось! Нежданно-негаданно сбылось мистическое пророчество из Сенековой «Медеи», долгие годы волновавшее умы мореплавателей.

> …venient annis
> saecula seris, quibus Oceanus
> vincula rerum laxet et ingens
> patcat tellus, Typhisique novos
> detegat orbes, nee sit terries
> Ultima Thula.

Поистине «…наступят дни, чрез много веков океан разрушит оковы вещей, и огромная явится взорам земля, и новые Тифис откроет моря, и Фула не будет пределом земли».[175]

Правда, Колумб, новый «кормчий аргонавтов», и не подозревает, что он открыл новую часть света. До конца дней своих этот упрямый фантазер упорствует в убеждении, что он достиг материка Азии и, держа от своей Эспаньолы курс на запад, мог бы через несколько дней высадиться в устье Ганга. А этого-то как раз Португалия смертельно страшится. Чем поможет Португалии папская булла, отдающая ей все земли, открытые в восточном направлении, если Испания на более кратком западном пути в последнюю минуту обгонит ее и захватит Индию? Тогда плоды пятидесятилетних трудов Энрике, сорокалетних усилий его продолжателей превратятся в ничто. Индия будет потеряна для Португалии вследствиесумасбродно-

смелого предприятия проклятого генуэзца. Если Португалия хочет сохранить свое господство, свое преимущественное право на Индию, ей остается только с оружием в руках выступить против внезапно объявившегося противника.

К счастью, папа устраняет грозящую опасность. Португалия и Испания – наиболее любимые и милые его сердцу чада, это единственные нации, чьи короли никогда не дерзали восставать против его духовного авторитета. Они воевали с маврами и изгнали неверных; огнем и мечом искореняют они в своих государствах всякую ересь; нигде папская инквизиция не находит столь ревностных пособников в преследовании мавров, маранов и евреев. Нет, папа не допустит вражды между любимыми чадами.

Поэтому он решает все еще не открытые страны мира попросту поделить между Испанией и Португалией, причем не в качестве «сфер влияния», как это говорится на лицемерном языке современной дипломатии, нет: папа, не мудрствуя лукаво, дарит своей властью наместника Христова обоим этим государствам все еще не известные народы, страны, острова и моря. Он берет шар земной и, как яблоко, только не ножом, а буллой от 4 мая 1493 года режет его пополам. Линия разреза начинается в ста левгах (старинная морская мера длины) от островов Зеленого Мыса.

Все еще не открытые страны, расположенные западнее этой линии, отныне будут принадлежать возлюбленному чаду – Испании; расположенные восточнее – возлюбленному чаду – Португалии. Сперва оба детища изъявляют согласие и благодарят за щедрый подарок.

Но вскоре Португалия обнаруживает некоторое беспокойство и просит, чтобы линия раздела была еще немного передвинута на запад. Эта просьба уважена договором, заключенным 7 июня 1494 года в Тордесильяс, по которому линия раздела была перемещена на двести семьдесят левг к западу (в силу чего Португалии позднее достанется не открытая еще в ту пору Бразилия).

Сколь бы смехотворной ни казалась на первый взгляд щедрость, с которой чуть ли не весь мир одним росчерком пера даровался двум нациям без учета всех остальных, все же это мирное разрешение конфликта следует рассматривать как один из редких в истории актов благоразумия, когда спор разрешается не вооруженной силой, а путем добровольного соглашения.

Заключенный в Тордесильяс договор на годы, на десятилетия предотвратил всякую возможность колониальной войны между Испанией и Португалией, хотя само решение вопроса было и осталось лишь временным. Ведь когда яблоко разрезают ножом, линия разреза должна проступить и на противоположной, незримой его части. Но в какой же половине находятся столь

долго искомые острова драгоценных пряностей – к востоку от линии раздела или же к западу, на противоположном полушарии? В части, предоставленной Португалии, или в будущих владениях Испании? В данный момент ни папа, ни короли, ни ученые не могут ответить на этот вопрос, ибо никто еще не измерил окружности земли, а церковь и вовсе не соглашается признать ее шарообразность. Но до окончательного разрешения спора обеим нациям предстоит еще немало хлопот, чтобы управиться с гигантской подачкой, которую им кинула судьба: маленькой Испании – необъятную Америку, крохотной Португалии – всю Индию и Африку.

Неслыханная удача Колумба сначала вызывает в Европе беспредельное изумление, но затем начинается такая лихорадка открытий и приключений, какой еще не ведал наш старый мир. Ведь успех одного отважного человека всегда побуждает к рвению и мужеству целое поколение. Все, что в Европе недовольно своим положением и слишком нетерпеливо, чтобы ждать, – младшие сыновья, обойденные офицеры, побочные дети знатных господ и темные личности, разыскиваемые правосудием, – все устремляется в Новый Свет. Правители, купцы, спекулянты напрягают всю свою энергию, чтобы побольше снарядить кораблей; приходится силой обороняться от авантюристов и любителей легкой наживы, с ножом в руках требующих скорейшей доставки их в страну золота. Если инфанту Энрике, чтобы залучить на корабль хоть минимальное число матросов, приходилось испрашивать у папы отпущение грехов для всех участников своих экспедиций, то теперь целые селения устремляются в гавани, капитаны и судовладельцы не знают, как спастись от наплыва желающих идти в матросы.

Экспедиции непрерывно следуют одна за другой, и вот действительно, словно внезапно спала густая завеса тумана, повсюду – на севере, на юге, на востоке, на западе – возникают новые острова, новые страны: одни – скованные льдом, другие – заросшие пальмами. В течение двух-трех десятилетий несколько сотен маленьких кораблей, выходящих из Кадиса, Палоса, Лиссабона, открывают больше неведомых земель, чем открыло человечество за сотни тысяч лет своего существования.

Незабываемый, несравненный календарь той эпохи открытий. В 1498 году Васко да Гама, «служа Господу и на пользу португальской короне», как с гордостью сообщает король Мануэл, достигает Индии и высаживается в Каликуте; в том же году капитан английской службы Кабот открывает Ньюфаундленд и

тем самым – побережье Северной Америки. Еще год – и одновременно, но независимо друг от друга, Пинсон под испанским флагом, Кабрал под португальским открывают Бразилию (1499 г.); в это же время Гаспар Кортереал, идя по стопам викингов, через пятьсот лет после них входит в Лабрадор.

Открытие следует за открытием. В самом начале века две португальские экспедиции, одну из которых сопровождает Америго Веспуччи, спускаются вдоль берегов Южной Америки почти до Рио-де-Ла-Плата; в 1506 году португальцы открывают Мадагаскар, в 1507-м – остров Маврикий, в 1509 году они достигают Малакки, а в 1511 году берут ее приступом, таким образом, ключ к Малайскому архипелагу оказывается в их руках. В 1512 году Понсе де Леон попадает во Флориду в 1513 году с Дарьенских высот первому европейцу, Нуньесу де Бальбоа, открывается вид на Тихий океан.

С этой минуты для человечества уже не существует неведомых морей. За сравнительно малый отрезок времени – одно столетие – пройденное европейскими кораблями пространство увеличилось не стократно, нет, тысячекратно! Если в 1418 году, во времена инфанта Энрике, весть о том, что первые barcas достигли Мадейры, вызвала восторженное изумление, то в 1518 году португальские суда – сопоставьте по карте эти расстояния – пристают в Кантоне и Японии; скоро путешествие в Индию будет считаться менее рискованным, чем еще недавно плавание до мыса Боядор.

При столь стремительных темпах мир меняет свой облик от года к году, от месяца к месяцу. День и ночь сидят в Аугсбурге за работой гравировщики карт, и космографы не в силах справиться с огромным количеством заказов. У них вырывают из рук влажные, еще не раскрашенные оттиски. Печатники не успевают издавать для книжного рынка книги с описаниями путешествий и атласы – все жаждут сведений о Mundus Novus[176]. Но едва только успеют космографы тщательно и точно, сообразуясь с последними данными, выгравировать карту мира, как уже поступают новые данные, новые сведения. Все опрокинуто, все надо начинать заново, ибо то, что считали островом, оказалось частью материка, то, что принимали за Индию, – новым континентом. Приходится наносить на карту новые реки, новые берега, новые горы. И что же? Не успеют граверы управиться с новой картой, как уже приходится составлять другую – исправленную, измененную, дополненную.

Никогда, ни до, ни после, не знали география, космография, картография таких бешеных, опьяняющих, победоносных темпов развития, как в эти пятьдесят лет, когда впервые с тех пор, как

люди живут, дышат и мыслят, были окончательно определены форма и объем Земли, когда человечество впервые познало круглую планету, на которой оно уже столько тысячелетий вращается во Вселенной. И все эти беспримерные успехи достигнуты одним-единственным поколением: эти мореходы приняли на себя за всех последующих все опасности неведомых морей, эти конквистадоры проложили все пути, эти герои разрешили все – или почти все – задачи. Остается еще только один подвиг – последний, прекраснейший, труднейший: на одном и том же корабле обогнуть весь шар земной и тем самым, наперекор всем космологам и богословам прошедших времен, измерить и доказать шарообразность нашей Земли. Этот подвиг станет заветным помыслом и уделом Фернана де Магальяйнша, в истории именуемого Магелланом.

Магеллан в Индии

Март 1505 г. – июнь 1512 г.

Первые португальские корабли, отплывшие из устья Тежу в неведомую даль, были предназначены только для открытия новых земель: последующие старались мирно завязывать торговлю со вновь открытыми странами. Третья флотилия уже снаряжена по-военному и с этой даты, 25 марта 1505 года, прочно устанавливается тот трехтактный ритм, который будет господствовать на протяжении всей начавшейся отныне колониальной эпохи. Веками будет повторяться все тот же процесс: сперва основывается фактория, затем – якобы для защиты ее от нападений – воздвигается крепость. Сперва ведется мирная меновая торговля с туземными властителями, затем, как только налицо окажется достаточное количество солдат, у князьков попросту отнимают их владения, а следовательно, и все их добро.

Не пройдет и десятка лет, как опьяненная первыми успехами Португалия забудет, что первоначальные ее притязания сводились к скромному участию в торговле восточными пряностями: в удачливой игре благие намерения быстро исчезают. С того дня, как Васко да Гама высадился в Индии, Португалия немедленно принялась оттеснять все другие народы. Ни с кем не считаясь, рассматривает она всю Африку, Индию и Бразилию исключительно как свою собственность. От Гибралтара до Сингапура и Китая не должен отныне плавать ни один чужеземный корабль; на половине земного шара никто, кроме подданных самой маленькой страны маленькой Европы, не смеет заниматься торговлей.

Фернан Магеллан
Копия портрета, приписываемого Вечеллио Тициану, принадлежавшего флорентийским герцогам

Потому столь величественное зрелище и являет собою 25 марта 1505 года, когда первый военный флот Португалии, которому предстоит завоевать эту новую, величайшую в мире империю, покидает Лиссабонскую гавань, – зрелище, которое можно сравнить разве лишь с переправой Александра Великого через Геллеспонт. Ведь и здесь задача столь же непомерна. Ведь и этот флот отправляется в плавание не затем, чтобы подчинить Португалии какую-нибудь страну, один народ, а чтобы покорить целый мир.

Двадцать кораблей стоят в гавани; с поднятыми парусами ждут они королевского приказа поднять якоря. И это уже не корабли времен Энрике, не открытые баркасы, а широкие, тяжелые галионы с надстройками на носу и на корме, мощные корабли с тремя, а то и четырьмя мачтами и многочисленной командой. Кроме нескольких сотен обученных военному делу матросов, на корабле находится не менее тысячи пятисот воинов в латах и полном вооружении, человек двести пушкарей, а сверх того еще плотники и всякого рода ремесленники, которые по прибытии в Индию немедленно начнут строить новые суда.

С первого взгляда должен уразуметь каждый, что перед столь гигантской эскадрой и задача поставлена гигантская – окончательное покорение Востока. Недаром адмиралу Франсишку д'Алмейде пожалован титул вице-короля Индии, недаром самый прославленный герой и мореплаватель Португалии Васко да Гама, «адмирал индийских морей», самолично выбирал и испытывал снаряжение. Военный характер задачи Алмейды несомненен. Алмейде поручено сровнять с землей все мусульманские торговые города Индии и Африки, во всех опорных пунктах воздвигнуть крепости и оставить там гарнизоны.

Франсишку д’Алмейда
Рисунок в португальской рукописи XVI в. (Британский музей)

Ему поручено – здесь впервые предвосхищается руководящая идея английской политики – утвердиться во всех исходных и транзитных пунктах, запереть все проливы от Гибралтара до Сингапура и тем самым пресечь торговлю других стран. Далее вице-королю предписано уничтожить морские силы египетского султана и индийских раджей и взять под такой строгий контроль все гавани, чтобы «с лета от Рождества Христова тысяча пятьсот пятого» ни один корабль непортугальского флага не мог перевезти и зернышка пряностей.

С этой военной задачей тесно переплетается другая – идеологическая, религиозная; во всех завоеванных странах распространить христианство. Вот почему отплытие этого военного флота сопровождается таким же церемониалом, как выступление в крестовый поход. В соборе король вручает Франсишку д'Алмейде новое знамя из белого дамаста с вытканным на нем Крестом Господним, которому предстоит победно развеваться над языческими и мусульманскими странами. Коленопреклоненно принимает его адмирал, и, также преклонив колена, все тысяча пятьсот воинов, исповедавшись и приняв причастие, присягают на верность своему властелину, королю португальскому, равно как и Небесному Владыке, чье царствие им надлежит утвердить в заморских странах. Торжественно, словно религиозная процессия, шествуют они через весь город к гавани; затем орудийные залпы гремят в знак прощания, и корабли величаво скользят вниз по течению Тежу в открытое море, которое их адмиралу надлежит – от края до края – подчинить Португалии.

Среди тысячи пятисот воинов, с поднятой рукой приносящих клятву верности у алтаря, преклоняет колена и двадцатичетырехлетний юноша, носитель безвестного доселе имени Фернан де Магальяйнш. О его происхождении мы знаем только, что он родился около 1480 года. Место его рождения уже спорно. Указания позднейших источников на городок Саброуза в провинции Тразуж-Мондиш опровергнуты новейшими исследованиями, признавшими завещание, из которого это сообщение почерпнуто, подложным; наиболее вероятным, в конце концов, является предположение, что Магеллан родился в Опорто, и о семье его мы знаем только то, что она принадлежала к дворянству, правда, лишь к четвертому его разряду – fidalgos de cota de armes. Все же такое происхождение давало Магеллану право иметь наследственный герб и открывало ему доступ ко двору.

Испанцы строят каравеллу
Старинная гравюра

Предполагают, что в ранней юности он был пажом королевы Элеоноры, из чего, однако, не явствует, что в эти годы, покрытые мраком неизвестности, его положение при дворе было хоть сколько-нибудь значительным. Ведь когда двадцатичетырехлетний идальго поступает во флот, он всего-навсего sobresaliente – сверхштатный, один из тысячи пятисот

рядовых воинов, что живут, питаются, спят в кубрике вместе с матросами и юнгами, всего только один из тысяч «неизвестных солдат», отправляющихся на войну за покорение мира, в которой всегда там, где погибают тысячи, остается в живых лишь десяток-другой, и всегда только одного венчает бессмертная слава сообща совершенного подвига.

Во время этого плавания Магеллан – один из тысячи пятисот рядовых, не более. Напрасно стали бы мы разыскивать его имя в летописях индийской войны, и с достоверностью обо всех этих годах можно только сказать, что для будущего великого мореплавателя они были незаменимой школой.

С безвестным sobresaliente особенно не церемонятся. Его посылают на любую работу: он должен зарифлять паруса во время бури и откачивать воду; сегодня его посылают на штурм города, завтра он под палящим солнцем роет песок на постройке крепости. Он таскает тюки товаров и охраняет фактории, сражается на воде и на суше; он обязан ловко орудовать лотом и мечом, уметь повиноваться и повелевать. Но, участвуя во всем, он во все постепенно начинает вникать и становится одновременно и воином, и моряком, и купцом, и знатоком людей, стран, морей, созвездий.

И наконец, судьба очень рано приобщает этого юношу к великим событиям, которые на десятки и сотни лет определят мировое значение его родины и изменят карту Земли. Ибо после нескольких мелких стычек, напоминающих скорее разбойничьи налеты, чем честные бои, Магеллан получает подлинное боевое крещение в битве при Каннаноре (16 марта 1506 года).

Битва при Каннаноре является поворотным пунктом истории португальских завоеваний. Могущественный каликутский (теперешней Калькутты) владыка приветливо встретил Васко да Гама после его первой высадки и выразил готовность вступить в торговые отношения с этим неведомым народом. Но вскоре он понял, что португальцы, через несколько лет явившиеся снова на больших и лучше вооруженных судах, явно стремятся к господству над всей Индией.

С ужасом видят индийские и мусульманские купцы, сколь прожорливая щука вторглась в их тихую заводь. Ведь эти чужеземцы одним ударом покорили все моря; ни один корабль не решается покинуть гавань из страха перед этими жестокими пиратами; торговля пряностями замирает. В Египет больше не отправляются караваны. Вплоть до венецианского Риальто чувствуется, что чья-то суровая рука разорвала нить,

соединяющую Восток и Запад.

Египетский султан, лишившийся дохода от торговых пошлин, пускает в ход угрозы. Он уведомляет папу, что, если португальцы не прекратят грабительского хозяйничанья в индийских водах, он будет вынужден в отместку разрушить Гроб Господень в Иерусалиме. Но ни папа, ни император, ни короли Европы не в силах обуздать захватнических вожделений Португалии. Поэтому пострадавшим остается только объединиться для своевременного отпора португальцам, покуда те еще окончательно не утвердились в Индии. Наступление готовит каликутский владыка при тайной поддержке египетского султана, а, по-видимому, также и Венецианской республики, которая – ведь золото сильнее кровных уз – тайком посылает в Каликут оружейников и пушкарей. Готовится внезапный и сокрушительный удар по христианскому флоту.

Однако часто бывает, что присутствие духа и энергия какого-нибудь второстепенного лица на столетия определяют ход истории. Счастливая случайность спасает португальцев. В те времена по свету скитался отважный, равно привлекательный как своим мужеством, так и непосредственностью итальянский искатель приключений по имени Лодовико Вартема. Не страсть к наживе, не честолюбие влекут молодого итальянца в далекие края, но врожденная непреоборимая любовь к странствиям. Без ложного стыда этот бродяга по призванию заявляет, что «по малому своему в науках разумению и не будучи расположен сидеть над книгами» он решил попытаться «самолично и собственными своими глазами увидеть наиразличнейшие места на земле, ибо словам одного очевидца больше веры давать надлежит, нежели всем россказням, понаслышке передаваемым».

Первым из неверных прокрадывается в запретный город Мекку отважный Вартема (его описание Каабы и поныне еще считается классическим) и затем, после многих приключений, добирается не только до Индии, Суматры и Борнео, где до него побывал уже Марко Поло, но первым из европейцев (и это сыграет немалую роль в подвиге Магеллана) и до заветных islas de la especeria[177].

На обратном пути, в Каликуте, переодетый дервишем Вартема узнает от двух ренегатов-христиан о готовящемся нападении каликутского владыки. Из христианской солидарности он с опасностью для жизни пробирается к португальцам и, к счастью еще вовремя, успевает предостеречь их. Когда 16 марта 1506 года двести каликутских кораблей намереваются врасплох напасть на одиннадцать кораблей португальцев[178], те уже стоят в полной боевой готовности.

Это самый кровопролитный из всех боев, принятых вице-королем: восемьюдесятью убитыми и двумя сотнями раненых (огромная цифра для первых колониальных войн) расплачиваются португальцы за свою победу, правда, победу, окончательно утвердившую за ними господство над всем побережьем Индии.

Среди двухсот раненых находится и Магеллан; как всегда в эти годы безвестности, его удел – получать только ранения, но не знаки отличия. Вскоре его вместе с другими ранеными переправляют в Африку; там его след теряется, ибо кому придет в голову день за днем протоколировать жизнь простого sobresaliente. По-видимому он некоторое время прожил в Софале, а затем, вероятно, в качестве сопровождающего транспорт пряностей отбыл на родину. Возможно (в этом пункте хроники разноречивы), что летом 1507 года он возвратился в Лиссабон на одном судне с Вартемой. Но дальние края уже завладели сердцем мореплавателя. Чуждой кажется ему Португалия, и весь его недолгий отпуск превращается в нетерпеливое ожидание следующей индийской эскадры, которая доставит Магеллана на его настоящую родину: в мир дерзновенных начинаний.

Перед этой новой эскадрой, в составе которой Магеллан возвращается в Индию, стоит особая задача. Достославный спутник Магеллана Лодовико Вартема, несомненно, доложил при дворе о богатствах города Малакки и дал точные сведения о столь долго искомых «Островах пряностей», которые он, первый из европейцев и христиан, узрел ipsis oculis[179]. Его рассказы убеждают португальский двор, что покорение Индии останется незавершенным, а захват ее богатств неполным, доколе не будет завоевана сокровищница всех пряностей – Islas de la especeria. Но для этого нужно сначала овладеть ключом, их замыкающим, забрать в свои руки Малаккский пролив и город Малакку (нынешний Сингапур, стратегическое значение которого не укрылось от англичан). Согласно испытанным лицемерным методам португальцы, однако, не сразу посылают военную эскадру, а поначалу снаряжают четыре корабля под начальством Лопиша да Сикейры, которому поручено осторожно подобраться к Малакке и в обличье мирного купца произвести разведку берега.

Небольшая флотилия без особых приключений достигает Индии в апреле 1509 года. Плавание в Каликут, каких-нибудь десять лет назад провозглашенное беспримерным подвигом Васко да Гама и прославленное летописцами и поэтами, теперь под силу любому капитану португальского торгового флота. От Лиссабона до Момбасы, от Момбасы до Индии известен каждый риф, каждая бухта. Уже нет нужды ни в лоцманах, ни в «мастерах

астрономии». И только когда Сикейра, выйдя 19 августа из Кочинской гавани, берет курс на восток, португальские суда снова вступают в неизвестные воды.

После трехнедельного плавания, 11 сентября 1509 года, корабли португальцев впервые приближаются к Малаккской гавани. Уже издали убеждаются они, что добрый Вартема не соврал и не преувеличил, говоря, будто в этой гавани «больше кораблей бросает якорь, нежели в каком-либо ином месте мира». Парус к парусу теснятся на широком рейде большие и малые, белые и пестрые, малайские, китайские, сиамские лодки, ялики и джонки.

Сингапурский пролив в силу своего географического положения – aurea Chersonesus[180] – не мог не стать важнейшей перевалочной гаванью Востока. Любой корабль, направляющийся с востока на запад, с севера на юг, из Индии в Китай или с Молуккских островов в Персию, должен пройти этот Гибралтар Востока. Обмен всевозможными товарами происходит в этом «складочном месте»: здесь – гвоздика с Молуккских островов и цейлонские рубины, китайский фарфор и сиамская слоновая кость, кашемир из Бенгалии и сандаловое дерево с Тимора, арабские клинки из Дамаска, малабарский перец и невольники с острова Борнео. Вавилонское столпотворение рас, племен, языков происходит на этом главном рынке Востока, где над путаницей деревянных лачуг мощно вздымаются ослепительно белые дворец и мечеть.

Изумленно глядят португальцы со своих кораблей на огромный город: эта сверкающая на ярком солнце драгоценность Востока, которая должна стать прекраснейшим из прекрасных украшений в индийской короне португальского владыки, возбуждает их алчность. Изумленный и обеспокоенный, в свою очередь, смотрит малаккский властитель из своего дворца на грозные корабли чужеземцев. Так вот они, эти разбойники, не признающие обрезания! Теперь проклятое племя нашло дорогу и в Малакку! Давно уже на многие тысячи миль распространилась весть о сражениях и побоищах Алмейды и Албукерке. В Малакке знают, что эти страшные лузитане пересекают моря не для мирного торга, подобно владельцам сиамских и японских джонок, но чтобы, коварно выждав момент, обосноваться здесь и все разграбить.

Диого-Лопеж Сикейра
Рисунок в португальской рукописи XVI в. (Британский музей)

Наиболее разумным было бы совсем не впускать эти четыре корабля в гавань; ведь когда грабитель уже вошел в дом – все пропало! Но у султана имеются надежные сведения о боевой мощи этих тяжелых пушек, чьи черные безмолвные жерла грозно глядят с укрепленных палубных надстроек португальских судов; он знает, что эти белые разбойники бьются, как дьяволы, против них немыслимо устоять. Итак, лучше всего на ложь ответить ложью, на лицемерную приветливость – притворным радушием, на обман – обманом и первому броситься на противника, прежде чем тот успеет занести руку для смертоносного удара.

С неимоверной пышностью встречает поэтому малаккский султан посланцев Сикейры, с преувеличенной благодарностью принимает их дары. Португальцы – желанные гости, велит он сказать им, они могут торговать здесь сколько угодно. Через несколько дней он прикажет доставить им столько перцу и других пряностей, сколько они смогут погрузить на свои корабли. Он любезно приглашает капитанов на пиршество в свой дворец, и если это приглашение ввиду некоторых предостерегающих указаний и отклоняется, то моряки все же весело и свободно разгуливают по неведомому гостеприимному городу.

Блаженство – снова ощущать под ногами твердую почву, развлекаться с податливыми женщинами и больше не спать вповалку в смрадном кубрике или в одной из грязных деревушек, где свиньи и куры ютятся рядом с голыми, звероподобными людьми. Весело болтая, сидят матросы в чайных домиках, бродят по рынкам, наслаждаются крепкими малайскими напитками и свежими фруктами; нигде, с тех пор как они покинули Лиссабон, им не оказывали столь сердечного, радушного приема.

Сотни малайцев на маленьких быстроходных лодках снова и

снова подвозят съестные припасы к португальским кораблям, с обезьяньей ловкостью карабкаются по снастям, дивятся чужеземным, невиданным предметам. Завязывается оживленный товарообмен, и команда с неудовольствием узнает, что султан уже заготовил обещанный товар и предложил Сикейре на следующее утро прислать к берегу все шлюпки, чтобы еще до захода солнца погрузить на суда неимоверное количество пряностей.

И действительно, Сикейра, обрадованный возможностью быстро доставить драгоценный груз, отправляет на берег все шлюпки с четырех больших кораблей и на них значительную часть команды. Сам он в качестве португальского дворянина считает нижесвоего достоинства заниматься торговыми сделками; он остается на борту и играет в шахматы с одним из товарищей – самое разумное занятие на корабле в томительно жаркий день. На трех других больших судах тоже царит сонная тишина.

Но некое странное обстоятельство обращает на себя внимание Гарсиа да Соузы, капитана пятого судна – маленькой каравеллы, входящей в состав экспедиции; он видит, что все большее число малайских лодок шныряет вокруг почти обезлюдевших кораблей, что под предлогом доставки товаров на борт взбирается по вантам все больше и больше обнаженных малайцев. Наконец у него возникает мысль: не готовит ли медоточивый султан предательское нападение одновременно с моря и с суши?

По счастью, на маленькой каравелле имеется одна не отправленная на берег лодка; Соуза приказывает самому надежному человеку из своей команды как можно скорей добраться до флагманского судна и предупредить капитана. Этот надежнейший из его команды не кто иной, как sobresaliente Магеллан. Быстрыми сильными взмахами весел направляет он лодку и застает капитана Сикейру беспечно играющим в шахматы. Но Магеллану не нравится, что за спиной Сикейры с неизменным крисом у пояса стоят несколько малайцев-зрителей. Шепотом предупреждает он Сикейру. Чтобы не возбуждать подозрений, тот с необычайным присутствием духа продолжает игру, но велит одному из матросов держать наблюдение с марса и в продолжение всей партии одной рукой держится за шпагу.

Предупреждение Магеллана поспело в последнюю, самую последнюю минуту. Спустя мгновение над дворцом султана взвивается столб дыма – условный знак для одновременного нападения с суши и с моря. К счастью, сидящий на марсе матрос успевает поднять тревогу. Сикейра вскакивает и отшвыривает малайцев в сторону, прежде чем они успевают на него напасть.

Горнисты трубят сбор, команда выстраивается на палубе. Пробравшихся на корабли малайцев сбрасывают за борт; теперь лодки с вооруженными малайцами напрасно несутся со всех сторон, чтобы взять на абордаж португальские корабли. Сикейра успел выбрать якоря, а мощные залпы его орудий обращают малайцев в бегство. Благодаря бдительности да Соузы и проворству Магеллана нападение на эскадру не удалось.

Туземные корабли Малайского архипелага в конце XVI в.

Хуже обстоит дело с несчастными, доверчиво отправившимися на берег. Горсть безоружных, рассеянных по всему городу людей против тысяч коварных врагов. Большинство португальцев полегло на месте, лишь немногим удается добежать до берега. Но слишком поздно: завладев шлюпками, малайцы отрезали им путь на корабли. Один за другим падают португальцы под ударами превосходящего их численностью неприятеля. Только храбрейший из всех еще отбивается – это самый близкий, закадычный друг Магеллана, Франсишку Серрано. Вот он окружен, ранен, обречен на гибель. Но тут Магеллан еще с одним солдатом подоспел на своей лодчонке, бесстрашно рискуя жизнью ради друга. Двумя-тремя мощными ударами он прокладывает себе путь к окруженному толпой врагов Серрано, увлекает его за собой в лодку и таким образом спасает ему жизнь.

Португальская эскадра при этом внезапном нападении потеряла все свои шлюпки и свыше трети команды, но Магеллан приобрел названого брата, чья дружба и преданность будут иметь решающее значение для его грядущего подвига.

При этом случае в еще неясном для нас облике Магеллана впервые вырисовывается одна характерная черта – мужественная решительность. Ничего патетического, ничего бросающегося в глаза нет в его натуре, и становится понятным, почему все

летописцы индийской войны так долго обходили его молчанием: Магеллан из тех людей, кто всю жизнь остается в тени. Он не умеет ни обращать на себя внимание, ни привлекать к себе симпатии. Только когда на него возложена важная задача и еще в большей степени когда он сам ее возлагает на себя, этот сдержанный и замкнутый человек являет изумительное сочетание ума и мужества. Но, совершив славное дело, он потом не умеет ни использовать его, ни похваляться им; спокойно и терпеливо он снова удаляется в тень. Он умеет молчать, он умеет ждать, словно чувствуя, что судьба, прежде чем допустить его к предназначенному подвигу, еще долго будет учить его и испытывать. Вскоре после того как при Каннаноре он пережил одну из величайших побед португальского флота и при Малакке – одно из тягчайших его поражений, на его суровом пути моряка встретилось новое испытание – кораблекрушение.

В ту пору Магеллан сопровождал один из регулярно отправляемых с попутным муссоном транспортов пряностей, как вдруг каравелла наскочила на так называемую Падуанскую банку. Человеческих жертв нет, но корабль разбился в щепы о коралловый риф, и так как разместить всю команду на шлюпках невозможно, то часть потерпевших крушение должна остаться без помощи. Разумеется, капитан, офицеры и дворяне требуют, чтобы в первую очередь в шлюпки забрали их,иэто несправедливоетребование вызывает гнев grumetes – простых матросов. Уже готова вспыхнуть опасная распря, но тут Магеллан, единственный из дворянского сословия, заявляет, что готов остаться с матросами, если capitães у fidalgos[181] своей честью поручатся по прибытии на берег немедленно выслать за ними корабль.

По-видимому, этот мужественный поступок впервые привлек к «неизвестному солдату» внимание высшего начальства. Ибо когда спустя немного времени, в октябре 1510 года, Албукерке, новый вице-король, спрашивает capitanes del Rey – королевских капитанов, как, по их мнению, следует провести осаду Гоа, то среди высказавшихся упоминается и Магеллан. Из этого можно заключить, что после пятилетней службы простой солдат и матрос возведен наконец в офицерский чин и уже в качестве офицера отправляется в плавание с эскадрой Албукерке, которой предстоит отомстить за позорное поражение Сикейры под Малаккой.

Итак, через два года Магеллан снова держит путь на далекий Восток, к aurea Chersonesus. Девятнадцать кораблей – отборная военная флотилия – в июле 1511 года грозно выстраиваются у входа в малаккскую гавань и вступают в ожесточенный бой с

вероломным властителем. Проходит шесть недель, прежде чем Албукерке удается сломить сопротивление султана. Зато теперь в руки грабителей попадает добыча, какая еще не доставалась им даже в благодатной Индии. С завоеванием Малакки Португалия зажала в кулак весь восточный мир. Наконец-то удалось перерезать главную артерию мусульманской торговли! Через несколько недель она уже вконец обескровлена. Все моря от Гибралтара, Столбов Геркулеса, до Сингапурского пролива aurea Chersonesus стали единым португальским океаном. Далеко, вплоть до Китая и Японии, будя ликующий отзвук в Европе, несутся громовые раскаты этого удара – самого сокрушительного из всех, когда-либо нанесенных исламу.

Перед несметной толпой верующих папа служит благодарственный молебен за великий подвиг португальцев, отдавших половину земного шара во власть христианства, и в Caput mundi[182] происходит торжество, не виданное Римом со времен цезарей. Посольство, возглавляемое Тристаном да Кунья, подносит папе добычу, вывезенную из покоренной Индии, – лошадей в унизанной драгоценностями сбруе, леопардов и пантер. Но главное внимание и изумление вызывает живой слон, доставленный португальскими кораблями, который при неописуемом ликовании толпы трижды преклоняет колени перед святым отцом.

Но даже этот триумф не может утолить ненасытное стремление португальцев к экспансии. Никогда в истории победитель не довольствовался одной великой победой: Малакка ведь только ключ к сокровищнице especeria; теперь, когда он у них в руках, португальцы хотят добраться и до самой сокровищницы – захватить сказочно богатые «Острова пряностей» Зондского архипелага: Амбоину Банду, Тернате и Тидор. Снаряжаются три корабля под начальством Антонио д'Абреу Среди участников этой экспедиции на тогдашний Дальний Восток летописцы называют и имя Магеллана. В действительности же индийская пора Магеллана тогда уже кончилась. «Достаточно, – говорит ему судьба. – Достаточно ты всего насмотрелся на Востоке, достаточно испытал! Пора идти новым, собственным путем».

Но именно эти-то легендарные «Острова пряностей», отныне на всю жизнь приворожившие его мечты, ему никогда не дано будет увидеть рог vista de ojos, воочию. Ему не суждено ступить на эти райские земли. Только мечтой, творческой мечтой останутся они для него. Но благодаря дружбе с Франсишку Серрано эти никогда в глаза не виданные им острова кажутся ему хорошо знакомыми, и странная робинзонада друга вдохновляет

его на самое великое, самое дерзновенное начинание того времени.

Удивительное приключение Франсишку Серрано, впоследствии столь решительно толкнувшее Магеллана на его кругосветное плавание, – отрадный, умиротворяющий эпизод в кровавой летописи португальских битв и побоищ. Среди всех прославленных капитанов образ этого незнаменитого человека вызывает особый интерес. Распрощавшись в Малакке с отбывающим на родину названым своим братом Магелланом, Франсишку Серрано вместе с капитанами двух других кораблей направляется к легендарным «Островам пряностей». Без особых трудностей и невзгод доходят они до покрытых зеленью берегов острова и неожиданно встречают там радушный прием. Ибо до этих отдаленных краев не добрались ни мусульманская культура, ни воинственность нравов. В первобытном состоянии, голые и миролюбивые, живут здесь туземцы; они еще не знают денег, еще не гонятся за наживой. За несколько погремушек и браслетов простодушные островитяне тащат целые вороха гвоздики, и, так как уже на двух первых островах, Банде и Амбоине, португальцы до отказа нагружают свои суда, адмирал д'Абреу решает, не заходя на другие, поскорее возвратиться с драгоценным грузом в Малакку.

Может быть, алчность слишком тяжело нагрузила суда, во всяком случае, один из кораблей, именно тот, которым командует Франсишку Серрано, наскочил на риф и разбился. Ничего, кроме жизни, не удается спасти пострадавшим. Уныло бродят они по незнакомому берегу, уже предвидя плачевную гибель, но Франсишку Серрано удается хитростью завладеть пиратской лодкой, на которой он и отправляется обратно в Амбоину

С не меньшим радушием, чем при их первом, помпезном появлении, встречает португальцев туземный царек и великодушно предлагает им пристанище (fueron recibidos y hospedados con amor, venaracion y magnificencia)[183], так что они едва могут прийти в себя от счастья и благодарности. Разумеется, воинским долгом капитана Франсишку Серрано было бы, как только команда немного отдохнет и оправится, без промедления возвратиться на одной из многочисленных джонок, постоянно шныряющих между Амбоиной и Малаккой, к своему адмиралу и снова стать на службу португальского короля, с которым он связан жалованьем и присягой.

Но райская природа и теплый, благодатный климат заметно ослабляют в Франсишку Серрано чувство военной дисциплины. Ему вдруг становится совершенно безразлично, что где-то там, за много тысяч миль, в Лиссабонском дворце, какой-то король,

гневаясь или брюзжа, вычеркнет его из списка своих капитанов или пенсионеров. Он знает, что достаточно сделал для Португалии, достаточно часто рисковал для нее своей шкурой. Теперь Франсишку Серрано хочет наконец пожить в свое удовольствие, так же приятно и безмятежно, как все прочие, не знающие ни одежды, ни забот, обитатели этих благословенных островов. Пусть другие матросы и капитаны и впредь бороздят моря, своим потом и кровью добывая пряности для чужеземных маклеров, пусть эти верноподданные глупцы и впредь надсаживаются в боях и странствиях, для того чтобы в Лиссабонскую таможню поступало больше пошлин, – лично он, Франсишку Серрано, cidevant[184] капитан португальского флота, по горло сыт войной и приключениями и всей этой возней с пряностями.

Бравый капитан без особой шумихи переходит из мира героики в мир идиллии и решает отныне жить первобытной, блаженно-ленивой жизнью приветливых туземцев. Высокое звание великого визиря, которым его милостиво удостоил король Тернате, не сопряжено с обременительной работой; только однажды, во время небольшого столкновения с соседями, он фигурирует в качестве военного советника своего повелителя. Зато в награду ему дается дом с невольниками и слугами, да к тому же хорошенькая темнокожая жена, с которой он приживает двух или трех смуглых детей.

Годы и годы Франсишку Серрано, этот второй Одиссей, забывший свою Итаку, пребывает в объятиях темнокожей Калипсо, и никакому демону честолюбия не удается изгнать его из этого рая dolce far niente[185]. В продолжение девяти лет, до самой своей старости, сей добровольный Робинзон, первый беглец от цивилизации, уже не покидал Зондских островов. Отнюдь не самый доблестный из всех конквистадоров и капитанов славной эпохи португальской истории, он был, по всей вероятности, самым из них благоразумным и к тому же самым счастливым.

Романтическое бегство Франсишку Серрано на первый взгляд не имеет отношения к жизни и подвигу Магеллана. На самом же деле именно это эпикурейское отречение малозаметного и безвестного капитана решительным образом повлияло на дальнейший жизненный путь Магеллана, а тем самым и на историю открытия новых стран.

Разъединенные огромным пространством, оба друга постоянно общаются. Каждый раз, когда представляется оказия переслать со своего острова известие в Малакку, а оттуда в Португалию, Серрано пишет Магеллану подробные письма,

восторженно славословящие богатства и прелести его новой родины. Буквально они гласят следующее: «Я нашел здесь новый мир, обширнее и богаче того, что был открыт Васко да Гама». Опутанный чарами тропиков, он настойчиво призывает друга оставить наконец неблагодарную Европу и малодоходную службу и скорей последовать его примеру.

Вряд ли можно сомневаться, что именно Франсишку Серрано первый подал Магеллану мысль: не будет ли разумнее, ввиду расположения этих островов на крайнем востоке, направиться к ним по пути Колумба (то есть с запада), нежели по пути Васко да Гама (с востока)?

На чем порешили два названых брата, мы не знаем. Во всяком случае, у них, по-видимому, возник какой-то определенный план: после смерти Серрано среди его бумаг нашлось письмо Магеллана, в котором он таинственно обещал другу в скором времени прибыть в Тернате, к тому же «если не через Португалию, то иным путем». Найти этот новый путь и стало заветным помыслом Магеллана.

Этот всепоглощающий замысел, несколько рубцов на загорелом теле да еще купленный им в Малакке раб-малаец – вот все или почти все, что Магеллан после семи лет службы в Индии привозит на родину.

Очень своеобразное, может быть, даже неприятное удивление должен был испытать утомленный битвами солдат по возвращении в отечество в 1512 году, увидев совсем иной Лиссабон, совсем иную Португалию, чем семь лет назад.

Изумление овладевает им с той самой минуты, как корабль входит в Белемскую гавань.

На месте старинной низенькой церковки, где в свое время был отслужен напутственный молебен Васко да Гама, высится наконец-то достроенный огромный великолепный собор – первое зримое выражение несметных богатств, доставшихся его отечеству благодаря индийским пряностям.

Куда ни глянь – везде перемены.

На реке, где прежде лишь изредка встречались суда, теперь теснится парус к парусу, на прибрежных верфях рабочие трудятся не покладая рук, чтобы поскорее выстроить новые, еще более мощные эскадры. Гавань пестро расцвечена вымпелами португальских и иностранных кораблей; набережная завалена товарами, склады забиты до отказа. Тысячи людей торопливо снуют по шумным улицам среди роскошных, недавно возведенных дворцов; в факториях, у лавок менял и в маклерских

конторах царит вавилонское смешение языков: благодаря ограблению Индии Лиссабон за десять лет из небольшого городка стал мировым центром, городом роскоши. Знатные дамы в открытых колясках выставляют напоказ индийские жемчуга, огромные толпы разодетых придворных кишат во дворце.

И моряку, возвратившемуся на родину, становится ясно: кровь, пролитая в Индии им и его товарищами, посредством какой-то таинственной химии превратилась здесь в золото. В то время, когда они под беспощадным солнцем юга сражались, страдали, терпели тяжкие лишения, истекали кровью, Лиссабон благодаря их подвигам унаследовал могущество Александрии и Венеции, король Мануэл «el fortunado»[186] стал богатейшим монархом Европы.

Все изменилось на родине.

Магеллан обретает свободу

Июнь 1512 г. – октябрь 1517 г.

Теперь в Старом Свете живут богаче, роскошнее, больше наслаждаются жизнью, беспечнее тратят деньги – словно пряности и нажитое на них золото раскрыли сущность людей. Только он один вернулся тем же, кем был, – «неизвестным солдатом». Никто его не ждет, никто не благодарит, никто не приветствует. Как на чужбину, возвращается в свое отечество португальский солдат Фернан де Магальяйнш после проведенных в Индии семи лет.

Героические эпохи никогда не были и не бывают сентиментальны, и неописуемо ничтожна признательность, которую властители Испании и Португалии выказали отважным конквистадорам, завоевавшим для них целые миры. Колумб в оковах возвращается в Севилью, Кортес попадает в опалу, Писарро умерщвлен, Нуньес де Бальбоа, открывший Тихий океан, обезглавлен, Камоэнс, поэт и воин Португалии, подобно своему великому собрату Сервантесу, оклеветанный жалкими провинциальными чиновниками, месяцы и годы проводит в тюрьме, немногим отличающейся от выгребной ямы.

Чудовищна неблагодарность эпохи великих открытий: нищими и калеками, завшивевшими, бесприютными, дрожащими от лихорадки, бродят по портовым переулкам Кадиса и Севильи те самые солдаты и матросы, которые завоевали для испанских королей сокровищницы инков и драгоценности Монтесумы. Как шелудивых псов, бесславно зарывают в родную землю тех немногих, кого смерть пощадила в колониях, ибо что значат подвиги этих безымянных героев для придворных льстецов, никогда не покидавших надежных стен дворца, где они ловкими руками загребают богатства, завоеванные теми в бою? Эти придворные трутни становятся adelantados – губернаторами новых провинций; они мешками гребут золото и, как наглых выскочек, оттесняют от казенной кормушки колониальных бойцов, боевых офицеров, которые после долгих лет самоотверженной, изнурительной службы имели глупость возвратиться на родину.

То, что Магеллан участвовал в битвах при Каннаноре, при Малакке и что он десятки раз ставил на карту свою жизнь и здоровье ради чести Португалии, по возвращении не дает ему ни малейшего права на достойное занятие или обеспечение. Лишь случайному обстоятельству – тому, что он уже ранее числился в штате короля – criaco del Rey, обязан Магеллан включением его в

список лиц, получающих от короля содержание или, вернее, милостыню, притом сначала как mozo fidalgo[187] он числится в самой последней категории, удостаиваемой подачки в тысячу рейс ежемесячно. Только через месяц, да и то, должно быть, после долгих препирательств, он поднимается на одну ступень выше и в качестве fidalgo escudeiro[188] получает тысячу восемьсот пятьдесят рейс (или же, по другим сведениям, в качестве cavalleiro fidalgo[189] – тысячу двести пятьдесят рейс).

Во всяком случае, какое бы из этих званий ему ни было присвоено, значения оно не имеет. Ни один из этих пышных титулов не дает Магеллану иных прав, не возлагает на него иных обязанностей, кроме как слоняться без дела в королевских прихожих. Но человек чести и долга не станет долго мириться с нищенской платой даже за ничегонеделание. Неудивительно поэтому, что Магеллан воспользовался первым – правда, не слишком благоприятным – случаем, чтобы вернуться на военную службу и снова выказать свою доблесть.

Почти целый год пришлось ждать Магеллану. Но едва только летом 1513 года король Мануэл приступает к снаряжению большой военной экспедиции против Марокко, чтобы наконец нанести мавританским пиратам сокрушительный удар, как испытанный боец индийского похода уже предлагает свои услуги – решение, объяснимое только тем, что его тяготит вынужденное бездействие. Ибо в сухопутной войне Магеллан, почти всегда служивший во флоте и за эти семь лет сделавшийся одним из самых опытных моряков своего времени, не сможет в полной мере проявить свои дарования. И вот в большой армии, отправляемой в Азамор, он снова не более как младший офицер, без чина и самостоятельного поста. И опять, как некогда в Индии, его имя не фигурирует в донесениях, но зато он сам, так же как в Индии, всегда впереди, на самых опасных участках. И опять Магеллан – уже в третий раз – ранен в рукопашной схватке. Удар копьем в коленный сустав поражает нерв, левая нога перестает сгибаться, и Магеллан на всю жизнь остается хромым.

Для фронтовой службы хромоногий воин, не способный нибыстро ходить,ниездить верхом, уже не пригоден. Теперь Магеллан мог бы покинуть Африку и на правах раненого требовать повышения оклада. Но он упорно желает остаться в армии, на войне, среди опасностей – в подлинной своей стихии. Тогда Магеллану и еще одному раненому предлагают в качестве конвоирующих офицеров – quadrileiros das presos – сопровождать отбитую у мавров огромную добычу – лошадей и скот. Тут происходит событие довольно темного свойства. Однажды ночью из несметных стад исчезает несколько десятков овец, и тотчас же

распространяется злонамеренный слух, будто Магеллан и его товарищи тайком продали маврам часть отнятой у них добычи или же по небрежности дали врагу возможность ночью похитить скот из загонов.

Странным образом это гнусное обвинение в бесчестном поступке, нанесшем ущерб государству, в точности совпадает с обвинением, которым несколько десятилетий спустя португальские колониальные чиновники очернят и унизят другого столь же знаменитого португальца – поэта Камоэнса. Оба эти человека, за годы службы в Индии имевшие сотни раз случай обогатиться, но вернувшиеся из этого Эльдорадо на родину нищими, были запятнаны одним и тем же позорным обвинением.

Но, к счастью, Магеллан был тверже, чем кроткий Камоэнс. Он не собирается давать показания этим жалким сутягам и позволять им месяцами таскать его по тюрьмам, подобно Камоэнсу Он не подставляет малодушно, как творец «лузиад», свою спину ударам врага. Едва клеветнический слух начинает распространяться, он, прежде чем кто-либо осмелился открыто предъявить ему обвинение, оставляет армию и возвращается в Португалию требовать удовлетворения.

Магеллан не чувствовал за собой ни малейшей вины в этом темном деле; это явствует из того, что, прибыв в Лиссабон, он немедленно ходатайствует об аудиенции у короля, но отнюдь не затем, чтобы обелить себя, а, напротив, чтобы в сознании своих заслуг наконец потребовать более достойную должность. Ведь он снова потерял два года, снова получил в бою рану, сделавшую его почти что калекой.

Но ему не повезло: король Мануэл даже не дает настойчивому кредитору предъявить свой счет. Извещенный командованием африканской армии о том, что строптивый капитан самовольно, не испросив отпуска, покинул марокканскую армию, король обращается с заслуженным раненым офицером так, словно перед ним обыкновенный дезертир. Не дав ему вымолвить ни слова, король коротко и резко приказывает Магеллану тотчас вернуться в Африку, к месту нахождения своей части, и немедленно отдать себя в распоряжение высшего начальства.

Магеллан вынужден повиноваться. С первым же кораблем он возвращается в Азамор. Там, разумеется, и речи нет о расследовании, никто не осмеливается чернить заслуженного бойца, и Магеллан, получив от своих начальников удостоверение в том, что он уходит из армии с незапятнанной честью, и

запасшись всевозможными документами, свидетельствующими о его невиновности и заслугах, вторично возвращается в Лиссабон – можно представить себе, с каким горьким чувством. Вместо знаков отличия на его долю выпадают ложные обвинения, вместо наград – одни только рубцы… Он долго молчал, скромно держась в тени. Но теперь, к тридцати пяти годам, он устал выпрашивать как милостыню то, что ему причитается по праву.

Благоразумие должно было показать Магеллану, что при столь щекотливых обстоятельствах не следует являться к королю Мануэлу немедленно по приезде и снова досаждать ему теми же требованиями. Конечно, разумнее было бы, некоторое время не напоминая о себе, завести друзей и знакомых в придворных кругах и, достаточно осмотревшись, втереться в доверие. Но вкрадчивость и пронырливость не в характере Магеллана. Как ни мало мы о нем знаем, одно остается бесспорным: этот низкорослый, смуглый, ничем не обращающий на себя внимания молчаливый человек даже в самой малой степени не обладал даром вызывать симпатии. Король – неизвестно почему – всю жизнь питал к нему неприязнь – sempre teve hum entejo, и даже верный его спутник Пигафетта должен признать, что офицеры просто ненавидели Магеллана – li capitani suoi lo odiavano.

От Магеллана, так же как это говорила Рахиль Варнхаген о Клейсте, «веяло суровостью». Он не умел улыбаться, расточать любезности, угождать, не умел искусно защищать свое мнение и свои взгляды. Неразговорчивый, замкнутый, всегда окутанный пеленой одиночества, этот нелюдимый человек, должно быть, распространял вокруг себя атмосферу ледяного холода, стеснения и недоверия, и мало кому удалось узнать его даже поверхностно; во внутренний же его мир так никто и не проник. В молчаливом упорстве, с которым он оставался в тени, его товарищи бессознательно чуяли какое-то необычное, непонятное честолюбие, тревожившее их сильнее, чем честолюбие откровенных охотников за выгодными местами, ожесточенно и бесстыдно теснившихся у казенной кормушки.

В его глубоких, маленьких, сверлящих глазах, в углах его густо заросшего рта всегда витала какая-то надежно спрятанная тайна, заглянуть в которую он не давал. А человек, прячущий в себе тайну и достаточно стойкий, чтобы много лет молчать о ней, всегда страшит тех, кто от природы доверчив, кому нечего скрывать. Угрюмый нрав Магеллана рождал противодействие. Нелегко было идти с ним в ногу и стоять за него. И вероятно, самым трудным было для этого трагического нелюдима наедине с самим собой всегда ощущать себя одиноким.

И на этот раз fidalgo escudeiro Фернан де Магальяйнш, один,

без всяких доброжелателей и покровителей, отправляется на аудиенцию к своему королю, выбрав наихудший из всех путей, которыми можно идти при дворе, то есть честный и прямой. Король Мануэл принимает его в том же зале, может быть, сидя на том же троне, с высоты которого его предшественник Жуан II некогда отказал Колумбу; на том же месте разыгрывается сцена такого же исторического значения. Ибо невзрачный, по-мужицки широкоплечий, коренастый, чернобородый португалец, с пронзительным взглядом, сейчас низко склонившийся перед властелином, который мгновение спустя презрительно отошлет его прочь, таит в себе мысль не менее великую, чем тот пришлый генуэзец. Отвагой, решимостью и опытом Магеллан, возможно, даже превосходит своего более знаменитого предшественника.

Очевидцев этой решающей минуты не было, однако при чтении сходных между собой хроник того времени сквозь даль веков начинаешь видеть происходящее в тронном зале: припадая на раненую ногу, Магеллан приближается к королю и с поклоном передает документы, неопровержимо доказывающие лживость возведенного на него обвинения. Затем он излагает первую свою просьбу: ввиду вторичного, лишившего его боеспособности ранения он ходатайствует перед королем о повышении его moradia, месячного содержания, на полкрузадо (около одного английского шиллинга на нынешние деньги).

До смешного ничтожна сумма, которую он просит, и, казалось бы, не пристало гордому, стойкому, честолюбивому воину преклонять колени ради такой безделицы. Но Магеллан предъявляет это требование не ради монеты ценностью в полкрузадо, а во имя своего общественного положения, своего достоинства. Размер moradia, оклада, при этом дворе, где каждый тщится оттолкнуть локтем другого, определяет ступень иерархической лестницы, на которой стоит дворянин, ее получающий. Тридцатипятилетний ветеран индийской и марокканской войн, Магеллан не хочет значить при дворе меньше любого безусого юнца из тех, что подают королю блюда или распахивают перед ним дверцу кареты. Из гордости он никогда не старался протиснуться вперед, но из гордости же он не может подчиняться людям более молодым и менее заслуженным. Он не даст ценить себя ниже, чем сам ценит себя и все им содеянное.

Но король Мануэл глядит на навязчивого просителя, угрюмо нахмурившись. Для него, богатейшего из монархов, дело, разумеется, не в жалкой серебряной монете. Его просто раздражает поведение этого человека, который настойчиво требует, вместо того чтобы смиренно домогаться, и, не желая ждать, покуда он, король, милостиво соблаговолит увеличить ему

содержание, упорно, решительно, словно это причитается ему по праву, настаивает на повышении в придворном чине. Что ж? Этого твердолобого молодца научат и просить и дожидаться. Подстрекаемый дурным советчиком – досадой, король Мануэл, обычно el fortunado – счастливый, отклоняет ходатайство Магеллана о повышении оклада, не подозревая, сколько тысяч золотых дукатов он уже в ближайшее время будет готов заплатить за этот один сбереженный им полкрузадо.

Собственно, Магеллану следовало бы теперь откланяться, ибо нахмуренное чело короля уже не сулит ему ни проблеска благоволения. Но, вместо того чтобы, верноподданнически поклонившись, выйти из зала, ожесточенный гордостью Магеллан продолжает невозмутимо стоять перед монархом и излагает ему просьбу, которая, в сущности, и привела его сюда. Он спрашивает, не найдется ли на королевской службе для него какого-нибудь места, какого-нибудь достойного занятия. Он еще слишком молод, слишком полон сил, чтобы всю жизнь жить милостыней. Ведь из португальских гаваней в те времена ежемесячно, даже еженедельно отправлялись суда в Индию, в Африку, в Бразилию; нет ничего более естественного, как предоставить командование одним из этих многочисленных судов человеку, лучше, чем кто бы то ни было изучившему восточные моря. За исключением старого ветерана Васко да Гама, в столице и во всем королевстве не найдется никого, кто мог бы сказать, что превосходит Магеллана знаниями.

Но королю Мануэлу все невыносимее становится жесткий, вызывающий взгляд этого докучливого просителя. Холодно, даже не обнадеживая Магеллана на будущие времена, отклоняет он его просьбу: нет, места для него не найдется.

Отказано. Кончено. Но Магеллан обращается к королю еще с третьей просьбой – вернее, это уже не просьба, а вопрос. Магеллан спрашивает, не прогневается ли король, если он поступит на службу в другой стране, где ему предложат лучшие условия. И король с оскорбительной холодностью дает понять, что ему это безразлично. Магеллан может служить где угодно – где только удастся сыскать службу. Тем самым Магеллану сказано, что португальский двор отказывается от любых его услуг, что за ним, правда, и впредь милостиво сохранят жалкую подачку, но что никого не огорчит, если он покинет и королевский двор, и Португалию.

Никто не был свидетелем этой аудиенции; никто не знает, в тот ли или в другой раз, раньше или позже Магеллан открыл королю свой заветный тайный замысел. Может быть, ему даже не дали возможности развить свою мысль, может быть – равнодушно

отклонили ее; как бы там ни было, но во время аудиенции Магеллан еще раз изъявил намерение в дальнейшем, как и прежде, кровью и жизнью служить Португалии. И только резкий отказ вызвал в нем тот внутренний перелом, который неминуемо совершается в жизни каждой творческой личности.

В минуту, когда Магеллан, словно выгнанный нищий, покидает дворец своего короля, он уже понимает: дольше ждать и медлить нельзя. К тридцати пяти годам он узнал и пережил все, чему воин и моряк учатся на поле битвы и на море. Четырежды огибал он мыс Доброй Надежды – два раза с востока и два раза с запада. Несметное число раз был он на волоске от смерти, трижды ощущал холодный металл неприятельского оружия в теплом, истекающем кровью теле. Безмерно много видел он на свете, он знает больше о восточной части земного шара, чем все прославленные географы и картографы его времени. Без малого десятилетний опыт сделал его знатоком всех видов военной техники: он научился владеть мечом и пищалью, рулем и компасом, парусом и пушкой, веслом, заступом и копьем. Он умеет читать портуланы, пускать лот и не менее точно, чем любой «мастер астрономии» применяет навигационные приборы. Все, о чем другие только с любопытством читают в книгах – томительные штили и многодневные циклоны, битвы на море и на суше, осады и резня, внезапные налеты и кораблекрушения, – все это он пережил сам. За десять лет он научился и выжидать, и мгновенно пользоваться решающей секундой. Он близко узнал всевозможных людей: желтых и белых, черных и темнокожих, индусов и малайцев, китайцев и негров, арабов и турок.

В любом деле – на воде и на суше, во все времена года и на всех морях, в мороз и под палящим солнцем тропиков – служил он своему королю, своей стране. Но служить хорошо в молодости. Теперь, приближаясь к тридцати шести годам, Магеллан решает, что достаточно жертвовал собою ради чужих интересов, чужой славы. Как творчески одаренный человек, он испытывает media in vita[190] потребность отвечать за свои действия, полностью проявить себя. Родина отреклась от него в беде, освободила его от уз службы и долга – тем лучше: теперь он свободен. Ведь часто случается, что удар кулака, вместо того чтобы отшвырнуть человека, направляет его на верный путь.

Однажды принятое решение Магеллан никогда не воплощает в жизнь мгновенно и необдуманно. Как ни скуден свет, проливаемый описаниями современников на его характер, одно, и притом существенное, качество, несомненно, отличает его во все

периоды его жизни: Магеллан прекрасно умел молчать. По природе терпеливый и необщительный, даже в суматохе походной жизни державшийся тихо и обособленно, Магеллан все продумывал в одиночестве. Далеко заглядывая вперед, в тиши взвешивая каждую возможность. Магеллан не открывал людям своих планов и решений, покуда не был уверен, что его замысел внутренне созрел, до конца продуман и бесспорен.

И на этот раз Магеллан изумительно проявляет свое искусство молчания. Другой на его месте после оскорбительного отказа короля Мануэла, вероятно, тотчас покинул бы страну и предложил свои услуги другому монарху Магеллан же спокойно остается в Португалии еще на год, и никто не догадывается, чем он занят. Разве только замечают – поскольку это вообще может привлечь внимание, когда речь идет о старом, побывавшем в Индии моряке, – что Магеллан долгие часы просиживает с кормчими и капитанами, с теми, кто некогда плавал в южных морях. Но о чем же и болтать охотникам, как не об охоте, мореплавателям – как не о морях и новых землях! Не может вызвать подозрений и то, что в Tesoraria, секретном архиве короля Мануэла, он ворошит все хранящиеся там secretissimas[191] карты берегов, портуланы, лаговые записи и судовые журналы последних экспедиций в Бразилию. Чем же и заполнять находящемуся не у дел капитану свой досуг, как не изучением книг и сообщений о вновь открытых морях и землях?

Скорее уж могла обратить на себя внимание новая дружба Магеллана, ибо человек, с которым он все больше сближается, некий Руй Фалейру юркий, нервный, вспыльчивый книжник, со своей страстной говорливостью, чрезмерной самонадеянностью и взбалмошным характером менее всего подходит молчаливому, сдержанному, замкнутому воину и мореходу. Но дарования обоих этих людей, вскоре ставших неразлучными, в силу их полного несходства привели к известной, неизбежно кратковременной гармонии. Как для Магеллана сокровеннейшая страсть – путешествия по неведомым морям и практическое исследование земного шара, так для Фалейру – отвлеченное познание земли и неба.

Чистейшей воды теоретик, подлинно кабинетный ученый, никогда не ступавший на корабль, никогда не покидавший Португалии, Руй Фалейру знает далекие сферы неба и земли только по вычислениям, книгам, таблицам и картам; зато в этих абстрактных областях, в качестве картографа и астронома, он считается величайшим авторитетом. Он не умеет ставить паруса, но он изобрел собственную систему вычисления долготы, хотя и не лишенную погрешностей, но охватывающую весь земной шар и

впоследствии оказавшую Магеллану огромную услугу. Фалейру не умеет обращаться с рулем, но изготовленные им морские карты, портуланы, астролябии и другие инструменты, по-видимому, являлись наиболее совершенными навигационными приборами того времени.

Такой знаток, несомненно, принесет огромную пользу Магеллану, идеальному практику, чьим университетом были только война и плавание, кто из астрономии и географии знает лишь то, что он сам непосредственно видел в своих странствиях и благодаря своим странствиям. Как раз благодаря противоположности своих дарований и склонностей оба эти человека необыкновенно счастливо дополняют друг друга, как спекулятивное мышление дополняет опытное знание, как мысль – дело, как дух – материю.

Но к этому в данном частном случае присоединяется еще и временная общность судеб. Оба эти, каждый по-своему замечательные, португальца одинаково уязвлены своим королем, обоим прегражден путь к осуществлению дела всей их жизни. Руй Фалейру уже много лет домогается должности королевского астронома и, несомненно, с большим на то правом, чем кто-либо другой. Но так же как Магеллан своей молчаливой гордостью, так, по-видимому, и Руй Фалейру своей резкостью и обидчивостью раздражал двор. Враги называют его шутом и, чтобы предать его в руки инквизиции (и тем самым отделаться от него), распространяют слухи, будто он в своих работах прибегает к помощи сверхъестественных сил, будто он заключил союз с дьяволом.

Итак, оба они, Магеллан и Руй Фалейру, в своей стране удалены от дел ненавистью и недоверием, и этот внешний гнет ненависти и недоверия внутренне сближает их друг с другом. Фалейру изучает записи и проекты Магеллана. Он снабжает их научной надстройкой, и его вычисления точными, по таблицам проверенными данными подтверждают чисто интуитивные предположения Магеллана. И чем дольше сравнивают теоретик и практик свои наблюдения, тем пламеннее они стремятся осуществить свой проект в таком же тесном сотрудничестве, в каком они его продумали и разработали. Оба они – теоретик и практик – клятвенно обязуются до решающей минуты осуществления таить от всех свой замысел и в случае необходимости, без содействия родной страны и даже в ущерб ей совершить дело, которое должно стать достоянием не только одной Португалии, но всего человечества.

Однако пора уже спросить: что, собственно, представляет собой таинственный проект, который Магеллан и Фалейру втихомолку, словно заговорщики, обсуждают вблизи Лиссабонского дворца? Что в нем такого нового, доселе небывалого? Что делает его столь важным и заставляет их поклясться друг другу в сохранении тайны? Что в этом проекте такого опасного, что вынуждает их прятать его, словно отравленное оружие?

Ответ на этот вопрос поначалу разочаровывает. Ибо новый проект не что иное, как та самая мысль, с которой Магеллан некогда возвратился из Индии и которую в нем разжигал Серрано: мысль достичь богатейших «Островов пряностей», плывя не в восточном направлении, вокруг Африки, как это делают португальцы, а с запада, то есть огибая Америку. На первый взгляд в этом нет ничего нового. Еще Колумб, как известно, отправился в плавание не для того, чтобы открыть Америку, о существовании которой тогда еще не подозревали, а стремясь достичь Индии. И когда весь мир уже понял, что Колумб находится в заблуждении (сам он так и не осознал этого и всю жизнь был убежден, что высадился в одной из провинций китайского богдыхана), Испания из-за этого случайного открытия отнюдь не отказалась от поисков пути в Индию, ибо за первыми минутами радости последовало досадное разочарование.

Заявление пылкого фантаста Колумба, что на Сан-Доминго и Эспаньоле золото пластами лежит под землей, оказалось враньем. Там не нашли ни золота, ни пряностей, ни даже «черной слоновой кости» – тщедушные индейцы не годились в невольники. Покуда Писарро еще не разграбил сокровищниц инков, покуда еще не была начата разработка Потосийских серебряных рудников, открытие Америки не представляло – в коммерческом отношении – никакой ценности, и алкавшие золота кастильцы были меньше заинтересованы в колонизации и покорении Америки, чем в том, чтобы, обогнув ее, как можно скорее попасть в райские края драгоценных камней и пряностей. Согласно распоряжениям короля, непрерывно продолжались попытки обогнуть вновь открытую terra firma, чтобы прежде португальцев ворваться в подлинную сокровищницу Востока, на «Острова пряностей». Одна экспедиция следовала за другой.

Но вскоре испанцам при поисках пути в вожделенную Индию довелось пережить то же разочарование, что и некогда португальцам при первых попытках обогнуть Африку. Ибо и эта вновь открытая часть света, Америка, оказалась куда более обширной, чем можно было предположить вначале. Повсюду, на юге и на севере, где бы их суда ни пытались прорваться в

Индийский океан, они наталкивались на неодолимую преграду – земную твердь. Повсюду, как широкое бревно поперек дороги, лежит перед ними этот протяженный материк – Америка. Прославленные конквистадоры тщетно пытали счастья, силясь найти где-нибудь проход, пролив – paso, estrecho. Колумб в четвертое свое плавание поворачивает к западу, чтобы возвратиться через Индию, и наталкивается все на ту же преграду. Экспедиция, в которой участвует Веспуччи, столь же тщетно обследует все побережье Южной Америки, con proposito di andare e scoprire un isola verso Oriente che si dice Melacha, – чтобы пробраться к «Островам пряностей», Молуккским островам. Кортес в четвертой своей «реляции» торжественно обещает императору Карлу искать проход у Панамы. Кортереал и Кабот направляют свои суда в глубь Ледовитого океана, чтобы открыть пролив на севере, а Хуан де Солис, думая обнаружить его на юге, поднимается далеко вверх по Ла-Плате.

Но тщетно! Везде, на севере, на юге, в полярных зонах и тропиках, все тот же незыблемый вал – земля и камни. Мало-помалу начинает исчезать всякая надежда проникнуть из Атлантического океана в тот, другой, некогда увиденный Нуньесом де Бальбоа с панамских высот. Уже космографы вычерчивают на картах Южную Америку сращенной с Южным полюсом, уже бесчисленные суда потерпели крушение во время этих бесплодных поисков, уже Испания примирилась с мыслью навеки остаться отрезанной от земель и морей богатейшего Индийского океана, ибо нигде, решительно нигде не находится вожделенный paso – со страстным упорством разыскиваемый пролив.

Тогда вдруг появляется из неизвестности этот неведомый, невзрачный капитан Магеллан и с пафосом полнейшей уверенности заявляет: «Между Атлантическим и Индийским океанами существует пролив. Я в этом уверен, я знаю его местонахождение. Дайте мне эскадру, я укажу вам его и, плывя с востока на запад, обогну весь земной шар».

Теперь-то мы и оказываемся перед лицом той самой тайны Магеллана, которая в продолжение веков занимает ученых и психологов. Сам по себе, как сказано, проект Магеллана отнюдь не отличался оригинальностью: собственно говоря, Магеллан стремился к тому же, что и Колумб, Веспуччи, Кортереал, Кортес и Кабот. Итак, нов не его проект, но та не допускающая возражений уверенность, с которой Магеллан утверждает существование западного пути в Индию. Ведь с самого начала он

не говорит скромно, как те, другие: «Я надеюсь где-нибудь найти paso – пролив». Нет, он с железной уверенностью заявляет: «Я найду paso. Ибо я, один я, знаю, что существует пролив между Атлантическим и Индийским океанами, и знаю, в каком месте его искать».

Но каким образом Магеллан – в этом-то и загадка – мог наперед знать, где расположен этот тщетно разыскиваемый всеми другими мореходами пролив? Сам он во время своих путешествий ни разу даже не приближался к берегам Америки, как и его товарищ Фалейру Если он с такой определенностью утверждает наличие пролива – значит, о его существовании и географическом положении он мог узнать только от кого-нибудь из своих предшественников, видевших этот пролив собственными глазами. Но раз другой мореплаватель видел его до Магеллана – тогда ситуация весьма щекотлива! Тогда Магеллан – совсем не прославленный герой, каким его увековечила история, а всего-навсего плагиатор, похититель чужой славы. Тогда Магелланов пролив так же несправедливо назван именем Магеллана, как Америка несправедливо названа именем не открывшего ее Америго Веспуччи.

Итак, тайна истории Магеллана, в сущности, исчерпывается одним вопросом: от кого и каким путем скромный португальский капитан получил столь надежные сведения о наличии пролива между океанами, что смог обязаться осуществить то, что до того времени считалось неосуществимым, а именно, кругосветное плавание? Первое упоминание о данных, на основании которых Магеллан твердо уверовал в успех своего дела, мы находим у Антонио Пигафетты, преданнейшего его спутника и биографа, который сообщает следующее: даже когда вход в этот пролив уже был у них перед глазами, никто во всей флотилии не верил в существование подобного соединяющего океаны пути. Только уверенность самого Магеллана невозможно было поколебать в ту минуту, ибо он, дескать, точно знал, что такой, никому не известный пролив существует, а знал он об этом благодаря начертанной знаменитым космографом Мартином Бехаймом карте, которую он в свое время разыскал в секретном архиве португальского короля. Это сообщение Пигафетты само по себе вполне заслуживает доверия, ибо мы знаем, что Мартин Бехайм действительно до самой своей смерти (1507 г.) был придворным картографом португальского короля, как знаем и то, что молчаливый искатель Магеллан сумел получить доступ в этот секретный архив.

Поиски разгадки становятся все более увлекательными: этот Мартин Бехайм лично не принимал участия ни в одной

заморской экспедиции и поразительную весть о существовании paso, в свою очередь, мог узнать только от других мореплавателей. Значит, и у него были предшественники. Тогда вопрос усложняется. Кто же были эти предшественники, эти безвестные мореходы? Кому же, наконец, принадлежит честь открытия? Возможно ли, чтобы какие-то португальские суда еще до изготовления этих карт и глобусов достигли таинственного пролива, соединяющего Атлантический океан с Тихим? И что же? Неопровержимые документы подтверждают, что действительно в начале века несколько португальских экспедиций (одну из них сопровождал Веспуччи) обследовали побережье Бразилии, а быть может, даже и Аргентины. Только они и могли увидеть paso.

Однако этого мало – возникает новый вопрос: как далеко проникли эти таинственные экспедиции? Вправду ли спустились они до самого прохода, до Магелланова пролива? Мнение, что другие мореплаватели, до Магеллана, уже знали о существовании paso, долгое время основывалось лишь на упомянутом сообщении Пигафетты да еще на сохранившемся и поныне глобусе Иоганна Шенера, на котором – как это ни удивительно – уже в 1515 году, следовательно, задолго до отплытия Магеллана, ясно обозначен пролив на юге (правда, совершенно не там, где он находится в действительности).

Но все это не помогает нам уяснить, от кого же получили эти сведения Бехайм и немецкий ученый, ибо в ту эпоху великих открытий каждая нация, из коммерческой ревности, неусыпно следила, чтобы результаты экспедиции сохранялись в тайне. Лаговые записи кормчих, судовые журналы капитанов, карты и портуланы немедленно сдавались в ЛиссабонскуюTesoraria. КорольМануэлуказом от 13 ноября 1504 года под страхом смертной казни запретил «сообщать какие-либо сведения о судоходстве по ту сторону реки Конго, дабы чужестранцы не могли извлечь выгоды из открытий, сделанных Португалией». Когда вопрос о приоритете, ввиду совершенной его праздности, уже как будто заглох, неожиданная находка более позднего времени пролила свет на то, кому именно Бехайм и Шенер, а в конечном счете и Магеллан обязаны своими географическими сведениями.

Эта находка представляла собой напечатанную на прескверной бумаге немецкую листовку, озаглавленную: «Copia der Newen Zeytung aus Bresillg Landt» («Копия новых вестей из Бразильской земли»); эта листовка оказалась донесением, посланным из Португалии в начале шестнадцатого века крупнейшему торговому дому Вельзеров в Аугсбурге одним из его португальских представителей; в нем на отвратительнейшем

немецком языке сообщается, что некое португальское судно на приблизительно сороковом градусе южной широты открыло и обогнуло некий cabo, то есть мыс, «подобный мысу Доброй Надежды», и что за этим cabo по направлению с востока на запад расположен широкий пролив, напоминающий Гибралтар; он тянется от одного моря до другого, так что нет ничего легче, как этим путем достичь Молуккских островов – «Островов пряностей». Итак, это донесение определенно утверждает, что Атлантический и Тихий океаны соединены между собой, quod erat demonstrandum[192].

Тем самым загадка, казалось, была наконец решена, и Магеллан окончательно изобличен в плагиате, в присвоении открытия, сделанного до него. Ведь, бесспорно, Магеллан был осведомлен о результатах той португальской экспедиции не хуже, чем неизвестный представитель немецких судовладельцев и проживающий в Лиссабоне аугсбургский географ; а в таком случае вся его заслуга перед мировой историей сводится к тому, что он, благодаря своей энергии, сумел тщательно охраняемую тайну сделать доступной всему человечеству. Итак, ловкость, стремительность, беззастенчивое использование чужих достижений – вот, видимо, и вся тайна Магеллана.

Но, как ни удивительно, возникает еще один, последний вопрос. Ведь теперь нам известно то, что не было известно Магеллану: участники той португальской экспедиции в действительности не достигли Магелланова пролива, их сообщения, которым доверился Магеллан, так же как Мартин Бехайм и Иоганн Шенер, на самом деле основывались на недоразумении, на легко понятной ошибке. Что именно (здесь мы доходим до самой сути проблемы) видели те мореплаватели на сороковом градусе южной широты? Что, собственно, сообщает нам «Newe Zeytung»? Только то, что эти мореплаватели открыли морской залив, по которому они плыли двое суток, не видя ему конца, и что, прежде чем они достигли его предела, буря прогнала их назад. Следовательно, то, что они видели, было началом некоего водного пути, который они сочли, но сочли напрасно, тем проливом, что соединяет два океана. Ведь настоящий пролив расположен – это известно со времен Магеллана – на пятьдесят втором градусе южной широты. Что же видели эти безвестные мореплаватели под сороковым градусом?

Здесь существует достаточно обоснованное предположение, ибо тому, кто впервые собственными глазами изумленно созерцал необъятный, широкий, как море, простор Ла-Плата при впадении ее в океан, – только тому понятно, что не случайным, а подлинно неизбежным заблуждением было счесть это исполинское речное

устье заливом, морем. Разве не более чем естественно, что мореходы, никогда не встречавшие в Европе столь гигантского водного потока, увидев эту необозримую ширь, преждевременно возликовали, решив, что это-де и есть вожделенный пролив, соединяющий два океана? Лучшим доказательством, что кормчие, на которых ссылается «Newe Zeytung», приняли исполинскую реку за пролив, служат упомянутые нами карты, начертанные в соответствии с их сообщениями. Ведь если бы они, эти безвестные кормчие, пробравшись дальше на юг, нашли кроме реки Ла-Плата и Магелланов пролив – то есть настоящий paso, они должны были бы на своих портуланах, а Шенер – на своем глобусе обозначить также и Ла-Плата, этого гиганта среди водных потоков земного шара. Однако на глобусе Шенера, как и на других известных нам картах, Ла-Плата не обозначена, а на ее месте, как раз под тем же градусом широты, нанесен мифический пролив – paso.

Тем самым вопрос выяснен до конца. Осведомители «Newe Zeytung» чистосердечно заблуждались. Они стали жертвами очевидной и понятной ошибки, да и Магеллан поступил не менее честно, утверждая, что у него имеются достоверные данные о существовании некоего paso. Когда он, руководствуясь этими картами и сообщениями, создавал свой грандиозный проект кругосветного плавания, он попросту был введен в обман самообманом других. Заблуждение, в которое он честно уверовал, – вот что в конечном счете составляло тайну Магеллана.

Но не надо презирать заблуждений! Из безрассуднейшего заблуждения, если гений коснется его, если случай будет руководить им, может произрасти величайшая истина. Сотнями, тысячами насчитываются во всех областях знания великие открытия, возникшие из ложных гипотез. Никогда Колумб не отважился бы выйти в океан, не будь на свете карты Тосканелли, до абсурда неверно определявшей объем земного шара и обманчиво сулившей ему, что он в кратчайший срок достигнет восточного побережья Индии. Никогда Магеллан не сумел бы уговорить монарха предоставить ему флотилию, если бы не верил с таким безрассудным упрямством ошибочной карте Бехайма и фантастическим сообщениям португальских кормчих. Только веря, что он обладает знанием тайны, Магеллан мог разгадать величайшую географическую тайну своего времени. Только всем сердцем отдавшись заблуждению, он открыл истину.

Идея Магеллана осуществляется

20 октября 1517 г. – 22 марта 1518 г.

Теперь Магеллан стоит перед ответственным решением. У него есть план, равного которому по смелости не вынашивает в сердце ни один моряк его времени, и вдобавок у него есть уверенность – или ему кажется, что она есть, – что благодаря имеющимся у него особым сведениям этот план неминуемо приведет его к цели. Но как осуществить столь дорогостоящее и опасное предприятие? Монарх его родной страны от него отвернулся; на поддержку знакомых португальских судовладельцев вряд ли можно рассчитывать: они не осмелятся доверить свои суда человеку, впавшему в немилость двора. Итак, остается один путь: обратиться к Испании. Там, и только там, может Магеллан рассчитывать на поддержку, только при том дворе его личность может иметь некоторый вес, ибо он не только привезет с собой драгоценные сведения из Лиссабонской Tesoraria, но и представит Испании – что не менее важно для задуманного им дела – доказательства моральной правоты ее претензий. Его компаньон Фалейру вычислил (так же неправильно, как неправильно был информирован Магеллан), что «Острова пряностей» находятся не в пределах португальского владычества, а в области, отведенной папой Испании, и посему являются собственностью испанской, а не португальской короны.

Богатейшие в мире острова и кратчайший путь к ним предлагает безвестный португальский капитан в дар императору Карлу V. Вот почему скорее, чем где-либо, он может рассчитывать на успех при испанском дворе. Там, и только там, может он осуществить великое предприятие, замысел всей своей жизни, хоть и знает, что жестоко за это расплатится. Ибо, если Магеллан теперь обратится к Испании, ему придется, как собственную кожу, содрать с себя благородное португальское имя Магальяйнш. Португальский король немедленно ввергнет его в опалу, и он веками будет слыть среди своих соотечественников изменником – traidor, перебежчиком – transfuga; и в самом деле, добровольный отказ Магеллана от португальского подданства и его продиктованный отчаянием переход на службу другой державе несравнимы с поведением Колумба, Кабота, Кадамосты или Веспуччи, также водивших флотилии чужих монархов в заморские экспедиции. Ведь Магеллан не только покидает родину, но – умолчать об этом нельзя – наносит ей ущерб, передавая в руки злейшему сопернику своего короля «Острова пряностей», уже занятые его соотечественниками.

Он поступает не только смело – поступает непатриотично, сообщая другому государству морские тайны, овладеть которыми ему удалось лишь благодаря доступу в Лиссабонскую Tesoraria. В переводе на современный язык это означает, что Магеллан,

португальский дворянин и бывший капитан португальского флота, совершил преступление не менее тяжкое, нежели офицер нашего времени, передавший мобилизационные планы и секретные карты генерального штаба соседнему враждебному государству. И единственное обстоятельство, которое придает его неприглядному поведению известный оттенок величия, заключается в том, что он перешел границу не трусливо и опасливо, как контрабандист, а предался противнику с поднятым забралом, зная о всех ожидающих его поношениях.

Но творческая личность подчиняется иному, более высокому закону, чем закон простого долга. Для того, кто призван совершить великое деяние, осуществить открытие или подвиг, двигающий вперед все человечество, для того подлинной родиной является уже не его отечество, а его деяние. Он ощущает себя ответственным в конечном счете только перед одной инстанцией – перед той задачей, которую ему предназначено решить, и он скорее позволит себе презреть государственные и временные интересы, чем то внутреннее обязательство, которое возложили на него его особая судьба, особое дарование. Магеллан осознал свое призвание на середине жизненного пути после многих лет верного служения своему отечеству И так как его отечество отказало ему в возможности осуществления его замыслов, то он должен был сделать своим отечеством свою идею. Он решительно уничтожает свое преходящее имя и свою гражданскую честь, чтобы воскреснуть и раствориться в своей идее, в своем бессмертном подвиге.

Пора выжидания, терпения и обдумывания для Магеллана кончилась. Осенью 1517 года его дерзновенное решение претворяется в жизнь. Временно оставив в Португалии своего менее отважного партнера – Фалейру Магеллан переходит Рубикон своей жизни – испанскую границу; 20 октября 1517 года вместе со своим невольником Энрике, уже долгие годы сопровождающим его как тень, он прибывает в Севилью. Правда, Севилья в этот момент не является резиденцией нового короля Испании, Карлоса1, в качестве властелина Старого и Нового Света именуемого нами Карлом V. Восемнадцатилетний монарх только что прибыл из Фландрии в Сантандер и находится на пути в Вальядолид, где с середины ноября намерен обосновать свой двор.

И все же время ожидания Магеллану нигде не провести лучше, чем в Севилье, ибо эта гавань – порог в Новую Индию; большинство кораблей отправляется на запад от берегов

Гвадалквивира, и столь велик там наплыв купцов, капитанов, маклеров и агентов, что король приказывает учредить в Севилье особую торговую палату, знаменитую Casa de la Contratacion, которую также называют Индийской палатой, Domus indica, или Casa del Oceano. В ней хранятся все донесения, карты и записи купцов и мореходов («Habet rex in ea urbe ad oceana tantum negotia domum erectam ad quam euntes, redeuntesque visitores confluunt»[193]). Индийская палата являетсяодновременноитоварной биржей, и судовым агентством, правильнее всего было бы назвать ее управлением морской торговли, бюро справок и консультаций, где под контролем властей договариваются, с одной стороны, дельцы, финансирующие морские экспедиции, с другой – капитаны, желающие возглавить эти экспедиции. Так или иначе, но каждый, кто затевает новую экспедицию под испанским флагом, прежде всего должен обратиться в Casa de la Contratacion за разрешением или поддержкой.

О необычайной выдержке Магеллана, его гениальном умении молчать и выжидать лучше всего свидетельствует уже то, что он не торопится совершить этот неминуемый шаг; чуждый фантазерства, расплывчатого оптимизма, всегда все точно рассчитывающий, психолог и реалист, Магеллан заранее взвесил свои шансы и нашел их недостаточными. Он знает, что дверь в Casa de la Contratacion откроется перед ним, только когда другие руки нажмут за него скобу. Сам Магеллан – кому он здесь известен? То, что он семь лет плавал в восточных морях, что он сражался под началом Алмейды и Албукерке, не очень-то много значит в городе, таверны и кабаки которого кишат отставными aventurados и desperados[194], в городе, где еще живы капитаны, плававшие под командой Колумба, Кортереала и Кабота. Что он прибыл из Португалии, где король не пожелал пристроить его к делу, что он эмигрант, строго говоря, даже перебежчик, тоже не очень его рекомендует. Нет, в Casa de la Contratacion неизвестному, безымянному fuoroscito[195] не окажут доверия; поэтому Магеллан до поры до времени решает и вовсе не переступать ее порога.

Он достаточно опытен и знает, что в таких случаях необходимо. Прежде всего, как всякий, кто предлагает новый проект, он должен обзавестись связями и рекомендациями. Должен обеспечить себе поддержку людей влиятельных и имущих, прежде чем вступить в переговоры с теми, кто держит в своих руках власть и деньги.

Одним из этих необходимых знакомств предусмотрительный Магеллан, видимо, заручился еще в Португалии. Так или иначе

он встречает радушный прием в доме Дьего Барбосы, тоже некогда вышедшего из португальского подданства и уже в продолжение четырнадцати лет занимающего на испанской службе видную должность алькайда (начальника) арсенала. Уважаемое лицо в городе, кавалер ордена Сант-Яго, Барбоса является идеальным поручителем для пришельца. По некоторым сведениям, Барбоса и Магеллан были родственниками. Но теснее любого родства этих людей с первой же минуты сближает то обстоятельство, что Дьего Барбоса за много лет до Магеллана плавал в индийских морях. Сын его, Дуарте Барбоса, унаследовал от отца страсть к приключениям. Он тоже вдоль и поперек избороздил индийские, персидские и малайские воды и даже написал весьма ценимую в те времена книгу «O libro de Duarte Barbosa»[196]. Эти трое людей тотчас становятся друзьями. Ведь если и в наши дни между колониальными офицерами или солдатами, сражавшимися во время войны на одном участке фронта, устанавливается связь на всю жизнь, то насколько же теснее сплоченными должны были чувствовать себя два-три десятка ветеранов морской службы, чудом уцелевшие в этих убийственных плаваниях и смертельных опасностях! Барбоса гостеприимно предлагает Магеллану поселиться у него в доме. Проходит немного времени, и дочь Барбосы Барбара начинает благосклонно относиться к тридцатисемилетнему энергичному, серьезному Магеллану. Еще до конца года Магеллан назовет себя зятем алькайда и тем самым приобретет в Севилье положение и опору. Утратив права гражданства в Португалии, он вновь обрел их в Испании. Отныне он считается уже не безродным пришельцем, но vecino de Sevilla – жителем Севильи. Хорошо зарекомендовавший себя дружбой и предстоящим родством с Барбосой, обеспеченный приданым жены, которое составляет шестьсот тысяч мараведисов, он может теперь не задумываясь перешагнуть порог Casa de la Contratacion.

О переговорах, которые он там вел, о приеме, который был ему оказан, не сохранилось никаких достоверных сведений. Мы не знаем, в какой мере Магеллан, клятвенным обещанием связанный с Фалейру, раскрыл перед этой комиссией свои планы, и, вероятно, лишь ради грубой аналогии с Колумбом современники выдумали, что комиссия резко отклонила и даже высмеяла его предложение. Достоверно известно только то, что Casa de la Contratacion не захотела или не могла на собственный страх и риск отпустить средства на предприятие безвестного чужестранца. Профессионалы обычно с недоверием относятся ко всему из ряда вон выходящему. Вот почему и на этот раз одно из решающих событий в истории совершилось не при поддержке

авторитетных учреждений, а помимо них и вопреки им.

Индийская палата – эта важнейшая инстанция – не оказала Магеллану содействия. Даже первая из бесчисленных дверей, ведущих в аудиенц-зал короля, не раскрылась перед ним. Верно, то был мрачный день для Магеллана. Напрасен приезд сюда, напрасны рекомендации, напрасны предоставленные им выкладки, напрасны красноречие и горячность, вероятно, проявленные им вопреки внутреннему решению. Все доводы Магеллана не смогли заставить трех членов комиссии, трех профессионалов, с доверием отнестись к его проекту.

Но на войне зачастую, когда полководец уже считает себя побежденным, уже велит трубить отступление, уже готовится очистить поле битвы, вдруг появляется посланец и медоточивыми устами сообщает, что противник отошел, уступив поле брани, и тем самым признал себя побежденным. Тогда – мгновение, одно только мгновение, и чаша весов из темной бездны отчаяния взлетает к вершинам счастья.

Такую минуту впервые пережил Магеллан, неожиданно узнав, что на одного из трех членов комиссии, вместе с другим угрюмо и неодобрительно, как ему казалось, выслушавшего проект, последний произвел огромное впечатление и что Хуан де Аранда, фактор (правитель дел) Casa de la Contratacion, очень хотел бы частным образом подробнее узнать об этом чрезвычайно интересном и, по его мнению, перспективном плане, почему и просит Магеллана связаться с ним.

То, что восхищенному Магеллану кажется милостью провидения, на самом деле имеет весьма земную подоплеку. Хуану де Аранде, как и всем императорам и королям, полководцам и купцам его времени, нет никакого дела (сколь бы трогательно это ни изображалось в наших исторических книгах для юношества) до изучения земного шара, до счастья человечества. Не душевное благородство, не бескорыстное воодушевление делают из Аранды покровителя этого плана: как опытный делец, правитель Casa de la Contratacion просто-напросто почуял в предложении Магеллана выгоду. Чем-то, видимо, импонировал этому бывалому человеку безвестный португальский капитан: то ли ясностью доводов, то ли уверенной, исполненной достоинства осанкой, то ли, наконец, столь ощутимой внутренней убежденностью – так или иначе, но Аранда, быть может, разумом, быть может, одним только инстинктом угадал за величием замысла возможность великих барышей. То, что официально, в качестве королевского чиновника, он отклонил предложение Магеллана как нерентабельное, не помешало Аранде войти с ним в соглашение в

качестве частного лица, «от себя», как говорят на деловом жаргоне, взяться за финансирование его предприятия или, по крайней мере, заработать комиссионные на устройстве этого финансирования. Особо честным или корректным подобный образ действий – в качестве королевского чиновника отклонить проект, а в качестве частного лица из-под полы содействовать его осуществлению – вряд ли можно назвать, и, правда, Casa de la Contratacion впоследствии привлекла Хуана де Аранду к суду за финансовое участие в этом предприятии.

Магеллан, однако, поступил бы весьма глупо, если бы вздумал считаться с соображениями морального порядка. Сейчас ему нужно продвигать задуманное дело всеми средствами, без разбора – и в этом своем критическом положении он, вероятно, доверил Хуану де Аранде из своей и Руй Фалейру тайны больше, чем ему дозволяло их взаимное клятвенное обязательство. К великой радости Магеллана, Аранда полностью одобряет его план. Разумеется, прежде чем поддержать своими деньгами и влиянием это рискованное предприятие незнакомого ему человека, он делает то, что любой опытный коммерсант и в наши дни сделал бы на его месте: наводит в Португалии справки, насколько Магеллан и Фалейру заслуживают доверия.

Лицо, которому он посылает секретный запрос, не кто иной, как Христофор де Аро, в свое время финансировавший первые экспедиции на юг Бразилии и располагающий обширнейшими сведениями о всякого рода предприятиях и людях. Его отзыв – опять-таки счастливая случайность – оказывается весьма благоприятным: Магеллан – испытанный, сведущий моряк, Фалейру – выдающийся космограф. Таким образом, устранен последний камень преткновения. С этой минуты правитель Индийской палаты, чье мнение в вопросах мореплавания считается при дворе решающим, берется за устройство дел Магеллана, а тем самым и своих собственных. В первоначальное товарищество – Магеллан и Фалейру – входит третий участник; в эту триаду Магеллан в качестве основного капитала вкладывает свой практический опыт, Фалейру – теоретические познания, а Хуан де Аранда – свои связи.

С той минуты, как замысел Магеллана стал собственным делом Аранды, тот уже не упускает ни единой возможности. Без промедления пишет он пространное письмо кастильскому канцлеру, в котором излагает важность этого предприятия, и рекомендует Магеллана как человека, «способного оказать вашей светлости великие услуги». Далее он сносится с отдельными членами королевского совета и устраивает Магеллану аудиенцию. Более того, ретивый посредник не только изъявляет

готовность лично сопровождать Магеллана в Вальядолид, но ссужает его деньгами на расходы на поездку и пребывание там.

В мгновение ока ветер переменился. Действительность превзошла самые смелые надежды Магеллана. За один месяц он в Испании добился большего, чем у себя на родине за десять лет самоотверженной службы. И теперь, когда двери королевского дворца перед ним уже открылись, он пишет Фалейру, чтобы тот, недолго думая, спешил в Севилью: все идет как нельзя лучше.

С восторгом, казалось бы, должен приветствовать славный астролог беспримерный успех товарища, с благодарностью заключить его в объятия. Но в жизни Магеллана – в будущем это ритмическое чередование останется неизменным – не бывает погожего дня без грозы. Уже то, что вследствие успешной инициативы Магеллана он, Фалейру, оказывается оттесненным на второй план, видимо, озлобляет этого тяжелодума, желчного, впечатлительного человека. Негодование весьма мало сведущего в житейских делах звездочета достигает предела, когда он узнает, что Аранда берется ввести Магеллана во дворец не из одного человеколюбия, но выговорив себе участие в ожидаемых прибылях.

Происходят бурные сцены: Фалейру обвиняет Магеллана в том, что тот нарушил данное им слово и помимо его, Фалейру, согласия выдал тайну третьему лицу. В порыве истерической злобы он отказывается предпринять вместе с Арандой поездку в Вальядолид, хотя последний и берет на себя все расходы.

Из-за нелепого упорства Фалейру предприятию грозит серьезная опасность, как вдруг Аранда получает радостную весть из Вальядолида: король согласен дать аудиенцию. Начинаются ожесточенные торги и переговоры из-за комиссионного вознаграждения, и только в последнюю минуту, у самых ворот Вальядолида, три партнера приходят наконец к соглашению. Шкуру медведя честно делят еще до начала охоты. Аранде за его посредничество предоставляется восьмая часть будущих прибылей (из которых Аранда, так же как Магеллан и Фалейру, никогда ни гроша не увидит), и это отнюдь не слишком высокая плата за услуги умного, энергичного человека. Он знает, как обстоят дела, и умеет за них приняться. Прежде, чем короля, еще неопытного в пользовании своей огромной властью, нужно привлечь на свою сторону королевский совет.

А дела в совете поначалу складываются скверно для проекта Магеллана. Трое из четырех его членов – кардинал Адриан Утрехтский, друг Эразма и будущий папа, королевский воспитатель престарелый Гийом де Круа и канцлер Соваж – нидерландцы; их взоры устремлены прежде всего на Германию,

где испанскому королю Карлосу в ближайшем будущем предстоит получить императорскую корону, благодаря чему Габсбурги сделаются властителями всего мира. Эти феодальные аристократы и книголюбы-гуманисты мало заинтересованы в проекте заморских поисков, возможные выгоды которого пошли бы на пользу одной Испании. А единственным испанцем в королевском совете и в то же время единственным из его членов, в качестве попечителя Casa de la Contratacion, безусловно, сведущим в вопросах мореплавания, по роковому стечению обстоятельств оказывается не кто иной, как прославленный или, вернее, пресловутый, кардинал Фонсека, епископ Бургосский.

Право же, Магеллан должен был порядком испугаться, когда Аранда впервые назвал ему это имя, ибо всякий моряк знал, что у Колумба в продолжение всей его жизни не было врага более заклятого, чем этот практичный и меркантильный кардинал, с глубоким недоверием противоборствующий каждому фантастическому плану. Но Магеллану нечего терять – он может только выиграть. С исполненным решимости сердцем и высоко поднятой головой является он на заседание королевского совета отстаивать свой замысел и добиваться того, в чем он видит свое предназначение.

О том, что произошло на знаменательном заседании совета, у нас имеются разноречивые и в силу своей разноречивости ненадежные сведения. Несомненно только одно: в осанке этого мускулистого загорелого человека и в его речах было нечто, с первой же минуты производившее впечатление. Королевским советникам тотчас становится ясно: этот португальский капитан – не из числа пустомель и фантазеров, со времени успеха Колумба во множестве обивающих пороги дворца. Этот человек действительно глубже других проник на восток, и, когда он рассказывает об «Островах пряностей», о их географическом положении, их климатических условиях и несметных богатствах, его сведения благодаря знакомству с Вартемой и дружбе с Серрано оказываются достоверней, чем данные всех испанских архивов.

Но Магеллан еще не пустил в ход главных козырей. Кивком головы подзывает он своего раба Энрике, вывезенного с Малакки. С нескрываемым изумлением смотрят королевские советники на тонкокостного стройного малайца: человека этой расы они доселе не видели. Рассказывают, что Магеллан привел с собой еще и рабыню, уроженку острова Суматры, – она говорит и щебечет на непонятном языке так, что кажется, будто в королевский аудиенц-

зал залетел многоцветный колибри. Под конец в качестве наиболее веского довода Магеллан зачитывает письмо своего друга Франсишку Серрано, ныне великого визиря Тернате, в котором тот пишет: «Здесь новый мир, обширнее и богаче того, что был открыт Васко да Гама».

Только теперь, пробудив интерес высоких господ, Магеллан переходит к своим выводам и требованиям. Как он уже говорил, «Острова пряностей», богатства которых не поддаются исчислению, расположены так далеко на восток от Индии, что пытаться достичь их с востока, как это делают португальцы, сперва огибая Африку, затем весь Индийский залив, а потом еще и Зондское море, – значит делать ненужный крюк. Гораздо вернее плыть с запада, к тому же этот путь предуказан испанцам и его святейшеством папой. Правда, поперек него, словно исполинское бревно, лежит вновь открытый континент – Америка, который будто бы, как ошибочно считают, нельзя обогнуть с юга. Но у него, Магеллана, имеются точные сведения, что там расположен проход – paso, estrecho, и он обязуется эту открытую ему и Руй Фалейру тайну использовать в интересах испанского правительства, если оно предоставит ему флотилию. Только двигаясь по этому предложенному им пути, Испания сможет опередить португальцев, уже нетерпеливо протягивающих руки к этой сокровищнице мира, и тогда – низкий поклон в сторону тщедушного, бледного юноши с выпяченной «габсбургской» губой – его величество король, уже теперь один из могущественнейших монархов своего времени, станет еще и богатейшим властителем на земле.

Но, быть может, вставляет Магеллан, его величеству покажется непозволительным отправить экспедицию на Молуккские острова и тем самым вторгнуться в сферу, которую его святейшество папа при разделе земного шара отвел португальцам? Эти опасения напрасны. Благодаря своему точному знанию местонахождения островов, а также и математическим расчетам Руй Фалейру он, Магеллан, может наглядно доказать, что «Острова пряностей» расположены в зоне, которую его святейшество папа предоставил Испании; поэтому неразумно, если Испания, невзирая на свое преимущественное право, будет медлить, дожидаясь, покуда португальцы утвердятся в этой области испанских королевских владений.

Магеллан умолкает. Теперь, когда доклад из практического становится теоретическим, когда нужно посредством карт и меридианов доказать, что Islas de la especeria являются владениями испанской короны, Магеллан отходит в сторону и предоставляет своему партнеру Руй Фалейру космографическое

аргументирование. Руй Фалейру приносит большой глобус; из его доказательств явствует, что «Острова пряностей» расположены в другом полушарии, по ту сторону папской линии раздела, и, следовательно, в сфере владычества Испании; и тут же Фалейру пальцем вычерчивает путь, предлагаемый им и Магелланом.

Правда, впоследствии все сделанные Фалейру вычисления долгот и широт окажутся фантастическими: этот кабинетный географ не имеет и приблизительного представления о ширине еще не открытого и не пересеченного кораблями Тихого океана. Двадцать лет спустя установят к тому же, что все его выводы неверны и «Острова пряностей» все-таки расположены в сфере владычества Португалии, а не Испании. Все, что, оживленно жестикулируя, рассказывает взволнованный астроном, окажется совершенно ошибочным. Но ведь люди всех званий охотно верят тому, что сулит им выгоду. А так как высокоученый космограф утверждает, что «Острова пряностей» принадлежат Испании, то советникам испанского короля отнюдь не пристало опровергать его приятные выводы. Правда, когда потом некоторые из них из любопытства пожелают увидеть на глобусе место, где расположен вожделенный проход через Америку, будущий Магелланов пролив, то окажется, что он нигде не обозначен, и Фалейру заявит, что умышленно не отметил его, дабы великая тайна до последней минуты не была разгадана.

Император и его советники выслушали доклад, может быть, равнодушно, а может быть, уже с интересом. Но тут произошло самое неожиданное. Не гуманисты, не ученые воодушевляются этим проектом кругосветного плавания, которое должно будет окончательно определить размеры Земли и доказать негодность всех существующих атласов, но именно скептик Фонсека, епископ Бургосский, столь страшный для всех мореплавателей, высказывается за Магеллана. Возможно, что в душе он сознает свою вину перед мировой историей – преследование Колумба – и не хочет вторично прослыть врагом любой смелой мысли; возможно, что его убедили долгие частные беседы, которыми он удостоил Магеллана; во всяком случае, благодаря его выступлению вопрос решается положительно. В принципе проект одобрен, и Магеллан, как и Фалейру, получает официальное предложение в письменной форме представить совету его королевского величества свои требования и пожелания.

Этой аудиенцией, в сущности, все уже достигнуто. Но «имущему да воздастся», и кто однажды приманил к себе счастье, за тем оно следует по пятам. Эти несколько недель принесли Магеллану больше, нежели долгие предшествующие годы. Он нашел жену, которая его любит, друзей, которые его

поддерживают, покровителей, сделавших его замысел как бы своим собственным, короля, который ему доверяет; теперь в разгар игры к нему приходит еще один решающий козырь.

В Севилью неожиданно является знаменитый судовладелец Христофор де Аро (богатый фламандский коммерсант, работающий в постоянном контакте с крупным интернациональным капиталом того времени – с Вельзерами, Фуггерами, венецианцами), за свой счет снарядивший уже немало экспедиций. До той поры главная контора Аро находилась в Лиссабоне. Но король Мануэл сумел и его озлобить своей скаредностью и неблагодарностью, поэтому все, что может досадить королю Мануэлу, ему как нельзя более на руку Де Аро знает Магеллана, доверяет ему; вдобавок он считает, что и с коммерческой точки зрения предприятие сулит немалую прибыль, и поэтому обязуется, в случае если испанский двор и Casa de la Contratacion откажутся сами вложить необходимые деньги, снарядить в компании с другими коммерсантами нужную Магеллану флотилию.

Благодаря этому неожиданному предложению шансы Магеллана удваиваются. Стучась в дверь Casa de la Contratacion, он был просителем, ходатайствующим о предоставлении ему флотилии, и даже после аудиенции там еще пытаются оспаривать его претензии, настаивать на снижении требований. Но теперь, с обязательством де Аро в кармане, он может выступать как капиталист, как человек, диктующий свои условия. Если двор не желает рисковать, на его планах это не отразится – вправе гордо заявить Магеллан, ибо в деньгах он больше не нуждается и ходатайствует только о чести плыть под испанским флагом, за что и готов великодушно отчислить в пользу испанской короны пятую часть прибылей.

Это новое предложение, избавляющее испанский двор от всякого риска, настолько выгодно, что королевский совет весьма парадоксально, или, вернее, руководствуясь довольно здравыми соображениями, его отклоняет. Ведь если, прикидывает совет, столь прожженный делец, как Христофор де Аро, намерен вложить в это предприятие деньги, значит, оно чрезвычайно доходно. Не лучше ли поэтому финансировать его из королевской казны и таким образом обеспечить себе наибольшую прибыль, а вдобавок и славу.

После недолгого торга все требования Магеллана и Руй Фалейру удовлетворяются, и дело с быстротой, отнюдь не свойственной работе испанских государственных канцелярий, проходит все инстанции. 22 марта 1518 года Карл V от имени своей (безумной) матери Хуаны подписывает, а затем и скрепляет

собственноручной пышной подписью «Yo el Rey»[197] «Капитуляцию» – двусторонний договор с Магелланом и Руй Фалейру. «Ввиду того, – так начинается этот многословный документ, – что вы, Фернандо де Магелланес, рыцарь, уроженец Португальского королевства, и бакалавр Руй Фалейру, подданный того же королевства, намерены сослужить нам великую службу в пределах, в коих находится предоставленная нам часть океана, повелеваем мы, чтобы с этой целью с вами было заключено нижеследующее соглашение».

Далее идет ряд пунктов; согласно первому из них Магеллану и Фалейру предоставляется исключительное и преимущественное право открывать земли в этих неисследованных морях. «Вам, – дословно говорится витиеватым языком королевской канцелярии, – надлежит действовать успешно,дабы открыть ту часть океана, коя заключена в отведенных нам пределах, а так как было бы несправедливо, ежели бы, в то время как вы туда направляетесь, другие бы вам причиняли убытки, тем же самым делом занимаясь, тогда как вы взяли на себя бремя этого предприятия, – я, по милости и воле своей, повелеваю и обещаю, что на первые десять предстоящих лет мы никому не будем давать разрешения плыть по тому же пути с намерением совершать те открытия, кои вами были задуманы. А ежели кто-либо пожелает таковые плавания предпринять и станет на то наше соизволение испрашивать, то мы, прежде чем таковое соизволение даровать, намерены о том вас известить, дабы вы в продолжение того же времени, с тем же снаряжением и столькими же кораблями, как те другие, подобное открытие замыслившие, сами могли бы такое совершить».

В следующих, касающихся денежных вопросов параграфах Магеллану и Фалейру «во внимание к доброй их воле и оказанным ими услугам» обещается двадцатая часть всех доходов, какие будут извлечены из вновь открытых ими земель, а также, если им удастся найти более шести новых островов, право владения двумя из них. Кроме того, как и в договоре, заключенном с Колумбом, им обоим, а также их сыновьям и наследникам жалуется титул adelantado – наместника всех этих земель и островов.

То, что экспедицию для наблюдения над денежными расчетами будут сопровождать королевский контролер, veedor, казначей, tesorero, и счетовод, contador, отнюдь не ограничивает свободы действий обоих капитанов. Далее, король обязуется снарядить пять судов условленного тоннажа и на два года обеспечить их командой, продовольствием и артиллерией; этот документ всемирно-исторического значения заканчивается

торжественными словами: «И касательно всего этого я обещаю и ручаюсь своей честью и королевским своим словом, что мною приказано будет все и каждую статью соблюдать в точности, как они здесь изложены, и с этой целью я повелел, чтобы означенная капитуляция была составлена и моим именем подписана».

Но это еще не все. Издается еще особое постановление, предписывающее всем правительственным учреждениям и чиновникам Испании, от высших до низших, отныне и впредь, en todo y por todo, para ahora é para siempre, ознакомиться с этим договором, дабы оказывать Магеллану и Фалейру содействие во всех делах вообще и в каждом деле в частности, причем приказ об этом надлежит сообщить «…al ilustrìsimo Infante de Fernando, y à los Infantes, Prelados, Duques, Condes Margueses, Ricohomes, Maestres de las Ordenes, Comendadores y Subcomendadores… Alcaldes, Alguaciles de la nuestra Casa y Corte y Chancillerias, y a todos los Concejos, y Gobernadores, Corregidores y Asistentes, Alcaldes, Alguaciles, Meriones, Prebostes, Regidores y otras cualesquier jusficias y oficiales de todas las ciudades, villas y lugares de los nuestros Reinos y Senorìos», то есть «…светлейшему инфанту дону Фернандо и инфантам, прелатам, герцогам, графам, маркизам, вельможам, магистрам орденов, командорам и вице-командорам, алькайдам, альгвасилам нашего света и двора и канцелярий и всем советникам, губернаторам, коррехидорам и заседателям, алькайдам, альгвасилам, старшинам, начальникам стражи, рехидорам и прочим лицам, состоящим в судебных и гражданских должностях во всех городах, селениях и местностях наших королевств и владений», то есть всем сословиям, и учреждениям, и отдельным лицам, от наследника престола и до последнего солдата, это постановление черным по белому возвещает, что с данной минуты, в сущности, все испанское государство поставлено на службу двум безвестным португальским эмигрантам.

На большее Магеллан даже в самых смелых своих мечтах не мог надеяться. Но происходит нечто еще более чудесное и знаменательное. Карл V, в юношеские свои годы обычно медлительный и сдержанный, выказывает себя наиболее рьяным и пылким поборником этого плавания новых аргонавтов. По-видимому, в исполненном достоинства поведении Магеллана или в смелости самого предприятия было что-то необычайно разжегшее юного монарха, ибо он больше всех торопит снаряжение и отправку экспедиции. Еженедельно запрашивает он о ходе работ, и, где бы ни обнаружилось противодействие,

Магеллану стоит только обратиться к нему, и королевская грамота тотчас сокрушает любое препятствие; едва ли не единственный раз за все свое долгое царствование этот обычно нерешительный и поддающийся чужому влиянию монарх с неизменной преданностью служил великой идее.

Иметь своим помощником такого монарха, располагать силами целой страны – этот баснословный взлет должен казаться Магеллану чудом. За одну ночь он, безродный нищий, отверженный и презираемый, сделался адмиралом, кавалером ордена Сант-Яго, наместником всех островов и земель, которые будут им открыты, господином над жизнью и смертью, повелителем целой армады, и прежде всего, наконец и впервые, – господином своих поступков.

Воля одного против тысячи препятствий

22 марта 1518 г. – 10 августа 1519 г.

Когда речь идет о великих достижениях, то, упрощая наблюдение, мир охотнее всего останавливается на драматических, ярких моментах из жизни своих героев: Цезарь, переходящий Рубикон, Наполеон на Аркольском мосту. Но зато в тени остаются не менее значительные творческие годы подготовки вошедшего в историю подвига, духовное, долготерпеливое, постепенное созидание. Так и в случае с Магелланом для художника, поэта соблазнительно, конечно, изобразить его в момент триумфа плывущим по открытому им водному пути. На деле же его необычайная энергия всего разительнее проявилась в то время, когда еще нужно было добиваться флотилии, создавать ее и вопреки тысяче противодействий ее снаряжать.

Бывший sobresaliente, неизвестный солдат, оказывается поставленным перед геркулесовой задачей, ибо этому человеку, еще неопытному в вопросах организации, предстоит выполнить нечто совершенно новое и беспримерное – снарядить флотилию из пяти судов в еще небывалое плавание, для которого непригодны все прежние представления и масштабы. Никто не может помочь Магеллану советом в его начинаниях, ибо никому не ведомы эти не исхоженные еще земли, не изборожденные моря, в которые он решается проникнуть первым. Никто не может хотя бы приблизительно сказать ему, сколько времени продлится странствие вокруг еще не измеренного земного шара, в какие страны, в какие климатические пояса, к каким народам приведет его этот неведомый путь.

Итак, с учетом всех мыслимых возможностей – полярной

стужи и тропического зноя, ураганов и штилей, войны и торговли – на год, а может быть, на два, на три года должна быть снаряжена флотилия; и все эти с трудом поддающиеся учету нужды должен установить он один, во что бы то ни стало добиться их удовлетворения, преодолевая самые неожиданные противодействия. И лишь теперь, когда этому человеку, прежде только вырабатывавшему свой план, открываются все трудности его выполнения, для всех становится очевидным внутреннее величие того, кто столь долго оставался в тени.

Тогда как его соперник по мировой славе, Колумб, этот «Дон Кихот морей», наивный, неопытный в житейских делах фантазер, предоставил все практические хлопоты по снаряжению экспедиции Пинсону и другим кормчим, Магеллан сам занимается всем; он – подобно Наполеону – настолько же смел в создании общего плана, насколько точен и педантичен в продумывании, в расчете каждой детали. И в нем гениальная фантазия сочетается с гениальной точностью; как Наполеону за много недель до его молниеносного перехода через Альпы приходилось заранее высчитывать, сколько фунтов пороху, сколько мешков овса должно быть заготовлено на такой-то день, на таком-то этапе наступления, – так и этот завоеватель вселенной, снаряжая флотилию, должен на два-три года вперед предусмотреть все необходимое и по возможности предотвратить все лишения.

Исполинская задача для одного человека – в подготовке такого сложного, необозримо огромного начинания преодолеть все бесчисленные препятствия, неизбежно возникающие при воплощении идеи в жизнь. Месяцы борьбы потребовались на одно только раздобывание кораблей. Правда, император дал слово принять все необходимые меры и приказал всем правительственным учреждениям оказывать Магеллану безусловное содействие. Но между приказом, даже императорским, и его выполнением остается немалый простор для всевозможных проволочек и задержек; чтобы подлинно творческое начинание было завершено, его должен осуществлять сам творец.

И действительно, подготавливая подвиг своей жизни, Магеллан не поручал другим ничего, даже самой ничтожной мелочи. Неустанно ведя переговоры с Индийской палатой, с правительственными учреждениями, с купцами, поставщиками, ремесленниками, он в сознании ответственности перед теми, кто вверит ему свою жизнь, вникает в каждую мелочь. Он сам принимает все товары, проверяет каждый счет, лично обследует все поступающее на борт – каждый канат, каждую доску, оружие и

продовольствие; от верхушки мачт до киля он каждое из пяти судов знает так же хорошо, как любой ноготь на собственной руке.

И так же как некогда люди, восстанавливавшие стены Иерусалима, работали с лопатой в одной и с мечом в другой руке, так и Магеллан, готовя свои суда к отплытию в неведомое, одновременно должен обороняться от злопыхательства и вражды тех, кто любой ценой стремится задержать экспедицию. Героическая борьба на три фронта: с внешними врагами, с врагами в самой Испании и с сопротивлением, которое косная земная материя неизменно оказывает любому начинанию, возвышающемуся над обычным уровнем. Но ведь только сумма преодоленных препятствий служит истинно правильным мерилом подвига и человека, его совершившего.

Первая атака против Магеллана исходит от Португалии. Разумеется, король Мануэл тотчас же узнал о заключении договора. Худшей вести ему не могли сообщить. Монополия торговли пряностями доставляет королевской казне двести тысяч дукатов в год, к тому же его флоту теперь удалось пробраться к подлинно золотоносной жиле – к Молуккским островам. Какое страшное бедствие, если испанцы в последнюю минуту с востока подойдут к этим островам и займут их! Опасность, грозящая королевской казне, слишком велика, чтобы король Мануэл не попытался любыми средствами воспрепятствовать роковой экспедиции. Поэтому он официально поручает своему послу при испанском дворе Алвару да Коште задушить зловредный замысел еще до его осуществления.

Алвару да Кошта энергично берется за дело с обоих концов сразу. Прежде всего он отправляется к Магеллану, пытаясь то кнутом, то пряником одновременно и соблазнить и запугать его. Неужели, дескать, Магеллан не сознает, какой грех он принимает на себя перед Богом и своим королем, служа чужому монарху? Неужели ему не известно, что законный его государь, дон Мануэл, намерен жениться на сестре Карла V Элеоноре и что, если королю Мануэлу именно теперь будет причинен ущерб, этот брак расстроится? Не поступит ли Магеллан разумнее, честнее, добропорядочнее, снова отдав себя в распоряжение законного своего государя, который, разумеется, в Лиссабоне щедро наградит его? Но Магеллан хорошо знает, как мало расположен к нему его законный государь, и, справедливо полагая, что по возвращении на родину его ожидает не туго набитый мешок золота, а меткий удар кинжала, с учтивым сожалением заявляет:

теперь уже поздно; он дал слово испанскому королю – и должен его сдержать.

Маленького человека Магеллана, ничтожную, но все же опасную пешку в разыгрываемой дипломатами шахматной партии, снять не удалось. Тогда Алвару да Кошта решается на дерзкий «шах королю». Об упорстве, с которым он докучал юному монарху, свидетельствует его собственноручное письмо к королю Мануэлу: «Что касается дела Фернана Магеллана, то одному Богу известно, сколько я хлопотал и какие прилагал старания. Я весьма решительно говорил об этом деле с королем… указывал ему, сколь это неблаговидный и предосудительный поступок, когда один король вопреки ясно выраженной воле другого дружественного короля принимает на службу его подданных. Просил я его также уразуметь, что не время сейчас уязвлять ваше величество, к тому же делом столь незначительным и ненадежным. Ведь у него достаточно собственных подданных и людей, дабы во всякое время возможно было делать открытия, не прибегая к услугам тех, кто недоволен вашим величеством. Представлял ему, как сильно ваше величество оскорбится, узнав, что эти люди просили дозволения вернуться на родину и не получили такового от испанского правительства. Наконец, я попросил ради его собственного и вашего величества блага выбрать одно из двух: либо дозволить этим людям вернуться на родину, либо на год отложить их экспедицию».

Восемнадцатилетний монарх, лишь недавно взошедший на престол, еще не очень опытен в дипломатических делах. Поэтому он не может полностью скрыть своего изумления перед наглой ложью Алвару, будто Магеллан и Фалейру жаждут вернуться на родину и только испанское правительство чинит им в этом препятствие. «Он был настолько ошеломлен, – сообщает да Кошта, – что меня самого это поразило».

Во втором предложении португальского посланника – на один год отложить экспедицию – он тоже сразу угадывает подвох. Ведь именно этот один год и нужен Португалии, чтобы на своих кораблях опередить испанцев. Холодно отклоняет молодой король предложения да Кошты: пусть лучше посол переговорит с кардиналом Адрианом Утрехтским. Кардинал, в свою очередь, отсылает посла к королевскому совету, совет – к епископу Бургосскому

Путем таких проволочек, сопровождаемый неизменными заверениями, что король Карл V и в помыслах не имеет причинять хотя бы малейшие затруднения своему «muy caro é muy amado tio é herman»[198] королю Мануэлу, дипломатический протест Португалии потихоньку кладется под сукно. Алвару да

Кошта ничего не добился, более того: ретивое вмешательство Португалии неожиданно пошло на пользу Магеллану. Странным образом в судьбе вчера еще безвестного идальго скрещиваются капризы двух великих властителей мира. Лишь в ту минуту, когда король Карл доверил Магеллану флотилию, бывший незначительный офицер португальской службы становится важной персоной в глазах короля Мануэла. И опять же – с минуты, когда король Мануэл любой ценой пожелает вернуть себе Магеллана, король Карл уже ни за что его не уступит. И теперь чем больше Испания будет стараться ускорить отплытие, тем ожесточеннее будет мешать ему Португалия.

Дальнейшая работа по тайному саботажу экспедиции в основном поручается Лиссабоном Себастьяну Алваришу португальскому консулу в Севилье. Этот чиновный шпион постоянно шныряет вокруг кораблей флотилии, записывает и подсчитывает все принимаемые на борт грузы; кроме того, он завязывает весьма дружеские отношения с испанскими капитанами и при случае с притворным негодованием спрашивает, правда ли, что кастильские дворяне вынуждены будут беспрекословно повиноваться двум безродным португальским искателям приключений?

А ведь национализм, как мы знаем по опыту, – струна, звучащая даже под самой неискусной рукой; вскоре уже все севильские моряки бранятся и негодуют. Как? Этим перебежчикам, не совершившим ни одного плавания под испанским флагом, за пустое бахвальство доверили флотилию, произвели их в адмиралы и кавалеры ордена Сант-Яго? Но Алваришу мало глухого перешептывания и ропота за капитанскими пирушками и в тавернах. Он стремится к настоящему восстанию, которое могло бы стоить Магеллану адмиральской должности, а может быть – тем лучше! – и жизни. И такого рода возмущение искусный провокатор инсценирует, надо отдать ему справедливость, с подлинным мастерством.

В любой гавани слоняется бесчисленное множество тунеядцев, не знающих, как убить время. И вот в солнечный октябрьский день – ведь нет ничего приятнее для лодыря, как смотреть на работу других, – толпа праздношатающихся собралась у «Тринидад», флагманского судна Магеллана, только что пришвартованного к набережной для конопачения и килевания. Заложив руки в карманы, а быть может, и неспешно перетирая зубами новое вест-индское зелье – табак, следят севильцы за тем, как корабельные мастера смолой и паклей тщательно законопачивают все щели. Вдруг кто-то из толпы указывает на грот-мачту «Тринидад» и возмущенно кричит: «Что

за наглость! У этого безродного бродяги Магеллана хватает бесстыдства здесь, в Севилье, в гавани королевского испанского флота, на испанском судне поднять португальский флаг! Разве может андалузец стерпеть такую обиду?»

В первую минуту зеваки, к которым обращена эта пылкая речь, не замечают, что ярый патриот, так страстно негодующий на обиду, нанесенную национальной чести, вовсе не испанец, что это португальский консул Себастьян Алвариш играет роль полицейского провокатора. На всякий случай они усердно вторят его выкрикам. Заслышав шум и гам, со всех сторон сбегаются другие зеваки. А затем уже достаточно кому-то предложить без долгих разговоров попросту сорвать иностранный флаг, и вся орава устремляется на корабль.

Магеллан, с трех часов утра наблюдающий за работой корабельных мастеров, поспешно разъясняет прибежавшему вместе с толпой алькайду, что здесь произошло недоразумение. Только по чистой случайности на грот-мачте не развевается испанский флаг: как раз сегодня его сняли, чтобы подновить. А тот, другой флаг, – отнюдь не португальский, а его собственный, адмиральский, который он обязан поднимать на флагманском судне. Учтиво разъяснив алькайду суть происшедшего недоразумения, Магеллан просит его убрать с борта всех этих бесчинствующих буянов.

Но разъярить толпу людей или даже целый народ всегда легче, чем угомонить. Толпа требует потехи, и алькайд становится на ее сторону. Прежде всего долой иностранный флаг, не то они сами распорядятся! Тщетно старается доктор Матьенсо, высшее должностное лицо Индийской палаты, водворить мир на борту. Алькайд тем временем раздобыл патриотическое подкрепление – коменданта гавани с внушительным отрядом полицейских. Комендант обвиняет Магеллана в оскорблении испанской короны и приказывает альгвасилам арестовать капитана, осмелившегося в испанской гавани поднять флаг португальского короля.

Теперь Матьенсо принимает энергичные меры. Он предостерегает коменданта: для королевского чиновника довольно-таки рискованное предприятие арестовать капитана, которого сам король облек высокими полномочиями, скрепив их печатью и собственноручным письмом. Разумнее будет ему не ввязываться в это дело. Но слишком поздно! Между экипажем Магеллана и портовым сбродом уже произошло столкновение. Мечи выхвачены из ножен, и только присутствие духа и невозмутимое спокойствие Магеллана предотвращают кровавое побоище, столь искусно подстроенное провокатором,

удовлетворенно посматривающим на дело своих рук.

Ладно, заявляет Магеллан. Он готов спустить флаг и даже очистить судно; пусть чернь обходится с королевским достоянием, как ей заблагорассудится, – ответственность за возможные убытки, конечно, падет на портовых чиновников. Теперь разгорячившемуся алькайду становится не по себе: оскорбленные в своей национальной чести молодцы расходятся с глухим ворчанием, чтобы уже через несколько дней отведать кнута, ибо Магеллан немедленно написал Карлу V, заявляя, что в его, Магеллана, лице нанесено оскорбление королевской власти, и Карл V, ни минуты не колеблясь, становится на сторону своего адмирала: портовые чиновники наказаны. Алвариш возликовал слишком рано, и работа беспрепятственно продолжается.

Железным спокойствием Магеллана посрамлена коварная вылазка. Но в таком сложном предприятии едва успеешь зачинить одну прореху, как уже обнаруживается другая. Каждый день приносит новые неприятности. Сначала Casa de la Contratacion оказывает пассивное сопротивление, и лишь после того как над самым ухом чиновников взрывается собственноручно подписанный императором указ, они перестают прикидываться глухими. Но затем, в самый разгар сборов, казначей вдруг заявляет, что касса Casa de la Contratacion пуста, и снова начинает казаться, что отсутствие денег до бесконечности затянет дело. Однако непреклонная воля Магеллана преодолевает и это препятствие: он уговаривает двор принять в долю ряд состоятельных горожан. Из восьми миллионов мараведисов – сумма, в которую должно обойтись снаряжение армады, – два миллиона немедленно доставляет консорциум, наспех организованный Христофором де Аро; в награду за эту услугу он получает право на тех же основаниях участвовать и в последующих экспедициях.

Только теперь, когда денежные дела улажены, можно по-настоящему приняться за подготовку кораблей к плаванию и за снабжение их всем необходимым. Не очень-то царственный вид имели эти согласно договору поставленные его величеством пять галионов, когда они впервые появились в Севильском порту. «Корабли, – злорадно доносил в Португалию шпион Алвариш, – ветхи и все в заплатах. Я бы не решился плыть на них даже до Канарских островов, ибо борта у них мягкие, как масло». Но Магеллану, испытанному в дальних плаваниях моряку, хорошо известно, что в пути старая кляча зачастую надежнее молодого коня и что добросовестный ремонт может даже самые

поношенные суда снова сделать годными; не теряя времени, покуда корабельные мастера день и ночь по его указаниям чинят и подправляют старые посудины, он приступает к набору опытных моряков для команды.

Но новые трудности уже притаились в тиши! Хотя глашатаи с барабанным боем уже прошли по улицам Севильи, хотя вербовщики добрались до Кадиса и Палоса, необходимых двухсот пятидесяти человек все же не удается собрать; видно, распространился слух, что с этой экспедицией не все обстоит благополучно: вербовщики не в состоянии ясно и определенно сказать, куда, в сущности, она направляется; то, что суда – небывалый еще случай! – забирают с собой на целых два года продовольствия, тоже внушает морякам немалые опасения. Вот почему оборванцы, которых в конце концов удается завербовать, мало походят на заправский экипаж; эта разношерстная ватага скорее напоминает воинов Фальстафа, в ней представлены все племена и народы: испанцы и негры, баски и португальцы, немцы, уроженцы Кипра и Корфу, англичане и итальянцы, но все настоящие desperados, согласные продать жизнь самому дьяволу и с одинаковой охотой (или неохотой) готовые плыть на север и на юг, на восток или на запад, были бы деньги да надежда на хорошую поживу.

Не успели сколотить команду, как уже возникает новое осложнение. Casa de la Contratacion возражает против произведенного Магелланом набора; ее чиновники находят, что он завербовал в королевскую испанскую армаду слишком много португальцев, и заявляют, что не станут выплачивать чужакам ни одного мараведиса. Но королевская грамота дает Магеллану неограниченное право вербовать людей по своему усмотрению (… Que la gente de mar que se tomase fuese a su contento como persona que de ella tenia mucha experiencia)[199], и он на этом праве настаивает; итак, снова письмо к королю, снова просьба о помощи. Но на сей раз Магеллан задел больное место. Якобы из нежелания оскорбить короля Мануэла, на деле же – из опасения, как бы Магеллан со своими португальцами не почувствовал себя слишком самостоятельным, Карл V разрешает оставить на всю флотилию не свыше пяти португальцев.

А тем временем уже возникают новые затруднения: то в срок не доставляются товары, экономии ради закупленные в других областях и даже в Германии, то вдруг один из капитанов-испанцев отказывается повиноваться адмиралу и в присутствии команды оскорбляет его, – опять приходится обращаться к королю, опять просить королевского бальзама для врачевания ран. Каждый день несет с собой новые дрязги, из-за всякой

мелочи завязывается нескончаемая переписка с соответствующими ведомствами и с королем. Указ следует за указом; десятки раз кажется, что вся армада потерпит крушение, не успев даже покинуть Севильскую гавань.

И снова неуклонной, настойчивой энергией Магеллан преодолевает все препятствия. Ретивый посол короля Мануэла вынужден с тревогой признать, что все его грязные происки, все его надежды расстроить экспедицию разбились о терпеливое, неизменно стойкое сопротивление Магеллана. Уже пять кораблей, заново оснащенных, забравших на борт почти весь груз, ожидают приказа выйти в море, уже, кажется, невозможно чем-нибудь повредить Магеллану.

Но в колчане Алвариша еще хранится последняя стрела, к тому же отравленная; туго и коварно натягивает он тетиву, чтобы поразить Магеллана в наиболее уязвимое место. «Полагая, что теперь пришло время, – доносит тайный агент своему доверителю, королю Мануэлу – высказать то, что Ваше величество мне поручило, я отправился к Магеллану на дом. Я нашел его занятым укладкой продовольствия и других вещей в ящики и короба. Из этого я заключил, что он окончательно утвердился в своем зловредном замысле, и, памятуя, что это последняя моя с ним беседа, еще раз напомнил ему, сколь часто я, как добрый португалец и его друг, пытался его удержать от той великой ошибки, которую он намерен совершить. Я доказывал, что лежащий перед ним путь таит не меньше страданий, чем колесо святой Екатерины, и что не в пример благоразумнее было бы ему возвратиться на родину, под сень Вашего благословения и милостей, на которые он смело может рассчитывать… Я убеждал его, наконец, уяснить себе, что все знатные кастильцы в этом городе отзываются о нем не иначе как о человеке низкого происхождения и дурного воспитания и что с тех пор, как он противопоставил себя стране Вашего величества, его повсюду презирают как предателя».

Но все эти угрозы не производят ни малейшего впечатления на Магеллана. То, что сейчас под личиной дружбы сообщает Алвариш, для него отнюдь не ново. Никто лучше его самого не знает, что Севилья, Испания враждебно к нему настроены, что кастильские капитаны со скрежетом зубовным подчиняются ему как адмиралу. Но пусть ненавидят его господа севильские алькайды, пусть брюзжат завистники и ропщут люди «голубой крови» – теперь, когда корабли готовы к отплытию, никто, никакой император, никакой король уже не остановит его, не помешает ему. Выйдя наконец в открытое море, он уже будет вне опасности. Там он властелин над жизнью и смертью, властелин

своей судьбы, там ему некому служить, кроме своей великой задачи.

Но Алвариш еще не разыграл последнего, заботливо приберегаемого козыря. Теперь он его выкладывает. В самый последний раз с лицемерной ласковостью говорит он, что хочет дать Магеллану «дружеский» совет: он «искренне» призывает его не доверять медоточивым речам кардинала и даже обещаниям испанского короля. Правда, король назначил его и Фалейру адмиралами и тем самым, казалось бы, вручил им неограниченную власть над флотилией. Но уверен ли Магеллан, что другим лицам не даны одновременно тайные инструкции, негласно ограничивающие его полномочия? Пусть он себя не обманывает, а главное – не поддается на обман других. Несмотря на грамоты и печати, его безраздельная власть построена на песке; чиновники, сопровождающие экспедицию – больше он не вправе открыть Магеллану, – снабжены всякого рода секретными инструкциями и постановлениями, «о которых Магеллан узнает, когда будет уже поздно для спасения чести».

«Поздно для спасения чести…» Магеллан невольно вздрагивает. Это движение несокрушимого человека, умеющего железной волей подавлять любое волнение, выдает, что стрела попала в самое уязвимое место, и стрелок с гордостью сообщает: «Он был чрезвычайно изумлен, что мне столь многое известно». Но созидатель всегда лучше других знает как скрытый изъян своего творения, так и степень его опасности: то, о чем намеками говорит Алвариш, давно известно Магеллану.

С некоторых пор он замечает известную двойственность в поведении испанского двора, и различные симптомы заставляют его опасаться, что с ним ведут не совсем честную игру. Разве император однажды уже не нарушил договора, запретив взять на борт свыше пяти португальцев? Неужто при дворе его и вправду считают тайным агентом Португалии? А эти навязанные ему люди – все эти veedores, contadores, tesoreros[200], – только ли они чиновники Счетной палаты? Не назначены ли они сюда, чтобы тайно следить за ним и в конце концов вырвать у него из рук командование?

Давно уже ощущает Магеллан на своей спине холодное дыхание ненависти и предательства; доля истины – нельзя не признать этого – заложена в вероломных инсинуациях хорошо осведомленного шпиона, и он, все так точно рассчитавший, оказывается безоружным перед лицом опасности. Подобное чувство испытывает человек, севший за карточный стол в компании незнакомцев и еще прежде, чем взяться за карты, встревоженный подозрением, что это сговорившиеся между собой

шулеры.

В эти часы Магеллан переживает столь незабываемо воссозданную Шекспиром трагедию Кориолана, из чувства оскорбленной чести ставшего перебежчиком. Подобно Магеллану, Кориолан – доблестный муж, патриот, долгие годы самоотверженно служивший родине, отвергнутый ею и в ответ на эту несправедливость предоставивший свои еще не исчерпанные силы в распоряжение противника. Но никогда, ни в Риме, ни в Севилье, перебежчика не спасают чистые побуждения. Словно тень, сопутствует ему подозрение: кто покинул одно знамя – может изменить и другому, кто отрекся от одного короля – способен предать и другого. Перебежчик гибнет, и победив и потерпев поражение; одинаково ненавистный победителям и побежденным, он всегда один против всех. Но трагедия неизменно начинается лишь тогда, когда ее герой постигает трагизм своего положения. Быть может, в эту секунду Магеллан впервые предощутил все грядущие бедствия.

Но быть героем – значит сражаться и против всесильной судьбы. Магеллан решительно отстраняет искусителя. Нет, он не вступит в соглашение с королем Мануэлем, даже если Испания плохо отблагодарит его за заслуги. Как честный человек, он останется верен и своему слову, и своим обязательствам, и королю Карлу. Раздосадованный Алвариш уходит ни с чем; поняв, что только смерть может сломить волю этого непреклонного человека, он заканчивает посылаемый в Лиссабон рапорт «благочестивым» пожеланием: «Да будет угодно Всевышнему, чтобы их плавание уподобилось плаванию братьев Кортереал», другими словами: пусть Магеллан и его флотилия так же бесследно исчезнут в неведомых морях, как отважные братья Кортереал, место и причина гибели которых навеки остались тайной. Если это «благочестивое» пожелание сбудется, если Магеллан действительно погибнет в пути, тогда «Вашему величеству не о чем будет больше тревожиться и Ваша мощь будет по-прежнему внушать зависть всем монархам мира». Стрела коварного шептуна не сразила Магеллана и не заставила отступиться от своей цели. Но яд ее, горький яд сомнения, будет отныне разъедать его душу. С этой минуты Магеллан знает или предполагает, что он и на своих собственных судах ежечасно окружен врагами. Но это тревожное чувство не только не ослабляет волиМагеллана, а, напротив, закаляет ее для нового решения. Кто чует близость бури, тот знает, что одно лишь может спасти корабль и команду: если капитан железной рукой держит руль, а главное – держит его один.

Космограф
Гравюра на дереве. XVI в.

Итак, прочь все, что препятствует его воле! Кулаками, локтями отталкивает он каждого, кто может стать ему поперек дороги. Именно теперь, почувствовав за своей спиной всех этих «контролеров» и «казначеев», Магеллан решает действовать с предельной самостоятельностью и беспощадностью. Он знает, что в решающую минуту только одна воля должна решать и руководить: недопустимо, чтобы командование флотилией и впредь было разделено между двумя capitán-generales – двумя адмиралами.

Один должен стоять над всеми, а если нужно – и против всех. Поэтому он уже не хочет обременять себя в столь опасном плавании таким взбалмошным равноправным начальником, как Руй Фалейру, – прежде чем суда выйдут из гавани, этот балласт должен быть сброшен за борт. Ведь астроном уже давно стал для Магеллана ненужной обузой. Ничем не помог ему теоретик в эти изнурительные, тяжкие месяцы. Не дело звездочета вербовать матросов, конопатить суда, заготовлять провизию, испытывать мушкеты и писать уставы; взять его с собой – значит навесить себе камень на шею; а у Магеллана должны быть развязаны руки, чтобы бороться, направо и налево отбиваться от опасностей, встающих перед ним, и от заговоров, составленных за его спиной.

Как удалось Магеллану, проявив здесь в полной мере свое дипломатическое мастерство, отделаться от Фалейру, мы не знаем. Говорят, что Фалейру сам составил свой гороскоп и, установив, что ему не вернуться живым из этого плавания, добровольно от него отступился. Со стороны – уход деликатно спроваженного Фалейру представляется чем-то вроде повышения: императорский указ назначает его единоначальным адмиралом второй флотилии (только на бумаге имеющей борта и паруса), взамен чего Фалейру уступает Магеллану свои карты и астрономические таблицы.

Таким образом, устранена последняя из бесчисленных трудностей, и предприятие Магеллана снова становится тем, чем оно было вначале: его мыслью, его кровным делом. На него одного падут теперь все тяготы и труды, ответственность и опасности, ему же достанется и высшая духовная радость творческой натуры: отвечая только перед самим собой, завершить им самим избранное дело своей жизни.

Отплытие

20 сентября 1519 г.

Девятого августа 1519 года, через год и пять месяцев после того, как Карл, будущий властелин Старого и Нового Света, подписал договор, все пять судов покидают наконец севильский рейд, чтобы отправиться вниз по течению к Сан-Лукар-де-Баррамеда, где Гвадалквивир впадает в открытое море; там произойдет последнее испытание флотилии и будут приняты на борт последние запасы продовольствия. Но, в сущности, прощание уже совершилось: в церкви Санта-Мария-де-ла-Виктория Магеллан в присутствии всего экипажа и благоговейно созерцавшей это зрелище толпы преклонил колена и, произнеся присягу, принял из рук коррехидора Санчо Мартинес де Дейва королевский штандарт. Быть может, в эту минуту ему вспомнилось, что и перед первым своим отплытием в Индию он так же преклонил колена в соборе и так же принял присягу. Но флаг, на верность которому он тогда присягал, был другой, португальский, и не за Карла Испанского, а за короля Португалии Мануэла поклялся он тогда пролить свою кровь. И с таким же благоговением, с каким некогда юный sobresaliente взирал на адмирала Алмейду, когда тот, развернув стяг, поднял его над головами коленопреклоненной толпы, смотрят сейчас двести шестьдесят пять человек экипажа на Магеллана – вершителя их судеб.

Здесь, в Сан-Лукарской гавани, против дворца герцога Медина-Сидониа, Магеллан проводит последний смотр перед отплытием в неведомую даль.

Он проверяет снова и снова свою флотилию перед выходом так же заботливо и трепетно-любовно, как музыкант настраивает свой инструмент, хотя эти пять кораблей он уже знает так же досконально, как собственное тело. А как он был напуган, когда впервые увидел эти наспех закупленные суда – запущенные, изношенные. Но с тех пор проделана немалая работа, и все эти ветхие галионы приведены в исправность. Прогнившие брусья и балки заменены новыми, от киля и до верхушек мачт везде все

просмолено и навощено, проконопачено и вычищено. Каждую балку, каждую доску Магеллан собственноручно простучал, чтобы определить, не подгнило ли дерево, не завелась ли в нем червоточина; каждый канат проверил он, каждый болт, каждый гвоздь. Из добротного холста сделаны свежевыкрашенные паруса, осененные крестом святого Яго, покровителя Испании; новы и прочны якорные цепи и канаты, до блеска начищены металлические части, каждая мелочь заботливо и аккуратно пригнана к месту: никакой шпион, никакой завистник не осмелился бы теперь смеяться над обновленными, помолодевшими кораблями. Правда, быстроходными они не стали, эти толстобрюхие, округлые парусники, и для гонок вряд ли приспособлены, но изрядная ширина и большая осадка делают их довольно вместительными и надежными; даже при сильном волнении, как раз вследствие своей неповоротливости, они, насколько в этом мире можно что-нибудь предвидеть, смогут выдержать жестокие штормы.

Модель флагманского судна «Тринидад» («Троица») экспедиции Магеллана

(по одной версии, оно было галеоном, по другой – большой каравеллой)

Самый большой из этой корабельной семьи – «Сан-Антонио» вместимостью в сто двадцать тонн. Но по какой-то причине, нам не известной, Магеллан предоставляет командование им Хуану де Картахене, а флагманским судном, Capitana, избирает «Тринидад», хотя грузоподъемность его на десять тонн меньше. За ним по ранжиру следуют девяностотонная «Консепсьон», капитаном которой назначен Гаспар Кесада, «Виктория» (судно

сделает честь своему имени) под началом Луиса де Мендосы вместимостью в восемьдесят пять тонн и «Сант-Яго» – семьдесят пять тонн – под командой Жуана Серрано. Магеллан настойчиво стремился составить свою флотилию из разнотонных кораблей: менее крупные из них ввиду их небольшой осадки он предполагает использовать в качестве передовых разведчиков. Но, с другой стороны, немало искусства потребуется от мореплавателей, чтобы в открытом море сомкнутым строем вести столь разнородную флотилию.

Магеллан переходит с корабля на корабль, чтобы прежде всего везде проверить грузы. А ведь сколько раз он уже карабкался вверх и вниз по каждому трапу, сколько раз он вновь и вновь составлял подробнейшую опись всего снаряжения и запасов; благодаря уцелевшим архивным документам мы можем убедиться, с какой заботливостью и тщательностью, с каким учетом мельчайших деталей было продумано и подготовлено одно из самых фантастических начинаний в мировой истории. До последнего мараведиса обозначена в этих объемистых реестрах стоимость каждого молотка, каждого каната, каждого мешочка соли, каждой стопы бумаги; и эти сухие, ровные, выведенные равнодушной рукой писца столбцы цифр, со всеми их графами, пожалуй, красноречивей любых патетических слов свидетельствуют о подлинно гениальном терпении этого человека.

Магеллан как опытный моряк понимал всю ответственность такой экспедиции в еще никому не ведомые земли. Он знал, что самый ничтожный предмет, забытый по недосмотру или по легкомыслию, забыт уже безвозвратно на все время плавания; в этих особых условиях никакое упущение, никакая ошибка уже не могут быть ни заглажены, ни исправлены, ни искуплены. Любой гвоздь, любая кипа пакли, любой слиток свинца или капля масла, любой листок бумаги в неведомых странах, куда он держит путь, представляют драгоценность, которую не добыть ни деньгами, ни даже собственной кровью; какая-нибудь одна позабытая запасная часть может вывести судно из строя; из-за одного неверного расчета все предприятие может пойти прахом.

А поэтому самое тщательное, самое заботливое внимание на этом последнем смотре уделяется продовольствию. Сколько съестного нужно запасти на двести шестьдесят пять человек для путешествия, продолжительность которого нельзя определить даже приблизительно? Сложнейшая задача, ибо один из множителей – длительность пребывания в пути – неизвестен.

Только Магеллан – он один! – предугадывает (осторожности ради он этого не откроет команде), что пройдут долгие месяцы, даже годы, прежде чем можно будет пополнить взятые с собой запасы; потому лучше захватить провиант в избытке, чем в обрез, и запасы его, принимая во внимание малую вместимость судов, в самом деле внушительны. Альфу и омегу питания составляют сухари; двадцать одну тысячу триста восемьдесят фунтов этого груза принял Магеллан на борт; стоимость его вместе с мешками – триста семьдесят две тысячи пятьсот десять мараведисов; насколько человек способен предвидеть, можно считать, что этого огромного количества хватит на два года.

Да и вообще, при чтении провиантской описи Магеллана видишь перед собой скорее современный трансокеанский пароход грузоподъемностью в двадцать тысяч тонн, чем пять рыбачьих парусников общей вместимостью в пятьсот – шестьсот тонн (девять тогдашних тонн соответствуют одиннадцати тоннам наших дней). Чем только не загромоздили тесный, душный трюм! Вместе с мешками муки, риса, фасоли, чечевицы хранятся пять тысяч семьсот фунтов солонины; двести бочонков сардин, девятьсот восемьдесят четыре головки сыру, четыреста пятьдесят связок луку и чесноку; кроме того, припасены еще разные вкусные вещи, как, например, тысяча пятьсот двенадцать фунтов меда, три тысячи двести фунтов изюма, коринки и миндаля, много сахара, уксуса и горчицы.

В последнюю минуту на борт пригоняют еще семь живых коров (хоть бедным четвероногим осталось уже недолго жить); таким образом, на первое время обеспечено молоко, а на дальнейшее – свежее мясо. Но вино для этих здоровых парней поважнее молока. Чтобы поддерживать в команде хорошее расположение духа, Магеллан велел закупить в Хересе лучшего, самого что ни на есть лучшего вина, не более и не менее, как четыреста семнадцать мехов и двести пятьдесят три бочонка; и здесь теоретически рассчитано на два года вперед: каждому матросу обеспечено по кружке вина к обеду и ужину.

Со списком в руке Магеллан переходит с корабля на корабль, от предмета к предмету. Какого труда, вспоминает он, стоило все это собрать, проверить, сосчитать, оплатить! Какая борьба велась днем с чиновниками и купцами, какой страх нападал на него по ночам: а вдруг что-то забыто, вдруг что-то неверно подсчитано! Но вот, наконец, кажется, есть все, что потребуется в этом плавании для двухсот шестидесяти пяти человек. Люди – матросы – всем обеспечены.

Но ведь и корабли – живые, бренные существа, каждый из них в борьбе со стихией расходует немалую долю своей силы

сопротивления. Буря рвет паруса, треплет и мочалит канаты, морская вода точит дерево и разъедает железо, солнце выжигает краску, ночной мрак поглощает светильное масло и свечи. Значит, каждая деталь оснастки – якоря и дерево, железо и свинец, мощные стволы для замены мачт, холст для новых парусов – должна иметься в двойном, если не больше, количестве. Не менее сорока возов лесных материалов погружено на суда, чтобы безотлагательно исправить любое повреждение, заменить любую доску, любую планку; и тут же бочки с дегтем, варом, воском и паклей для конопачения щелей. Разумеется, не забыт и арсенал необходимых инструментов: клещи, пилы, буравы, винты, лопаты, молотки, гвозди и кирки. Грудами лежат десятки гарпунов, тысячи рыболовных крючков и неводов, чтобы в пути ловить рыбу, которая, наряду с запасом сухарей, составит основное питание команды.

Освещение обеспечено на долгое время; на борту имеется восемьдесят девять небольших фонарей и четырнадцать тысяч фунтов свечей, не считая массивных восковых свечей для церковной службы. На долгий срок рассчитан и запас необходимых навигационных приборов – компасов и компасных игл, песочных часов, астролябий, квадрантов и планисфер, а для чиновников имеется пятнадцать новехоньких бухгалтерских книг (ибо где, кроме Китая, можно во время этого путешествия раздобыть хоть листок бумаги). Предусмотрены также и неприятные случайности: налицо аптекарские ящики с лекарствами, рожки для цирюльников, кандалы и цепи для бунтовщиков, не в меньшей мере проявлена и забота о развлечениях: на борту имеется пять больших барабанов и двадцать бубнов, найдется, верно, и несколько скрипок, дудок и волынок.

Это лишь небольшое извлечение из поистине гомеровской судовой описи Магеллана, только наиболее существенные из тысячи предметов, потребных команде и судам в столь необычном плавании. Но ведь эту флотилию, которая вместе со всем снаряжением обошлась в восемь миллионов мараведисов, будущий властелин Старого и Нового Света отправляет в неведомую даль не из чистой любознательности. Пять судов Магеллана должны привезти из плавания не только космографические наблюдения, но и деньги, как можно больше денег консорциуму предпринимателей. Нужно, значит, тщательно обдумав выбор, взять с собой достаточное количество разных изделий для обмена их на столь желанные чужеземные товары.

Что ж, Магеллану еще с индийских времен знаком наивный вкус детей природы. Он знает – два предмета повсюду производят

огромный эффект: зеркало, в котором черный, смуглый или желтый туземец впервые изумленно созерцает собственную физиономию, да еще колокольчики и погремушки, эта извечная ребячья радость. Не менее двадцати тысяч таких маленьких шумовых инструментов везут корабли экспедиции да еще девятьсот малых и десять больших зеркал (к сожалению, большая часть их будет разбита в пути), четыреста дюжин ножей made in Germany[201] (в описи точно отмечено: «400 docenas de cuchillos de Alemania de lospeores» – «ножи из Германии самые дешевые»), пятьдесят дюжин ножниц; затем неизменные пестрые платки и красные шапки, медные браслеты, поддельные драгоценности и разноцветные бусы. Для особо важных оказий упаковано несколько турецких нарядов и традиционных ярких тряпок, бархатных и шерстяных, в общем – отчаянный хлам, в Испании стоящий так же мало, как пряности на Молуккских островах, но как нельзя лучше отвечающий требованиям торговой сделки, при которой обе стороны платят в десять раз больше цены менового товара и все же обе изрядно наживаются.

Все эти гребешки и шапки, зеркала и погремушки пригодятся, однако, лишь при благоприятных обстоятельствах: если туземцы выкажут готовность заняться мирным обменом. Но предусмотрен и другой, воинственный, оборот дела. Пятьдесят восемь пушек, семь длинных фальконетов, три массивные мортиры грозно глядят из люков; недра судов отягощены множеством железных и каменных ядер, а также бочками со свинцом для отливания пуль, когда запас их иссякнет. Тысячи копий, две сотни пик и две сотни щитов свидетельствуют о решимости постоять за себя; кроме того, больше половины команды снабжено шлемами и нагрудными латами.

Для самого адмирала в Бильбао изготовлены два панциря, с головы до ног облекающие его в железо; подобный сверхъестественному неуязвимому существу, предстанет он в этом одеянии перед чужеземцами. Таким образом, хотя в соответствии со своим замыслом и характером Магеллан намерен избегать вооруженных столкновений, его экспедиция снаряжена не менее воинственно, чем экспедиция Фернандо Кортеса, который летом того же 1519 года на другом конце света во главе горсточки воинов завоевал государство с миллионным населением. Для Испании начинается героический год.

Проникновенно, со свойственным ему настороженным, неистощимым терпением Магеллан еще раз – последний раз – испытывает каждый из пяти кораблей, его оснастку, груз и

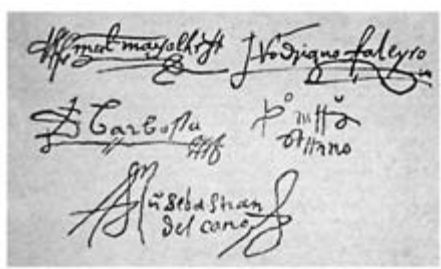
устойчивость. Теперь пора присмотреться к команде! Нелегко было ее сколотить, немало недель прошло, прежде чем удалось набрать ее по глухим портовым закоулкам и тавернам; оборванными, грязными, недисциплинированными пригнали их на корабли, и сейчас они все еще изъясняются между собой на каком-то диком воляпюке: по-испански – один, по-итальянски – другой, по-французски – третий, а также по-португальски, по-гречески и по-немецки. Да, потребуется немало времени, чтобы весь этот сброд превратился в надежную, спаянную команду. Но нескольких недель на борту достаточно, чтобы он прибрал их к рукам. Тот, кто семь лет прослужил простым sobresaliente – матросом и воином, знает, что нужно матросам, что можно с них спрашивать и как с ними следует обращаться. Вопрос о команде не тревожит адмирала.

Зато неприятное, напряженное чувство испытывает он, глядя на трех испанских капитанов, назначенных командирами судов. Невольно у него напряженно пружинятся мышцы, как у борца перед началом состязания, и неудивительно: с каким холодным, надменным видом, с каким плохо, может быть, даже нарочито плохо, скрываемым презрением не замечает его этот veedor, королевский надсмотрщик, Хуан де Картахена, которому он вынужден был поручить вместо Фалейру командование «Сан-Антонио». Хуан де Картахена, конечно, опытный, заслуженный моряк, и его личная порядочность так же вне сомнения, как и его честолюбие. Но сумеет ли родовитый кастилец укротить свое честолюбие? Подчинится ли Магеллану, согласно данной им присяге, этот двоюродный брат епископа Бургосского, удостоенный королем ранее пожалованного Фалейру титула «conjuncta persona»? При виде его Магеллану все время приходят на ум слова, нашептанные Алваришем, что, кроме самого адмирала, еще и другие лица снабжены особыми полномочиями, о которых он узнает, лишь «когда будет уже поздно для спасения чести».

Не менее враждебно глядит на Магеллана и командир «Виктории» Луис де Мендоса. Еще в Севилье он однажды дерзко уклонился от повиновения, но Магеллан тогда не посмел уволить этого тайного врага, навязанного ему императором в качестве казначея. Да, видимо, немного значит, что все эти испанские офицеры в соборе Санта-Мария-де-ла-Виктория под сенью распростертого знамени принесли ему клятву верности и повиновения; в душе они остались врагами и завистниками. Придется зорко следить за этими родовитыми испанцами.

Хорошо еще, что Магеллану удалось хоть до известной степени обойти королевский указ и злопыхательские возражения

Casa de la Contratacion и украдкой взять на борт тридцать португальцев, в том числе несколько надежных друзей и близких родственников. Среди них прежде всего Дуарте Барбоса, шурин Магеллана, несмотря на свою молодость, испытанный в дальних плаваниях моряк, затем Алваро де Мескита, также близкий его родственник, и Эстебан Гомес – лучший кормчий Португалии. Среди них и Жуан Серрано, который хоть и значится в судовых списках испанцем и побывал с испанскими экспедициями, возглавлявшимися Писарро и Педро д'Ариасом в Castilia del Oro[202], но в качестве родственника названого брата Магеллана Франсишку Серрано все же как-нибудь приходится ему соотечественником. Немало стоит и Жуан Карвальо, который уже много лет назад посетил Бразилию и теперь даже везет с собой сына, прижитого там со смуглой бразильянкой. Оба они благодаря знанию языка и местных условий смогут быть отличными проводниками в тех странах; если же экспедиции удастся из Бразилии пробраться в мир малайских языков, на «Острова пряностей» и в Малакку, – ценные услуги в качестве переводчика окажет раб Магеллана Энрике.



Подписи организаторов и участников первого кругосветного плавания:

Магеллан Фернан
Барбоса Серрано
Себастьян дель Кано

Итак, среди двухсот шестидесяти пяти спутников Магеллана имеется всего пять – десять человек, на чью преданность он, безусловно, может положиться. Это немного. Но тот, у кого нет выбора, должен дерзать даже вопреки численности противника и неблагоприятным обстоятельствам.

С сосредоточенным видом, мысленно проверяя каждого человека в отдельности, проходит Магеллан перед выстроившимся экипажем, непрерывно втайне обдумывая и

прикидывая, кто в решающую минуту станет за него и кто – против. Он не замечает, что на лбу у него от напряжения залегли складки. Но вот они разгладились, Магеллан невольно улыбается. Бог ты мой, одного-то он чуть не забыл, того сверхсметного, лишнего, кто неожиданно, как снег на голову, объявился в самую последнюю минуту! Право же, чистая случайность, что тихий, скромный, совсем еще юный итальянец Антонио Пигафетта из Виченцы, отпрыск древнего дворянского рода, затесался в эту разношерстную компанию искателей приключений, честолюбцев, охотников до легкой наживы и головорезов.

Прибыв в Барселону, ко двору Карла V, в свите папского протонатория, безусый еще кавалер Родосского ордена услышал разговоры о таинственной экспедиции, которая по неисследованным путям двинется в неведомые края и страны. Вероятно, Пигафетта читал напечатанную в его родном городе Виченце в 1507 году книгу Веспуччи «Paesi novamente retrovati»[203], в которой автор повествует о страстном своем желании di andare e vedere parte del mondo e le sue meraviglie» – «путешествовать, видеть мир и его чудеса». А может, молодого итальянца воодушевил и пользовавшийся широкой известностью «Itinerario» – «Путеводитель» его соотечественника Лодовико Вартемы. Несказанно прельщает его мысль самому, собственными глазами, увидеть хоть что-нибудь из того «великого и страшного, чем изобилуют океаны». Карл V, к которому он обратился за разрешением участвовать в этой таинственной экспедиции, рекомендует его Магеллану – и вот среди профессиональных моряков, охотников до легкой наживы, искателей приключений оказывается чудак-идеалист, идущий навстречу опасности не из честолюбия и не ради денег, а из бескорыстной любви к странствиям; как дилетант в лучшем смысле этого слова, единственно ради своего diletto, ради наслаждения видеть, познавать, восхищаться, готовый отдать жизнь в дерзновенном предприятии.

Карта Южной Америки XVI столетия

Часть всемирной карты, исполненной на пергаменте по приказу короля Генриха II

На деле этот незаметный, лишний человек станет для Магеллана важнейшим участником экспедиции. Ибо какое значение имеет подвиг, если он не запечатлен словом; историческое деяние бывает закончено не в момент его свершения, а лишь тогда, когда становится достоянием потомства. То, что мы называем историей, отнюдь не совокупность всех значительных событий, когда-либо происшедших во времени и в пространстве: всемирная история, летопись мира, охватывает лишь небольшой участок действительности, который случайно был озарен поэтическим или научным отображением. Ничем был бы Ахилл без Гомера, тенью оставалась бы любая личность, быстротечной волной растекалось бы любое деяние в безбрежном мире событий, если бы оно не превращалось в гранит под пером летописца, если бы художник заново не воссоздавал его в пластических образах. Вот почему мы мало что знали бы о Магеллане и его подвиге, будь в нашем распоряжении только одна «декада» Петра Ангиерского, краткое письмо Максимилиана Трансильванского да несколько сухих заметок и лаговые записи кормчих. Лишь этот скромный рыцарь Родосского ордена, сверхштатный и лишний, увековечил

для грядущих поколений подвиг Магеллана. Разумеется, наш добрый Пигафетта не был ни Тацитом, ни Ливием. В литературе, как и в мореплавании, он оставался всего только благодушным дилетантом. Знание людей отнюдь не было его коньком, важнейшие психологические конфликты между адмиралом и его капитанами он, видно, просто-напросто проспал на борту. Но именно потому, что Пигафетта мало интересуется причинными связями, он тщательно наблюдает мелочи и отмечает их с живостью и старательностью школьника, описывающего свою воскресную прогулку. На него не всегда можно положиться: иной раз по наивности он верит любому вздору, который ему рассказывают немедленно раскусившие новичка старые кормчие; но все эти мелкие небылицы и ошибки Пигафетта с лихвой возместил любознательной точностью, с которой он описывает каждую мелочь; а тем, что он не поленился, по методу Берлица, расспрашивать патагонцев, невзрачный родосский рыцарь нежданно стяжал себе историческую славу автора первого письменного лексикона американских слов. Он удостоился еще большей чести: сам Шекспир использовал в своей «Буре» эпизод из путевых записок Пигафетты. Что может выпасть на долю посредственного писателя более величественного, чем если из преходящего его творения гений заимствует нечто для своего бессмертного и на своих орлиных крыльях возносит его безвестное имя в сферу вечности?

Магеллан закончил свой обход. Со спокойной совестью может он сказать себе: все, что смертный в состоянии рассчитать и предусмотреть, он рассчитал и предусмотрел. Но дерзновенное плавание конквистадора бросает вызов высшим силам, не поддающимся земным расчетам и измерениям. Человек, стремящийся наперед точно определить все возможности успеха, должен считаться и с наиболее вероятным финалом такого странствия: с тем, что он из него не возвратится. Поэтому Магеллан, претворив сначала свою волю в земное дело, за два дня до отплытия письменно излагает и свою последнюю волю.

Это завещание нельзя читать без глубокого волнения. Обычно завещатель знает, хотя бы приблизительно, размеры своего достояния. Но как мог Магеллан прикинуть и оценить, какое он оставит наследство, сколько он оставит? Пока одному только небу известно, будет ли он через год нищим или одним из богатейших людей на свете. Ведь все его достояние заключается лишь в договорах с королем. Если задуманное предприятие удастся, если он найдет легендарный paso – пролив, проникнет на Молуккские острова, вывезет оттуда драгоценную кладь, тогда, выехав бедным искателем приключений, он возвратится в

Севилью крезом. Если он откроет в пути новые острова – его сыновьям и внукам в придачу ко всем богатствам достанется еще и наследственный титул наместника, adelantado. Если же расчет окажется неверным, если суда пойдут ко дну – его жене и детям, чтобы не умереть с голоду, придется стоять на церковной паперти с протянутой рукой, моля верующих о подаянии. Исход – во власти вышних сил, тех, что правят ветром и волнами. И Магеллан, как благочестивый католик, заранее смиренно покоряется неисповедимой воле Господней. Раньше, чем к людям и правительству, это глубоко волнующее завещание обращается ко «всемогущему Господу, повелителю нашему, чьей власти нет ни начала, ни конца». Свою последнюю волю Магеллан изъявляет прежде всего как верующий католик, затем – как дворянин и только в самом конце завещания – как супруг и отец.

Но и в дела благочестия человек Магелланова склада никогда не вносит неясности или сумбура. С тем же удивительным искусством все предвидеть обращается он мыслью и к вечной жизни. Все возможности предусмотрены и старательно подразделены. «Когда земное мое существование завершится и начнется для меня жизнь вечная, – пишет он, – я хотел бы быть похороненным в Севилье, в монастыре Санта-Мария-де-ла-Виктория, в отдельной могиле». Если же смерть постигнет его в пути и нельзя будет доставить тело на родину, то «пусть праху моему уготовят место последнего упокоения в ближайшем храме Пресвятой Богородицы». Благочестиво и вместе с тем точно распределяет этот набожный христианин суммы, предназначенные на богоугодные дела. Одна десятая часть обеспеченной ему по договору двадцатой доли всех прибылей должна быть разделена поровну между монастырями Санта-Мария-де-ла-Виктория, Санта-Мария-Монсерра и Сан-Доминго в Опорто; тысяча мараведисов выделяется севильской часовне, где он причастился перед отплытием и где с помощью Божьей (после благополучного возвращения) надеется причаститься снова. Один реал серебром он завещает на крестовый поход, другой – на выкуп христианских пленников из рук неверных, третий – дому призрения прокаженных, четвертый и пятый – госпиталю для чумных больных и приюту Святого Себастьяна, дабы те, кто получит эту лепту, «молились Господу Богу за спасение моей души». Тридцать заупокойных обеден должны быть отслужены у его тела и столько же – через тридцать дней после похорон в церкви Санта-Мария-де-ла-Виктория. Далее он приказывает ежегодно «в день моего погребения выдавать трем беднякам одежду: каждому из них камзол серого сукна, шапку, рубаху и пару башмаков, дабы они молились за спасение моей души. Я

хочу, чтобы в сей день не только троих этих бедняков кормили досыта, но еще и двенадцать других, дабы и они молили Господа за мою душу, а также прошу жертвовать золотой дукат на раздачу милостыни за души, томящиеся в чистилище».

После того как церкви уделена столь значительная доля его наследства, невольно ждешь, что последние распоряжения коснутся наконец жены и детей. Но, оказывается, этот глубоко религиозный человек трогательно озабочен судьбой своего невольника Энрике. Может быть, уже и раньше совесть Магеллана тревожил вопрос, вправе ли настоящий христианин считать своей собственностью, наравне с земельным участком или камзолом, человека, да к тому же еще принявшего крещение и тем самым ставшего ему братом по вере, существом с бессмертной душой? Так или иначе, но Магеллан не хочет предстать перед Господом Богом с этим сомнением в душе, поэтому он отдает распоряжение: «Со дня моей смерти пленник мой и невольник Энрике, уроженец города Малакки, двадцати шести лет от роду, освобождается от рабства или подчинения и волен поступать и действовать, как ему заблагорассудится. Далее, я хочу, чтобы из моего наследства десять тысяч мараведисов были выданы ему во вспомоществование. Эту сумму я назначаю ему потому, что он стал христианином и будет молиться Богу за спасение моей души».

Только теперь, отдав дань заботам о загробной жизни и предсказав «добрые дела, которые даже за величайшего грешника явятся заступниками на Страшном суде», Магеллан в своем завещании обращается к семье. Но и здесь заботам о житейских делах предшествуют распоряжения, касающиеся нематериальных вопросов, – сохранение его герба и дворянского звания. Вплоть до второго и третьего поколения указывает Магеллан, кому быть носителем его герба, его armas, на тот случай, если его сын не переживет отца (вещее предчувствие). Он стремится к бессмертию не только как христианин, но и как дворянин.

Лишь после этих заветов Магеллан переходит к распределению своего, пока еще носимого ветрами по волнам, наследства между женой и детьми; адмирал подписывает этот документ твердым, крупным, таким же прямым, как и он сам, почерком: «Fernando de Magellanes» – «Фернандо де Магелланес». Но судьбу не подчинить себе росчерком пера, не умилостивить обетами, властная ее воля сильнее самого горячего желания человека. Ни одно из сделанных Магелланом распоряжений не будет выполнено: ничтожным клочком бумаги останется его последняя воля. Те, кого он назначит наследниками, ничего не унаследуют; нищие, которых он заботливо оделил, не получат

подаяние; тело его не будет покоиться там, где он просил его похоронить; его гроб исчезнет. Только подвиг, им совершенный, переживет отважного мореплавателя, только человечество возблагодарит его за оставленное наследство.

Последний долг на родине выполнен. Наступает прощание. Трепеща от волнения, стоит перед ним женщина, с которой он в течение полутора лет был впервые в жизни по-настоящему счастлив. На руках она держит рожденного ему сына. Рыдания сотрясают ее вторично отяжелевшее тело. Еще один, последний раз он обнимает ее, крепко жмет руку Барбосе – единственного его сына он увлекает за собой в неведомую даль. Затем скорее, чтобы от слез покинутой жены не дрогнуло сердце, – в лодку и вниз по течению, к Сан-Лукару, где его ждет флотилия. Еще раз в скромной Сан-Лукарской церкви Магеллан, предварительно исповедавшись, вместе со своей командой принимает причастие. На рассвете во вторник 20 сентября 1519 года – эта дата войдет в мировую историю – с грохотом поднимаются якоря, паруса надуваются ветром, гремят орудийные выстрелы – прощальный привет исчезающей земле; началось великое странствие, дерзновеннейшее плавание во всей истории человечества.

Тщетные поиски

20 сентября 1519 г. – 1 апреля 1520 г.

Двадцатого сентября 1519 года флотилия Магеллана отчалила от материка. Но в те годы владения Испании уже простираются далеко за пределы Европы; когда через шесть дней после отплытия пять судов флотилии заходят в Тенерифе на Канарских островах, чтобы пополнить запас воды и продовольствия, они все еще находятся в пределах, подвластных императору Карлу V. Еще один-единственный раз, перед тем как продолжить путь в неизвестность, дано отважным мореплавателям ступить на милую им твердую почву родины, еще раз вдохнуть ее воздух, услышать родную речь.

Но вскоре и этот последний роздых приходит к концу. Магеллан уже собирается ставить паруса, как вдруг, издали еще подавая судам знаки, появляется испанская каравелла, несущая секретное послание Магеллану от его тестя, Дьего Барбосы. Тайная весть – обычно дурная весть. Барбоса предупреждает зятя: из достоверных источников ему удалось узнать о тайном сговоре испанских капитанов – в пути нарушить долг повиновения Магеллану. Глава заговора – Хуан де Картахена, двоюродный брат епископа Бургосского.

У Магеллана нет оснований сомневаться в правдивости и правильности этого предостережения; слишком точно совпадает оно с туманной угрозой шпиона Алвариша: «…другие люди, сверх того, снабжены контринструкциями, а узнает он о них, только когда уже будет поздно для спасения чести». Но жребий брошен, и лишь еще тверже становится решимость Магеллана перед лицом очевидной опасности. Он шлет в Севилью гордый ответ: что бы ни случилось, он неукоснительно будет служить императору, и залог тому – его жизнь. Ни словом не обмолвившись о том, сколь мрачное и в то же время правдивое, слишком правдивое предостережение принесло ему это письмо – последнее в его жизни, он велит выбрать якоря, и через несколько часов очертания тенерифского пика уже расплываются вдали. Большинство моряков последний раз видят родную землю.

Труднейшая для Магеллана задача среди всех трудностей этого плавания состоит в том, чтобы сплоченным строем вести все суда экспедиции, столь различные по водоизмещению и быстроходности: стоит только одному из них отбиться, и в бескрайнем бездорожном океане оно потеряно для флотилии.

Еще до отплытия Магеллан, с ведома и согласия Casa de la Contratacion – Индийской палаты, выработал для поддержания постоянной связи между судами особую систему. Правда, contromaestres – капитанам судов и кормчим – известна derota – общий курс; но в открытом море для них действует только одно предписание: идти в кильватере «Тринидад» – ведущего флагманского судна.

В дневные часы соблюдение этого приказа вполне посильно, даже во время сильного шторма корабли могут не терять друг друга из виду; гораздо труднее поддерживать непрерывную связь между всеми пятью судами ночью – для этой цели изобретена и тщательно продумана система световой сигнализации. С наступлением темноты на корме «Тринидад» зажигается вставленный в фонарь, farol, смоляной факел, faro, чтобы идущие вслед корабли не теряли из виду флагманское судно, Capitana. Если же на «Тринидад», кроме смоляного факела, загораются еще два огня, это означает, что остальным судам следует убавить ход или же лавировать из-за неблагоприятного ветра. Три огня возвещают, что надвигается шквал и поэтому надлежит подтянуть лисель[204], при четырех огнях нужно убирать все паруса. Многочисленные, то вспыхивающие, то гаснущие огни на флагманском судне или же пушечные выстрелы предупреждают, что надо опасаться отмелей или рифов. Итак, для всех возможных счастливых и несчастных случаев разработан язык ночных сигналов.

И на каждый сигнал этого примитивного светового телеграфа каждый корабль обязан каждый раз немедленно отвечать таким же сигналом, дабы адмиралу было известно, что его приказания поняты и выполнены. Кроме того, ежевечерне, незадолго до наступления темноты, каждый из четырех кораблей должен приблизиться к флагманскому судну, приветствуя адмирала словами: «Dios vos salve, senor capitán-general, y maestre, y buena companiá»[205], и выслушать его приказы на время трех ночных вахт. Казалось бы, что этот ежедневный рапорт всех четырех капитанов адмиралу с первого же дня устанавливает определенную дисциплину: флагманское судно ведет флотилию, а остальные следуют за ним, адмирал указывает курс, а капитаны беспрекословно его придерживаются.

Но именно то, что руководство так безоговорочно и решительно сосредоточено в руках одного человека, как и то, что этот молчаливый, ревниво хранящий свои тайны португалец каждый день, словно новобранцев, заставляет их выстраиваться перед ним и после отдачи приказаний немедленно отсылает, как простых подручных, раздражает капитанов остальных судов. Без

сомнения и, надо признать, с некоторым на то правом они полагали, что Магеллан с таким мелочным упорством замалчивал в Испании подлинную цель экспедиции потому, что боялся выдать тайну paso болтунам и шпионам; но в открытом море, надо думать, он наконец откажется от этой осторожности, призовет их на борт флагманского корабля и с помощью своей карты изложит им дотоле ревниво охранявшийся замысел. Вместо этого они видят, что Магеллан становится еще более молчаливым, все более сдержанным и недоступным. Он не призывает их к себе на корабль, не справляется об их мнении, ни разу не спрашивает совета ни у кого из этих испытанных моряков. Они обязаны следовать днем за флагом, ночью за факелом тупо и покорно, как собака за хозяином.

В продолжение нескольких дней испанские офицеры терпеливо сносят молчаливую непреклонность, с которой Магеллан ведет их за собой. Но когда адмирал, вместо того чтобы, держа курс на юго-запад, прямиком плыть к Бразилии, забирает много южнее, уклонясь от первоначально обусловленного курса, и до самой Сьерра-Леоне следует вдоль берегов Африки, Хуан де Картахена во время вечернего рапорта в упор спрашивает его, почему вопреки данным вначале инструкциям изменен курс.

Этот прямо поставленный Хуаном де Картахеной вопрос отнюдь не является дерзостью с его стороны (и это нужно особо подчеркнуть, так как большинство авторов, чтобы возвысить Магеллана, изображают Хуана де Картахену черным предателем). А между тем нельзя не признать логичным и справедливым, если человек, назначенный королем conjuncta persona, если капитан самого большого судна флотилии учтиво спрашивает адмирала, почему, собственно, изменен ранее установленный курс. Кроме того, вопрос Хуана де Картахены законен и с навигационной точки зрения, ибо этот новый курс поведет флотилию окольным путем и заставит ее потерять не менее двух недель. Что принудило Магеллана изменить маршрут, мы не знаем. Быть может, так далеко, до самой Гвинеи, он следовал вдоль побережья Африки потому, что намеревался там – этой технической тайны португальского мореходства испанцы не знали – tomar barlavento, поймать попутный пассат, а может быть, он отклонился от обычного пути, желая избегнуть встречи с португальскими судами, по слухам посланными королем Мануэлом в Бразилию перехватить эскадру Магеллана.

Так или иначе адмиралу ничего не стоило честно, по-товарищески изложить капитанам причины, заставившие его переменить курс. Но для него важен не этот частный случай, а

сам принцип. Дело не в двух-трех милях отклонения к юго-западу или юго-юго-западу, а в том, чтобы раз и навсегда установить жесткую дисциплину Если на борту в самом деле имеются заговорщики, как сообщил ему тесть, то он предпочитает сразу столкнуться с ними лицом к лицу Если действительно существуют двусмысленные инструкции, скрываемые от него, то они должны получить единое толкование в пользу его авторитета. Вот почему Магеллану как нельзя более на руку, что объяснений от него домогается именно Хуан де Картахена, ибо теперь должно выясниться, приравнен ли к нему или же подчинен ему этот испанский идальго.

Этот вопрос служебной иерархии и вправду не так уж ясен. Вначале Хуан де Картахена был послан сопровождать флотилию в качестве veedor general – главного контролера, а в этом звании, как и в должности капитана «Сан-Антонио», он всецело подчинен адмиралу, без права совещательного голоса, без права требовать объяснений. Но положение изменилось, когда Магеллан отстранил своего компаньона Фалейру и Хуан де Картахена получил вместо него назначение на пост conjuncta persona, а «conjuncta» означает «равноправный». Каждый из них теперь вправе ссылаться на королевскую грамоту. Магеллан – на «договор», по которому он является верховным и единственным начальником флотилии. Хуан де Картахена на «cedula» – на «дополнительный акт», вменяющий ему в обязанность вести неусыпное наблюдение в случаях, если им будут обнаружены какие-либо упущения, а другие лица не выкажут должной прозорливости и осмотрительности. Но имеет ли право conjuncta persona требовать отчета от самого адмирала? Этот вопрос Магеллан не намерен ни на мгновение оставить невыясненным. И поэтому на первый же вопрос Хуана де Картахены он грубо отвечает, что никто не вправе спрашивать у него объяснений и все обязаны следовать за ним (que le siguisen y no le pidiesen màs cuenta).

Это грубо; но Магеллан считает, что лучше сразу обрушиться на противника, чем расточать угрозы или искать примирения. Этими словами он прямо в лоб заявляет испанским капитанам (а быть может, и заговорщикам): «Не обольщайтесь, я один буду держать руль, и железной рукой». Но хотя кулак у Магеллана крепкий, увесистый, беспощадный, его руке не хватает многих ценных качеств, и прежде всего умения, когда нужно, приласкать тех, с кем она слишком круто расправилась.

Магеллан никогда не постиг искусства говорить с любезной миной неприятные вещи, просто и дружелюбно обходиться как с начальниками, так и с подчиненными. Поэтому вокруг этого

человека – конденсатора величайшей энергии – с самого начала неминуемо должна была установиться напряженная, враждебная, озлобленная атмосфера.

Это скрытое раздражение неизбежно нарастало по мере того, как выяснилось, что перемена курса, против которой возражал Хуан де Картахена, действительно была явной ошибкой Магеллана. Ветер поймать не удалось, суда на две недели застряли в открытом море среди полного штиля. Затем они скоро попадают в полосу столь сильных бурь, что, по романтическому описанию Пигафетты, их спасает только появление светящихся «Cuerpos Sanies» – «святых тел», покровителей моряков, святого Эльма, святого Николая и святого Клэра (так называемые огни святого Эльма). Две недели потеряны из-за своевольного распоряжения Магеллана, и наконец Хуан де Картахена уже не может и не хочет больше сдерживаться. Раз Магеллан пренебрегает советом, раз он не терпит критики, так пусть же вся флотилия узнает, как мало он, Хуан де Картахена, чтит этого бездарного морехода. Правда, корабль Хуана де Картахены «Сан-Антонио» и в тот вечер, как всегда, послушно приближается к «Тринидад» отдать рапорт и принять от Магеллана очередные приказания. Но Картахена впервые не выходит на палубу, чтобы произнести установленное приветствие. Вместо себя он посылает боцмана, и тот обращается к адмиралу со словами «Dios vos salve, señor capitán y maestre». Магеллан ни на минуту не обманывает себя мыслью, что это изменение текста приветствия могло быть случайной, невольной обмолвкой. Если именно Хуан де Картахена велит титуловать его не адмиралом, capitán-general, а просто капитаном, capitan, то этим всей флотилии дается понять, что conjuncta persona, Хуан де Картахена, не признает его своим начальником. Он немедленно велит передать Хуану, что впредь надеется быть приветствуемым достойным и подобающим образом. Но теперь и Хуан поднимает забрало. Он шлет высокомерный ответ: он сожалеет, что на этот раз он еще поручил своему ближайшему помощнику произнести приветствие; в следующий раз это может сделать любой юнга. Три дня подряд «Сан-Антонио» на глазах у всей флотилии не соблюдает церемонии приветствия и рапорта, дабы показать всем остальным, что его капитан не признает неограниченной диктатуры португальского командира. Совершенно открыто – и это делает честь Хуану де Картахене, никогда (сколько бы ни утверждали противное) не действовавшему вероломно, – испанский идальго бросает железную перчатку к ногам португальца.

Характер человека лучше всего познается по его поведению в

решительные минуты. Только опасность выявляет скрытые силы и способности человека; все эти потаенные свойства, при средней температуре лежащие ниже уровня измеримости, обретают пластическую форму лишь в подобные критические мгновения. Магеллан всегда одинаково реагирует на опасность. Каждый раз, когда дело касается важных решений, он становится устрашающе молчаливым и неприступным. Он словно застывает. Какое бы тяжкое оскорбление ему ни было нанесено, его затененные кустистыми бровями глаза не загорятся огнем, ни одна складка не дрогнет вокруг плотно сжатых губ. Он в совершенстве владеет собой, и благодаря этому ледяному спокойствию все вещи становятся для него прозрачными, как хрусталь; замуровавшись в ледяное молчание, он лучше всего продумывает и рассчитывает свои планы. Никогда в жизни Магеллан не нанес удара необдуманно, сгоряча: прежде чем сверкнет молния, грозовой тучей нависает долгое, гнетущее, мрачное молчание.

И на этот раз Магеллан молчит; тем, кто его знает, – а испанцы еще не знают его – может показаться, что он оставил брошенный Хуаном де Картахеной вызов без внимания. На деле же Магеллан уже вооружается для контратаки. Он понимает, что нельзя в открытом море насильственно сместить капитана корабля более крупного, чем флагманский, и лучше вооруженного. Итак, терпение, терпение: лучше притвориться тупым, равнодушным. И Магеллан в ответ на оскорбление молчит так, как он один умеет молчать: с одержимостью фанатика, с упорством крестьянина, со страстностью игрока.

Все вокруг видят, как он спокойно расхаживает по палубе «Тринидад», внешне всецело поглощенный будничными, ничтожными мелочами корабельной жизни. То, что «Сан-Антонио» перестал соблюдать приказ о вечернем рапорте, словно и не раздражает его, и капитаны с некоторым удивлением замечают, что этот загадочный человек начинает держать себя более доступно: по поводу совершенного одним из матросов тяжкого преступления против нравственности адмирал впервые приглашает к себе на совещание всех четырех капитанов. Значит, думают они, его все же стали тяготить неприязненные отношения с сотоварищами. Видно, после того как избранный им курс оказался ошибочным, он понял, что лучше спрашивать совета у старых, опытных капитанов, чем почитать их quantité négligeable[206].

Хуан де Картахена тоже является на борт флагманского судна и, воспользовавшись долго не представлявшейся ему возможностью вести с Магелланом деловую беседу, снова спрашивает, почему, собственно, изменен курс. Сообразно своему

характеру и тщательно продуманному намерению Магеллан сохраняет полную невозмутимость: ему только на руку, если его спокойствие сильнее распалит Картахену. А последний, считая, что звание верховного королевского чиновника дает ему право критиковать действия Магеллана, по-видимому, изрядно воспользовался этим правом. Дело, вероятно, кончилось бурной вспышкой, чем-то вроде резкого отказа повиноваться. Но, превосходный психолог, Магеллан именно такую вспышку открытого неподчинения заранее предусмотрел, это ему и нужно. Теперь он может действовать. Он немедленно применяет предоставленное ему Карлом V право вершить правосудие. Со словами: «Sed preso» – «Вы – мой пленник» – он хватает Хуана де Картахену за грудь и велит своему альгвасилу (каптенармусу и полицейскому офицеру) заключить мятежника под стражу.

Остальные капитаны растерянно переглядываются. Несколькими минутами раньше они всецело были на стороне Хуана де Картахены, да и сейчас еще в душе стоят за своего соотечественника и против начальника-чужестранца. Но внезапность нанесенного удара, демоническая энергия, с которой Магеллан схватил своего врага и велел посадить его под арест как преступника, парализовали их волю. Напрасно Хуан зовет их на помощь. Никто не смеет тронуться с места, никто не дерзает даже поднять глаза на низкорослого, коренастого человека, впервые позволившего своей пугающей энергии прорваться сквозь глухую стену молчания. Только когда Хуана уже хотят отвести в каземат, один из них обращается к Магеллану и почтительнейше просит, учитывая высокое происхождение Картахены, не заключать его в оковы; достаточно, если кто-нибудь из них обязуется честным словом быть его стражем. Магеллан принимает это предложение при условии, что Луис де Мендоса, кому он поручает надзор за Хуаном, клятвенно обяжется по первому же требованию представить его адмиралу. С этим делом покончено. По прошествии часа на «Сан-Антонио» уже распоряжается другой испанский офицер – Антонио де Кока, вечером он со своего корабля четко, без единого упущения, приветствует адмирала.

Плавание продолжается без каких-либо инцидентов. 29 ноября возглас с марса возвещает, что виден берег Бразилии; они различают его очертания близ Пернамбуко и, нигде не бросая якорей, продолжают свой путь; наконец 13 декабря пять судов флотилии после одиннадцатинедельного плавания входят в залив Рио-де-Жанейро.

Залив Рио-де-Жанейро в те далекие времена, вероятно, не менее прекрасный в своей идиллической живописности, чем ныне в своем городском великолепии, должен был показаться усталому экипажу настоящим раем. Нареченный Рио-де-Жанейро по имени святого Януария, в день которого он был открыт, и ошибочно названный Рио[207], ибо предполагалось, что за бесчисленными островами кроется устье многоводной реки, этот залив тогда уже находился в сфере владычества Португалии. Согласно инструкции, Магеллану не следовало становиться там на якорь. Но португальцы еще не основали здесь поселений, не воздвигли вооруженной пушками крепости; блистающий яркими красками залив – в сущности, все еще «ничья земля»; испанские суда могут безбоязненно пройти среди волшебно прекрасных островов, окаймляющих берег, одетый яркой зеленью, и без помехи бросить здесь якорь. Как только их шлюпки приближаются к берегу, навстречу из хижин и лесов выбегают туземцы и с любопытством, но без недоверия встречают закованных в латы воинов. Они вполне добродушны и приветливы, хотя позднее Пигафетта не без огорчения узнает, что это завзятые людоеды, которым частенько случается накалывать убитых врагов на вертел и затем разрезать на куски это лакомое жаркое, словно мясо откормленного быка. Но богоподобные белые пришельцы не вызывают у гварани таких вожделений, и солдаты избавлены от необходимости пускать в ход громоздкие мушкеты и увесистые копья.

Несколько часов спустя завязывается оживленная меновая торговля. Теперь Пигафетта в своей стихии. Одиннадцатинедельное плавание дало честолюбивому летописцу мало сюжетов: ему удалось сплести разве что несколько побасенок об акулах и диковинных птицах. Арест Хуана де Картахены он, судя по всему проспал, но зато сейчас ему едва хватает взятого с собой запаса перьев, чтобы перечислить в дневнике все чудеса Нового Света. Правда, он не дает нам представления о прекрасном ландшафте, но этого нельзя поставить ему в вину, ведь только тремя веками позже описания природы были введены в обиход Жан-Жаком Руссо; зато его необычайно занимают ранее не известные ему плоды – ананасы, «похожие на большие круглые еловые шишки, но чрезвычайно сладкие и отменно вкусные», далее бататы – их вкус напоминает ему каштаны – и «сладкий» (то есть сахарный) тростник.

Добрый малый не может прийти в себя от восхищения, так невероятно дешево эти люди продают чужестранцам съестные припасы. За одну удочку темнокожие дурни дают пять или шесть кур, за гребенку – двух гусей, за маленькое зеркальце – десяток изумительно пестрых попугаев, за ножницы – столько рыбы, что

ею могут насытиться двенадцать человек. За одну-единственную погремушку (напомним, что на судах их имелось не менее двадцати тысяч штук) они приносят ему тяжелую, доверху наполненную бататами корзину, за истрепанного короля из старой колоды – пять кур; при этом гварани еще воображают, что надули неопытного родосского рыцаря. Дешево ценятся и девушки, о которых Пигафетта стыдливо пишет: «Единственное их одеяние – длинные волосы; за топор или нож можно получить сразу двух-трех в пожизненное пользование».

Покуда Пигафетта подвизается в области репортажа, а матросы коротают время, деля его между едой, рыбной ловлей и покладистыми смуглыми девушками, Магеллан думает только о дальнейшем плавании. Разумеется, он доволен, что команда отдыхает и собирается с силами, но в то же время он поддерживает строгую дисциплину. Памятуя данные им испанскому королю обязательства, он запрещает покупку невольников на побережье Бразилии, а также какие бы то ни было насильственные действия, чтобы у португальцев не возникло предлогов для жалоб.

Это лояльное поведение приносит Магеллану еще одну важную выгоду. Убедившись, что белые люди не собираются причинять им ни малейшего зла, туземцы утрачивают былую робость. Этот добродушный, ребячливый народец толпами стекается на берег всякий раз, когда там торжественно отправляют богослужение. С любопытством следят они за непонятными обрядами и, видя, что белые пришельцы, с появлением которых они связывают то, что наконец выпал долгожданный дождь, преклоняют колена перед воздетым крестом, в свою очередь, молитвенно сложив руки, опускаются на колени, а благочестивые испанцы принимают это за явный признак неосознанного проникновения таинств христианской религии в души туземцев.

Когда после тридцатидневной стоянки флотилия в конце декабря покидает незабываемую, широко раскинувшуюся бухту, Магеллан может продолжить плавание с более спокойной совестью, чем другие конквистадоры его времени. Ибо если он и не завоевал здесь новых земель для своего государя, то, как добрый христианин, приумножил число подданных Небесного Владыки. Никому за эти дни не было причинено ни малейшей обиды, никто из доверчивых туземцев не был насильственно отторгнут от семьи и родины. С миром пришел сюда Магеллан, с миром ушел отсюда.

Неохотно покинули матросы райский залив Рио-де-Жанейро, неохотно плывут они, нигде не причаливая, вдоль манящих

берегов Бразилии. Но Магеллан не может позволить им отдыхать дольше. Тайное, жгучее нетерпение влечет этого внешне столь невозмутимого человека вперед, к вожделенному paso, который, согласно карте Мартина Бехайма и сообщению «Newe Zeytung», он предполагает найти в точно определенном месте. Если сообщения португальских кормчих и нанесенные Бехаймом на карту широты правильны, пролив должен открыться им непосредственно за мысом Санта-Мария. Поэтому Магеллан безостановочно стремится к своей цели. Наконец 10 января мореплаватели среди беспредельной равнины видят невысокий холм, который они нарекают Монтевиди (нынешний Монтевидео), и спасаются от жестокого урагана в необъятном заливе, по-видимому бесконечно тянущемся к западу.

Этот необъятный залив в действительности не что иное, как устье реки Ла-Плата. Но Магеллан об этом не подозревает. Он только с глубоким, едва скрываемым удовлетворением видит на том самом месте, которое было указано в секретных документах, могучие волны, катящиеся на запад. Должно быть, это и есть вожделенный пролив, виденный им на Бехаймовой карте. Местоположение и широта как будто вполне совпадают со сведениями, полученными Магелланом от неизвестных лиссабонцев; несомненно, это тот самый пролив, через который, согласно сообщению «Newe Zeytung», уже двадцать лет назад португальцы намеревались проникнуть на запад.

Пигафетта утверждает, будто все, кто находился на борту, увидев этот величавый водный путь, были твердо убеждены, что им наконец открылся вожделенный пролив, который приведет их в Южное море. «Si era creduto una volta esser questo un canal che metesse nel Mar del Sur». Ведь в противоположность дремотным устьям Рейна, По, Эбро, Тежу, где всегда и справа и слева можно ясно различить берег, здесь ширина могучего потока необозрима. Этот залив, без сомнения, представляет собой начало некоего второго Гибралтара, или Ла-Манша, или Геллеспонта, который связывает океан с океаном. И, безусловно доверяя своему вождю, моряки уже мечтают за несколько дней пройти этот новый пролив и достигнуть другого, Южного моря, легендарного Mar del Sur, ведущего в Индию, Японию, Китай, ведущего на «Острова пряностей», туда, туда – к сокровищам Голконды и всем богатствам земли.

Упорство, с которым Магеллан в этом, именно в этом месте искал paso, свидетельствует о том, что и он, увидев необъятно широкий водный путь, всецело проникся убеждением: заветный пролив найден. Целых две недели проводит, или теряет, он в устье Ла-Плата, предаваясь тщетным поискам. Едва только буря,

свирепствовавшая в момент их прибытия, немного стихает, он делит флотилию на две части. Менее крупные суда посылаются им по мнимому проливу на запад (на деле же вверх по течению). Одновременно два больших корабля под личным его командованием, держа курс поперек устья Ла-Платы, направляются к югу, чтобы и в этом направлении обследовать, как далеко ведет давно разыскиваемый им путь.

Неторопливо, тщательно измеряет он южную окружность залива, покуда другие суда плывут на запад. И какое горькое разочарование: после двух недель взволнованного кружения у Монтевиди вдали наконец показываются паруса возвращающихся кораблей. Но вымпелы не развеваются победно на мачтах, и капитаны приносят убийственную весть: исполинская водная ширь, опрометчиво принятая ими за желанный пролив, – всего только необычайно широкая пресноводная река, которую в память Хуана де Солиса, тоже разыскивавшего здесь путь в Малакку и нашедшего смерть, они на первых порах нарекают Рио-де-Солис (лишь позднее ее переименуют в Рио-де-Ла-Плату).

Теперь Магеллану нужно предельно напрячь все силы. Никто из капитанов, никто из команды не должен заметить, сколь грозный удар нанесло это разочарование его безусловной уверенности. Ибо одно адмирал знает уже сейчас: карта Мартина Бехайма неправильна, сообщение португальских кормчих о якобы открытом ими paso – опрометчивый вывод. Обманчивы были донесения, на которых он построил весь свой план кругосветного плавания, ошибочны все расчеты Фалейру ложны его, Магеллана, собственные утверждения, ложно все то, что он обещал королю Испании и его советникам.

Если этот пролив вообще существует – впервые приходит на ум прежде не знавшему сомнений Магеллану это «если вообще», – то он должен быть расположен южнее. Но взять курс на юг – не значит плыть в теплые края, а, напротив, поскольку флотилия уже давно пересекла экватор, снова приближаться к полярной зоне. Февраль и март по ту сторону экватора не являются, как в родных широтах, концом зимы, а, наоборот, ее началом. Итак, если в ближайшее время не сыщется путь в южные моря, не откроется тщетно разыскиваемый здесь paso – время года, благоприятное для того, чтобы обогнуть Южную Америку, будет упущено, и тогда останутся только две возможности: либо вернуться в более теплые края, либо перезимовать где-нибудь в этих местах.

Тревожны, наверно, были мысли, томившие Магеллана с той самой минуты, как посланные на разведку суда вернулись с недоброй вестью.

Подобно духовному его миру, омрачается вокруг и мир

внешний. Все неприветливее, все пустыннее и угрюмее становятся берега, все больше хмурится небо; померкло сияние южного солнца, тяжелые, темные тучи заволокли синий небосвод.

Нет больше тропических лесов, чей густой, приторный аромат веял навстречу судам с далекого берега. Исчез навсегда живописный ландшафт Бразилии, могучие, отягощенные плодами деревья, пышные пальмы, диковинные животные, приветливые смуглые туземцы. В этих краях по голому песчаному берегу расхаживают одни только пингвины, пугливо, вразвалку удирающие при приближении людей, да на скалах нелепо и лениво ворочаются тюлени. Кажется, что и люди и звери вымерли в этой гнетущей пустыне. Один-единственный раз какие-то огромные туземцы, с головы до ног, подобно эскимосам, закутанные в звериные шкуры, завидев флотилию, в смятении укрылись за прибрежные скалы. Ни погремушками, ни пестрыми шапками, которыми им машут с кораблей, приманить их не удается. Они неприветливы и сразу же убегают, едва к ним пытаются приблизиться; напрасными были все попытки найти следы их жилищ.

Все труднее, все медленнее становится плавание. Магеллан неуклонно движется вдоль берега. Он обследует каждую, даже самую малую бухту и везде производит промеры глубины. Правда, таинственной карте, заманившей его в плавание и затем в пути его предавшей, он давно уже перестал верить. Но, может быть, может быть, все-таки совершится чудо – вдруг там, где никто этого не ждет, глазам откроется paso и они еще до начала зимы проникнут в Mar del Sur – в Южное море. Ясно чувствуется, как потерявший уверенность Магеллан цепляется за эту единственную, последнюю надежду: может быть, и карта, и португальские кормчие ошиблись только в определении широты и вожделенный пролив расположен на несколько миль ниже места, указанного в их лживых сообщениях.

Когда 24 февраля флотилия снова приближается к какому-то необъятно широкому заливу, к бухте Сан-Матиас, эта надежда, словно колеблемая ветром свеча, разгорается вновь. Без промедления Магеллан опять посылает вперед небольшие суда, viendo si habia alguna salida para el Maluco – дабы установить, не откроется ли здесь свободный проход к Молуккским островам. Но опять – ничего! Опять только закрытая бухта. Так же тщетно обследуют они и два других залива – Bahía de los Patos[208], названный так из-за обилия в нем пингвинов, и Bahía de los Trabajos[209] (это название дано в память о страшных мытарствах, пережитых высадившимися там моряками). Но только туши убитых тюленей приносят оттуда полузамерзшие люди –

желанной вести нет и в помине.

Дальше, дальше плывут суда вдоль берега под мглистым небом. Все более грозной становится пустыня, все короче дни, все длиннее ночи. Суда уже не скользят по синим волнам, подгоняемые попутным бризом; теперь ледяные шторма яростно треплют паруса, снег и град белой крупой осыпают их, грозно вздымаются седые валы. Два месяца потребовалось флотилии, чтобы отвоевать у враждебной стихии небольшое расстояние от устья Ла-Плата до залива Сан-Хулиан. Почти каждый день команде приходится бороться с ураганами, с пресловутыми pamperos этих краев – грозными порывами ветра, расщепляющими мачты и срывающими паруса; день ото дня холоднее и сумрачнее становится все кругом, а paso по-прежнему не показывается.

Жестоко мстят теперь за себя потерянные недели. Пока флотилия обследовала все закоулки и бухты, зимний холод опередил ее: теперь он встал перед ней, самый лютый, самый опасный из всех врагов, и штормами преградил ей путь. Полгода ушло понапрасну, а Магеллан не ближе к заветной цели, чем в день, когда покинул Севилью.

Мало-помалу команда начинает проявлять нескрываемое беспокойство: инстинкт подсказывает им, что здесь что-то неладно. Разве не уверяли их в Севилье при вербовке, что флотилия направляется к Молуккским островам, на лучезарный юг, в райские земли? Разве невольник Энрике не описывал им свою родину как страну блаженной неги, где люди голыми руками подбирают рассыпанные на земле драгоценные пряности? Разве не сулили им богатство и скорое возвращение? Вместо этого – мрачный молчальник ведет их по все более холодным и скудным пустыням.

Излучая слабый, зыбкий свет, проглядывает иногда сквозь тучи желтое чахлое солнце, но обычно небо сплошь закрыто облаками, воздух насыщен снегом; ветер морозным прикосновением до боли обжигает щеки, насквозь пронизывает изорванную одежду; руки моряков коченеют, когда они пытаются ухватить обледенелые канаты; дыхание белым облачком клубится у рта.

И какая пустота вокруг, какое зловещее уныние! Даже людоедов прогнал холод из этих мест. На берегах нет ни зверей, ни растений – одни тюлени да раковины. В этих краях живые существа охотнее ютятся в ледяной воде, чем на исхлестанном бурями, унылом побережье. Куда завлек их этот бесноватый португалец? Куда он гонит их дальше? Уж не хочет ли он привести их в землю вечных льдов или к антарктическому

полюсу?

Тщетно пытается Магеллан унять громкий ропот. «Стоит ли бояться такого пустячного холода? – уговаривает он их. – Стоит ли из-за этого утрачивать твердость духа? Ведь берега Исландии и Норвегии лежат в еще более высоких широтах, а между тем весной плавать в этих водах не труднее, чем в испанских; нужно еще продержаться всего лишь несколько дней. В крайнем случае можно будет перезимовать и продолжать путь уже при более благоприятной погоде».

Но команда не дает успокоить себя пустыми словами. Нет, какие тут сравнения! Не может быть, чтобы их король предусматривал плавание в эти ледовые края, а если адмирал болтает про Норвегию и Исландию, то там ведь дело обстоит совсем иначе. Там люди с малолетства привыкли к стуже, а кроме того, они не удаляются больше чем на неделю, на две недели пути от родных мест. А их завлекли в пустыню, куда еще не ступала нога христианина, где не живут даже язычники и людоеды, даже медведи и волки. Что им тут делать? К чему было выбирать этот окольный путь, когда другой, ост-индский, ведет прямо к «Островам пряностей», минуя эти ледяные просторы, эти губительные края? Вот что громко и не таясь отвечает команда на уговоры адмирала.

А среди своих, под сенью кубрика, матросы, несомненно, ропщут еще сильнее. Снова оживает старое, еще в Севилье шепотом передаваемое из уст в уста подозрение, не ведет ли проклятый португалец tratto doble – двойную игру? Не замыслил ли он, с целью снова войти в милость у португальского короля, злодейски погубить пять хороших испанских судов вместе со всем экипажем?

С тайным удовлетворением следят капитаны-испанцы за нарастающим озлоблением команды. Сами они в это дело не вмешиваются, они избегают разговоров с Магелланом и только становятся все более молчаливыми и сдержанными. Но их молчание опаснее многоречивого недовольства команды. Они больше смыслят в навигационном деле, и от них не может укрыться, что Магеллан введен в заблуждение неправильными картами и уже давно не уверен в своей «тайне». Ведь если б этот человек действительно в точности знал, на каком градусе долготы и широты расположен пресловутый paso, чего ради заставил бы он в таком случае суда целые две недели напрасно плыть по Рио-де-Ла-Плата? Зачем он теперь вновь и вновь теряет драгоценное время на обследование каждой маленькой бухты? Либо Магеллан обманул короля, либо он сам себя обманывает, утверждая, что ему известно местонахождение paso, ибо теперь

уже ясно: он только ищет путь, он его еще не знает. С плохо скрываемым злорадством наблюдают они, как у каждой извилины он напряженно вглядывается в разорванные очертания берега. Что же, пусть Магеллан и дальше ведет флотилию во льды и в неизвестность. Им незачем больше спорить с ним, досаждая ему жалобами. Скоро пробьет час, когда он вынужден будет признаться: «Я не могу идти дальше, я не знаю, куда идти». А тогда настанет время для них взять командование в свои руки и сломить могущество высокомерного молчальника.

Невозможно вообразить более ужасное душевное состояние, нежели состояние Магеллана в те дни. Ведь с тех пор как его надежда найти пролив была дважды жестоко обманута, в первый раз возле устья Ла-Плата, во второй – у залива Сан-Матиас, он уже не может дольше таить от себя, что непоколебимая вера в секретную карту Бехайма и опрометчиво принятые за истину рассказы португальских кормчих ввели его в заблуждение. В наиболее благоприятном случае, если легендарный paso действительно существует, он может быть расположен только дальше к югу, то есть ближе к антарктической зоне; но и в этом благоприятном случае возможность пройти через него в текущем году уже упущена. Зима опередила Магеллана и опрокинула все его расчеты: до весны флотилия с ее потрепанными судами и недовольной командой не сможет воспользоваться проливом, даже если они теперь и найдут его. Девять месяцев проведено в плавании, а Магеллан еще не бросил якоря у Молуккских островов, как он имел неосторожность пообещать. Его флотилия по-прежнему блуждает и упорно борется за жизнь с жесточайшими бурями.

Самое разумное теперь было бы сказать всю правду. Созвать капитанов, признаться им, что карты и сообщения кормчих ввели его в заблуждение, что возобновить поиски paso можно будет лишь с наступлением весны, а сейчас лучше повернуть назад, укрыться от бурь, снова направиться вдоль берега вверх, в Бразилию, в приветливую теплую страну, провести там в благодатном климате зиму, подправить суда и дать отдохнуть команде, прежде чем весной двинуться на юг. Это был бы самый простой путь, самый человечный образ действий.

Но Магеллан зашел слишком далеко, чтобы повернуть назад. Слишком долго он, сам обманутый, обманывал других, уверяя, что знает новый, кратчайший путь к Молуккским островам. Слишком сурово расправился он с теми, кто дерзнул хоть слегка усомниться в его тайне; он оскорбил испанских офицеров, он в

открытом море отрешил от должности знатного королевского чиновника и обошелся с ним, как с преступником. Все это может быть оправдано только огромным, решающим успехом. Ведь и капитаны, и экипаж ни одного часа, ни одной минуты дольше не согласились бы ему повиноваться, если бы он не то что признал – об этом не может быть и речи, – а хотя бы намеком дал им понять, что далеко не так уверен в удачном исходе дела, как там, на родине, когда он давал обещания их королю; последний юнга отказался бы снимать перед ним шапку.

Для Магеллана уже нет возврата: в минуту, когда он велел бы повернуть руль и взять курс на Бразилию, он из начальника своих офицеров превратился бы в их пленника. Вот почему он принимает отважное решение. Подобно Кортесу, который в том же году сжег все суда своей флотилии, дабы лишить своих воинов возможности вернуться, Магеллан решает задержать корабли и экипаж в столь отдаленном месте, что даже если бы они и захотели, у них уже не было бы возможности принудить его к возвращению. Если затем, весной, он найдет пролив – дело выиграно. Не найдет – все пропало: среднего пути для Магеллана нет. Только упорство может даровать ему силу, только отвага – спасти его. И снова этот непостижимый, но все учитывающий человек готовится в тиши к решительному удару.

Тем временем бури день ото дня все яростней, уже по-зимнему набрасываются на корабли. Флотилия едва продвигается вперед. Целых два месяца потребовалось на то, чтобы пробиться на каких-нибудь двенадцать градусов дальше к югу.

Наконец 31 марта на пустынном побережье снова открывается залив. Первый взгляд адмирала таит в себе его последнюю надежду. Не ведет ли этот залив вглубь, не он ли и есть заветный paso? Нет, это закрытая бухта. Тем не менее Магеллан велит войти в нее. А так как уже из беглого осмотра явствует, что здесь нет недостатка в ключевой воде и рыбе, он отдает приказ спустить якоря. И к великому своему изумлению, а быть может, и испугу, капитаны и команда узнают, что их адмирал (никого не предупредив, ни с кем не посоветовавшись) решил расположиться на зимовку здесь, в бухте Сан-Хулиан, в этом никому не ведомом, необитаемом заливе, лежащем на сорок девятом градусе южной широты, одном из самых мрачных и пустынных мест земного шара, где никогда не бывал еще ни один мореплаватель.

Мятеж

2 апреля 1520 г. – 7 апреля 1520 г.

В морозной темнице, в далеком, омраченном низко нависшими тучами заливе Сан-Хулиан обострившиеся отношения неминуемо должны были привести к еще более резким столкновениям, чем в открытом море. И ничто разительнее не свидетельствует о непоколебимой твердости Магеллана, как то, что он перед лицом столь тревожного настроения команды не устрашился мероприятия, которое неизбежно должно было усилить уже существующее недовольство. Магеллан один из всех знает, что в благодатные тропические страны флотилия в лучшем случае попадет через много месяцев; поэтому он отдает приказ экономнее расходовать запасы продовольствия и сократить ежедневный рацион. Фантастически смелый поступок: там, на краю света, в первый же день обозлить и без того уже раздраженный экипаж приказом о сокращении выдачи хлеба и вина.

И действительно, только эта энергичная мера спасла впоследствии флотилию. Никогда бы она не выдержала знаменитого стодневного плавания по Тихому океану, не будь сохранен в неприкосновенности определенный запас провианта. Но команда, глубоко равнодушная к не известному ей замыслу, совсем не расположена покорно принять такое ограничение. Инстинкт – и достаточно здравый – подсказывает изнуренным матросам, что даже если это плавание вознесет до небес их адмирала, то по меньшей мере три четверти из них расплатятся за его торжество бесславной гибелью от морозов и голода, непосильного труда и лишений. Если не хватает продовольствия, ропщут они, надо повернуть назад; и так уж они продвинулись дальше на юг, чем кто бы то ни было. Никто не сможет упрекнуть их на родине, что они не выполнили своего долга. Несколько человек уже погибли от холода, а ведь они нанимались в экспедицию на Молуккские острова, а не в Ледовитый океан.

На эти крамольные слова тогдашние летописи заставляют Магеллана отвечать речью, плохо вяжущейся со сдержанным, лишенным пафоса языком этого человека и слишком отдающей Плутархом и Фукидидом, чтобы быть достоверной. Он изумлен тем, что они, кастильцы, проявляют такую слабость, забывая, что предприняли это плавание единственно, чтобы послужить своему королю и своей родине. Когда, говорит он далее, ему поручили командование, он рассчитывал найти в своих спутниках дух мужества, издревле вдохновлявший испанский народ. Что касается его самого – он решил лучше умереть, чем с позором вернуться в Испанию. Итак, пусть они терпеливо дожидаются, пока пройдет зима; чем большими будут лишения, тем щедрее отблагодарит их потом король.

Но никогда еще красивые слова не укрощали голодный желудок. Не красноречие спасает Магеллана в тот критический час, а твердость принятого им решения не поддаваться, не идти ни на малейшие уступки. Сознательно вызывает он противодействие, чтобы тотчас железной рукой сломить его; лучше сразу пойти на решающее объяснение, чем томительно долго его откладывать! Лучше ринуться навстречу тайным врагам, чем ждать, пока они прижмут тебя к стене!

Что такое решающее объяснение должно последовать, и к тому же в ближайшее время, Магеллан от себя не скрывает. Слишком усилилось за последние недели напряжение, создаваемое безмолвной, пристальной взаимной слежкой, угрюмым молчанием Магеллана и капитанов; слишком невыносима эта взаимная холодная отчужденность – день за днем, час за часом на борту одного и того же тесного судна. Когда-нибудь это молчание должно наконец разрядиться в бурном возмущении или в насилии.

Виноват в этом опасном положении скорее Магеллан, чем испанские капитаны, и слишком уж дешев обычный прием – изображать не покорных Магеллану офицеров сворой бесчестных предателей, всегдашних завистников и врагов гения. В ту критическую минуту капитаны флотилии были не только вправе, но были обязаны требовать от него раскрытия его дальнейших намерений, ибо дело шло не только об их собственных жизнях, но и о жизнях вверенных им королем людей. Если Карл V назначил Хуана де Картахену, Луиса де Мендосу и Антонио де Кока на должность надзирающих за флотилией чиновников, то вместе с их высоким званием он возложил на них и определенную ответственность. Их дело – следить за сохранностью королевского достояния, пяти судов флотилии, и защищать их, если они подвергнутся опасности. А теперь им действительно грозит опасность, смертельная опасность.

Прошли многие месяцы – Магеллан не отыскал обещанного пути, не достиг Молуккских островов. Следовательно, ничего нет оскорбительного, если, перед лицом очевидной беспомощности Магеллана, принявшие присягу и получающие жалованье королевские чиновники требуют наконец, чтобы он хоть частично доверил им свою великую тайну, раскрыл перед ними свои карты. То, чего требовали капитаны, было в порядке вещей: начальнику экспедиции пора наконец покончить с этой игрой в прятки, пора сесть с ними за стол и совместно обсудить вопрос о дальнейшем курсе, как впоследствии резюмирует их требования дель Кано в

протоколе[210]: «Que tomase consejo con sus oficiales y que diese la derrota a donde queria ir».[211]

Но злосчастный Магеллан – в этом и его вина, и его страдание – не может раскрыть свои карты, не будучи вполне уверен, что козырь действительно у него в руках. Он не может для своего оправдания представить портулан Мартина Бехайма, потому что там paso ошибочно отмечен на сороковом градусе южной широты. Не может, после того как он отстранил от должности Хуана де Картахену, признать: «Я был обманут ложными сообщениями, и я обманул вас». Не может допустить вопросов о местонахождении пресловутого paso, потому что сам все еще не знает ответа. Он должен притвориться слепым, глухим, должен прикусить язык и только держать наготове крепко стиснутый кулак на случай, если это назойливое любопытство станет для него угрожающим.

В общем, положение таково: королевские чиновники решили во что бы то ни стало добиться объяснения от упорно молчащего адмирала и потребовать у него отчета о его дальнейших намерениях. А Магеллан, чьи счета не сойдутся, покуда paso не будет найден, не может допустить, чтобы его принудили отвечать и объясняться, иначе доверие к нему и его авторитет погибли.

Итак, совершенно очевидно: на стороне офицеров – право, на стороне Магеллана – необходимость. Если они теперь так настойчиво теснят его, то их напор не праздное любопытство, а долг.

К их чести нужно сказать, что не из-за угла, не предательски напали они на Магеллана. Они в последний раз дают ему понять, что их терпение истощилось, и Магеллану, если бы он захотел, нетрудно было понять этот намек.

Чтобы загладить обиду, нанесенную капитанам его самовластным распоряжением, Магеллан решает сделать учтивый жест: он официально приглашает их прослушать вместе с ним пасхальную заутреню и затем отобедать на флагманском судне.

Но испанских дворян такой дешевой ценой не купишь, одним обедом от них не отделаешься. Сеньор Фернандо де Магальяйнш, единственно своими россказнями добившийся звания кавалера ордена Сант-Яго, в течение девяти месяцев ни разу не удостоил опытных моряков и королевских чиновников беседы о положении флотилии: теперь они, вежливо поблагодарив, отказываются от этой нежданной милости – праздничной трапезы. Вернее, они даже не благодарят, считая и такое более чем сдержанное изъявление вежливости излишним. Не давая себе труда ответить отказом, три капитана – Гаспар Кесада, Луис де Мендоса, Антонио де Кока – попросту пропустили мимо ушей приглашение

адмирала.

Незанятыми остаются приготовленные стулья, нетронутыми яства. В мрачном одиночестве сидит Магеллан за накрытым столом вместе со своим двоюродным братом Алваро де Мескитой, которого он собственной властью назначил капитаном, и, верно, его не очень тешит эта задуманная как праздник мира пасхальная трапеза. Своим непоявлением все три капитана открыто бросили вызов. Во всеуслышание заявили ему: «Тетива туго натянута! Берегись – или одумайся!»

Магеллан понял предостережение. Но ничто не может смутить этого человека с железными нервами. Спокойно, ничем не выдавая своей обиды, сидит он за столом с Алваро де Мескитой, спокойно отдает на борту обычные приказы, спокойно, распростерши свое крупное, грузное тело, готовится отойти ко сну. Вскоре гаснут все огни; неподвижно, словно огромные черные задремавшие звери, стоят пять кораблей в туманном заливе; с борта одного из них лишь с трудом можно различить очертания другого, так глубок мрак этой по-зимнему долгой ночи под затянутым тучами небом.

В непроглядной тьме не видно, за шумом прибоя не слышно, как около полуночи от одного из кораблей тихо отделяется шлюпка и бесшумными взмахами весел продвигается к «Сан-Антонио». Никто и не подозревает, что в этой осторожно, словно челн контрабандиста, скользящей по волнам шлюпке притаились королевские капитаны – Хуан де Картахена, Гаспар Кесада и Антонио де Кока.

План трех действующих сообща офицеров разработан умно и смело. Они знают: чтобы одолеть такого отважного противника, как Магеллан, нужно обеспечить себе значительное превосходство сил. И это численное превосходство предусмотрел Карл V: при отплытии только один из кораблей – флагманское судно Магеллана – был доверен португальцу, а в противовес этому испанский двор мудро поручил командование остальными четырьмя судами испанским капитанам. Правда, Магеллан самовольно опрокинул это установленное желанием императора соотношение, отняв под предлогом «ненадежности» сначала у Хуана де Картахены, а затем у Антонио де Кока командование «Сан-Антонио» и передав командование этим судном, первым по значению после флагманского, своему двоюродному брату Алваро де Меските.

Твердо держа в руках два самых крупных корабля, он при критических обстоятельствах и в военном отношении будет главенствовать над флотилией. Имеется, следовательно, только одна возможность сломить его сопротивление и восстановить

предуказанный императором порядок: как можно скорее захватить «Сан-Антонио» и каким-нибудь бескровным способом обезвредить незаконно назначенного капитаном Алваро де Мескиту Тогда соотношение будет восстановлено, и они смогут заградить Магеллану выход из залива, покуда он не соблаговолит дать королевским чиновникам все нужные им объяснения.

Отлично продуман этот план и не менее тщательно выполнен испанскими капитанами. Бесшумно подбирается шлюпка с тридцатью вооруженными людьми к погруженному в дремоту «Сан-Антонио», на котором – кто здесь в бухте помышляет о неприятеле? – не выставлена ночная вахта.

По веревочным трапам взбираются на борт заговорщики во главе с Хуаном де Картахеной и Антонио де Кока. Бывшие командиры «Сан-Антонио» и в темноте находят дорогу к капитанской каюте: прежде чем Алваро де Мескита успевает вскочить с постели, его со всех сторон обступают вооруженные люди; мгновение – он в кандалах и уже брошен в каморку судового писаря. Только теперь просыпаются несколько человек; один из них – кормчий Хуан де Элорьяга – чует измену. Грубо спрашивает он Кесаду что ему понадобилось ночью на чужом корабле. Но Кесада отвечает шестью молниеносными ударами кинжала, и Элорьяга падает, обливаясь кровью. Всех португальцев на «Сан-Антонио» заковывают в цепи; тем самым выведены из строя надежнейшие приверженцы Магеллана, а чтобы привлечь на свою сторону остальных, Кесада приказывает отпереть кладовые и дозволяет матросам наконец-то вволю наесться и напиться.

Итак, если не считать досадного происшествия – удара кинжалом, придавшего этому налету характер кровавого мятежа, – дерзкая затея испанских капитанов полностью удалась. Хуан де Картахена, Кесада и де Кока могут спокойно возвратиться на свои суда, чтобы в крайнем случае привести их в боевую готовность; командование «Сан-Антонио» поручается человеку, имя которого здесь появляется впервые, – Себастьяну дель Кано. В этот час он призван помешать Магеллану в осуществлении заветной мечты; настанет другой час, когда его, именно его, изберет судьба для завершения великого дела Магеллана.

Потом корабли опять недвижно, словно огромные черные дремлющие звери, покоятся в туманном заливе. Ни звука, ни огонька; догадаться о том, что произошло, невозможно.

По-зимнему поздно и неприветливо брезжит рассвет в этом угрюмом крае. Все так же недвижно стоят пять судов флотилии на

том же месте в морозной темнице залива. Ни по какому внешнему признаку не может догадаться Магеллан, что верный его друг и родственник, что все находящиеся на борту «Сан-Антонио» португальцы закованы в цепи, а вместо Мескиты судном командует мятежный капитан.

На мачте развевается тот же вымпел, что и накануне, издали все выглядит по-прежнему, и Магеллан велит начать обычную работу: как всегда по утрам, он посылает с «Тринидад» лодку к берегу, чтобы доставить оттуда дневной рацион дров и воды для всех кораблей. Как всегда, лодка сначала подходит к «Сан-Антонио», откуда регулярно каждый день отряжают на работу по нескольку матросов. Но странное дело: на этот раз, когда лодка приближается к «Сан-Антонио», с борта не спускают веревочного трапа, ни один матрос не показывается, а когда гребцы сердито кричат, чтобы там, на палубе, пошевелились, им сообщают ошеломляющую весть: на этом корабле не подчиняются приказам Магеллана, а повинуются только капитану Гаспару Кесаде. Ответ слишком необычен, и матросы гребут обратно, чтобы обо всем доложить адмиралу.

Он сразу уясняет себе положение: «Сан-Антонио» в руках мятежников. Магеллана перехитрили. Но даже это убийственное известие не в состоянии хотя бы на минуту ускорить биение его пульса, затемнить здравость его суждений. Прежде всего необходимо учесть размер опасности: сколько судов еще за него, сколько против? Без промедления посылает он ту же шлюпку от корабля к кораблю. За исключением незначительного «Сант-Яго», все три корабля – «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория» – оказываются на стороне бунтовщиков. Итак, три против двух, или, вернее, три против одного – «Сант-Яго» не может считаться боевой единицей.

Казалось бы, партию надо считать проигранной, всякий другой прекратил бы игру. За одну ночь погибло дело, которому Магеллан посвятил несколько лет своей жизни. С одним только флагманским судном он не в состоянии продолжать плавание в неведомую даль, а от остальных кораблей он не может ни отказаться, ни принудить их к повиновению. В этих водах, которых никогда еще не касался киль европейского судна, помощи ждать неоткуда. Лишь две возможности остаются Магеллану в этом ужасающем положении: первая – логическая ввиду численного превосходства врага, в сущности, сама собой разумеющаяся – преодолеть свое упорство и пойти на примирение с испанскими капитанами; и затем вторая – совершенно абсурдная, но героическая: поставить все на карту и, несмотря на полную безнадежность, попытаться нанести мощный

ответный удар, который принудит бунтовщиков смириться.

Все говорит за первое решение – за то, чтобы пойти на уступки. Ведь мятежные капитаны еще не посягнули на жизнь адмирала, не предъявили ему определенных требований. Недвижно стоят их корабли, пока что от них не приходится ждать вооруженного нападения. Испанские капитаны, несмотря на свое численное превосходство, тоже не хотят за многие тысячи миль от родины начать бессмысленную братоубийственную войну. Слишком памятна им присяга в Севильском соборе, слишком хорошо известна позорная кара за мятеж и дезертирство. Облеченные королевским доверием дворяне Хуан де Картахена, Луис де Мендоса, Гаспар Кесада, Антонио де Кока хотят возвратиться в Испанию с почетом, а не с клеймом предательства, поэтому они не подчеркивают своего перевеса, а с самого начала заявляют о готовности вступить в переговоры. Не кровавую распрю хотят они начать захватом «Сан-Антонио», а только оказать давление на адмирала, принудить упорного молчальника наконец объявить им дальнейший путь следования королевской флотилии.

Вот почему письмо, которое уполномоченный мятежных капитанов Гаспар Кесада посылает Магеллану, отнюдь не является вызовом, а, напротив, смиренно озаглавлено «Suplicacion», то есть «Прошение», составленное в учтивейших выражениях, оно начинается с оправдания совершенного ночью налета. Только дурное обращение Магеллана, гласит это письмо, принудило их захватить корабль, начальниками которого их назначил сам король. Но пусть адмирал не истолковывает этот поступок как отказ признавать пожалованную ему королем верховную власть над флотилией. Они только требуют лучшего обхождения в дальнейшем, и, если он согласен выполнить это справедливое пожелание, они будут служить ему не только послушно, как того требует долг, но и с глубочайшим почтением. (Письмо написано таким неимоверно напыщенным слогом, что дать точный перевод его невозможно.) «Y si Hasta alii le habian llamado de merced, dende en adelante le llamarian de senoria y le besarian pies y manos».[212] При наличии несомненного военного превосходства на стороне испанских капитанов это предложение весьма заманчиво. Но Магеллан уже давно избрал другой, героический, путь. От его проницательного взора не ускользнуло слабое место противника – неуверенность в себе. По тону их послания он догадался, что в глубине души главари мятежа не решаются довести дело до крайности; в этом колебании, при их численном превосходстве, он увидел единственное слабое место в позиции испанских капитанов. Если использовать этот шанс,

нанести молниеносный удар, быть может, дело примет иной оборот, смелым ходом будет выиграна партия, казалось бы, уже потерянная.

Однако – приходится это снова отметить и подчеркнуть – Магелланову понятию смелости присущ совершенно особый оттенок. Действовать смело – для него не значит рубить сплеча, стремительно бросаться вперед, а напротив: с величайшей осторожностью и обдуманностью браться за беспримерное по своей смелости начинание. Дерзновеннейший замысел Магеллана всегда, подобно добротной стали, сначала выковывается на огне страстей, а потом закаляется во льду трезвого размышления, и все опасности он преодолевает именно благодаря этому соединению фантазии и рассудочности.

Его план готов в одну минуту, остальное время понадобится лишь на то, чтобы точно учесть детали. Магеллану ясно: он должен сделать то же, что сделали его капитаны, – должен завладеть хотя бы одним судном, чтобы снова получить перевес. Но как легко далось это бунтовщикам и как трудно придется Магеллану! Они под покровом ночи напали на ничего не подозревающих людей. Спал капитан, спала команда. Никто не готовился к обороне, ни у кого из матросов не было оружия под рукой. Но теперь, среди бела дня… Недоверчиво следят мятежные капитаны за каждым движением на флагманском судне. Пушки и бомбардиры приведены в боевую готовность, аркебузы заряжены; мятежникам слишком хорошо известно мужество Магеллана, они считают его способным на самый отчаянный шаг.

Но им известно только его мужество, его изворотливости они не знают. Они не подозревают, что этот молниеносно все учитывающий человек отважится на невероятное – напасть среди бела дня с горстью людей на три превосходно вооруженных судна. Гениальным маневром было уже то, что объектом дерзновенного удара он намечает не «Сан-Антонио», где томится в цепях его двоюродный брат Мескита. Ведь там, разумеется, скорее всего ждут нападения. Но именно потому, что удара ждут справа, Магеллан бьет слева, – не по «Сан-Антонио», а по «Виктории».

Контратака Магеллана блестяще продумана вплоть до мельчайших подробностей. Прежде всего он задерживает шлюпку и матросов, передавших ему составленное Кесадой «прошение», предлагающее вступить в переговоры.

Этим он достигает двух целей: во-первых, в случае вооруженного столкновения ряды бунтовщиков будут ослаблены хотя бы на несколько человек, а во-вторых, благодаря этому мгновенно осуществляемому захвату в его распоряжении уже не

одна шлюпка, а две, и это на первый взгляд ничтожное преимущество вскоре окажет решающее воздействие на ход событий.

Теперь он, оставив шлюпку «Тринидад» в резерве, может на шлюпке, захваченной у мятежников, отправить беззаветно преданного ему каптенармуса, альгвасила флота Гонсало Гомеса де Эспиносу с пятью матросами на «Викторию» – передать капитану Луису де Мендосе ответное письмо.

Не чуя опасности, следят мятежники со своих превосходно вооруженных судов за приближением крохотной шлюпки. Никаких подозрений у них не возникает. Разве могут шестеро людей, сидящих в этой шлюпке, напасть на «Викторию» с ее шестью десятками вооруженных матросов, множеством заряженных бомбард и опытным капитаном Луисом де Мендосой? Да и как им догадаться, что под камзолами у этих шестерых спрятано оружие и что Гомесу де Эспиносе дано особое задание? Неспешно, совсем неспешно, с нарочитой, тщательно обдуманной медлительностью – каждая секунда рассчитана – взбирается он со своими пятью воинами на борт и вручает капитану Луису де Мендосе письменное приглашение явиться для переговоров на флагманский корабль.

Мендоса читает письмо. Но ему слишком памятна сцена, в свое время разыгравшаяся на «Тринидад», когда Хуан де Картахена внезапно был схвачен как преступник. Нет, Луис де Мендоса не будет таким глупцом, чтобы дать заманить себя в ту же ловушку. «Э, нет, тебе меня не заполучить», «No me, pallaras alia», – со смехом говорит он, читая письмо. Но смех переходит в глухое клокотанье – кинжал альгвасила пронзил ему горло.

В эту критическую минуту – можно только поражаться, с какой фантастической точностью Магеллан заранее рассчитал каждый метр, каждый взмах весел, необходимый на то, чтобы добраться с одного корабля до другого, – на борт «Виктории» поднимаются пятнадцать с головы до ног вооруженных воинов во главе с Дуарте Барбосой, подплывшие на другой шлюпке. Команда в остолбенении глядит на бездыханное тело своего капитана, которого Эспиноса прикончил одним ударом. Не успели они осмыслить происшедшее и принять какое-либо решение, как Дуарте Барбоса уже взял на себя командование, его люди уже заняли важнейшие посты, вот он уже отдает приказания, и оробевшие моряки испуганно повинуются ему. Мгновенно поднят якорь, поставлены паруса – и прежде чем на двух мятежных судах поняли, что гром грянул с ясного неба, «Виктория» в качестве законной добычи адмирала уже направилась к флагманскому судну. Три корабля – «Тринидад»,

«Виктория» и «Сант-Яго» – стоят теперь против «Сан-Антонио» и «Консепсьон» и, заграждая выход в открытое море, лишают бунтовщиков возможности спастись бегством.

Благодаря этому стремительному маневру чаша весов одним рывком взметнулась вверх, партия, уже потерянная, была выиграна. В какие-нибудь пять минут испанские капитаны утратили превосходство; теперь им представляется три возможности: бежать, бороться или сдаться без боя. Бегство адмирал сумел предупредить, заперев своими тремя кораблями выход из залива. Бороться они уже не могут: внезапный удар Магеллана сокрушил мужество его противников. Тщетно старается Гаспар де Кесада, в полном вооружении, с копьем в одной руке и мечом в другой, призвать экипаж к борьбе. Перепуганные матросы не решаются следовать за ним, и стоит только шлюпкам с людьми Магеллана вплотную подойти к борту, как всякое сопротивление на «Сан-Антонио» и «Консепсьон» прекращается. Пробывший несколько часов в заключении Алваро де Мескита вновь получает свободу; в те самые цепи, которыми был унижен верный соратник Магеллана, теперь заковывают мятежных капитанов.

Быстро, как летняя гроза, разрядилось напряжение; первая же вспышка молнии расщепила мятеж до самого корня. Но возможно, что эта открытая борьба была лишь наиболее легкой частью задачи, ибо, согласно морским и военным законам, виновные обязательно должны понести суровую кару. Мучительные сомнения обуревают Магеллана. Королевский приказ даровал ему безусловное право вершить правосудие, решать вопрос о жизни и смерти. Но ведь главари мятежа облечены, как и он сам, королевским доверием.

Во имя сохранения своего авторитета ему надлежало бы теперь беспощадно расправиться с восставшими. Но в то же время он не может покарать всех мятежников. Ибо как продолжать путь, если, согласно военным законам, пятая часть всей команды будет вздернута на реи? За тысячи миль от родины, в пустынном краю адмирал флотилии не может лишиться нескольких десятков рабочих рук; следовательно, ему нужно и дальше везти виновных с собой, хорошим обращением снова привлечь их на свою сторону, а вместе с тем запугать их зрелищем примерного наказания.

Магеллан решается для острастки и поддержки неоспоримости своего авторитета пожертвовать одним человеком, и его выбор падает на единственного, кто обнажал оружие, – на

капитана Гаспара Кесаду, нанесшего смертельную рану его верному кормчему Элорьяге.

Торжественно начинается этот вызванный крайней необходимостью процесс: призваны писцы – escribeiros, показания свидетелей заносятся в протокол; так же пространно и педантично, как если б это происходило в судебной палате Севильи или Сарагосы, исписывают они в пустынных просторах Патагонии лист за листом драгоценной здесь бумаги. На «ничьей земле» открывается заседание суда; председатель Мескита предъявляет бывшему капитану королевской армады Гаспару Кесаде обвинения в убийстве и мятежных действиях, а Магеллан выносит приговор: Гаспар Кесада присуждается к смертной казни, и единственная милость, которую адмирал оказывает испанскому дворянину, состоит в том, что орудием казни будет не веревка – garrotta, а меч.

Но кому же быть палачом? Вряд ли кто-нибудь из команды пойдет на это добровольно. Наконец палача удается найти, правда, страшной ценой. Слуга Кесады тоже приложил руку к убийству Элорьяги и тоже приговорен к смертной казни. Ему предлагают помилование, если он согласится обезглавить Кесаду Вероятно, альтернатива – быть казненным самому или казнить своего господина – причинила Луису де Молино, слуге Кесады, тяжкие душевные муки. Но в конце концов он соглашается. Ударом меча он обезглавливает Кесаду, тем самым спасая собственную голову. По гнусному обыкновению тех времен, труп Кесады, как и труп ранее убитого Мендосы, четвертуют, а изуродованные останки натыкают на шесты; этот страшный обычай Тауэра и других лобных мест Европы впервые переносится на почву Патагонии.

Но еще и другой приговор предстоит вынести Магеллану – и кто может сказать, будет ли он более мягким или более жестоким, чем казнь через обезглавливание? Хуан де Картахена, собственно зачинщик мятежа, и один из священников, все время разжигавший недовольство, тоже признаны виновными. Но тут даже у Магеллана, при всей его отваге, не поднимается рука подписать смертный приговор. Не может королевский адмирал передать в руки палача того, кто самим королем приравнен к нему в качестве conjuncta persona. К тому же Магеллан, как набожный католик, никогда не возьмет на душу тяжкий грех – пролить кровь пастыря, принявшего помазание священным елеем. Заковать обоих зачинщиков в кандалы и таскать их с собой вокруг света тоже не представляется возможным, и Магеллан уклоняется от решения, присудив Картахену и священника к изгнанию из королевской флотилии. Когда настанет время снова поднять

паруса, оба они, снабженные некоторым количеством вина и съестных припасов, будут оставлены на пустынном берегу бухты Сан-Хулиан, а затем – пусть решает Господь, жить им или умереть.

Прав ли был Магеллан или не прав, когда он вынес в бухте Сан-Хулиан этот беспощадный приговор? Заслуживают ли безусловного доверия составленные под наблюдением его двоюродного брата Мескиты судебные протоколы, которые ничего не приводят в оправдание виновных? Но, с другой стороны, правдивы ли позднейшие показания испанских капитанов, данные уже в Севилье и утверждающие, будто Магеллан в награду за злодейское убийство Мендосы уплатил альгвасилу и сопровождающим его матросам двенадцать дукатов и, сверх того, выдал им все имущество обоих умерщвленных дворян?

Магеллана к тому времени уже не было в живых, опровергнуть эти показания он не мог. Почти каждое событие, уже мгновение спустя после того как оно свершилось, может быть истолковано по-разному, и если история впоследствии и оправдала Магеллана, то не надо забывать, что она обычно оправдывает победителя и осуждает побежденных. Геббель однажды обмолвился проникновенным словом: «Истории безразлично, как совершаются события. Она становится на сторону тех, кто творит великие дела и достигает великих целей». Не найди Магеллан paso, не соверши он своего подвига, умерщвление возражавших против его опасного предприятия капитанов расценивалось бы как обыкновенное убийство. Но так как Магеллан оправдал себя подвигом, стяжавшим ему бессмертие, то бесславно погибшие испанцы были преданы забвению, а суровость и непреклонность Магеллана – если не морально, то исторически – признаны правомерными.

Во всяком случае, кровавый приговор, вынесенный Магелланом, послужил опасным примером для самого гениального из его последователей и продолжателей, для Фрэнсиса Дрейка. Когда пятьдесят семь лет спустя отважному английскому мореплавателю и пирату в столь же опасном плавании угрожает столь же опасный бунт его команды, он, бросив якорь в той же злополучной бухте Сан-Хулиан, отдает мрачную дань своему предшественнику, повторяя его беспощадную расправу.

Фрэнсис Дрейк в точности знает все, что произошло во время Магелланова плавания, ему известны протоколы и жестокая расправа адмирала с мятежниками; по преданию, он даже нашел в этой бухте кровавую плаху, на которой пятьдесят семь лет назад был казнен один из главарей мятежа. Имя восставшего против

Дрейка капитана – Томас Доути; подобно Хуану де Картахене, он во время плавания был закован в цепи, и – странное совпадение! – на том же побережье, в той же puerto negro[213], бухте Сан-Хулиан, и ему был вынесен приговор. И этот приговор также гласил: смерть. Разница лишь в том, что Фрэнсис Дрейк предоставляет своему бывшему другу мрачный выбор – принять, подобно Гаспару Кесаде, быструю и почетную смерть от меча или же, подобно Хуану де Картахене, быть покинутым в этом заливе.

Доути, тоже читавший историю Магелланова плавания, знает, что никто никогда уже не слыхал больше о Хуане де Картахене и об оставленном вместе с ним священнике, – по всей вероятности, они погибли мучительной смертью, – и отдает предпочтение верной, но быстрой, достойной мужчины и воина смерти – через обезглавливание. Снова падает на песок отрубленная голова. Извечный рок, тяготеющий над человечеством, – почти все достопамятные деяния обагрены кровью, и совершить великое удается только самым непреклонным из людей.

Великое мгновение

7 апреля 1520 г. – 28 ноября 1520 г.

Без малого пять месяцев удерживает холод флотилию в унылой, злосчастной бухте Сан-Хулиан. Томительно долго тянется время в этом страшном уединении, но адмирал, зная, что сильней всего располагает к недовольству безделье, с самого начала занимает матросов непрерывной, напряженной работой. Он приказывает осмотреть от киля до мачт и починить износившиеся корабли, нарубить деревьев, напилить досок. Придумывает, быть может, даже ненужную работу, лишь бы поддержать в людях обманчивую надежду, что вскоре возобновится плавание, что, покинув унылую морозную пустыню, они направятся к благодатным островам Южного моря.

Наконец появляются первые признаки весны. В эти долгие, по-зимнему пасмурные, мглистые дни морякам казалось, что они затеряны в пустыне, не населенной ни людьми, ни животными, и вполне понятное чувство страха – прозябать здесь, вдали от всего человеческого, подобно пещерным жителям, – еще больше омрачало их дух.

И вдруг однажды утром на прибрежном холме показывается какая-то странная фигура – человек, в котором они поначалу не признают себе подобного, ибо в первую минуту испуга и изумления он кажется им вдвое выше обычного человеческого роста. «Duobus humanam superantes staturam»[214], – пишет о нем Петр Ангиерский, а Пигафетта подтверждает его свидетельство словами: «Этот человек отличался таким гигантским ростом, что мы едва достигали ему до пояса. Был он хорошо сложен, лицо у него было широкое, размалеванное красными полосами; вокруг глаз нарисованы желтые круги, а на щеках – два пятна в виде сердца. Короткие волосы выбелены, одежда состояла из искусно сшитых шкур какого-то животного». Особенно дивились испанцы невероятно большим ногам этого исполинского человекообразного чудища, в честь этого «великоногого» – «patagao» – они стали называть туземцев патагонцами, а их страну – Патагонией.

Но вскоре страх перед сыном Еноха рассеивается. Облаченное в звериные шкуры существо приветливо ухмыляется, широко расставляя руки, приплясывает и поет и при этом непрерывно посыпает песком волосы. Магеллан, еще по прежним своим путешествиям несколько знакомый с нравами первобытных народов, правильно истолковывает эти действия как попытки к мирному сближению и велит одному из матросов подобным же

образом плясать и также посыпать себе голову песком. На потеху усталым морякам дикарь и вправду принимает эту пантомиму за дружественное приветствие и доверчиво приближается.

Теперь, как в «Буре», Тринкуло и его товарищи обрели наконец своего Калибана; впервые за долгий срок бедным истосковавшимся матросам представляется случай развлечься и вволю посмеяться. Ибо когда добродушному великану неожиданно суют под нос металлическое зеркальце, он, впервые увидев в нем собственное лицо, от изумления стремительно отскакивает и сшибает с ног четверых матросов. Аппетит у него такой, что матросы, глядя на него, от изумления забывают о скудности собственного рациона. Вытаращив глаза, наблюдают они, как новоявленный Гаргантюа залпом выпивает ведро воды и съедает на закуску полкорзины сухарей. А какой шум поднимается, когда он на глазах у изумленных и слегка испуганных зрителей живьем, даже не содрав шкуры, съедает несколько крыс, принесенных матросами в жертву его ненасытному аппетиту. С обеих сторон – между обжорой и матросами – возникает искренняя симпатия, а когда Магеллан вдобавок дарит ему две-три погремушки, тот спешит привести еще несколько великанов и даже великанш.

Но эта доверчивость окажется гибельной для простодушных детей природы. Магеллан, как и Колумб, и все другие конквистадоры, получил от Casa de la Contratacion задание – привезти на родину по нескольку экземпляров не только растений и минералов, но и всех неизвестных человеческих пород, какие ему придется встретить. Поймать живьем такого великана сперва кажется матросам столь же опасным, как схватить за плавник кита. Боязливо ходят они вокруг да около патагонцев, но в последнюю минуту у них каждый раз не хватает смелости. Наконец они пускаются на гнусную уловку.

Двум великанам суют в руки такое множество подарков, что им приходится всеми десятью пальцами удерживать добычу. А затем блаженно ухмыляющимся туземцам показывают еще какие-то на диво блестящие, звонко брякающие предметы – ножные кандалы – и спрашивают, не желают ли они надеть их на ноги. Лица бедных патагонцев расплываются в широчайшую улыбку; они усердно кивают головой, с восторгом представляя себе, как эти диковинные штуки будут звенеть и греметь при каждом шаге. Крепко держа в руках подаренные безделушки, дикари, согнувшись, с любопытством наблюдают, как к их ногам прилаживают блестящие холодные кольца, так весело бренчащие; но вдруг – дзинь, и они в оковах. Теперь великанов можно без страха, словно мешки с песком, повалить наземь, в кандалах они

уже не страшны.

Обманутые туземцы рычат, катаются по земле, брыкаются и – это название у них позаимствовал Шекспир – призывают на помощь свое божество, чародея Сетебоса. Но Casa de la Contratacion нужны диковинки. И вот, как оглушенных быков, волокут беззащитных великанов на суда, где им, по недостатку пищи, суждено вскоре захиреть и погибнуть. Вероломное нападение «культуртрегеров» одним ударом разрушило доброе согласие между туземцами и моряками. Отныне патагонцы чуждаются обманщиков, а когда испанцы однажды пускаются за ними в погоню с целью не то похитить, не то посетить нескольких великанш, – в этом месте рассказ Пигафетты удивительно сбивчив – они отчаянно защищаются, и один из матросов расплачивается жизнью за эту затею.

Как туземцам, так и испанцам злополучная бухта Сан-Хулиан приносит одни лишь несчастья. Ничто здесь не удается Магеллану, ни в чем ему нет счастья, словно проклятие тяготеет над обагренным кровью берегом. «Только бы скорее отсюда, только бы скорее назад», – стонет команда. «Дальше, дальше, вперед», – мечтает Магеллан, и общее нетерпение растет, по мере того как дни становятся длиннее.

Едва только стихает ярость зимних бурь, как Магеллан уже делает попытку двинуться вперед. Самое маленькое, самое быстроходное из всех своих судов, «Сант-Яго», управляемое надежным капитаном Серрано, он посылает на разведку, словно голубя Ноева ковчега. Серрано поручено, плывя на юг, обследовать все бухты и по истечении известного срока вернуться с донесением. Быстро проходит время, и Магеллан беспокойно и нетерпеливо начинает всматриваться в водную даль.

Но не с моря приходит весть о судьбе корабля, а с суши: однажды с одного из прибрежных холмов, пошатываясь и едва держась на ногах, спускаются какие-то две странные фигуры; сначала моряки принимают их за патагонцев и уже натягивают тетиву арбалетов. Но нагие, полузамерзшие, изнуренные голодом, изможденные, одичавшие люди-призраки кричат им что-то по-испански – это два матроса с «Сант-Яго». Они принесли дурную весть: Серрано достиг было большой, изобилующей рыбой реки с широким и удобным устьем, Рио-де-Санта-Крус, но во время дальнейших разведок судно выбросило штормом на берег. Оно разбилось в щепы. За исключением одного негра, вся команда спаслась и ждет помощи у Рио-де-Санта-Крус. Они вдвоем решили добраться вдоль берега до залива Сан-Хулиан и эти одиннадцать страшных дней питались исключительно травой и кореньями.

Магеллан немедленно высылает шлюпку. Потерпевшие крушение возвращаются в залив. Но что проку от людей – ведь погибло судно, быстроходное, лучше других приспособленное для разведки! Это первая утрата, и, как всякая утрата, понесенная здесь, на другом конце света, она невозместима. Наконец 24 августа Магеллан велит готовиться к отплытию и, бросив последний взгляд на двух оставленных на берегу мятежников, покидает бухту Сан-Хулиан, в душе, вероятно, проклиная день, заставивший его бросить здесь якорь. Одно из его судов погибло, три капитана простились тут с жизнью, а главное – целый год ушел безвозвратно, и ничего еще не сделано, ничего не найдено, ничего не достигнуто.

Должно быть, эти дни были самыми мрачными в жизни Магеллана, возможно, единственными, когда он, столь непоколебимо веривший в свое дело, втайне пал духом. Уже одно то, что при отплытии из залива Сан-Хулиан он с деланной твердостью заявляет о своем решении следовать, если понадобится, вдоль Патагонского побережья даже до семьдесят пятого градуса южной широты, и, только если и тогда соединяющий два океана пролив не будет найден, избрать обычный путь, мимо мыса Доброй Надежды, – уже одни эти оговорки «если понадобится» и «быть может» выдают его неуверенность.

Впервые Магеллан обеспечивает себе возможность отступления, впервые признается своим офицерам, что искомый пролив, быть может, вовсе и не существует или же находится в арктических водах. Он явно утратил внутреннюю убежденность, и вдохновенное предчувствие, заставившее его устремиться на поиски paso, теперь, в решающую минуту, оставляет его.

Вряд ли история когда-либо измышляла более издевательское, более нелепое положение, чем то, в котором очутился Магеллан, когда после двухдневного плавания ему снова пришлось остановиться, на этот раз у открытого капитаном Серрано устья реки Санта-Крус, и снова предписать судам два месяца зимней спячки. Ибо, с точки зрения современных, более точных географических данных, решение это совершенно бессмысленно.

Перед нами человек, движимый великим замыслом, но введенный в заблуждение туманными и вдобавок неверными сообщениями, который поставил целью всей своей жизни найти водный путь из Атлантического океана в Тихий и, таким образом, впервые совершить кругосветное плавание. Благодаря своей демонической воле он сокрушил противодействие материи, он нашел помощников для осуществления своего невыполнимого

плана, покоряющей силой своего почти невыполнимого плана; покоряющей силой своего замысла он побудил чужого монарха доверить ему флотилию и благополучно провел эту флотилию вдоль побережья Южной Америки до мест, которых ранее не достигал еще ни один мореплаватель. Он совладал с морской стихией и с мятежом. Никакие препятствия, никакие разочарования не могли сокрушить его фанатическую веру в то, что он находится уже близко от этого paso, от этой цели всех своих стремлений.

И вот внезапно, перед самой победой, подернулся туманом вещий взор этого вдохновенного человека. Словно боги, невзлюбившие его, намеренно надели ему на глаза повязку. Ибо в тот день – 26 августа 1520 года, когда Магеллан приказывает флотилии снова лечь в дрейф на целых два месяца, он, в сущности, уже у цели. Только на два градуса широты нужно ему еще продвинуться к югу, только два дня пробыть в пути после трехсот с лишним дней плавания, только несколько миль пройти после того, как он уже оставил за собой тысячи, – и его смятенная душа преисполнилась бы ликования.

Но – злая насмешка судьбы! Несчастный не знает и не чувствует, как он близок к цели. В продолжение двух тоскливых месяцев, полных забот и сомнений, ждет он весны, ждет близ устья реки Санта-Крус, у пустынного, забытого людьми берега, уподобляясь человеку, в лютую метель остановившемуся, коченея от холода, у самых дверей своей хижины и не подозревающему, что стоит ему ощупью сделать один только шаг – и он спасен. Два месяца, два долгих месяца проводит Магеллан в этой пустыне, терзаясь мыслью, найдет ли он paso или нет, а всего в двух сутках пути его ждет пролив, который будет славить в веках его имя. До последней минуты человека, решившего, подобно Прометею, похитить у Земли ее сокровенную тайну, будет хищными когтями терзать жестокое сомнение.

Но тем прекраснее затем освобождение! Предельных вершин достигает только то блаженство, которое взметнулось вверх из предельных глубин отчаяния. 18 октября 1520 года, после двух месяцев унылого и ненужного ожидания, Магеллан отдает приказ сняться с якоря. Отслуживается торжественная обедня, команда причащается, и корабли на всех парусах устремляются к югу. Ветер снова яростно противоборствует им, пядь за пядью отвоевывают они у враждебной стихии.

Мягкая зелень все еще не ласкает взор. Пустынно, плоско, угрюмо и неприветливо простирается перед ними необитаемый берег: песок и голые скалы, голые скалы и песок… На третий день плавания, 21 октября 1520 года, впереди наконец обрисовывается

какой-то мыс; у необычайно извилистого берега высятся белые скалы, а за этим выступом, в честь великомучениц, память которых праздновалась в этот день, названным Магелланом Cabo de la Virgines – мысом Дев, взору открывается глубокая бухта с темными, мрачными водами. Суда подходят ближе. Своеобразный, суровый и величественный ландшафт! Обрывистые холмы с причудливыми, ломаными очертаниями, а вдали – уже более года невиданное зрелище! – горы с покрытыми снегом вершинами.

Но как безжизненно все вокруг! Ни одного человеческого существа, кое-где редкие деревья да кусты, и только неумолчный вой и свист ветра нарушают мертвую тишину этой призрачно пустынной бухты. Угрюмо вглядываются матросы в темные глубины. Нелепостью кажется им предположение, что этот стиснутый горами, мрачный, как воды подземного царства, путь может привести к зеленому побережью или даже к Mar del Sur – к светлому, солнечному Южному морю.

Кормчие в один голос утверждают, что этот глубокий выем не что иное, как фьорд, такой же, какими изобилуют северные страны, и что исследовать эту закрытую бухту лотом или бороздить ее во всех направлениях – напрасный труд, бесцельная трата времени. И без того уж слишком много недель потрачено на исследование всех этих патагонских бухт, а ведь ни в одной из них не нашелся выход в желанный пролив. Довольно уже проволочек! Скорее вперед, а если estrecho[215] вскоре не покажется, надо воспользоваться благоприятным временем года и вернуться на родину или же, обычным путем огибая мыс Доброй Надежды, проникнуть в Индийское море.

Но Магеллан, подвластный своей навязчивой идее о существовании неведомого пути, приказывает избороздить вдоль и поперек и эту странную бухту. Без усердия выполняется приказ: куда охотнее они направились бы дальше, ведь все они думали и говорили, что это замкнутая со всех сторон бухта, serrato tutto in torno. Два судна остаются на месте – флагманское и «Виктория», чтобы обследовать прилегающую к открытому морю часть залива. Двум другим – «Сан-Антонио» и «Консепсьон» – дан приказ: как можно дальше проникнуть в глубь бухты, но возвратиться не позднее чем через пять дней. Время теперь стало дорого, да и провиант подходит к концу. Магеллан уже не в состоянии дать две недели сроку, как раньше, возле устья Ла-Плата. Пять дней на рекогносцировку – последняя ставка, все, чем он еще может рискнуть для этой последней попытки.

И вот наступило великое, драматическое мгновение. Два корабля Магеллана – «Тринидад» и «Виктория» – начинают кружить по передней части бухты, дожидаясь, пока «Сан-Антонио» и «Консепсьон» вернутся из разведки. Но вся природа, словно возмущаясь тем, что у нее хотят вырвать ее последнюю тайну, еще раз оказывает отчаянное сопротивление. Ветер крепчает, переходит в бурю, затем в неистовый ураган, часто свирепствующий в этих краях. На старинных испанских картах можно видеть предостерегающую надпись: «No hay buenas estraciones» – «Здесь нет хороших стоянок». В мгновение ока бухта вспенивается в беспорядочном, диком вихре, первым же шквалом все якоря срывает с цепей; беззащитные корабли с убранными парусами преданы во власть стихии. Счастье еще, что неослабевающий вихрь не гонит их на прибрежные скалы.

Сутки, двое суток длится это страшное бедствие. Но не о собственной участи тревожится Магеллан: оба его корабля, хотя буря треплет и швыряет их, все же находятся в открытой части залива, где их можно удерживать на некотором расстоянии от берега. Но те два – «Сан-Антонио» и «Консепсьон»! Они захвачены бурей во внутренней части бухты, грозный ураган налетел на них в теснине, узком проходе, где нет возможности ни лавировать, ни бросить якорь, чтобы укрепиться. Если не свершилось чудо, они уже давно выброшены на сушу и на тысячи кусков разбились о прибрежные скалы.

Лихорадочное, страшное, нетерпеливое ожидание заполняет эти дни, роковые дни Магеллана. В первый день – никаких вестей. Второй – они не вернулись. Третий, четвертый – их все нет. А Магеллан знает: если оба они потерпели крушение и погибли вместе с командой, тогда все потеряно. С двумя кораблями он не может продолжить путь. Его дело, его мечта разбились об эти скалы.

Наконец возглас с марса. Но – ужас! – не корабли, возвращающиеся на стоянку, увидел дозорный, а столб дыма вдали. Страшная минута! Этот сигнал может означать только одно: потерпевшие крушение моряки взывают о помощи. Значит, погибли «Сан-Антонио» и «Консепсьон» – его лучшие суда, все его дело погибло в этой еще безымянной бухте. Магеллан уже велит спускать шлюпку, чтобы двинуться в глубь залива на помощь тем людям, которых еще можно спасти.

Но тут происходит перелом. Это мгновение такого же торжества, как в «Тристане», когда замирающий, скорбный, жалобный мотив смерти в пастушеском рожке внезапно взмывает кверху и перерождается в окрыленную, ликующую, кружащуюся в избытке счастья плясовую мелодию. Парус! Виден корабль! Хвала

Всевышнему, хоть одно судно спасено! Нет, оба, оба. И «Сан-Антонио», и «Консепсьон», вот они возвращаются, целые и невредимые. Но что это? На бак-бортах подплывающих судов вспыхивают огоньки – раз, другой, третий, и горное эхо зычно вторит грому орудий. Что случилось? Почему эти люди, обычно берегущие каждую щепотку пороха, растрачивают его на многократные салюты? Почему – Магеллан едва верит своим глазам – подняты все вымпелы, все флаги? Почему капитаны и матросы кричат, машут руками? Что их так волнует, о чем они кричат? На расстоянии он не может разобрать отдельных слов, никому еще не ясен их смысл. Но все – и прежде всех Магеллан – чувствуют: эти слова возвещают победу.

И правда, корабли несут благословенную весть. С радостно бьющимся сердцем выслушивает Магеллан донесение Серрано. Сначала обоим кораблям пришлось круто. Они зашли уже далеко в глубь бухты, когда разразился этот страшный ураган. Все паруса были тотчас убраны, но бурным течением суда несло все дальше и дальше, гнало в самую глубь залива; уже они готовились к бесславной гибели у скалистых берегов. Но вдруг, в последнюю минуту, заметили, что высящаяся перед ними скалистая гряда не замкнута наглухо, что за одним из утесов, сильно выступающим вперед, открывается узкий проток, подобие канала.

Этим протоком, где буря свирепствовала не так сильно, они прошли в другой залив, как и первый, сначала суживающийся, а затем вновь значительно расширяющийся. Трое суток плыли они, и все не видно было конца этому странному водному пути. Они не достигли выхода из него, но этот необычайный поток ни в коем случае не может быть рекой; вода в нем всюду солоноватая, у берега равномерно чередуются прилив и отлив. Этот таинственный поток не сужается, подобно Ла-Плата, по мере удаления от устья, но, напротив, расширяется. Чем дальше, тем шире стелется полноводный простор, глубина же его остается постоянной. Поэтому более чем вероятно, что этот канал ведет в вожделенное Маг del Sur, берега которого несколько лет назад открылись с панамских высот Нуньесу де Бальбоа, первому европейцу, достигшему этих мест.

Более счастливой вести так много выстрадавший Магеллан не получал за весь последний год. Можно только предполагать, как возликовало его мрачное, ожесточенное сердце при этом обнадеживающем известии! Ведь он уже начал колебаться, уже считался с возможностью возвращения через мыс Доброй Надежды, и никто не знает, какие тайные мольбы и обеты возносил он, преклонив колена, к Богу и его святым угодникам. А теперь, именно в ту минуту, когда его вера начала угасать,

заветный замысел становится реальностью, мечта претворяется в жизнь! Теперь ни минуты промедления! Поднять якоря! Распустить паруса! Последний залп в честь короля, последняя молитва покровителю моряков! А затем – отважно вперед, в лабиринт! Если из этих ахеронских вод он найдет выход в другое море – он будет первым, кто нашел путь вокруг земли! И со всеми четырьмя кораблями Магеллан храбро устремляется в этот пролив, в честь праздника, совпавшего с днем его открытия, названный им проливом Todos los Santos[216]. Но грядущие поколения благодарно переименуют его в Магелланов пролив.

Странное, фантастическое это, верно, было зрелище, когда четыре корабля впервые в истории человечества медленно и бесшумно вошли в безмолвный, мрачный пролив, куда испокон веков не проникал человек. Страшное молчание встречает их. Словно магнитные горы, на берегу чернеют холмы, низко нависло покрытое тучами небо, свинцом отливают темные воды: как Харонова ладья на стигийских волнах, тенями среди теней неслышно скользят четыре корабля по этому призрачному миру Вдали сверкают покрытые снегом вершины, ветер доносит их ледяное дыхание. Ни одного живого существа вокруг, и все же где-то здесь должны быть люди, ибо в ночном мраке полыхают огни, почему Магеллан и назвал этот край terra de Fuego – Огненной Землей.

Эти никогда не угасающие огни наблюдались и впоследствии, на протяжении веков. Объясняются они тем, что находившимся на самой низкой ступени культуры туземцам стоило большого труда добывать огонь, и они день и ночь жгли в своих хижинах сухую траву и сучья. Но ни разу за все это время тоскливо озирающиеся по сторонам мореплаватели не слышат человеческого голоса, не видят людей: когда Магеллан однажды посылает шлюпку с матросами на берег, они не находят там ни жилья, ни следов жизни, а лишь обиталище мертвых: десяток-другой заброшенных могил. Мертво и единственное обнаруженное ими животное – кит, чью исполинскую тушу волны прибили к берегу; лишь за смертью приплыл он сюда, в царство тлена и вечного запустения. Недоуменно вслушиваются люди в эту зловещую тишину.

Они словно попали на другую планету, вымерзшую, выжженную. Только бы вперед! Скорее вперед! И снова подгоняемые бризом корабли скользят по мрачным, не ведавшим прикосновения киля водам. Опять лот погружается в глубину и опять не достигает дна; и опять Магеллан тревожно осматривается вокруг: не сомкнутся ли вдали берега, не оборвется ли водная дорога? Однако нет, она тянется дальше и дальше, и все новые признаки возвещают, что этот путь ведет в

открытое море. Но еще неведомо, когда этот желанный миг наступит, еще неясен исход. Все дальше и дальше плывут они во тьме киммерийской ночи, напутствуемые непонятным и диким напевом ледяных ветров, завывающих в горах.

Но не только мрачно это плавание – оно и опасно. Открывшийся им путь нимало не похож на тот, воображаемый, прямой как стрела, пролив, который наивные немецкие космографы – Шенер, а до него Бехайм, – сидя в своих уютных комнатах, наносили на карты.

Вообще говоря, называть Магелланов пролив проливом можно только в порядке упрощающего дело эвфемизма. В действительности это запутаннейшее, беспорядочное сплетение излучин и поворотов, бухт, глубоких выемов, фьордов, песчаных банок, отмелей, перекрещивающихся протоков, и только при условии чрезвычайного умения и величайшей удачи суда могут благополучно пройти через этот лабиринт. Причудливо заостряются и снова расширяются эти бухты, неопределима их глубина, непонятно, как среди них лавировать – они усеяны островками, испещрены отмелями; поток зачастую разветвляется на три-четыре рукава, то вправо, то влево, и нельзя угадать, какой из них – западный, северный или южный – приведет к желанной цели. Все время приходится избегать мелей, огибать скалы. Встречный ветер внезапными порывами проносится по беспокойному проливу, взвихривая волны, раздирая паруса.

Лишь по многочисленным описаниям позднейших путешественников можно понять, почему Магелланов пролив в продолжение столетий внушал морякам ужас. В нем «всегда со всех четырех концов света дует северный ветер», никогда не бывает тихой, солнечной погоды, благоприятствующей мореплаванию, десятками гибнут корабли последующих экспедиций в угрюмом проливе, берега которого и в наше время мало заселены. И то, что Магеллан, первым одолевший этот опасный морской путь, на долгие годы оставался и последним, кому удалось пройти его, не потеряв ни одного из своих кораблей, убедительнее всего доказывает, какого мастерства он достиг в искусстве кораблевождения. Если к тому же учесть, что его неповоротливым кораблям, приводимым в движение только громоздкими парусами да деревянным рулем, приходилось, исследуя сотни артерий и боковых протоков, непрерывно крейсировать туда и обратно и затем снова встречаться в условленном месте, и все это в ненастное время года, с утомленной командой, то счастливое завершение его плавания по этому проливу тем более воспринимается как чудо, которое недаром прославляют все поколения мореходов.

Но как во всех областях, так и в искусстве кораблевождения подлинным гением Магеллана было его терпение, его неуклонная осторожность и предусмотрительность. Целый месяц проводит он в кропотливых, напряженных поисках. Он не спешит, не стремится вперед, объятый нетерпением, хотя душа его трепетно жаждет наконец-то отыскать проход, увидеть Южное море. Но вновь и вновь, при каждом разветвлении, он делит свою флотилию на две части: каждый раз, когда два корабля исследуют северный рукав, два других стремятся найти южный путь. Словно зная, что ему, рожденному под несчастливой звездой, нельзя полагаться на удачу, этот человек ни разу не предоставляет на волю случая выбор того или другого из многократно пересекающихся протоков, не гадает, чет или нечет. Он испытывает, обследует все пути, чтобы напасть на тот единственный, верный. Итак, наряду с его гениальной фантазией здесь торжествует победу трезвейшее и наиболее характерное из его качеств – героическое упорство.

Победа. Уже преодолены первые теснины залива, уже позади остались и вторые. Магеллан снова у разветвления; ширящийся в этом месте поток раздваивается – и кто может знать, какой из этих рукавов, правый или левый, впадает в открытое море, а какой окажется бесполезным, никуда не идущим тупиком? И опять Магеллан разделяет свою маленькую флотилию. «Сан-Антонио» и «Консепсьон» поручается исследовать воды в юго-восточном направлении, а сам он на флагманском судне, сопровождаемом «Викторией», идет на юго-запад. Местом встречи, не позднее чем через пять дней, назначается устье небольшой реки, названной Сардин из-за обилия в ней этой рыбы; тщательно разработанные инструкции уже даны капитанам; уже пора бы поднять паруса. Но тут происходит нечто неожиданное, никем из моряков не чаянное: Магеллан призывает всех капитанов на борт флагманского судна, чтобы до начала дальнейших поисков получить от них сведения о наличных запасах продовольствия и выслушать их мнение о том, следует ли продолжать путь или же, по окончании разведки, повернуть назад.

«Выслушать их мнение! Что же такое случилось?» – изумленно спрашивают себя моряки. С чего вдруг этот озадачивающий демократический жест? Почему непреклонный диктатор, до того времени ни за кем из своих капитанов не признававший права предлагать вопросы или критиковать его мероприятия, именно теперь, по поводу незначительного маневра, превращает своих офицеров из подчиненных в равных себе? На самом деле этот резкий поворот как нельзя более

логичен. После окончательного триумфа диктатору всегда легче дозволить гуманности вступить в свои права и легче допустить свободу слова тогда, когда его могущество упрочено.

Сейчас, поскольку paso, estrecho уже найден, Магеллану не приходится больше опасаться вопросов. Козырь в его руках – он может пойти навстречу желанию своих спутников и раскрыть перед ними карты. Действовать справедливо в удаче легче, чем в несчастье. Вот почему этот суровый, угрюмый, замкнутый человек наконец-то, наконец нарушает свое упорное молчание, разжимает крепко стиснутые челюсти. Теперь, когда его тайна перестала быть тайной, когда покров с нее сорван, Магеллан может стать общительным.

Капитаны являются и рапортуют о состоянии вверенных им судов. Но сведения малоутешительны. Запасы угрожающим образом уменьшились, провианта каждому из судов хватит в лучшем случае на три месяца. Магеллан берет слово. «Теперь уже не подлежит сомнению, – твердо заявляет он, – что первая из целей достигнута, paso – проход в Южное море – уже можно считать открытым». Он просит капитанов с полной откровенностью сказать, следует ли флотилии удовольствоваться этим успехом или же стараться довершить то, что он, Магеллан, обещал императору: достичь «Островов пряностей» и отвоевать их для Испании. Разумеется, он понимает, что провианта осталось немного, а в дальнейшем им еще предстоят великие трудности. Но не менее велики слава и богатства, ожидающие их по счастливом завершении дел. Его мужество непоколебимо. Однако прежде чем принять окончательное решение – возвращаться ли на родину или доблестно завершить задачу, – он хотел бы узнать, какого мнения держатся его офицеры.

Ответы капитанов и кормчих не дошли до нас, но можно с уверенностью предположить, что они не отличались многословием. Слишком памятны им и бухта Сан-Хулиан, и четвертованные трупы их товарищей-испанцев; они по-прежнему остерегаются прекословить суровому португальцу.

Только один из них резко и прямо высказывает свои сомнения – кормчий «Сан-Антонио» Эстебан Гомес, португалец и, возможно, даже родственник Магеллана. Гомес прямо заявляет, что теперь, когда paso, очевидно, уже найден, разумнее будет вернуться в Испанию, а затем уже на снаряженных заново кораблях вторично следовать по открытому ныне проливу к Молуккским островам, ибо суда флотилии, по его мнению, слишком обветшали, запасов провианта недостаточно, а никому не ведомо, как далеко простирается за открытым ныне проливом новое, неисследованное Южное море. Если они в этих неведомых

водах пойдут по неверному пути и будут скитаться, не находя гавани, флотилию ожидает мучительная гибель.

Разум говорит устами Эстебана Гомеса, и Пигафетта, всегда заранее подозревавший в низменных побуждениях каждого, кто был несогласен с Магелланом, вероятно, несправедлив к бывшему моряку, приписывая его сомнения всякого рода неблаговидным мотивам. Действительно, предложение Гомеса – с честью вернуться на родину, а затем на судах новой флотилии устремиться к намеченной цели – правильно как с логической, так и с объективной точки зрения: оно спасло бы жизнь и самого Магеллана, и жизнь почти двух сотен моряков. Но не бренная жизнь важна Магеллану, а бессмертный подвиг. Тот, кто мыслит героически, неизбежно должен действовать наперекор рассудку.

Магеллан, не колеблясь, берет слово для возражения Гомесу. Разумеется, им предстоят великие трудности, по всей вероятности, им придется претерпевать голод и множество лишений, но – примечательные, пророческие слова! – даже если бы им пришлось глодать кожу, которой обшиты снасти, он считает себя обязанным продолжать плавание к стране, которую обещал открыть.

«Идти вперед и открыть то, что обещал!» – «De pasar adelante y descubrir lo que habia prometido!» Этим призывом к смелому устремлению в неизвестность, по-видимому, закончилось психологически столь своеобразное совещание, и от корабля к кораблю немедленно передается Магелланов приказ продолжать путь. Втайне, однако, Магеллан предписывает своим капитанам тщательнейшим образом скрывать от команды, что запасы провианта на исходе. Каждый, кто позволит себе хотя бы туманный намек на это обстоятельство, подлежит смертной казни.

Молча выслушали капитаны приказ, и вскоре корабли, которым поручена разведка восточного ответвления пути – «Сан-Антонио» под началом Альваро де Мескиты и «Консепсьон» под водительством Серрано, – исчезают в лабиринте излучин и поворотов. Два других – флагманский корабль Магеллана «Тринидад» и «Виктория» – тем временем остаются на удобной стоянке. Они бросают якоря в устье реки Сардин, и Магеллан, вместо того чтобы самолично исследовать западный рукав, поручает небольшой шлюпке произвести предварительную рекогносцировку. В этой защищенной от бурь части канала суда не подвергаются опасности; Магеллан велит посланным на разведку кораблям вернуться не позднее чем через три дня; таким образом, экипажам двух других судов эти три дня до возвращения «Консепсьон» и «Сан-Антонио» предоставлены для полного

отдыха.

И впрямь хороший отдых выпадает на долю Магеллана и его людей в этой уже менее суровой местности. Странное явление – за последние дни, по мере того как они продвигались на запад, ландшафт становился более приветливым: вместо отвесных голых скал пролив окаймляют луга и леса. Холмы здесь не так обрывисты, покрытые снегом вершины отодвинулись вдаль. Мягче стал воздух; матросы, утолявшие жажду вонючей, затхлой водой из бочонков, наслаждаются студеной влагой родников. Они то нежатся на траве, лениво следя глазами за диковинными летучими рыбами, то с увлечением занимаются ловлей сардин, которых здесь неимоверное множество. Вдобавок тут столько вкусных плодов, что они впервые за несколько месяцев наедаются досыта. Так прекрасна, так ласкова окружающая природа, что Пигафетта восторженно восклицает: «Credo che non sia al mondo unpi ù bello e miglior stretto, come è questo!»[217] Но что значит отрада, доставляемая благоприятной местностью, отдыхом, беспечной негой, в сравнении с тем великим, огненным, окрыляющим счастьем, которое предстоит познать Магеллану! Оно уже ощутимо, уже чувствуется его приближение; и вот на третий день, послушная приказу, возвращается отправленная им шлюпка, и снова моряки уже издали машут руками, как тогда, в день Всех Святых, когда был открыт вход в пролив. Но теперь – а это в тысячу раз важнее! – они нашли наконец выход из него. Собственными глазами видели они море, в которое впадает этот пролив – Mar del Sur, – великое, неведомое море!

«Thalassa! Thalassa!»[218] – древний клич восторга, которым греки, возвращаясь из бесконечных странствий, приветствовали вечные воды, он раздается здесь вновь, на ином языке, но с тем же восторгом; победоносно возносится он ввысь, никогда еще не оглашавшуюся звуками ликующего человеческого голоса.

Этот краткий миг – великая минута в жизни Магеллана, минута подлинного, высшего восторга, только однажды даруемая человеку. Все сбылось. Он сдержал слово, данное императору. Он, он первый и единственный осуществил то, о чем до него мечтали тысячи людей: он нашел путь в другое, неведомое море. Это мгновение оправдывает всю его жизнь и дарует ему бессмертие.

И тут происходит то, чего никто не осмелился бы предположить в этом мрачном, замкнутом человеке. Внезапно сурового воина, никогда и ни перед кем не выказывавшего своих чувств, одолевает тепло, хлынувшее из недр души. Его глаза туманятся слезами, горячие, жгучие слезы катятся на темную, всклокоченную бороду. Первый и единственный раз в жизни этот железный человек – Магеллан – плачет от радости, el capitano

generale lacrimò per allegrezza.

Одно мгновение, одно-единственное краткое мгновение за всю его мрачную, многострадальную жизнь дано было Магеллану испытать высшее блаженство, даруемое творческому гению: увидеть свой замысел осуществленным. Но судьбой этому человеку назначено за каждую крупицу счастья горестно расплачиваться. Каждая из его побед неизменно сопряжена с разочарованием. Ему дано только взглянуть на счастье, но не дано обнять, удержать его, и даже этот единственный краткий миг восторга, прекраснейший в его жизни, канет в прошлое, прежде чем Магеллан успеет до конца его прочувствовать. Где же два других корабля? Почему они медлят? Ведь теперь, когда эта шлюпка нашла выход в море, всякие дальнейшие поиски становятся бесцельной тратой времени. Ах, если б они уже вернулись из разведки, «Сан-Антонио» и «Консепсьон», чтобы услышать эту радостную весть! Если б они наконец вернулись! Все нетерпеливее и тревожнее вглядывается Магеллан в туманную даль залива. Давно уже прошел условленный срок. Вот уже и пятый день миновал, а о них ни слуху ни духу.

Уж не случилось ли несчастье? Не сбились ли они с пути? Магеллан слишком встревожен, чтобы праздно дожидаться в условленном месте. Он велит поставить паруса и идет к проливу, навстречу замешкавшимся судам. Но пустынен, по-прежнему пустынен горизонт, пустынны мрачные, безжизненные воды.

Наконец на второй день поисков вдали показывается парус. Это «Консепсьон» под началом Серрано. Но где же второй корабль, самый крупный из всех судов флотилии, «Сан-Антонио»? Серрано ничего не может сообщить адмиралу. В первый же день «Сан-Антонио» ушел вперед и с тех пор бесследно исчез. Вначале Магеллан не предполагает беды. Быть может, «Сан-Антонио» заблудился или же его капитан неправильно понял, где назначена встреча. Он посылает суда флотилии в разные стороны, чтобы обшарить все закоулки главного протока, «Адмиральского Зунда». Он велит сигналить огнями, на высоких столбах водружает флаги, а у подножия их оставляет письма с инструкциями – на всякий случай, если пропавшее судно заблудилось.

Но нигде никаких следов «Сан-Антонио». Уже очевидно, что стряслась какая-то беда. Корабль либо потерпел крушение и погиб вместе с командой и грузом, что, однако, маловероятно, так как в эти дни погода стояла на редкость безветренная, либо – предположение более верное – кормчий «Сан-Антотио» Эстебан Гомес, требовавший на военном совете немедленного возвращения на родину, стал мятежником и осуществил свое требование: сообща с офицерами-испанцами сместил преданного

капитана и дезертировал, забрав с собой весь провиант.

В тот день Магеллан не может знать, что именно случилось. Он знает только, что случилось нечто страшное. Исчез корабль – самый крупный, лучший из всех, обильнее других снабженный провиантом. Но куда он девался, что с ним произошло, какие события разыгрались на нем? В этой беспредельной мертвой пустыне никто не даст ему ответа, покоится ли судно на дне или дезертировало, поспешно взяв курс на Испанию. Только неведомое раньше созвездие – Южный Крест, окруженный ярко сияющими спутниками, – свидетель таинственных событий. Только звездам известен путь «Сан-Антонио», только они могли бы дать ответ Магеллану.

Вполне естественно поэтому, что Магеллан, как и все люди его времени, считавший астрологию подлинной наукой, призвал к себе сопровождавшего флотилию вместо Фалейру астролога и астронома Андерса де Сан-Мартина, единственного, кто, быть может, по звездам сумеет узнать правду. Он велит Мартину составить гороскоп и при помощи своего искусства выяснить, что произошло с «Сан-Антонио», и в виде исключения астрология дает правильный ответ: бравый звездочет, хорошо помнящий независимое поведение Эстебана Гомеса на совете, заявляет – и факты подтвердят его слова, – что «Сан-Антонио» уведен дезертирами, а его капитан заключен в оковы.

Снова, в последний раз, перед Магелланом встает необходимость безотлагательного решения. Слишком рано возликовал он, слишком легковерно отдался радости. Теперь – удивительный параллелизм первого и второго кругосветного плавания – его постигло то же, что постигнет его продолжателя, Фрэнсиса Дрейка, лучший корабль которого также был тайно уведен мятежным капитаном Уинстером. На полпути к победе соотечественник и родич Магеллана, став врагом, нанес коварный удар из-за угла. Если запасы провианта и прежде были скудны, то сейчас флотилии угрожает голод. Именно на «Сан-Антонио» хранились лучшие припасы, притом в наибольшем количестве. Да и за шесть дней, ушедших на бесплодное ожидание и поиски, тоже было израсходовано немало провианта. Наступление на неведомое Южное море уже неделю назад, при несравненно более благоприятных обстоятельствах, было дерзновеннейшим предприятием. Теперь, после измены «Сан-Антонио», оно становится едва ли не равносильным самоубийству.

С вершин горделивой уверенности Магеллан снова одним ударом низринут в предельные глубины смятения. И не нужно даже показаний Барруша: «Quedó tan confuso que no sabia lo que habia de determinar» – «Он настолько растерялся, что не знал, на

что решиться»; внутреннюю тревогу Магеллана мы отчетливо видим из его приказа, в эту минуту смятения объявленного всем офицерам флотилии, – единственно сохранившегося приказа. На протяжении нескольких дней он вторично опрашивает их: продолжать ли путь или вернуться? Но на этот раз он велит капитанам ответить письменно. Ибо Магеллан – и это свидетельствует о выдающейся его прозорливости – хочет иметь оправдательный документ. Scripta manent[219] – ему нужно запастись на будущее неопровержимым письменным доказательством того, что он советовался со своими капитанами.

Он понимает – и это тоже впоследствии подтвердится фактами, – что бунтовщики на «Сан-Антонио» по прибытии в Севилью тотчас поспешат стать обвинителями против него, чтобы самим избегнуть обвинения в мятеже. Разумеется, они изобразят его тираном, они станут умышленно разжигать национальное чувство испанцев преувеличенными описаниями того, как пришлый португалец велел заключить в оковы назначенных королем чиновников, как по его приказу одни из кастильских дворян были обезглавлены и четвертованы, другие обречены на мучительную голодную смерть, – и все это, чтобы, вопреки королевскому приказу, передать флотилию в руки португальцев. Желая заранее опровергнуть неизбежное обвинение в том, что он во время плавания жестоким террором подавлял любое свободное высказывание своих офицеров, Магеллан издает теперь свой необычный приказ, который кажется скорее попыткой обелить себя, нежели товарищеским обращением к капитанам.

«Дано в проливе Всех Святых, насупротив реки, что на островке, 21 ноября. – Этими словами начинается приказ, далее гласящий: – Я, Фердинанд Магеллан, кавалер ордена Сант-Яго и адмирал этой армады, осведомлен о том, что всем вам решение продолжать путь представляется весьма рискованным, ибо вы считаете, что время года слишком уже позднее. Я же никогда не пренебрегал мнением и советом других людей, а, напротив, все свои начинания хочу обсуждать и проводить совместно со всеми».

Наверно, офицеры молча усмехаются, читая это странное утверждение. Ведь отличительная черта Магеллана – его непреклонное самовластие в управлении и руководстве. Слишком хорошо все они помнят, как этот человек железной рукой пресек протест своих капитанов. Но Магеллан, зная, насколько им должна быть памятна его нещадная расправа с инакомыслящими, продолжает: «Итак, пусть не внушают никому опасений совершившиеся в бухте Сан-Хулиан события; каждый из вас обязан безбоязненно сказать мне, каково его мнение о способности нашей армады продолжать плавание. Нарушением

вашей присяги и вашего долга было бы, если б вы вознамерились скрыть от меня ваше суждение». Он требует, чтобы каждый в отдельности, Cada uno de por si, ясно, притом в письменной форме, por escrito, высказался о том, следует ли продолжать путь или возвратиться, и изложил бы все свои соображения на этот счет.

Но за один час не вернуть доверие, утраченное уже много месяцев назад. Еще слишком запуганы офицеры, чтобы со всей прямотой требовать возвращения на родину, и единственный дошедший до нас ответ – ответ астролога Сан-Мартина – показывает, как мало они были склонны именно теперь, когда ответственность возросла до гигантских размеров, делить ее с Магелланом.

Почтенный астролог, как это и приличествует лицу его профессии, выражается двусмысленно и туманно, искусно жонглируя всякими оговорками: «с одной стороны, надобно», а «с другой стороны, не следует». Он, мол, сомневается в том, чтобы можно было через канал Всех Святых пробраться к Молуккским островам, aunque yo dudo que haya camino para poder navigar a Maluco por este canal, но тут же советует продолжать путь, ибо «сердце весны в наших руках». С другой стороны, все же не следует забираться слишком далеко, ведь люди изнурены и обессилены. Быть может, разумнее будет взять курс не на запад, а на восток, но пусть Магеллан действует так, как считает правильным, и да укажет ему Господь верный путь. По всей вероятности, остальные офицеры высказались столь же неопределенно.

Но Магеллан опросил своих офицеров отнюдь не затем, чтобы считаться с их ответами, а только чтобы доказать впоследствии, что такой опрос был произведен. Он знает: слишком далеко он зашел, чтобы повернуть вспять. Только триумфатором может он вернуться – иначе он погиб. И даже если бы велеречивый астролог предсказал ему смерть, он все равно не оборвал бы свое героическое продвижение вперед.

22 ноября 1520 года суда по его приказанию выходят из устья реки Сардин; спустя немного дней Магелланов пролив – ибо так будет он называться в веках – пройден, и в конце его, за мысом, который Магеллан в знак благодарности назвал Cabo Deseado, Желанный мыс, открывается беспредельное новое море, еще не ведомое европейским кораблям. Потрясающее зрелище! Там, на западе, за нескончаемой линией горизонта должны находиться «Острова пряностей», острова несметных богатств, а за ними – исполинские государства Востока – Китай, Япония, Индия, а еще дальше, в необозримой шири, – родина, Испания, Европа!

Поэтому еще раз дается отдых, последний отдых перед вторжением в чуждый, за все время существования мира не пересеченный кораблями океан!

И вот 28 ноября 1520 года выбраны якоря, взвились флаги! Громовым орудийным залпом три маленьких одиноких корабля салютуют неведомому морю. Так рыцарь приветствует доблестного противника, с которым ему предстоит сразиться не на жизнь, а на смерть.

Магеллан открывает свое королевство

28 ноября 1520 г. – 7 апреля 1521 г.

История первого плавания по безымянному еще океану, «по морю, столь огромному, что ум человеческий не в силах объять его», как говорится в записках Максимилиана Трансильванского, – это история одного из бессмертных подвигов человечества.

Уже отплытие Колумба в безбрежный простор воспринималось в его время, да и во все последующие времена, как беспримерно отважное деяние. Но даже этот подвиг, хотя бы по числу жертв, ему принесенных, нельзя приравнять к победе, которую Магеллан ценой неслыханных лишений одержал над стихией. Ведь Колумб со своими тремя только что спущенными на воду, заново оснащенными, хорошо снабженными продовольствием судами в общей сложности пробыл в пути всего тридцать три дня, и еще за неделю до того, как ступить на землю, носившийся на гребнях волн тростник, плывущие по воде стволы невиданных деревьев и лесные птицы утвердили его в предположении, что вблизи находится какой-то материк.

Экипаж Колумба состоит из здоровых неутомленных людей, корабли так обильно снабжены провиантом, что, в крайнем случае, он может, и не достигнув цели, благополучно вернуться на родину. Только перед ним расстилается неизвестность, но позади него – надежное прибежище и пристанище: родина.

Магеллан же устремляется в неведомое, и не из родной Европы, не с насиженного места плывет он туда, а из чужой суровой Патагонии. Его люди изнурены многими месяцами жестоких бедствий. Голод и лишения оставляют они позади себя, голод и лишения сопутствуют им, голод и лишения грозят им в будущем. Изношена их одежда, в клочья изодраны паруса, истерты канаты. Месяцами не видели они ни одного нового лица, месяцами не видели женщин, вина, свежего мяса, свежего хлеба, и втайне они, пожалуй, завидуют более решительным товарищам, вовремя дезертировавшим и повернувшим домой, вместо того

чтобы скитаться по необъятной водной пустыне.

Так плывут эти корабли двадцать дней, тридцать дней, сорок, пятьдесят, шестьдесят дней – и все еще не видно земли, все еще никаких признаков ее приближения! И снова проходит неделя, за ней еще одна, и еще, и еще – сто дней, срок, трижды более долгий, чем тот, в который Колумб пересек океан! Тысячи и тысячи пустых часов плывет флотилия Магеллана среди беспредельной пустоты. С 28 ноября, дня, когда Cabo Deseado, Желанный мыс, исчез в тумане, нет больше ни карт, ни измерений. Ошибочными оказались все расчеты расстояний, произведенные там, на родине, Руй Фалейру. Магеллан считает, что давно уже миновал Ципангу – Японию, а на деле пройдена только треть неведомого океана, которому он из-за царящего в нем безветрия навеки дает имя il Pacifico – Тихий.

Но как мучительна эта тишина, какая страшная пытка это вечное однообразие среди мертвого молчания! Все та же синяя зеркальная гладь, все тот же безоблачный, знойный небосвод, все то же безмолвие, тот же дремлющий воздух, все тем же ровным полукругом тянется горизонт – металлическая полоска между все тем же небом и все той же водой, мало-помалу больно врезающаяся в сердце. Все та же необъятная синяя пустота вокруг трех утлых суденышек – единственных движущихся точек среди гнетущей неподвижности, все тот же нестерпимо яркий дневной свет, в сиянии которого неизменно видишь все одно и то же, и каждую ночь все те же холодные, безмолвные, тщетно вопрошаемые звезды.

И вокруг все те же предметы в тесном, переполненном людьми помещении – те же паруса, те же мачты, та же палуба, тот же якорь, те же пушки, те же столбы; все тот же приторный удушливый смрад, источаемый гниющими припасами, поднимается из корабельного чрева. Утром, днем, вечером и ночью – всегда неизбежно встречают друг друга все те же искаженные тупым отчаянием лица, с той лишь разницей, что с каждым днем они становятся все более изможденными. Глаза глубже уходят в орбиты, блеск их тускнеет, с каждым безрадостным утром все больше впадают щеки, все более медленной и вялой становится походка.

Словно призраки, мертвенно-бледные, исхудалые, бродят эти люди, еще несколько месяцев назад бывшие крепкими, здоровыми парнями, которые так проворно взбирались по вантам, в любую непогоду крепили реи. Как тяжелобольные, шатаясь, ходят они по палубе или в изнеможении лежат на своих циновках. На каждом из трех кораблей, вышедших в море для свершения одного из величайших подвигов человечества, теперь обитают существа, в

которых лишь с трудом можно признать матросов; каждая палуба – плавучий лазарет, кочующая больница.

Катастрофически уменьшаются запасы во время этого непредвиденно долгого плавания, непомерно растет нужда. То, чем баталер ежедневно оделяет команду, давно уже напоминает скорее навоз, чем пищу. Без остатка израсходовано вино, хоть немного освежавшее губы и подбадривавшее дух. А пресная вода, согретая беспощадным солнцем, протухшая в грязных мехах и бочонках, издает такое зловоние, что несчастные вынуждены пальцами зажимать нос, увлажняя пересохшее горло тем единственным глотком, что причитается им на весь день. Сухари – наряду с рыбой, выловленной в пути, единственная их пища – давно уже превратились в кишащую червями, серую, грязную труху, вдобавок загаженную испражнениями крыс, которые, обезумев от голода, набросились на эти последние остатки продовольствия. Тем яростнее охотятся за этими отвратительными животными, и, когда моряки с остервенением преследуют по всем углам и закоулкам этих разбойников, пожирающих остатки их скудной пищи, они стремятся не только истребить их, но и продать затем эту падаль, считающуюся изысканным блюдом: полдуката золотом уплачивают ловкому охотнику, сумевшему поймать одного из отчаянно пищащих грызунов, и счастливый покупатель с жадностью уписывает омерзительное жаркое. Чтобы хоть чем-нибудь наполнить судорожно сжимающийся, требующий пищи желудок, чтобы хоть как-нибудь утолить мучительный голод, матросы пускаются на опасный самообман: собирают опилки и примешивают их к сухарной трухе, мнимо увеличивая таким образом скудный рацион.

Наконец голод становится чудовищным: сбывается страшное предсказание Магеллана о том, что придется есть воловью кожу, предохраняющую снасти от перетирания; у Пигафетты мы находим описание способа, к которому в безмерном своем отчаянии прибегали изголодавшиеся люди, чтобы даже эту несъедобную пишу сделать съедобной: «Наконец, дабы не умереть с голоду, мы стали есть куски воловьей кожи, которой, с целью предохранить канаты от перетирания, была обшита большая рея. Под долгим действием дождя, солнца и ветра эта кожа стала твердой как камень, и нам приходилось каждый кусок вывешивать за борт на четыре или пять дней, дабы хоть немного ее размягчить. Лишь после этого мы слегка поджаривали ее на угольях и в таком виде поглощали».

Неудивительно, что даже самые выносливые из этих закаленных, привыкших к мытарствам людей не в состоянии

долго переносить такие лишения. Из-за отсутствия доброкачественной (мы сказали бы теперь «витаминизированной») пищи среди команды распространяется цинга. Десны у заболевших сначала пухнут, потом начинают кровоточить, зубы шатаются и выпадают, во рту образуются нарывы, наконец, зев так болезненно распухает, что несчастные, даже если б у них была пища, уже не могли бы ее проглотить – они погибают мучительной смертью. Но и у тех, кто остается в живых, голод отнимает последние силы. Едва держась на распухших, одеревенелых ногах, как тени, бродят они, опираясь на палки, или лежат, прикорнув в каком-нибудь углу.

Не меньше девятнадцати человек, то есть около десятой части всей оставшейся команды, в муках погибают во время этого голодного плавания. Одним из первых умирает несчастный, прозванный матросами Хуаном-Гигантом, патагонский великан, еще несколько месяцев назад восхищавший всех тем, что за один присест съедал полкорзины сухарей и залпом, как чарку, опорожнял ведро воды. С каждым днем нескончаемого плавания число работоспособных матросов уменьшается, и правильно отмечает Пигафетта, что при столь ослабленной живой силе три судна не могли бы выдержать ни бури, ни ненастья: «И если бы Господь и его святая Матерь не послали нам столь благоприятной погоды, мы все погибли бы от голода среди этого необъятного моря».

Три месяца и двадцать дней блуждает в общей сложности одинокий, состоящий из трех судов караван по водной пустыне, претерпевая все страдания, какие только можно вообразить, и даже самая страшная из всех мук, мука обманутой надежды, и та становится его уделом. Как в пустыне изнывающим от жажды людям мерещится оазис: уже колышутся зеленые пальмы, уже прохладная голубая тень стелется по земле, смягчая яркий ядовитый свет, много дней подряд слепящий глаза, уже чудится им журчание ручья, но едва только они, напрягая последние силы, шатаясь из стороны в сторону, устремляются вперед, видение исчезает, и вокруг них снова пустыня, еще более враждебная, – так и люди Магеллана становятся жертвами фата-морганы.

Однажды утром с марса доносится хриплый возглас: дозорный увидел землю, остров, впервые за томительно долгое время увидел сушу. Как безумные, кидаются на палубу все эти умирающие от голода, погибающие от жажды люди; даже больные, словно брошенные мешки, валявшиеся где попало, и те,

едва держась на ногах, выползают из своих нор. Правда, правда, они приближаются к острову. Скорее, скорее в шлюпки! Распаленное воображение рисует им прозрачные родники, им грезится вода и блаженный отдых в тени деревьев после стольких недель непрерывных скитаний, они алчут наконец ощутить под ногами землю, а не только зыбкие доски на зыбких волнах.

Но страшный обман! Приблизившись к острову они видят, что он, так же как и расположенный неподалеку второй, – ожесточившиеся моряки дают им название «Las islas Desaventuradas»[220] – оказывается совершенно голым, безлюдным, бесплодным утесом, пустыней, где нет ни людей, ни животных, ни воды, ни растений. Напрасной тратой времени было бы хоть на один день пристать к этой угрюмой скале.

И снова продолжают они путь по синей водной пустыне, все вперед и вперед; день за днем, неделю за неделей длится это, быть может, самое страшное и мучительное плавание из всех, отмеченных в извечной летописи человеческих страданий и человеческой стойкости, которую мы именуем историей.

Наконец 6 марта 1521 года – уже более чем сто раз вставало солнце над пустынной, неподвижной синевой, более ста раз исчезало оно в той же пустынной, неподвижной, беспощадной синеве, сто раз день сменялся ночью, а ночь днем, с тех пор как флотилия из Магелланова пролива вышла в открытое море, – снова раздается возглас с марса: «Земля! Земля!» Пора ему прозвучать, и как пора! Еще двое, еще трое суток среди пустоты – и, верно, никогда бы и следа этого геройского подвига не дошло до потомства. Корабли с погибшим голодной смертью экипажем, плавучее кладбище, блуждали бы по воле ветра, покуда волны не поглотили бы их или не выбросили на скалы.

Но этот новый остров – хвала Всевышнему! – он населен, на нем найдется вода для погибающих от жажды. Флотилия еще только приближается к заливу, еще паруса не убраны, еще не спущены якоря, а к ней с изумительным проворством уже подплывают «кану» – маленькие, пестро размалеванные челны, паруса которых сшиты из пальмовых листьев. С обезьяньей ловкостью карабкаются на борт голые простодушные дети природы, и настолько чуждо им понятие каких-либо моральных условностей, что они попросту присваивают себе все, что им попадается на глаза.

В мгновение ока самые различные вещи исчезают, словно в шляпе искусного фокусника; даже шлюпка «Тринидад» оказывается срезанной с буксирного каната. Беспечно, нимало не

смущаясь моральной стороной своих поступков, радуясь, что им так легко достались такие диковинки, спешат они к берегу со своей бесценной добычей. Этим простодушным язычникам кажется столь же естественным и нормальным засунуть две-три блестящие безделушки себе в волосы – у голых людей карманов не бывает, – как естественным и нормальным кажется испанцам, папе и императору заранее объявить законной собственностью христианнейшего монарха все эти еще не открытые острова вместе с населяющими их людьми и животными.

Магеллану в его тяжелом положении трудно было снисходительно отнестись к захвату, произведенному без предъявления каких-либо императорских или папских грамот. Он не может оставить в руках ловких грабителей эту шлюпку, которая еще в Севилье (как видно из сохранившегося в архивах счета) стоила три тысячи девятьсот тридцать семь с половиной мараведисов, а здесь, за тысячи миль от родины, представляет собой бесценное сокровище.

На следующий же день он отправляет на берег сорок вооруженных матросов отобрать шлюпку и основательно проучить вороватых туземцев. Матросы сжигают несколько хижин, но до настоящей битвы дело не доходит, ибо бедные островитяне так невежественны в искусстве убивать, что даже когда стрелы испанцев вонзаются в их кровоточащие тела, они не понимают, каким образом эти острые, оперенные, издалека летящие палочки могут так глубоко войти в тело и причинить такую нестерпимую боль. В ужасе пытаются они вытащить стрелы, тщетно дергая за торчащий наружу конец, а затем в смятении убегают от страшных белых варваров обратно в свои леса.

Теперь изголодавшиеся испанцы могут наконец раздобыть воды для истомленных жаждой больных и основательно поживиться съестным. С неимоверной поспешностью тащат они из покинутых туземцами хижин все, что попадается под руку: кур, свиней, всевозможные плоды, а после того как они друг друга обокрали – сначала островитяне испанцев, потом испанцы островитян, – цивилизованные грабители в посрамление туземцев на веки вечные присваивают этим островам позорное наименование Разбойничьих (Ладронских).

Как бы там ни было, этот налет спасает погибающих от голода людей. Три дня отдыха, захваченный в изобилии провиант – плоды и свежее мясо, да еще чистая живительная ключевая вода подкрепили команду. В дальнейшем плавании от истощения умирают еще несколько человек, среди них единственный бывший на борту англичанин, а несколько десятков матросов по-

прежнему лежат, обессиленные болезнью. Но самое страшное миновало, и, набравшись мужества, они снова устремляются на запад.

Когда неделю спустя, 17 марта, вдали опять вырисовывается остров, а рядом с ним второй, Магеллан уже знает, что судьба сжалилась над ними. По его расчетам, это должны быть Молуккские острова. Восторг! Ликование! Он у цели! Но даже пламенное нетерпение поскорее удостовериться в своем торжестве не делает этого человека опрометчивым или неосторожным. Он не бросает якорь у Сулуана, большего из двух этих островов, а избирает меньший, Пигафеттой называемый «Хумуну», именно потому, что он необитаем, а Магеллан, ввиду большого количества больных среди команды, предпочитает избегать встреч с туземцами. Сперва надо подправить людей, а потом уже вступать в переговоры или в бой. Больных сносят на берег, поят ключевой водой, для них закалывают одну из свиней, похищенных на Разбойничьих островах. Сначала – полный отдых, никаких рискованных предприятий.

На другой же день с большого острова доверчиво приближается лодка с приветливо машущими туземцами; они привозят невиданные плоды, и бравый Пигафетта не может ими нахвалиться: это бананы и кокосовые орехи, молочный сок которых живительно действует на больных. Завязывается оживленный торг. В обмен на две-три побрякушки или яркие бусины изголодавшиеся моряки получают рыбу, кур, пальмовое вино, всевозможные плоды и овощи. Впервые за долгие недели и месяцы все они, больные и здоровые, наедаются досыта.

В первом порыве восторга Магеллан решил, что подлинная цель его путешествия – «Острова пряностей», «bias de la especeria» – уже достигнута. Но оказывается, что не у Молуккских островов он бросил якорь, ведь в противном случае невольник Энрике мог бы, должен был бы понять язык туземцев. Но это не его соплеменники, и, значит, в другую страну, на другой архипелаг завел их случай. Опять расчеты Магеллана, побудившие его взять курс по Тихому океану на десять градусов севернее, чем следовало, оказались неправильными, и опять его заблуждение привело к открытию. Именно вследствие своего ошибочного, слишком далеко отклонявшегося к северу курса Магеллан вместо Молуккских достиг группы никому не известных островов, попал на архипелаг, о существовании которого до той поры никогда не упоминал и даже не подозревал ни один европеец.

В поисках Молуккских островов Магеллан открыл Филиппинские, а тем самым приобрел для императора Карла новую провинцию, которая, кстати сказать, дольше всех других,

открытых и завоеванных Колумбом, Кортесом, Писарро, останется во владении испанской короны. Но и для себя самого Магеллан этим неожиданным открытием приобрел государство; ибо, согласно договору, в случае если он откроет более шести островов, два из них предоставляются во владение ему и Руй Фалейру. За одну ночь вчерашний нищий, искатель приключений, desperado, уже находившийся на краю гибели, превратился в adelantado собственной страны, в пожизненного и на веки вечные наследственного участника всех прибылей, какие будут извлекаться из этих новых колоний, а следовательно, и в одного из богатейших людей на свете.

Великий день, чудесный поворот судьбы после сотен мрачных и бесплодных дней! Не менее чем обильная свежая и здоровая пища, которую туземцы ежедневно привозят с Сулуана в импровизированный лазарет, возвращает силы больным и целебный эликсир – сознание безопасности. За девять дней тщательного ухода на этом тихом тропическом острове почти все больные выздоравливают, и Магеллан уже может начать подготовку к обследованию соседнего острова – Массавы.

Правда, в последнюю минуту досадная случайность едва не омрачила радости наконец-то осчастливленного судьбой Магеллана. Увлекшись рыбной ловлей, его друг и историограф Пигафетта перегнулся и упал за борт, причем никто не заметил его падения. Так чуть было не канула в воду история кругосветного плавания, ибо бедняга Пигафетта, по-видимому, не умел плавать и уж совсем было собрался тонуть. По счастью, в последнюю минуту он ухватился за свисавший с корабля канат и поднял отчаянный крик, после чего столь не заменимый для нас летописец был немедленно водворен на борт.

Весело ставят на этот раз паруса. Все знают: страшный огромный океан пересечен, уж больше не удручает, не гнетет его зловещая пустынность; всего несколько часов, несколько дней предстоит им еще пробыть в плавании, ведь уж и теперь они то и дело видят справа и слева туманные очертания неведомых островов. Наконец на четвертый день, 28 марта, в Страстной четверг, флотилия бросает якорь у Массавы, чтобы еще раз сделать привал перед последним броском, который приведет их к так долго и тщетно разыскиваемой цели.

На Массаве, крохотном безвестном островке Филиппинского архипелага, найти который на обычной карте можно только с помощью увеличительного стекла, Магеллан снова переживает один из великих драматических моментов своей жизни: в мрачном и трудном его существовании всегда вспыхивают, как взвивающееся к небу пламя, такие, в одной секунде

сконцентрированные, мгновения счастья, своей опьяняющей мощью щедро воздающие за упорное, трудное, стойкое долготерпение несметных часов одиночества и тревоги. Внешний повод на этот раз малозаметен.

Едва только три больших чужеземных корабля с раздувающимися парусами приближаются к Массаве, как на берег толпами сбегаются островитяне, с любопытством, дружелюбно поджидающие вновь прибывших. Но прежде чем самому ступить на берег, Магеллан, осторожности ради, посылает в качестве посредника своего раба Энрике, резонно полагая, что туземцы к человеку с темной кожей отнесутся доверчивей, чем к кому-либо из бородатых, диковинно одетых и вооруженных белых людей.

И тут происходит неожиданное. Болтая и крича, окружают полуголые островитяне сошедшего на берег Энрике, и вдруг невольник-малаец начинает настороженно вслушиваться. Он разобрал отдельные слова. Он понял, что эти люди говорят ему, понял, о чем они его спрашивают. Много лет назад увезенный с родной земли, он теперь впервые услыхал обрывки своего наречия.

Достопамятная, незабываемая минута – одна из самых великих в истории человечества: впервые за то время, что Земля вращается во Вселенной, человек, живой человек, обогнув весь шар земной, снова вернулся в родные края! Несущественно, что это ничем не приметный невольник: величие здесь не в человеке, а в его судьбе. Ибо ничтожный раб-малаец, о котором мы знаем только, что в неволе ему дали имя Энрике, тот, кого бичом с острова Суматры погнали в дальний путь и через Индию и Африку насильно привезли в Лиссабон, в Европу, – первым из мириад людей, когда-либо населявших землю, через Бразилию и Патагонию, через все моря и океаны вернулся в края, где говорят на его родном языке; мимо сотен, мимо тысяч народов, рас и племен, которые для каждого понятия по-своему слагают слово, он первый, обогнув вращающийся шар, вернулся к единственному народу с понятной ему речью.

В эту минуту Магеллану становится ясно: его цель достигнута, его дело закончено. Плывя с востока, он снова вступил в круг малайских языков, откуда двенадцать лет назад отплыл на запад; вскоре он сможет невредимым доставить невольника Энрике обратно в Малакку, где он его купил. Безразлично, произойдет ли это завтра или в более позднее время, сам ли он или другой вместо него достигнет заветных островов. Ведь в основном его подвиг уже завершился в минуту, когда впервые на вечные времена было доказано: тот, кто неуклонно плывет по морю – вслед ли за солнцем, навстречу ли

солнцу, – неизбежно вернется к месту, откуда он отплыл. То, что в течение тысячелетий предполагали мудрейшие, то, о чем грезили ученые, теперь, благодаря отваге одного человека, стало непреложной истиной: Земля – кругла, ибо человек обогнул ее!

Эти дни в Массаве – самые счастливые за время плавания, дни блаженного отдыха. Звезда Магеллана – в зените. Через три дня, в первый день Пасхи, исполнится годовщина злосчастных событий в бухте Сан-Хулиан, когда ему пришлось кинжалом и насилием подавлять заговор. А с тех пор – сколько злоключений, сколько страданий, сколько мытарств! Позади остался невыразимый ужас: тяжкие дни голода, лишений, ночные штормы в неведомых водах. Позади злейшая из мук – страшная неуверенность, месяцы и месяцы душившая его, жгучее сомнение, по правильному ли пути он повел свою флотилию. Но жестокая распря в рядах участников экспедиции похоронена навеки – на этот раз глубоко верующий христианин в первый день Пасхи может праздновать подлинное воскресение из мертвых.

Теперь, когда грозовые тучи несметных опасностей рассеялись, его подвиг воссиял ярким светом. Великое непреходящее деяние, на которое уже годами были обращены все помыслы, все труды Магеллана, наконец свершено. Магеллан нашел западный путь в Индию, который тщетно искали Колумб, Веспуччи, Кабот, Пинсон и другие мореходы. Он открыл страны и моря, до него никем не виданные. Он – первый европеец, первый человек, за время существования мира благополучно пересекший огромный неведомый океан. Он проник в необъятные земные просторы дальше любого смертного.

Сколь ничтожным, сколь легким по сравнению со всем этим доблестно выполненным, победоносно достигнутым кажется ему то немногое, что еще осталось: всего несколько дней пути с надежными лоцманами до Молуккских островов, до богатейшего архипелага в мире, – и тогда исполнена клятва, данная императору. Там он признательно заключит в объятия верного друга Серрано, поддерживавшего в нем бодрость и указавшего ему путь, а затем, до отказа набив чрева судов пряностями, – домой через Индию и мыс Доброй Надежды, по хорошо знакомому пути, где каждая гавань, каждая бухта запечатлена в его памяти! Домой, через то, другое полушарие Земли, в Испанию – победителем, триумфатором, богачом, наместником, adelantado, с неувядаемыми лаврами победы и бессмертия на челе!

А поэтому не нужны поспешность и нетерпение: можно наконец отдохнуть, насладиться чистым счастьем сознания, что

после долгих месяцев скитаний цель достигнута. Мирно отдыхают победоносные аргонавты в блаженной гавани. Чудесна природа, благодатен климат, приветливы туземцы, еще не изжившие золотого века, миролюбивые, беззаботные и праздные. Questi popoli vivano con justicia, peso e misura; amano la pace, l'otio e la quiete.[221] Но кроме лени и покоя, дети природы любят еще и еду и питье, и вот – как в сказке – изнуренные матросы, совсем еще недавно силившиеся утолить голод, наполняя судорожно сжимавшиеся желудки опилками и сырым крысиным мясом, вдруг оказываются в царстве волшебного изобилия.

Так необоримо искушение полакомиться вкусной, приготовленной из свежих продуктов пищей, что даже благочестивый Пигафетта, никогда не забывающий благодарно упомянуть Богоматерь и всех святых, впадает в тяжкий грех. В пятницу[222], да еще в Страстную пятницу, Магеллан посылает его к царьку острова. Каламбу (так зовут царька) торжественно ведет его к себе под бамбуковый навес, где в большом котле шипит и потрескивает лакомая жирная свинина. Из учтивости, а может быть, и из чревоугодия, Пигафетта совершает тяжкий грех: он не в силах устоять против соблазнительного аромата и в строжайший и святейший из всех постных дней съедает изрядную порцию этого чудесного жаркого, усердно запивая его пальмовым вином.

Но едва только кончилась трапеза, едва только изголодавшиеся и неприхотливые посланцы Магеллана успели набить свои желудки, как царек приглашает их на второе пиршество, в свайную хижину. Гостям приходится, поджав и скрестив ноги, – «словно портные за работой», замечает Пигафетта, – вторично приняться за еду; тотчас появляются блюда, до краев наполненные жареной рыбой и только что собранным имбирем, кувшины с пальмовым вином – и грешник продолжает грешить. Но и этого мало! Не успели Пигафетта и его спутник справиться с великолепными яствами, как сын правителя царства изобилия является приветствовать их, и, чтобы не нарушить долга вежливости, они вынуждены снова – уже в третий раз! – принять участие в трапезе. На этом пиршестве для разнообразия подают разварную рыбу и сильно приправленный пряностями рис; оно сопровождается такими обильными возлияниями, что не в меру угостившегося, пошатывающегося, невнятно что-то лопочущего спутника Пигафетты укладывают на циновку, чтобы первый европеец, захмелевший на Филиппинах, как следует проспался. И наверняка можно сказать, что ему снятся райские сны.

Но и островитяне воодушевлены не менее своих

изголодавшихся гостей. Какие чудесные люди явились к ним из-за моря, какие великолепные подарки они привезли! Гладкие стекла, в которых собственными глазами видишь собственный нос, сверкающие ножи и увесистые топоры, от одного удара которых могучая пальма валится наземь. А как великолепны огненно-красная шапка и турецкий наряд, в котором теперь щеголяет их вождь; неправдоподобно прекрасен и блестящий панцирь, делающий человека неуязвимым. По приказу адмирала один из матросов облекается в стальную броню, а островитяне осыпают его дождем своих жалких костяных стрел и слышат при этом, как неуязвимый воин в блестящих доспехах хохочет и потешается над ними.

Что за чародеи! Хотя бы вот этот самый Пигафетта! В руке он держит палочку или перо какой-то птицы, и, когда с ним говоришь, он чертит этим пером на белом листе какие-то черные знаки и может потом совершенно точно повторить человеку, что тот говорил два дня назад! А как чудесно было зрелище, которое они, эти белые боги, устроили в день, называемый ими Пасхальным воскресеньем! На взморье они воздвигли странное сооружение, алтарь, как они его называли. Большой крест сверкал на нем в лучах солнца. Потом все они, по двое в ряд, начальник и с ним еще пятьдесят человек, разодетые в лучшие свои одежды, подходят к этому сооружению, и, в то время как они преклоняют колена перед крестом, на кораблях внезапно вспыхивают молнии, и при синем ясном небе далеко по морю разносятся раскаты грома.

Веря в чудодейственность того, что совершают здесь эти мудрые и могущественные чужеземцы, островитяне робко и благоговейно подражают каждому их движению, так же становятся на колени и так же прикладываются к кресту. И вчерашние язычники радостно благодарят адмирала, когда он обещает водрузить на их острове крест таких огромных размеров, что с моря его будет видно отовсюду Двойной успех достигнут за эти несколько дней: царек острова стал не только союзником испанского короля, но и братом его по вере. Не только новые земли приобретены для испанской короны, но и души этих невольных грешников, этих детей природы, отныне подвластны католической церкви и Христу.

Чудесное идиллическое время, эти дни на острове Массаве. Но довольно отдыхать, Магеллан! Матросы набрались сил, повеселели, позволь им теперь возвратиться на родину! К чему еще мешкать, что значит для тебя открыть еще один островок, когда ты сделал величайшее открытие этой эпохи. Теперь еще зайти на «Острова пряностей» – и ты выполнил свою задачу,

сдержал свою клятву; и тогда домой, где тебя ждет жена, мечтающая показать отцу второго сына, родившегося уже в отсутствие отца!

Домой, чтобы изобличить мятежников, трусливо клевещущих на тебя!

Домой, чтобы всему миру показать, что может совершить мужество португальского дворянина, стойкость и самоотверженность испанской команды! Не заставляй твоих друзей дольше ждать, не допускай, чтобы те, кто верит в тебя, заколебались.

Домой, Магеллан! Держи курс домой!

Но гений человечества всегда одновременно и его рок. А гением Магеллана было долготерпение, великий дар выжидать и молчать.

Сильнее, чем желание вернуться триумфатором на родину и принять благодарность властелина Старого и Нового Света, в нем говорит чувство долга. Все, за что этот человек ни принимался, он заботливо подготовлял и упорно доводил до конца. Так и на этот раз, прежде чем покинуть открытый им Филиппинский архипелаг, Магеллан хочет хоть сколько-нибудь изучить его и упрочить право на него испанской короны. Слишком развито в нем чувство долга, чтобы он мог удовлетвориться посещением и присоединением маленького островка: так как из-за недостатка людей он не может оставить в этих краях ни представителей власти, ни торговых агентов, то он хочет и с более могущественными владыками островного царства заключить такой же договор, как с малозначащим Каламбу, а в качестве символов нерушимой власти повсюду водрузить кастильское знамя и католический крест.

Царек сообщает Магеллану, что самый большой из островов архипелага – это Себу (Зебу). А когда Магеллан просит дать ему надежного лоцмана, чтобы добраться туда, туземный владыка смиренно просит о великой чести самолично вести экспедицию.

Правда, высокая честь иметь на борту царственного лоцмана несколько задерживает отплытие, ибо во время сбора риса бравый Каламбу столь ретиво предался обжорству и пьянству, что только 4 апреля флотилия смогла наконец вверить свою судьбу этому последователю Пантагрюэля. И вот путешественники отчаливают от благословенного берега, где в последнюю минуту нашли спасение от гибели. По тихому морю плывут они мимо ласково манящих островов и островков, направляясь к тому, который Магеллан сам избрал, ибо, с грустью пишет верный Пигафетта, «cosi voleva la sua infelice sorte» – «так было угодно злосчастной его судьбе».

Смерть накануне полного торжества

7 апреля 1521 г. – 27 апреля 1521 г.

После трех дней благополучного плавания по морской глади, 7 апреля 1521 года, флотилия приближается к острову Себу; многочисленные деревушки на побережье свидетельствуют о том, что остров густо населен. Царственный лоцман Каламбу уверенной рукой направляет судно прямо к приморской столице. С первого же взгляда на гавань Магеллан убеждается, что здесь он будет иметь дело с раджой или владыкой более высокого разряда и большей культуры, так как на рейде стоят не только бесчисленные челны туземцев, но и иноземные джонки. Значит, нужно с самого начала произвести надлежащее впечатление, внушить, что чужестранцы повелевают громом и молнией. Магеллан приказывает дать приветственный залп из орудий, и, как всегда, это чудо – внезапная искусственная гроза при ясном небе – приводит детей природы в неописуемый ужас: с дикими воплями разбегаются они во все стороны и прячутся.

Но Магеллан немедля посылает на берег своего толмача Энрике с дипломатическим поручением: объяснить властителю острова, что страшный удар грома отнюдь не означает вражды, а напротив, этим проявлением волшебной своей власти могущественный адмирал выражает почтение могущественному королю Себу. Повелитель этих кораблей сам только слуга, но слуга могущественнейшего в мире властителя, по повелению которого он, чтобы достичь «Островов пряностей», пересек величайшее море вселенной. Но он пожелал воспользоваться этим случаем также и для того, чтобы нанести дружественный визит королю острова Себу, ибо в Массаве слыхал о мудрости и радушии этого правителя. Начальник громоносного корабля готов показать владыке острова никогда им не виданные редкостные товары и вступить с ним в меновую торговлю. Задерживаться здесь он отнюдь не намерен и, засвидетельствовав свою дружбу, немедленно покинет остров, не причинив мудрому и могущественному королю никаких хлопот.

Но король, или, вернее, раджа Себу Хумабон, уже далеко не столь простодушное дитя природы, как голые дикари на Разбойничьих островах или патагонские великаны. Он уже вкусил плодов от древа познания и знает толк в деньгах и их ценности. Этот темнокожий царек на другом конце света – практичный экономист, как явствует из того, что он либо перенял, либо сам придумал и установил высококультурный обычай – взимание пошлин за право торговли в его гавани.

Бывалого купца не запугать громом орудий, не обольстить вкрадчивыми речами переводчика. Холодно поясняет он Энрике, что не отказывает чужеземцам в разрешении бросить якорь в гавани и даже склонен с ними вступить в торговые сношения, но каждый корабль обязан уплатить ему налог за право стоянки и торговли. И если великому капитану, начальнику трех больших иноземных судов, угодно вести здесь торговлю, то пусть он уплатит установленный сбор.

Невольнику Энрике ясно, что его господин, адмирал королевской армады и кавалер ордена Сант-Яго, никогда не согласится платить пошлину какому-то ничтожному туземному царьку. Ведь этой данью он признал бы implicite[223] независимость и самостоятельность страны, которую Испания, в силу папской буллы, уже считает своей собственностью. Поэтому Энрике настойчиво убеждает Хумабона в этом особом случае отказаться от взимания налога, дабы не прогневить повелителя громов и молний. Прижимистый раджа стоит на своем. Сначала деньги – потом дружба. Сначала надо платить, исключений тут не бывает; и в подтверждение своих слов он велит привести магометанского купца, только что прибывшего на своей джонке из Сиама и беспрекословно уплатившего пошлину.

Купец-мавр является незамедлительно и бледнеет от страха. С первого взгляда на большие корабли с крестом святого Яго на раздутых парусах он понял всю опасность положения. Горе, горе! Даже об этом последнем укромном уголке Востока, где еще можно было честно заниматься своим ремеслом, не страшась этих пиратов, пронюхали христиане! Вот они уже здесь со своими грозными пушками и аркебузами, эти убийцы, эти заклятые враги Магомета! Конец теперь мирным торговым сделкам, конец хорошим прибылям! Торопливо шепчет он королю, что следует быть осторожным и не затевать ссоры с непрошеными гостями. Ведь это те самые люди, которые – здесь он, правда, путает испанцев с португальцами – разграбили и завоевали Каликут, всю Индию и Малакку Никто не может противостоять белым дьяволам.

Этой встречей снова замкнулся круг: на другом конце света, под другими созвездиями Европа опять соприкоснулась с Европой. До тех пор Магеллан, продвигаясь на запад, почти везде находил земли, куда еще не ступала нога европейца. Никто из туземцев, встречавшихся ему, не слыхал о белых людях, никто из них не видел жителя Европы, а ведь даже к Васко да Гама, когда тот сошел на берег Индии, какой-то араб обратился на португальском наречии. Магеллану за два года ни разу не довелось быть узнанным: словно по пустой, необитаемой планете

странствовали испанцы. Патагонцам они казались небожителями; как от бесов или злых духов, прятались от них туземцы на Разбойничьих островах.

И вот здесь, на другом краю земного шара, европейцы наконец снова оказались лицом к лицу с человеком, который их знает, который их опознал; из их мира в эти новые миры через безбрежные просторы океана переброшен мост. Круг сомкнулся; еще несколько дней, еще несколько сотен миль – и после двух лет разлуки Магеллан снова встретит европейцев, христиан, друзей, единоверцев! Если он мог еще сомневаться, действительно ли так близка цель, то теперь подтверждение получено: одно полушарие сошлось с другим, невозможное совершилось – он обогнул земной шар.

Предостерегающие слова мавританского торговца возымели очевидное действие на короля Себу. Оробев, он тотчас же отказывается от своих требований и в доказательство добрых намерений приглашает посланцев Магеллана на пиршество, во время которого – третье неопровержимое доказательство того, что аргонавты уже совсем близко от Аргоса, – кушанья подаются не в плетенках и не на дощечках, а в фарфоровой посуде, вывезенной из Китая – из сказочного «Катая» Марко Поло. Теперь, следовательно, рукой подать до Ципангу и Индии, испанцы уже коснулись края восточной культуры. Мечта Колумба – западным путем достичь Индии – осуществлена.

После того как дипломатический инцидент улажен, начнется официальный обмен любезностями и товарами. Пигафетта в качестве уполномоченного посылается на берег. Раджа изъявляет готовность вступить на вечные времена в союз с могущественным императором Карлом, и Магеллан честно прилагает все усилия к тому, чтобы сохранить мир. В противоположность Кортесу и Писарро, немедленно спускавшим своих кровавых псов, варварски истреблявшим и порабощавшим туземное население с единственной мыслью как можно скорее разграбить покоренную страну, более дальновидный и гуманный Магеллан в продолжение всего своего путешествия стремился исключительно к мирному проникновению в открытые им земли; он старается присоединять новые области мирными средствами, заключением договоров, а не принуждением и кровавым насилием. Ничто так не возвышает Магеллана в нравственном отношении над всеми другими конквистадорами его времени, как это неуклонное стремление к гуманности.

Магеллан – натура суровая, крутая, об этом свидетельствует

его поведение во время мятежа; поддерживая в своей флотилии железную дисциплину, он не ведал ни снисхождения, ни жалости. Но если он был беспощаден, то к чести его следует признать, что жестоким он никогда не был; его память не осквернена такими зверскими расправами, как сожжение кациков, пытка Гватамозина, навеки запятнавшими великие подвига Кортеса и Писарро. Ни единое нарушение слова, что другие конквистадоры считали вполне законным, когда дело касалось язычников, не бесчестит его торжества. До смертного своего часа Магеллан строго и неукоснительно придерживался любого своего договора с любым туземным князьком. Эта честность была лучшим его оружием и остается вечной его славой.

Между тем, к вящему удовольствию обеих сторон, началась меновая торговля. Больше всего островитяне дивятся железу, этому твердому веществу, как нельзя более пригодному для изготовления мечей, копий, заступов. Малоценным представляется им по сравнению с этим металлом мягкое желтовато-белое золото, и, как в памятный 1914 год мировой войны, они с восторгом меняют его на железо. За четырнадцать фунтов этого в Европе почти не имеющего ценности металла островитяне приносят пятнадцать фунтов золота, и Магеллану приходится строгостью удерживать восхищенных этой безумной щедростью матросов, в чаду восторга готовых променять на золото свою одежду и все пожитки. Он опасается, что вследствие слишком неистового спроса туземцы догадаются о ценности этого металла и тем самым обесценятся привезенные европейцами товары.

Магеллан хочет сохранить преимущество, обеспечивающееся невежеством туземцев, но в остальном строго следит, чтобы жителям Себу все отпускалось по точному весу и мере; этого человека, мыслящего в огромных масштабах, не занимает случайная прибыль: ему важно наладить торговые сношения и в то же время привлечь сердца и души жителей этой провинции. И снова его расчет оказался правильным: вскоре туземцы исполняются такого доверия к приветливым и могущественным чужеземцам, что раджа, а вместе с ним и большинство его приближенных по доброй воле изъявляют желание принять христианство. Того, чего другие испанские завоеватели годами добивались при помощи пыток и инквизиции, страшных казней и костров, глубоко верующий и все же чуждый фанатизма Магеллан добился за несколько дней без всякого принуждения.

Сколь гуманно и терпеливо вел он себя при этом обращении туземцев, мы читаем у Пигафетты: «Адмирал сказал им, что не следует становиться христианами из страха перед нами или в

угоду нам. Если они действительно хотят принять христианство, то побуждать их к тому должно лишь собственное желание и любовь к Богу. Но если они и не пожелают перейти в христианскую веру, им тоже не причинят зла. С теми же, кто примет христианство, будут обходиться еще лучше. Тут все они, как один, воскликнули, что не из страха и не из угодливости хотят они стать христианами, но по собственной воле. Они предают себя в его руки, и пусть он поступает с ними как со своими подначальными. После этого адмирал со слезами на глазах обнял их и, сжимая руки наследного принца и раджи Массавы в своих руках, сказал, что клянется верой своей в Бога и верностью своему властелину нерушимо соблюдать вечный мир между ними и королем Испании, а они, в свою очередь, обещали ему то же самое».

В следующее воскресенье, 14 апреля 1521 года, закатным светом блистает счастье Магеллана – испанцы празднуют величайшее свое торжество. На базарной площади города воздвигнут пышный балдахин; под ним на доставленных с кораблей коврах стоят два обитых бархатом кресла – одно для Магеллана, другое для раджи. Перед балдахином сооружен видный издалека, сияющий огнями алтарь, вокруг которого сгрудились тысячи темнокожих людей в ожидании обещанного зрелища. Магеллан, который до этой минуты, по искусному расчету, ни разу не сходил на берег и все переговоры вел через Пигафетту, инсценирует свое появление с нарочитой, оперной пышностью.

Сорок воинов в полном вооружении выступают впереди него, за ними – знаменосец, высоко вздымающий шелковое знамя императора Карла, врученное адмиралу в Севильском соборе и впервые развернутое здесь, над новой испанской провинцией; затем размеренно, спокойно, величаво шествует Магеллан в сопровождении своих офицеров. Как только он ступает на берег, с кораблей гремит пушечный залп. Устрашенные салютом зрители пускаются наутек, но так как раджа (которому заранее предусмотрительно сообщили об этом раскате грома) остается невозмутимо сидеть на своем кресле, то они спешат назад и с восторженным изумлением следят за тем, как на площади водружается исполинский крест и их повелитель вместе с наследником престола и многими другими, низко склонив голову, принимает «святое крещение». Магеллан на правах восприемника дает ему взамен его прежнего языческого прозвища Хумабон имя Карлос – в честь его державного повелителя. Королева – она весьма красива и могла бы и в наши дни вращаться в лучшем обществе, так как на четыреста лет

опередила своих европейских и американских сестер: ее губы и ногти выкрашены в ярко-красный цвет, – отныне зовется Хуаной. Принцессы также нарекаются царственными испанскими именами – Изабелла и Катарина.

Само собой разумеется, что знать Себу и соседних островов не желает отставать от своих раджей и предводителей: до поздней ночи священник флотилии не покладая рук крестил сотни стекающихся к нему людей. Весть о чудесных пришельцах быстро распространяется. На следующий же день обитатели других островов, прослышав о волшебных церемониях пришлого кудесника, толпами устремляются на Себу; еще несколько дней, и на этих островах не останется ни одного царька, который не присягнул бы Испании и не склонил бы голову перед святым кропилом.

Более удачно не могло завершиться предприятие Магеллана. Он достиг всего. Пролив найден, другой конец Земли нащупан. Новые богатейшие острова вручены испанской короне, несметное множество языческих душ – христианскому Богу; и все это – торжество из торжеств! – достигнуто без единой капли крови. Господь помог рабу своему. Он вывел его из тягчайших испытаний, горше которых не перенес ни один человек. Беспредельно проникся теперь Магеллан почти религиозным чувством уверенности. Какие мытарства могут еще предстоять ему после мытарств, уже перенесенных, что еще может подорвать его дело после этой чудесной победы? Смиренная и чудодейственная вера в успех всего, что он предпримет во славу Господа и своего короля, наполняет его.

И эта вера станет его роком.

Все удалось Магеллану так, словно ангелы освещали его путь. Он завладел новой империей для испанской короны, но как сохранить все, что добыто, за королем? Дольше оставаться на Себу он не может, как не может покорить один за другим все острова архипелага. А потому Магеллан, всегда мыслящий последовательно и в широких масштабах, видит лишь один способ упрочить испанское владычество на Филиппинах, а именно: объявить Карлоса-Хумабона, первого католического великого раджу, повелителем над всеми остальными раджами. Союзник испанского короля король Карлос Себуанский должен отныне иметь больший престиж, чем все другие. Поэтому не безрассудством и легкомыслием, а хорошо продуманным политическим ходом было обещание Магеллана оказать вооруженную помощь королю Себуанскому, если кто-либо смеет противиться его власти.

По чистой случайности именно в эти дни представляется

случай продемонстрировать такую помощь. На крохотном островке Мактан, расположенном напротив Себу, правит раджа по имени Силапулапу, издавна выказывавший непокорность властителю Себу. На этот раз он запрещает своим подданным снабжать продовольствием неведомых гостей Карлоса-Хумабона, и такое враждебное поведение, быть может, не лишено оснований: где-то на его островке – должно быть, потому, что матросы после долгого вынужденного воздержания как исступленные гонялись за женщинами – произошла кровавая свалка, во время которой было сожжено несколько хижин.

Неудивительно, что Силапулапу хочет как можно скорее избавиться от чужеземцев, но его неприязненное отношение к гостям Хумабона кажется Магеллану отличным поводом доказать свою мощь. Не только властитель Себу – все царьки окрестных островов должны воочию увидеть, как разумно поступили те, кто подчинился испанцам, и какое жестокое возмездие ждет всех, кто противоборствует этим громовержцам. И вот Магеллан предлагает Хумабону преподать строптивому царьку суровый урок силой оружия, чтобы раз и навсегда внушить уважение остальным. Как ни странно, но раджа Себу встречает этот план без особого восторга: может быть, он боится, что усмиренные племена восстанут против него тотчас же после отплытия чужестранцев. Серрано и Барбоса также отговаривают адмирала от этого ненужного похода.

Но Магеллан и не помышляет о настоящих военных действиях; покорится мятежный правитель добровольно – тем лучше для него и для всех остальных; заклятый враг ненужного кровопролития, антипод воинственных конквистадоров, Магеллан сначала посылает к Силапулапу своего невольника Энрике и купца-мавра с предложением честного мира. Он требует одного: чтобы правитель Мактана признал власть раджи острова Себу и покровительство Испании. Если Силапулапу пойдет на это, испанцы будут жить с ним в мире и согласии; если он откажется признать эту верховную власть, тогда ему покажут, как больно колют испанские копья.

Но раджа отвечает, что и его люди вооружены копьями. Пусть это бамбуковые и тростниковые копья, но острия их достаточно хорошо закалены на огне, и испанцы могут сами в этом убедиться. После столь надменного ответа у Магеллана, символически представляющего все могущество Испании, остается лишь один аргумент – оружие.

Во время приготовлений к этому маленькому походу

Магеллану впервые изменяют самые характерные для него качества: осмотрительность и дальновидность. Кажется, впервые этот все точно рассчитывающий человек легкомысленно бросается навстречу опасности. Поскольку раджа Себу изъявил готовность дать испанцам для этой экспедиции тысячу своих воинов, а Магеллан, со своей стороны, легко мог бы переправить на островок человек полтораста из своего экипажа, не подлежит сомнению, что раджа этого крохотного острова, который даже нельзя отыскать на нормальной карте, потерпел бы полное поражение.

Но Магеллан не хочет бойни. В этой экспедиции для него важно нечто иное и более значительное: престиж Испании. Адмирал императора Старого и Нового Света считает ниже своего достоинства посылать целое войско против темнокожего нищего царька, в грязной хижине которого нет ни одной незаплатанной циновки, и выставлять превосходящие силы против жалкой оравы островитян. Магеллан преследует обратную цель: наглядно доказать, что один хорошо вооруженный, закованный в латы испанец шутя справится с сотней таких голышей.

Единственная задача этой карательной экспедиции – заставить население всех островов архипелага уверовать в миф о неуязвимости и богоподобности испанцев; то, что несколько дней назад на флагманском судне было показано раджам Массавы и Себу в качестве увеселительного зрелища, когда два десятка туземных воинов одновременно со всего размаха ударяли своими жалкими копьями и кинжалами по добротной испанской броне, а закованный в нее человек оставался невредимым, теперь в более крупном масштабе должно подтвердиться на примере строптивого царька.

Только по этим чисто психологическим соображениям обычно столь осторожный Магеллан, вместо того чтобы захватить с собой всю команду, берет всего шестьдесят человек, а радже Себу со вспомогательным отрядом туземцев приказывает остаться в лодках и не вмешиваться в то, что произойдет. Только в качестве свидетелей, в качестве зрителей приглашают их присутствовать при назидательном зрелище, как шесть десятков испанцев усмирят всех предводителей, царьков и раджей этого архипелага.

Неужели многоопытный мастер расчета на этот раз просчитался? Безусловно, нет. В историческом аспекте такое соотношение – шестьдесят закованных в латы европейцев против тысячи нагих туземцев, вооруженных копьями с наконечниками из рыбьей кости, – отнюдь не является абсурдным. Ведь с четырьмя-пятью сотнями воинов Кортес и Писарро, преодолевая

сопротивление сотен тысяч мексиканцев и перуанцев, покоряли целые государства; по сравнению с такими начинаниями экспедиция Магеллана на островок величиной с булавочную головку действительно была только военной прогулкой. Что об опасности он думал так же мало, как и другой великий мореплаватель, капитан Кук, лишившийся жизни в точно такой же ничтожной стычке с островитянами, в достаточной мере явствует из того, что набожный католик Магеллан, обычно перед каждым решительным делом заставлявший команду причаститься, на этот раз не отдал такого распоряжения. Два-три выстрела, два-три основательных удара, и бедные воины Силапулапу как зайцы, пустятся наутек! И тогда без кровопролития здесь навеки торжественно утвердится нерушимое могущество Испании.

В эту ночь, с четверга на пятницу 26 апреля 1521 года, когда Магеллан и шестьдесят его воинов сели в шлюпки, чтобы переплыть узкий пролив, разделяющий острова, по уверению туземцев, на крыше одной из хижин сидела диковинная, неведомая черная птица, похожая на ворона. И правда, вдруг, неизвестно почему, начали выть все собаки; испанцы, суеверные не меньше простодушных детей природы, боязливо осеняют себя крестным знамением. Но разве может человек, предпринявший самое дерзновенное в мире плавание, отказаться от стычки с голым царьком и жалкими его приспешниками из-за того, что неподалеку каркает какой-то ворон?

По роковой случайности этот царек находит, однако, надежного союзника в своеобразных очертаниях взморья. Из-за плотной гряды коралловых рифов шлюпки не могут приблизиться к берегу; таким образом, испанцы уже с самого начала лишаются наиболее впечатляющего средства: смертоносного огня мушкетов и аркебуз, гром которых обычно заставляет туземцев обращаться в паническое бегство. Необдуманно лишив себя этого прикрытия, шестьдесят тяжеловооруженных воинов – прочие испанцы остаются в лодках – бросаются в воду с Магелланом во главе, который, по словам Пигафетты, «как добрый пастух, не покидал своего стада». По бедра в воде проходят они немалое расстояние до берега, где, неистово крича, завывая и размахивая щитами, их дожидается целое полчище туземцев. Тут противники сталкиваются.

Наиболее достоверным из всех описаний боя, по-видимому, является описание Пигафетты, который, сам тяжело раненный стрелой, до последней минуты не покидал своего возлюбленного адмирала. «Мы прыгнули, – повествует он, – в воду, доходившую нам до бедер, и прошли по ней расстояние вдвое больше того,

какое может пролететь стрела, а лодки наши из-за рифов не могли следовать за нами. На берегу нас поджидали тысячи полторы островитян, разделенных на три отряда, и они тотчас с дикими воплями ринулись на нас. Две толпы атаковали нас с флангов, а третья – с фронта. Адмирал разделил команду на два отряда. Наши мушкетеры и арбалетчики в течение получаса палили издалека с лодок, но тщетно, их пули, стрелы и копья не могли с такого расстояния пробить деревянные щиты дикарей и разве что повреждали им руки. Тогда адмирал громким голосом отдал приказ прекратить стрельбу, очевидно желая приберечь порох и пули для решающей схватки. Но его приказ не был выполнен. Островитяне же, убедившись, что наши выстрелы почти или даже вовсе не наносят им вреда, перестали отступать. Они только громче все вопили и, прыгая из стороны в сторону, дабы увернуться от наших выстрелов, под прикрытием щитов, придвигались все ближе, забрасывая нас стрелами, дротиками, закаленными на огне деревянными копьями, камнями и комьями грязи, так что мы с трудом от них оборонялись. Некоторые даже метали в нашего командира копья с железными наконечниками.

Чтобы нагнать на них страху, адмирал послал нескольких воинов поджечь хижины туземцев. Но это только сильней разъярило их. Часть дикарей кинулась к месту пожара, который уже успел уничтожить двадцать или тридцать хижин, и там они убили двоих из наших людей. Остальные с еще большим ожесточением бросились на нас. Заметив, что туловища наши защищены, но ноги не прикрыты броней, они стали целиться в ноги. Отравленная стрела вонзилась в правую ногу адмирала, после чего он отдал приказ медленно, шаг за шагом, отступать. Но тем временем почти все наши люди обратились в беспорядочное бегство, так что около адмирала (а он, уже много лет хромой, теперь явно замедлял отступление) осталось не более семи или восьми человек. Теперь на нас со всех сторон сыпались дротики и камни, и мы уже не могли сопротивляться. Бомбардиры, имевшиеся в наших лодках, были не в состоянии нам помочь, так как мелководье удерживало лодки вдали от берега. Итак, мы отступали все дальше, стойко обороняясь, и уже были на расстоянии полета стрелы от берега, и вода доходила нам до колен. Но островитяне по пятам преследовали нас, выуживая из воды уже однажды использованные копья, и, таким образом, метали одно и то же копье пять-шесть раз. Узнав нашего адмирала, они стали целиться преимущественно в него: дважды им уже удалось сбить шлем с его головы; он оставался с горстью людей на своем посту, как подобает храброму рыцарю, не пытаясь продолжать отступление, и так сражались мы более часу, пока

одному из туземцев не удалось тростниковым копьем ранить адмирала в лицо. Разъяренный, он тотчас же пронзил грудь нападающего своим копьем, но оно застряло в теле убитого; тогда адмирал попытался выхватить меч, но уже не смог этого сделать, так как враги дротиком сильно ранили его в правую руку и она перестала действовать. Заметив это, туземцы толпой ринулись на него, и один из них саблей ранил его в левую ногу, так что он упал навзничь. В тот же миг все островитяне набросились на него и стали колоть копьями и прочим оружием, у них имевшимся. Так умертвили они наше зерцало, свет наш, утешение наше и верного нашего предводителя».

Так в мелкой стычке с ордой голых островитян бессмысленно погибает в высшую, прекраснейшую минуту осуществления своей задачи величайший мореплаватель истории. Гений, который, подобно Просперо, укротил стихии, обуздал бури и одолел людей, сражен жалким ничтожеством Силапулапу Но только жизнь может отнять у него эта нелепая случайность – не победу, ибо великий его подвиг уже почти доведен до конца, и после этого сверхчеловеческого деяния личная судьба уже не имеет большого значения.

Но, к сожалению, за трагедией его героической гибели слишком быстро следует комическое действо – те самые испанцы, которые несколько часов назад, как небожители, взирали на жалкого царька Мактана, доходят до такого глубокого унижения, что, вместо того чтобы немедленно послать за подкреплением и отнять у убийц труп своего вождя, трусливо посылают к Силапулапу парламентера с предложением продать им тело: за несколько погремушек и пестрых тряпок рассчитывают они выкупить бренные останки адмирала. Но более гордый, чем малодушные соратники Магеллана, голый триумфатор отклоняет сделку. Ни на зеркальца, ни на стеклянные бусы, ни на яркий бархат не выменяет он тело своего противника. Этот трофей он не продаст. Ибо уже по всем островам разнеслась молва, что великий Силапулапу легко, как птицу или рыбу, сразил иноземного повелителя грома и молний.

Никто не знает, что сделали несчастные дикари с трупом Магеллана, на волю какой стихии – огня, воды, земли или всеразрушающего воздуха – предали они его бренное тело. Ни единого свидетельства нам не осталось, утрачена его могила, таинственно затерялся в неизвестности след человека, который отвоевал у бескрайнего океана, омывающего земной шар, его последнюю тайну.

Возвращение без вождя

26 апреля 1521 г. – 6 сентября 1522 г.

Восемь человек убитыми потеряли испанцы в жалкой стычке с Силапулапу, цифра сама по себе довольно ничтожная, но гибель вождя превращает этот день в великую катастрофу Со смертью Магеллана исчезает волшебный ореол, до той поры возносивший белых пришельцев на божественную высоту, а ведь главным образом на представлении об их мнимой непобедимости зиждились успехи и могущество всех конквистадоров. Несмотря на всю храбрость, выносливость, несмотря на все их воинские добродетели и доспехи, ни Кортесу, ни Писарро никогда не удалось бы победить десятки, сотни тысяч противников, если бы им, как ангел-хранитель, не сопутствовал миф о непобедимости и неуязвимости.

Невиданные, всеведущие создания, умеющие извергать громы и молнии из своих дубинок, казались смятенным туземцам неуязвимыми, их нельзя было ранить, ибо стрелы отскакивали от их доспехов; от них нельзя было спастись бегством, ибо огромные четвероногие звери, с которыми они срослись воедино, неминуемо настигали беглеца. Ничто так наглядно не свидетельствует о парализующем воздействии этого страха, как один эпизод эпохи завоеваний, когда какой-то испанец утонул в реке. Три дня лежало его тело в индийской хижине; индийцы смотрели на него, но не решались к нему притронуться из страха, как бы неведомый бог не ожил. Только когда труп начал разлагаться, они набрались храбрости и подняли восстание. Стоило только одному белому богу оказаться тленным, стоило непобедимым только раз потерпеть поражение, и колдовские путы рухнули, – миф об их божественной мощи развеялся в прах.

Так и на этот раз раджа Себу беспрекословно повиновался повелителям грома и молний. Он смиренно принял их веру, полагая, что их Бог сильнее деревянных божков, которым он до тех пор поклонялся. Он надеялся, подружившись с этим неведомым сверхъестественным существом, стать в скором времени могущественнейшим властителем всех окрестных островов. Но вот он сам и с ним тысячи его воинов со своих челнов видели, как Силапулапу ничтожный мелкий предводитель, одержал победу над белыми богами. Собственными глазами видел он, как их громы и молнии стали бессильными, более того – видел, как якобы неуязвимые воины в своих сверкающих доспехах позорно бежали от голых дружинников Силапулапу и, наконец, как они отдали тело своего господина на поругание туземцам.

Может быть, решительные меры были бы еще в состоянии спасти престиж испанцев. Если бы энергичный военачальник немедленно собрал всех моряков, если бы все они тотчас переправились на Мактан, стремительной атакой отбили бы у туземцев тело своего великого начальника и жестоко покарали как самого царька, так и подвластное ему племя, – тогда, быть может, раджу Себу тоже охватил бы спасительный ужас. Но вместо этого дон Карлос-Хумабон (теперь уже ему недолго осталось носить это царственное имя) видит, что побежденные испанцы смиренно отряжают послов к царьку-победителю, чтобы за деньги и вещи выторговать у него тело Магеллана. И что же? Жалкий царек ничтожного острова выказывает неповиновение белым богам и с презрением прогоняет их парламентеров.

Трусливое поведение белых богов не могло не навести короля Карлоса-Хумабона на странные размышления. Быть может, он испытывает нечто сходное с горьким разочарованием Калибана, когда бедный обманутый простак убедился, что опрометчиво принятый им за бога Тринкуло – всего лишь хвастун и пустомеля. Да и вообще испанцы немало поусердствовали, чтобы разрушить доброе согласие с туземцами. Петр Ангиерский, тотчас по возвращении опросивший матросов о подлинной причине перелома, совершившегося в отношениях с туземцами после смерти Магеллана, получил от очевидца, «qui omnibus rebus interffuit»[224], вполне исчерпывающее объяснение: «Feminarum stupra causam perturbationis dedisse arbitrantur».[225] Несмотря на всю свою строгость, Магеллан не мог воспрепятствовать распаленным долгим воздержанием матросам наброситься на жен гостеприимных хозяев; тщетно пытался он удержать их от насильственных действий и даже подверг наказанию своего шурина Барбосу за то, что он три ночи провел на берегу; эта разнузданность, вероятно, еще возросла после смерти Магеллана. Во всяком случае, вместе со страхом перед их военной мощью исчезло и всякое уважение к этим пришлым разбойникам.

Видимо, испанцы почуяли возрастающее недоверие к ним, ибо внезапно заторопились. Скорей, скорей погрузить товары и прочую поживу – и прямиком к «Островам пряностей»! Идея Магеллана – миром и дружбой упрочить на Филиппинских островах главенство Испании и католической церкви – мало занимает его более корыстных преемников: лишь бы скорей покончить со всем и вернуться на родину. Но для завершения торговых сделок испанцам необходима помощь Магелланова невольника Энрике: ведь он единственный, кто благодаря знанию туземного языка может служить посредником в торговле, – и вот при этом, казалось бы, маловажном обстоятельстве и

обнаруживается у них отсутствие того умения обращаться с людьми, благодаря которому более гуманный Магеллан неизменно достигал величайших своих успехов.

Верный его раб Энрике до последней минуты не покидал своего хозяина. Раненым доставили его обратно на корабль, и теперь он лежит неподвижно, укрытый своей циновкой, то ли страдая от полученной раны, то ли тяжко и упорно скорбя о гибели горячо любимого господина, к которому он привязался с безотчетной верностью сторожевого пса.

И тут Дуарте Барбоса, после смерти Магеллана избранный вместе с Серрано начальником флотилии, совершает глупость, нанеся смертельное оскорбление верному рабу Магеллана. Грубо заявляет он: пусть Энрике не воображает, что после смерти своего господина может бездельничать, что он уже не невольник. По возвращении на родину его немедленно передадут вдове Магеллана, а пока что он обязан повиноваться. Если он тотчас не встанет и не отправится на берег исполнять свои обязанности толмача, ему придется отведать арапника.

Энрике – из опасной расы малайцев, никогда не прощающих оскорбление; потупясь, выслушивает он эту угрозу. Ему не может быть неизвестно, что, согласно завещанию Магеллана, он после смерти своего господина должен быть отпущен на свободу и даже получить известную сумму денег. Он молча стискивает зубы. Эти наглые преемники его великого господина и учителя, надумавшие украсть его свободу и не сочувствующие его горю, расплатятся за то, что назвали его perro[226] и на самом деле обошлись с ним, как с собакой.

Коварный малаец внешне ничем не выдает своих мстительных замыслов. Покорно отправляется он на рынок, покорно выполняет обязанности толмача при купле и продаже, но одновременно использует во зло свое опасное искусство. Он осведомляет раджу Себу, что испанцы уже готовятся погрузить обратно на суда оставшиеся не проданными товары и на следующий день намерены незаметно исчезнуть, увозя с собой все свое добро. Если король теперь проявит должную расторопность, он с легкостью захватит все товары, ничего не отдавая взамен, и даже сможет завладеть при этом тремя великолепными испанскими кораблями.

Скорее всего мстительный совет Энрике вполне отвечал сокровенным желаниям раджи Себу; во всяком случае, его речи были выслушаны благосклонно. Вдвоем они вырабатывают план и осторожно подготавливают его выполнение. Продолжается без видимых внешних изменений оживленная торговля, сердечнее, чем когда-либо, обходится король Себу со своими новыми

единоверцами, да и Энрике, с того дня как Барбоса пригрозил ему плеткой, видимо, полностью излечился от лени. Через три дня после смерти Магеллана, 1 мая, он с сияющим лицом приносит капитанам радостную весть: раджа Себу наконец-то получил драгоценности, которые он обещал послать своему повелителю и другу, королю Испании. Желая обставить вручение даров как можно торжественнее, он созвал своих подданных и подвластных ему предводителей племен: пусть же и оба капитана, Барбоса и Серрано, явятся в сопровождении наиболее знатных испанцев, чтобы принять из рук раджи подарки, предназначенные для верховного его повелителя и друга, короля Карлоса Испанского.

Будь Магеллан в живых, он, несомненно, вспомнил бы, из времен индийских своих походов, о столь же любезном приглашении властителя Малакки, когда доверчиво сошедшие на берег капитаны были перебиты и друг его, Франсишку однофамилец Жуана Серрано, спасся только благодаря личной храбрости Магеллана. Но этот второй Серрано и Дуарте Барбоса, ничего не подозревая, идут в западню, расставленную их новым братом во Христе. Они принимают приглашение – и здесь снова подтверждается старая истина, что звездочеты ничего не знают о собственной судьбе, ибо к ним примкнул и астролог Андрее де Сан-Мартин, по-видимому, забывший предварительно составить себе гороскоп, тогда как обычно столь любопытствующего Пигафетту на сей раз спасает рана, полученная в бою на Мактане. Он остается лежать на циновке, и это сохраняет ему жизнь.

Всего на берег отправляются двадцать девять испанцев, и в числе их, роковым образом, лучшие, опытнейшие мореплаватели и кормчие. Торжественно встреченные, они отправляются в пальмовую рощу, где раджа приготовил им пиршество. Несметные толпы туземцев, привлеченных, вероятно, одним любопытством, со всех сторон окружают испанских гостей в порыве сердечности. Однако настойчивость, с какой раджа старается завлечь испанцев в глубь пальмовой рощи, не по душе кормчему Жуану Карвальо. Он делится своими подозрениями с альгвасилом флотилии Гомесом де Эспиносой; они решают как можно скорее доставить с кораблей на берег весь экипаж, чтобы в случае измены выручить товарищей. Под благовидным предлогом они выбираются из толчеи и спешат к кораблям. Но не успевают они взойти на борт, как с берега до них доносятся душераздирающие крики. Совершенно так же, как некогда в Малакке, туземцы напали на беспечно пирующих испанцев, не дав им схватиться за оружие. Одним ударом вероломный раджа Себу избавляется от всех своих гостей и завладевает всеми товарами и оружием, равно как и неуязвимыми доспехами испанцев.

Люди на кораблях в первую минуту цепенеют от ужаса. Затем Карвальо, вследствие гибели всех остальных капитанов в мгновение ока ставший начальником флотилии, отдает приказ приблизиться к берегу и открыть по городу огонь из всех орудий. Залп гремит за залпом. Может быть, Карвальо надеется этим спасти жизнь хоть нескольким товарищам, может быть, это только проявление бессильной ярости. Но как раз в минуту, когда первые ядра уже начинают крушить хижины, происходит нечто страшное – одна из тех ужасающих сцен, которые навеки врезаются в память людей, живо их себе представивших.

Один из подвергшихся нападению, храбрейший из них, Жуан Серрано, точь-в-точь как некогда Франсишку Серрано на малаккском побережье – таинственное повторение, – в последнюю минуту вырывается из рук убийц и бежит к взморью. Но враги гонятся за ним, окружают его, связывают по рукам и ногам. И вот он стоит, беззащитный, теснимый толпой убийц, и из последних сил кричит товарищам на кораблях, чтобы они прекратили огонь, иначе мучители убьют его. Он молит их ради всего святого выслать лодку с товарами и выкупить его.

Какое-то одно мгновение кажется, что торг состоится. Цена жизни храбрейшего из капитанов уже установлена: две бомбарды и несколько бочонков меди. Но туземцы требуют, чтобы товары были доставлены на берег, а Карвальо, возможно, опасается, как бы эти уже однажды нарушившие слово негодяи не присвоили себе не только товары, но и шлюпку. Возможно же, Пигафетта сам высказывает это подозрение, что честолюбец уже не хочет расстаться со столь внезапно доставшимся ему званием командира и не склонен более служить простым кормчим под началом выкупленного Серрано.

Так или иначе, но чудовищное деяние совершается. На взморье извивается связанный окровавленный человек, окруженный кровожадной толпой, на его лбу холодный пот смертельного ужаса, единственная его надежда, что на расстоянии броска камня находятся три превосходно вооруженных испанских судна с раздутыми парусами, а у борта флагманского корабля стоит его земляк Карвальо, его compadre, его побратим, с кем он разделял тысячи опасностей и кто скорее пожертвует последним, чем покинет его в беде.

И снова вопит он охрипшим голосом: скорее, скорее пришлите выкуп. Жадно вперяет он глаза в шлюпку, покачивающуюся рядом с кораблем. Почему мешкает Карвальо, почему он так медлит? Но вот мореход Серрано, знающий любое движение на корабле, воспаленными глазами видит, как шлюпку поднимают на борт. Предательство! Измена! Вместо того чтобы

послать к нему спасательную шлюпку, суда начинают скользить к открытому морю. Флагманское судно уже обращается вокруг якоря, уже паруса надуваются попутным ветром. В первую минуту несчастный Серрано не может, не хочет понять, что его – начальника, капитана – собственные его товарищи по приказу его названого брата трусливо предают в руки убийц.

Еще раз сдавленным голосом кричит он вслед беглецам, просит, приказывает, неистовствует в предсмертной тоске и отчаянии. А когда ему уже становится ясно, что все три корабля снялись с якоря и покидают рейд, он еще раз из последних сил набирает воздух в сдавленную путами грудь, и по волнам к Жуану Карвальо доносится ужасное проклятие: в день Страшного суда он будет призван к ответу перед Всевышним за подлое свое предательство.

Но слова этого проклятия – последние слова Серрано. Собственными глазами видят предавшие его товарищи, как убивают избранного ими начальника. И еще прежде, чем суда успевают выйти из гавани, под торжествующие крики туземцев рушится огромный крест, воздвигнутый испанцами. Все, что за недели кропотливой, тщательной работы было достигнуто Магелланом, пошло прахом из-за легкомыслия и безрассудства его преемников. Покрытые позором, с предсмертным проклятием умирающего капитана, еще звучащим в их ушах, постыдно повернувшись спиной к ликующим дикарям, как преследуемые разбойники, покидают они тот остров, на который, подобно богам, вступили под предводительством Магеллана.

Печален смотр боевых сил, который проводят уцелевшие после выхода из злосчастной гавани Себу. Из всех ударов судьбы, перенесенных флотилией с момента отплытия, это пребывание в Себу оказалось наиболее тяжким. Не только незаменимого своего предводителя Магеллана потеряли они, но и самых опытных капитанов – Дуарте Барбосу и Жуана Серрано, знатоков ост-индского побережья, более всего необходимых им теперь, во время обратного плавания. Со смертью Андреса де Сан-Мартина они утратили мастера навигационного дела, бегство Энрике лишило их переводчика. При перекличке из взятых на борт в Севилье двухсот шестидесяти пяти человек налицо оказывается всего сто пятнадцать; экипаж так малочислен, что распределить его на три корабля уже не представляется возможным. А потому лучше пожертвовать одним из трех судов и, таким образом, обеспечить два других достаточным числом людей.

Жребий добровольного потопления выпадает на долю

«Консепсьон», давно уже давшего течь и потому ненадежного в предстоящем трудном плавании. Неподалеку от острова Бохол смертный приговор над ним приводится в исполнение. Все, что только может пригодиться, вплоть до последнего гвоздя, до самого истрепанного каната, переносится на два других корабля; опустошенные деревянные останки предаются огню.

Мрачно созерцают матросы, как разгорается едва заметное вначале, чуть тлеющее пламя, как оно затем огненными щупальцами со всех сторон охватывает судно, два года подряд бывшее им домом и родиной, и как, наконец, жалкий обугливщийся остов погружается в чужие, враждебные воды. Пять кораблей, с весело развевающимися вымпелами, с многолюдной командой, вышли из Севильской гавани. Первой жертвой стал «Сант-Яго», разбившийся у патагонских берегов. В Магеллановом проливе «Сан-Антонио» трусливо покинул флотилию. Всего два корабля плывут теперь бок о бок по неведомому пути: «Тринидад», бывшее флагманское судно Магеллана, и маленькая невзрачная «Виктория», которой предстоит оправдать свое гордое имя и пронести в бессмертие великий замысел Магеллана.

Отсутствие подлинного вождя, опытного морского начальника Магеллана, вскоре сказывается в неуверенности курса, взятого уменьшившейся до столь ничтожных размеров флотилией. Точно слепые или ослепленные, ощупью бредут суда среди островов Зондского архипелага. Вместо того чтобы взять курс на юго-запад к Молуккским островам, совсем уже близким, они неуверенными зигзагами, то устремляясь вперед, то снова возвращаясь вспять, блуждают в северо-западном направлении.

Целых полгода затрачено в этих бесцельных скитаниях, приводящих суда и к Манданао, и к Борнео. Но еще резче, чем в этой неуверенности курса, отсутствие прирожденного вождя сказывается в падении дисциплины. Под суровым управлением Магеллана не было ни грабежа на суше, ни пиратства на море; неуклонно соблюдался строгий порядок и отчетность. Ни на минуту не забывал Магеллан, что звание адмирала королевской флотилии обязывает его даже в самых дальних странах блюсти честь испанского флага.

Его жалкий преемник Карвальо, обязанный своим адмиральским званием лишь тому, что раджи Мактана и Себу умертвили всех старше его по чину, не знает нравственных сомнений. Он пиратствует, без зазрения совести забирая все, что попадается на пути. Любую повстречавшуюся джонку грабят. Выкуп, взимаемый при этих оказиях, Карвальо, нимало не

стесняясь, кладет в собственный карман, объединив в своем лице и счетовода, и казначея. В то время как Магеллан во имя дисциплины не допускал на борт ни единой женщины, Карвальо перевозит с ограбленной им джонки на корабль трех туземок под предлогом принесения их в дар королеве испанской.

В конце концов экипажу наскучил этот новоявленный паша, vedendo che non facere cosa che fosse in servitio del re. Убедившись (сообщает дель Кано), что он заботится не о служении королю, а только о собственной выгоде, моряки попросту прогоняют с должности своего обзаведшегося гаремом начальника и заменяют его триумвиратом в составе капитана «Тринидад» Гомеса де Эспиносы, капитана «Виктории» Себастьяна дель Кано и облеченного званием командира армады кормчего Понсеро.

Но суть дела от этого не меняется, оба судна продолжают бессмысленно описывать круги и зигзаги; правда, в этих густонаселенных краях сбившиеся с пути моряки с легкостью пополняют посредством меновой торговли и грабежа запасы продовольствия, но великая задача, во имя которой Магеллан дерзнул предпринять это плавание, как будто и вовсе забыта ими. Наконец счастливая случайность помогает им выбраться из лабиринта Зондских островов. На повстречавшемся им маленьком судне, которое они захватывают по своему пиратскому обыкновению, в их руки попадает человек родом из Тернате; он-то должен знать путь на свою родину, путь к вожделенным «Островам пряностей». И действительно, ему известен этот путь, известен и друг Магеллана Франсишку Серрано; наконец-то нашелся проводник, с помощью которого прекратятся их блуждания.

Последнее испытание преодолено, теперь они могут прямиком устремиться к цели, к которой за эти недели бессмысленных скитаний уже не раз приближались, но в своем ослеплении обходили стороной. Теперь несколько дней спокойного плавания больше приближают их к ней, чем шесть месяцев нелепых поисков. 6 ноября они видят, как вдали из моря вздымаются горы, вершины Тернате и Тидора. Блаженные острова достигнуты.

«Сопровождавший нас лоцман, – пишет Пигафетта, – сказал нам, что это Молукки. Все мы возблагодарили Господа и в ознаменование радостного события дали залп из наших орудий. Пусть не дивятся великому нашему счастью, ведь двадцать семь месяцев без двух дней мы, в общей сложности, провели в поисках этих островов и вдоль и поперек избороздили моря, стремясь найти их среди бесчисленных островов».

Но вот 8 ноября 1521 года они бросают якорь у Тидора,

одного из пяти благодатных островов, о которых всю свою жизнь мечтал Магеллан. Как мертвый Сид, посаженный дружинниками на верного боевого коня одержал еще одну, последнюю победу, так энергия Магеллана и после его смерти приводит к счастливому завершению дела. Его суда, его люди узрели обетованную страну, куда он, подобно Моисею, обещал привести их, но куда ему самому, их предводителю, не суждено было попасть.

Но нет в живых и того, кто звал его из-за океана, кто поощрял его замысел и подвиг, – нет более Франсишку Серрано; напрасно Магеллан простер бы объятия, чтобы заключить в них милого друга, в поисках которого он обогнул весь земной шар. Серрано умер за несколько недель до их прибытия, по слухам отравленный, – оба первых творца замысла кругосветного плавания оплатили бессмертие своей безвременной гибелью.

Зато восторженные описания Серрано оказались ничуть не преувеличенными. Не только местность здесь прекрасна и богата дарами природы – не менее приветливы здесь и люди. «Что можно сказать об этих островах? – пишет в знаменитом своем письме Максимилиан Трансильванский. – Здесь все дышит простотой и ничто не ценится, кроме спокойствия, мира и пряностей. И лучшее из этих благ, а быть может, и высшее благо на земле, – мир. Словно его изгнала из нашего света злокозненность людей, и он нашел себе убежище здесь».

Король, чьим другом и советником был Серрано, тотчас направляется к ним навстречу в ладье под шелковым балдахином и по-братски принимает гостей. Правда, вступив на борт, король Альмансор, как верующий магометанин, затыкает нос, страшась ненавистного запаха поганой свинины, но с братской любовью заключает христиан в свои объятия. «Гостите здесь, – уговаривает он их, – пользуйтесь всеми утехами этого края после стольких бедствий и долгих морских скитаний. Отдыхайте, считайте, что вы в царстве вашего собственного властителя».

Охотно признает он над собой верховную власть испанского короля. Не в пример остальным царькам, с которыми испанцы имели дело и которые старались урвать от них как можно больше, этот совестливый король просит их не засыпать его дарами, так как «у него нет ничего, чем он мог бы достойным образом одарить гостей».

Благодатные острова! Все, чего только ни пожелают испанцы, достается им здесь в избытке – изысканнейшие пряности, съестные припасы и золотая пыль, а все то, что приветливый султан не может доставить им сам, он добывает с соседних островов.

Моряки опьянены столь великим счастьем после всех лишений и страданий; они с лихорадочной поспешностью закупают пряности и чудесно оперенных райских птиц; они продают свое белье, мушкеты, плащи, кожаные пояса – ведь возвращение не за горами, – и богатыми людьми, приобретя за бесценок несметные сокровища, они вернутся на родину. Иные из них, правда, всего охотнее последовали бы примеру Серрано и навсегда остались бы в этом земном раю. А потому, когда перед самым отплытием выясняется, что только одно из судов еще достаточно крепко, чтобы выдержать обратный путь, и что пятидесяти из ста с лишним моряков придется ждать на благодатных островах, пока второе будет починено, значительная часть экипажа с радостью принимает эту дурную весть.

Остаться обречено бывшее флагманское судно Магеллана, «Тринидад». Первым вышел адмиральский корабль из Сан-Лукара, первым прошел Магелланов пролив, первым пересек Тихий океан, всегда впереди остальных, – олицетворенная воля их предводителя и великого наставника. Теперь, когда вождя нет в живых, его судно не хочет плыть дальше: как верный пес не дает увести себя с могилы хозяина, так и «Тринидад» отказывается продолжать путь, достигнув цели, поставленной ему Магелланом.

Уже погружены бочонки с пресной водой, продовольствием и много центнеров пряностей, уже поднят флаг Сант-Яго с надписью: «Сие да будет залогом благополучного нашего возвращения», уже поставлены паруса, как вдруг в недрах старого, изношенного судна раздается громкий стон, зловещий треск. Трюм наполняется водой, но пробоину никак не удается обнаружить, и приходится спешно начинать разгрузку, чтобы успеть еще вытащить судно на берег. Потребуются недели и недели, чтобы исправить повреждение, а второй корабль, единственный уцелевший из всей флотилии, не может так долго ждать; теперь, когда дует попутный восточный муссон, пора, пора наконец на третьем году плавания принести императору весть, что Магеллан ценой жизни сдержал свое слово и под испанским флагом совершил величайший подвиг в истории мореходства.

Единодушно решают, что «Тринидад» после починки попытается пересечь Тихий океан в обратном направлении, с целью у Панамы достичь заокеанских владений Испании, а «Виктория», пользуясь попутными ветрами, немедленно устремится к западу, через Индийский океан, на родину.

Капитаны обоих судов, Гомес де Эспиноса и Себастьян дель Кано, теперь стоящие друг против друга, готовясь после двух с половиной лет совместного плавания проститься навсегда, уже однажды в решающую минуту противостояли друг другу. В

памятную ночь сан-хулианского мятежа тогдашний каптенармус Гомес де Эспиноса был вернейшим помощником Магеллана. Смелым ударом кинжала вернул он ему «Викторию» и тем самым обеспечил возможность дальнейшего плавания. Юный баск Себастьян дель Кано, тогда еще простой sobresaliente, в ту ночь был на стороне мятежников; он принял деятельное участие в захвате «Сан-Антонио». Магеллан щедро наградил верного Гомеса де Эспиносу и милостиво простил изменившего ему дель Кано.

Будь судьба справедлива, она избрала бы для славного завершения великого дела Эспиносу, обеспечившего торжество Магелланова замысла. Но более великодушный, нежели справедливый жребий возвышает недостойного. Эспиноса вместе с разделившими его участь моряками «Тринидад» бесславно погибает после бесконечных мытарств и скитаний и будет забыт неблагодарной историей, тогда как звезды увенчают своим земным отблеском – бессмертием – как раз того, кто хотел помешать Магеллану совершить подвиг, кто некогда восстал на великого адмирала, – мятежника Себастьяна дель Кано.

Глубоко волнующее прощание на краю света: сорока семи морякам – офицерам и матросам «Виктории» – предстоит отправиться на родину, а пятидесяти одному – остаться с «Тринидад» на Тидоре. До самого отплытия остающиеся пребывают на борту с товарищами, чтобы еще раз обнять их, передать им письма, приветы; два с половиной года совместных тягот давно уже спаяли разноязычную и разноплеменную команду бывшей армады в единое целое. Никакие раздоры, никакие распри уже не в силах разъединить их. Когда «Виктория» наконец отдает якоря, остающиеся все еще не хотят, не могут расстаться с товарищами. На шлюпках и малайских челнах плывут они бок о бок с медленно удаляющимся судном, чтобы еще раз взглянуть друг на друга, еще раз обменяться сердечными словами. Лишь с наступлением сумерек, когда руки уже устают грести, они поворачивают лодки, и на прощание гремит орудийный залп – последний братский привет остающимся. А затем «Виктория», последнее уцелевшее судно Магеллановой флотилии, начинает свое незабываемое плавание.

Это обратное, охватившее половину земного шара плавание старого, изношенного за два года и шесть месяцев неустанных странствий, вконец обветшавшего парусника – один из великих подвигов мореплавания. Осуществив волю умершего вождя, дель Кано этим славным деянием загладил свою вину перед Магелланом.

На первый взгляд стоящая перед ним задача – довести корабль с Молуккских островов до Испании – кажется не такой уж трудной, ибо с начала шестнадцатого века португальские флотилии регулярно, из года в год плывут с попутными муссонами от Малайского архипелага до Португалии и обратно. Путешествие в Индию лет десять назад, во времена Албукерке и Алмейды, еще было дерзновенным проникновением в неизвестность, – теперь оно требует только знания точно размеченного пути, в крайнем же случае капитан на каждой стоянке, в Индии и Африке, на Малакке и в Мозамбике и на островах Зеленого Мыса, находит португальских представителей, чиновников и кормчих; в каждой гавани приготовлены продовольствие и нужные для починки судов материалы.

Но неимоверная трудность, которую должен преодолеть дель Кано, заключается в том, что он не только не может пользоваться этими португальскими базами, но вынужден на большом расстоянии огибать их. Ибо еще на Тидоре спутники Магеллана от некоего беглого португальца узнали, что король Мануэл приказал захватить все суда флотилии, а экипаж взять под стражу как пиратов, и действительно, их злосчастных товарищей с «Тринидад» не минует эта жестокая участь.

Итак, дель Кано предстоит на своем ветхом, источенном червями, до отказа нагруженном корабле, о котором почти три года назад еще в Севильской гавани консул Алвариш говорил, что не отважился бы плыть на нем и до Канарских островов, ни больше и ни меньше как единым духом пересечь весь Индийский океан, а затем еще, миновав мыс Доброй Надежды, обогнуть всю Африку, ни разу не бросив якорь. Нужно взглянуть на карту, чтобы постичь всю грандиозность, всю дерзновенность этой задачи, которая и теперь, через четыреста лет, даже для современного, снабженного усовершенствованными машинами парохода считалась бы большим достижением.

Этот беспримерный львиный прыжок с Малайского архипелага до Севильи начинается – достопамятный день! – 13 февраля 1522 года в одной из гаваней острова Тидор. Еще раз пополнил там дель Кано запасы продовольствия и пресной воды, еще раз, памятуя осмотрительность покойного начальника, велел основательно проконопатить и починить судно, прежде чем на долгие месяцы предать его на волю ветра и волн. В первые дни «Виктория» еще плывет мимо островов; издали моряки видят тропическую зелень, очертания высоких гор.

Но время года уже слишком позднее, чтобы можно было делать остановки, и дель Кано должен пользоваться попутным восточным муссоном; нигде не приставая, плывет «Виктория»

мимо этих манящих островов, к великому огорчению неустанно любопытствующего Пигафетты, все еще не насмотревшегося досыта «диковинных вещей». Чтобы убить время, он заставляет взятых на борт островитян (всего девятнадцать человек, в то время как число европейцев в экипаже уменьшилось до сорока семи) описывать мелькающие в тумане острова, и темнокожие попутчики рассказывают ему чудеснейшие сказки «Тысячи и одной ночи». Вот на том острове живут люди ростом не выше локтя, но уши у них такой длины, как они сами, и когда они ложатся спать, одно ухо им служит подстилкой, а другое – одеялом. А на этом островке обитают одни женщины, и мужчина не смеет ступить на него. Но они все же беременеют от ветра, и всех мальчиков, которых родят, они убивают, а девочек оставляют в живых и растят.

Но мало-помалу последние острова исчезают в голубоватом тумане, малайцам уже нечем больше морочить легковерного Пигафетту, и только бескрайний океан окружает судно своей мучительно неизменной синевой. Недели, долгие недели, покуда они плывут в пустыне Индийского океана, моряки видят только небо и море в их ужасающем, гнетущем однообразии. Ни человека, ни корабля, ни паруса, ни звука; только синева, синева, синева в пустоте, полной пустоте бескрайней глади.

Ни один непривычный звук не доносится до их слуха, ни одно незнакомое лицо не является им за долгие недели. Но вот из тайников корабля выходит старый, хорошо знакомый призрак, тощий, бледный, с глубоко запавшими глазами, – голод. Голод – их верный спутник в плавании по Тихому океану, жестокосердный мучитель и убийца их старых, испытанных товарищей; значит, он снова украдкой пробрался на борт, ибо вот он стоит здесь среди них, алчный и злобный, ехидно ухмыляясь, глядит в их смятенные лица.

Непредвиденная катастрофа свела на нет все расчеты дель Кано. Правда, его люди погрузили запас продовольствия, главным образом мяса, рассчитанный на пять месяцев, но на Тидоре не оказалось соли, и под палящим зноем индийского солнца недостаточно провяленное мясо начинает гнить. Чтобы спастись от зловония разлагающихся туш, моряки вынуждены весь запас выбросить в море, и теперь пищей им служит один только рис, рис да вода, вода да рис, рис да вода, вода да рис, и с каждой неделей все меньше становится риса и все меньше затхлой воды. Снова появляется цинга, снова начинается мор среди команды. Так велики становятся в начале мая их бедствия, что часть экипажа требует, чтобы капитан взял курс на близлежащий Мозамбик и выдал корабль португальцам, вместо того чтобы

продолжать плавание и погибнуть голодной смертью.

Но вместе с командованием бывшему мятежнику незаметно передалась и железная воля Магеллана. Тот самый дель Кано, который ранее, будучи подчиненным, хотел принудить адмирала к отступлению, теперь, как начальник, требует от людей последнего, величайшего усилия – и ему удается подчинить их своей воле. «Ma inanti determinamo tutti morir che andar in mano dei portoghesi» – «Мы решили лучше умереть, нежели предать себя в руки португальцев», – сможет он впоследствии гордо рапортовать императору.

Попытка высадиться на восточном берегу Африки оказывается неудачной: в этом голом, пустынном краю они не находят ни воды, ни плодов; нимало не облегчив своих страданий, они продолжают страшное плавание. У мыса Доброй Надежды – они невольно называют его прежним именем: Cabo Tormentoso – мыс Бурь – на них налетает бешеный шквал, ломающий переднюю мачту и расщепляющий среднюю. С величайшими усилиями измученные, едва держащиеся на ногах матросы кое-как исправляют повреждения.

Медленно, с трудом, тяжко кряхтя, тащится судно вдоль побережья Африки дальше на север. Но ни в бурю, ни в безветрие, ни днем, ни ночью не оставляет их в покое жестокий мучитель; издеваясь, оскаливается серый призрак, голод, – издеваясь, ибо на этот раз он измыслил для них новую, дьявольскую пытку.

Корабельные трюмы не пусты, как раньше, когда флотилия плыла по Тихому океану, – нет, на этот раз чрево корабля забито до отказа. Семьсот центнеров пряностей везет «Виктория» – семьсот центнеров, количество, достаточное, чтобы приправить роскошнейшую трапезу сотен тысяч, миллионов людей; пряностей у голодающего экипажа сколько душе угодно. Но разве можно запекшимися губами вкушать зернышки перца, разве можно вместо хлеба питаться пряными мускатными цветками или корицей? И если ужаснейшая история – умирать от жажды на море, посреди необъятных вод, то на борту «Виктории» люди претерпевают пытку из пыток, умирая голодной смертью посреди груд пряностей.

Каждый день за борт бросают иссохшие трупы. Тридцать один испанец из сорока семи и трое из девятнадцати островитян еще живы, когда после пяти месяцев безостановочного плавания, 9 июля, обессиленный корабль наконец подходит к островам Зеленого Мыса.

Зеленый Мыс – португальская колония, Сант-Яго – португальская гавань. Встать здесь на якорь, в сущности, значит отдаться беззащитными в руки соперников, врагов,

капитулировать в двух шагах от цели. Но пищи хватит самое большее еще на два-три дня; голод не оставляет им выбора, нужно отважиться на дерзкий обман.

Дель Кано решается на смелую попытку – скрыть от португальцев, с кем они имеют дело. Но прежде чем отправить на берег нескольких матросов для закупки съестного, он берет с них торжественную клятву ни словом не обмолвиться португальцам о том, что они – последняя горсть людей, уцелевшая от флотилии Магеллана, и что ими совершено кругосветное плавание. Матросам велено говорить, что бури пригнали их судно из Америки, а следовательно, из сферы владычества Испании. Расщепленная мачта и плачевное состояние истрепанного судна, к счастью, делают эту небылицу правдоподобной.

Без особых расспросов, не послав на борт чиновников для досмотра, португальцы, в силу свойственного морякам товарищеского чувства, оказывают шлюпке самый радушный прием. Они немедленно посылают испанцам пресную воду и съестные припасы; дважды, трижды возвращается шлюпка с берега, обильно нагруженная продовольствием. Уже кажется, что хитрость вполне удалась; отдых, а главное, давно не виданная пища – хлеб и мясо – подкрепили моряков, запасы продовольствия уже пополнены настолько, что их хватит до самой Севильи. Еще один, последний раз посылает дель Кано шлюпку – взять рису и плодов, а потом в путь, к победе! К победе!

Но странное дело – на этот раз шлюпка не возвращается. Дель Кано мгновенно догадывается о том, что случилось. Кто-нибудь из матросов сболтнул на берегу лишнее или же попытался обменять щепотку-другую пряностей на водку, которой все они так долго были лишены; по этим признакам португальцы узнали корабль Магеллана, своего заклятого врага. Дель Кано уже видит, как на берегу готовят корабль для захвата «Виктории». Только отчаянная решимость может теперь спасти их. Уж лучше покинуть тех, кто на берегу, только не дать захватить себя в двух шагах от цели! Только сохранить мужество для завершения отважнейшего плавания в истории! И хотя на «Виктории» всего восемнадцать человек – слишком мало, чтобы довести ветхое судно до Испании, – дель Кано велит поспешно сняться с якоря и поднять паруса. Это – бегство. Но бегство к великой, к решающей победе.

Как ни кратковременно и опасно было пребывание у Зеленого Мыса, однако именно там усердному летописцу Пигафетте удалось наконец пережить в последнюю минуту одно из тех чудес, ради которых он отправился в путь, ибо на Зеленом Мысе он первый наблюдает явление, новизна и знаменательность

которого будут волновать и занимать внимание всего столетия.

Моряки, отправленные на берег для покупки съестных припасов, возвращаются с поразившей их вестью: на суше четверг, тогда как на корабле их уверяли, что сегодня среда.

Пигафетта чрезвычайно удивлен, ибо в течение всего длившегося без малого три года странствия он день за днем вел свои записи. Без единого пропуска отсчитывал он понедельник, вторник, среду и так всю неделю, все годы подряд, – неужели же он пропустил один день?

Он спрашивает кормчего Альваро, также отмечавшего каждый день в своем судовом журнале. И что же? По записям Альваро тоже еще среда. Неуклонно плывшие на запад моряки каким-то непонятным образом выронили из календаря один день, и рассказ Пигафетты о столь странном явлении ошеломляет всех образованных людей. Обнаружена тайна, о существовании которой не подозревали ни греческие мудрецы, ни Птолемей, ни Аристотель, раскрыть которую удалось только благодаря плаванию Магеллана: точное наблюдение подтвердило то, что Гераклид Понтийский за четыреста лет до начала христианской эры высказал как гипотезу: доказано, что земной шар не покоится неподвижно в мировом пространстве, а равномерным движением вращается вокруг собственной оси и что тот, кто, плывя к западу, следует за ним в его вращении, может урвать у бесконечности крупицу времени.

Эта вновь познанная истина – что в различных частях света время и час не совпадают – волнует гуманистов шестнадцатого века примерно так же, как наших современников – теория относительности. Петр Ангиерский немедленно заставляет некоего «мудрого человека» объяснить ему это удивительное явление и затем сообщает о нем императору и папе. Так, в отличие от других, привезших на родину одни только вороха пряностей, Пигафетта, скромный рыцарь Родосского ордена, привез из долгого плавания драгоценнейшее из всего, что есть на свете, – новую истину!

Но еще судно не возвратилось на родину. Еще ветхая «Виктория», напрягая последние силы, тяжело кряхтя, медленно, устало тащится по морю. Из всех, кто отплыл на ней с Молуккских островов, на борту осталось только восемнадцать человек, вместо ста двадцати рук работают всего тридцать шесть, а крепкие кулаки были бы нынче к месту, ибо почти у самой цели судну вновь угрожает авария. Ветхие доски вышли из пазов, вода неустанно просачивается во все расширяющиеся щели. Сначала

пытаются откачивать ее насосом, но этого недостаточно. Самым целесообразным было бы теперь выбросить за борт как лишний балласт хотя бы часть из семисот центнеров пряностей, тем самым уменьшив осадку, но дель Кано не хочет расточать достояние императора.

День и ночь чередуются изнуренные моряки у двух насосов – это каторжный труд, а ведь надо еще и зарифлять паруса, и стоять у руля, и дежурить на марсе, и выполнять множество других повседневных работ. Люди изнемогают; подобно лунатикам, шатаясь из стороны в сторону, бредут к своим постам уже много ночей не знавшие сна матросы, «tanto debili quanto mai uomini furono» – «ослабевшие до такой степени, как никогда еще не ослабевали люди», – докладывает дель Кано императору. И несмотря на это, каждому из них приходится работать за двоих и за троих. Они работают из последних сил, уже изменяющих им, ибо все ближе, все ближе желанная цель.

13 июля они отчалили, эти восемнадцать героев, от Зеленого Мыса; наконец 4 сентября 1522 года (вскоре исполнится три года, как они расстались с родиной) у марса раздается хриплый возглас радости: дозорный увидел мыс Сан-Висенти. У этого мыса для нас кончается материк Европы, но для них, участников кругосветного плавания, здесь начинается Европа, начинается родная земля. Медленно вырастает из волн отвесная скала, и вместе с ней растет их мужество. Вперед! Вперед! Еще только два дня, две ночи осталось терпеть! Еще одну ночь и один день. Еще только одну ночь, одну только ночь!

И – наконец! – все они выбегают на палубу и, дрожа от счастья, теснятся друг к другу – вдали серебристая полоса, зажатая твердой землей, – Гвадалквивир, впадающий в море, здесь, у Сан-Лукар-де-Баррамеда! Отсюда три года назад они отплыли под предводительством Магеллана, пять судов и двести шестьдесят пять человек. А сейчас – одно-единственное невзрачное суденышко приближается к берегу, бросает якорь у той же пристани, и восемнадцать человек, пошатываясь, сходят с него, тяжело опускаются на колени и целуют твердую, добрую, надежную землю родины. Величайший мореходный подвиг всех времен завершился в день 6 сентября 1522 года.

Первой обязанностью дель Кано, едва он ступил на берег, было послать императору письмо с великой вестью. А тем временем его моряки жадно поедают свежий, только что испеченный хлеб, которым их здесь щедро потчуют. Годами их пальцы не прикасались к милому теплому караваю, годами не вкушали они ни вина, ни мяса, ни плодов родной земли. Потрясенный, вглядывается в их лица сбежавшийся народ, словно

они возвратились из царства теней, и хочет и не может поверить чуду. А истомленные моряки, едва утолив голод и жажду, уже валятся на циновки и спят, спят всю ночь, спят впервые за все эти годы безмятежным сном, впервые опять прильнув сердцем к сердцу родины.

На следующее утро другое судно буксирует победоносный корабль вверх по Гвадалквивиру до Севильи. Совершившая кругосветное плавание «Виктория» уже не в силах идти против течения. Удивленно окликают их с встречных барж и лодок. Никто не помнит этого корабля, три года назад отплывшего за океан: давным-давно Севилья, Испания, весь мир считали флотилию Магеллана погибшей – и что же? Вот он, победоносный корабль. С трудом, но все же гордо плывет он навстречу торжеству!

Наконец вдали блеснула Хиральда – белая колокольня-Севилья! Севилья! Уже видна гавань Жерновов, откуда они отплыли. «К бомбардам!» – приказывает дель Кано; это последняя команда в этом плавании. И уже грохочут над рекой орудийные залпы. Так моряки три года назад рыком чугунных жерл прощались с родиной, так они торжественно приветствовали пролив, открытый Магелланом, так они салютовали неведомому Тихому океану. Так они провозгласили победу, завидев неизвестные Филиппинские острова, так громовым ликованием возвестили, достигнув цели, поставленной Магелланом, что долг ими выполнен. Так они отдали прощальный салют товарищам, оставшимся на Тидоре, когда пришлось покинуть братское судно в гибельной дали. Но никогда еще их медные голоса не звучали так победно, так ликующе, как ныне, когда они возвещают: «Мы вернулись! Мы свершили то, что никто не свершил до нас! Мы – первые люди, обогнувшие земной шар!»

Мертвые неправы

Толпами устремляется в Севилье народ на берег; все хотят, как пишет Овьедо, «поглазеть на это единственное достославное судно, чье плавание является удивительнейшим и величайшим событием, когда-либо совершившимся с тех пор, как Господь сотворил мир и первого человека». Потрясенные, смотрят горожане, как восемнадцать моряков покидают борт «Виктории», как они, эти пошатывающиеся, едва бредущие скелеты, один за другим нетвердой походкой сходят на сушу, как слабы, изможденны, истомлены, больны и обессилены эти неверной поступью идущие безымянные герои, каждый из которых за три бесконечных года плавания состарился на добрый десяток лет.

Ликование и сочувствие окружают их. Им предлагают еду, их приглашают в дома, обступают их, требуя, чтобы они рассказывали, без передышки, без устали рассказывали о своих приключениях и мытарствах. Но моряки отвечают отказом. Потом, потом, после! Прежде всего – выполнить неотложный долг, сдержать обет, данный в час смертельной опасности: совершить искупительное паломничество в церковь Санта-Мария-де-ла-Виктория и Санта-Мария-Антигуа!

В благоговейном молчании шпалерами теснится народ вдоль дороги, стремясь увидеть, как восемнадцать оставшихся в живых моряков босиком, в белых саванах, с зажженными свечами в руках, шествуют в церковь, чтобы на месте, где они простились с отечеством, возблагодарить Господа за то, что он сохранил им жизнь среди столь великих опасностей и допустил возвратиться на родину. Снова гремит орган, снова священник в полумраке собора вздымает над головами преклонивших колена людей дароносицу, похожую на маленькое сияющее солнце.

Возблагодарив Всевышнего и его святых угодников за собственное избавление, моряки, быть может, еще творят молитву за упокой души своих собратьев и товарищей, три года назад вместе с ними преклонявших здесь колена. Ибо где те, что взирали тогда на Магеллана, их адмирала, в минуту, когда он развертывал шелковое знамя, пожалованное ему королем и благословленное священником? Они утонули, погибли от рук туземцев, умерли от голода и жажды, пропали без вести, остались в плену. Только на этих пал неисповедимый выбор судьбы, только их избрала она для торжества, только им даровала милость. И восемнадцать моряков едва слышно трепетными устами читают молитву за упокой души убитого предводителя и двухсот павших из экипажа армады.

На огненных крыльях разносится тем временем по всей Европе весть о благополучном их возвращении, сперва возбуждая безмерное изумление, а затем столь же безмерный восторг. После плавания Колумба ни одно событие не вызывало у современников подобного воодушевления. Пришел конец всякой неуверенности. Сомнение, этот злейший враг человеческого знания, побеждено. С тех пор как судно, отплыв из Севильской гавани, все время следовало в одном направлении и снова вернулось в Севилью, неопровержимо доказано, что Земля – вращающийся шар, а все моря – единое, нераздельное водное пространство.

Бесповоротно отметена космография греков и римлян, раз и навсегда покончено с доводами церкви и нелепой басней о ходящих на голове антиподах. Навеки установлена окружность земного шара, и тем самым наконец определены размеры той

части вселенной, которая именуется Землей; другие смелые путешественники в будущем еще восполнят детали нашей планеты, но в основном ее форма определена Магелланом, и неизменным осталось это определение по сей день и на все грядущие дни.

Земля отныне имеет свои границы, и человечество завоевало ее. Великой гордостью преисполнился с этого исторического дня испанский народ. Под испанским флагом начал Колумб открытие мира, под испанским флагом завершил его Магеллан. За четверть века человечество больше узнало о своем обиталище, чем за много тысячелетий. И поколение, счастливое и опьяненное этим переворотом представления о мире, совершившимся в пределах одной человеческой жизни, бессознательно чувствует: началась новая эра – новое время.

Всеобщим было восхищение великой победой человеческого духа в этом плавании. Даже снарядившие экспедицию купцы-предприниматели, Casa de la Contratacion и Христофор де Аро имеют все основания быть довольными. Они уже собирались списать в убыток восемь миллионов мараведисов, потраченных на снаряжение пяти судов, когда внезапно возвратившееся судно не только сразу окупило все расходы, но и принесло нежданный барыш. Продажа пятисот двадцати квинталов (около двадцати шести тонн) пряностей, доставленных «Викторией» с Молуккских островов, дает за покрытием всех расходов еще около пятисот золотых дукатов чистой прибыли; груз одного-единственного корабля полностью возместил утрату четырех остальных – правда, при этом подсчете ценность двухсот с лишним человеческих жизней признана равной нулю.

Только горсть людей во всей вселенной цепенеет от ужаса при вести, что один из кораблей Магеллановой армады, завершив кругосветное плавание, благополучно возвратился на родину. Это мятежные капитаны и их кормчий, дезертировавшие на «Сан-Антонио» и год назад высадившиеся в Севилье; погребальным звоном звучит радостная весть в их ушах. Давно уже тешили они себя надеждой, что опасный свидетель и обвинитель никогда не вернется в Испанию, и, нимало не колеблясь, выдали смелым аргонавтам в судебных протоколах свидетельство о смерти («Al juicio y parecer que han venido no volverá a Castilla el dicho Magellanes»).[227] Настолько были они убеждены, что корабли и команда гниют на дне морском, что беззастенчиво похвалялись перед королевской следственной комиссией своим мятежом как патриотическим актом, тщательно при этом умалчивая, что в ту критическую минуту, когда они покинули Магеллана, пролив был им уже найден. Они лишь вскользь упомянули о какой-то «бухте»,

куда вошли корабли, entraron en una bahia, и о том, что предпринятые Магелланом поиски были бесцельны и бесполезны, inutil e sin provecho. Тем более тяжки обвинения, возводимые ими на отсутствующего Магеллана. Он, мол, вероломно умертвил королевских чиновников, чтобы предать флотилию в руки португальцев, а свой корабль они сумели спасти лишь благодаря тому, что лишили свободы Мескиту, двоюродного брата Магеллана, украдкой взятого им на борт.

Правда, королевские судьи не проявили безусловной веры показаниям мятежников и с похвальным беспристрастием признали подозрительными действия обеих сторон. Мятежные капитаны, равно как и верный Мескита, были заключены в тюрьму, а жене Магеллана (еще не знавшей, что она вдова) было запрещено отлучаться из города. Следует выждать, решил королевский суд, покуда вернутся свидетели – остальные корабли, а с ними и адмирал.

Но когда миновал целый год, затем второй и от Магеллана все не было вестей, мятежники приободрились. И вот теперь гремит орудийный салют, возвещающий о возвращении одного из судов Магеллана, и гром его убийственно отдается в их совести. Теперь они погибли; Магеллану удалось совершить свое великое дело, и он жестоко отомстит тем, кто, вопреки присяге и морским законам, трусливо его покинул и предательски заковал в цепи своего капитана.

Зато как легко стало у них на сердце, когда они услышали, что Магеллан мертв. Главный обвинитель безмолвен. И еще увереннее чувствуют они себя, узнав, что «Викторию» привел на родину дель Кано. Дель Кано – ведь он был их сообщником; вместе с ними поднял он той ночью мятеж в бухте Сан-Хулиан. Уж он-то не сможет, не станет обвинять их в преступлении, в котором сам был замешан. Не против них будет он свидетельствовать, а за них. Итак, благословенна смерть Магеллана, благословенны показания дель Кано!

И расчеты их оказались правильными. Правда, Мескиту отпускают на свободу и даже возмещают ему понесенные убытки. Но сами они благодаря содействию дель Кано остаются безнаказанными, и мятеж их среди всеобщего ликования предается забвению: в тяжбе с мертвыми живые всегда правы.

Тем временем посланный дель Кано гонец принес в Вальядолидский замок весть о благополучном возвращении «Виктории». Император Карл только что вернулся из Германии – одно за другим переживает он два великих мгновения мировой истории. На сейме в Вормсе он воочию видел, как Лютер решительным ударом навеки разрушил духовное единство

церкви; здесь он узнает, что одновременно другой человек перевернул представление о вселенной и ценой жизни доказал пространственное единство морей. Желая поскорее узнать подробности славного деяния, – ибо он лично содействовал его осуществлению и это, быть может, величайшее и долговечнейшее торжество, выпавшее ему на долю, – император в тот же день, 13 сентября, посылает дель Кано приказ как можно скорее явиться ко двору с двумя наиболее испытанными и разумными людьми из числа своих спутников – las mas cuerdas y de mejor razon – и представить ему все относящиеся к плаванию бумаги.

Те двое, кого Себастьян дель Кано взял с собой в Вальядолид – Пигафетта и кормчий Альваро, – по-видимому, действительно были наиболее испытанными из всех; менее безупречным представляется поведение дель Кано при исполнении второго желания императора – относительно передачи всех касающихся плавания документов. Здесь его образ действий внушает некоторые подозрения, ибо ни одной строчки, писанной рукой Магеллана, не вручил он монарху (единственный документ, написанный самим Магелланом, уцелел лишь потому, что вместе с «Тринидад» попал в руки португальцев).

Вряд ли можно усомниться в том, что Магеллан, человек исключительной точности и фанатик долга, сознававший всю важность своего дела, не вел дневник; только рука завистника могла тайно его уничтожить. По всей вероятности, все те, кто восстал в пути против своего начальника, сочли слишком опасным, чтобы император получил беспристрастные сведения об их неблаговидных действиях; вот почему каким-то таинственным образом после смерти Магеллана исчезает все до единой строчки, что было написано его рукой.

Не менее странно и исчезновение объемистых записок Пигафетты, им самим в подлиннике врученных императору при этой аудиенции («Fra le altre cose И detti uno libro, scritto de mia mano, de tutte le cose passate de giorno in giorno nel viaggio nostro»).[228] Эти подлинные записки никоим образом нельзя отождествлять с дошедшим до нас более поздним описанием путешествия, которое, несомненно, является лишь кратким сводом извлечений из них; то, что мы здесь имеем дело с двумя различными трудами, подтверждается донесением мантуанского посла, который сообщает 21 октября о записях Пигафетты, которые тот вел изо дня в день («Libro molto bello che de giorno in giorno li e scritto el viaggio e paese che hano ricercato»)[229], чтобы три недели спустя обещать всего лишь краткое из них извлечение («Un breve extracto o sommario del libro che hano portato quelli de le Indie»)[230], то есть именно то, что в настоящее время известно

под названием путевых заметок Пигафетты, лишь скудно восполняемых заметками кормчих, а также сообщениями Петра Ангиерского и Максимилиана Трансильванского.

Герб, пожалованный Себастьяну дель Кано после возвращения из первого кругосветного плавания

Мы можем только строить догадки о причинах, вызвавших бесследное исчезновение собственноручных записей Пигафетты; очевидно, задним числом, с целью придать больший блеск торжеству баскского дворянина дель Кано, было сочтено за благо как можно меньше распространяться о противодействии, оказанном испанскими офицерами португальцу Магеллану. Здесь, как это часто бывает в истории, национальное тщеславие взяло верх над справедливостью.

Это сознательное замалчивание роли Магеллана, видимо, сильно огорчало верного Пигафетту. Он чувствует, что заслуги взвешиваются здесь фальшивыми гирями. Ведь мир всегда награждает лишь завершителя – того, кому выпало счастье довести великое дело до конца, – и забывает всех тех, кто своим духом и кровью сделал этот подвиг возможным, мыслимым.

Но на сей раз присуждение наград особенно несправедливо и возмутительно. Всю славу, все почести, все милости пожинает именно тот, кто в решающую минуту пытался помешать Магеллану совершить его подвиг, недавний предатель Магеллана – Себастьян дель Кано. Ранее совершенное им преступление (из-за которого он, в сущности говоря, и решил укрыться во флотилии Магеллана) – продажа корабля иностранцу – торжественно объявляется искупленным: ему пожалована пожизненная годовая пенсия в пятьсот золотых дукатов. Император возводит его в рыцари и присваивает ему герб, символически увековечивающий дель Кано как свершителя бессмертного подвига. Две скрещенные палочки корицы, обрамленные мускатными орехами и гвоздикой, заполняют внутреннее поле; их венчает шлем, над которым высится земной шар с гордой надписью: «Primus circumdedistime» – «Ты первый

совершил плавание вокруг меня».

Но еще более чудовищной становится несправедливость, когда награды удостаивается и Эстебан Гомес, – тот, кто дезертировал в самом Магеллановом проливе, кто на суде в Севилье показал, будто найден был не пролив, а всего лишь открытая бухта. Да, именно он, Эстебан Гомес, столь нагло отрицавший сделанное Магелланом открытие, получает дворянство за ту заслугу, что он «в качестве начальника и старшего кормчего открыл пролив». Вся слава, весь успех Магеллана волей злокозненной судьбы достаются именно тем, кто во время плавания всех ожесточеннее старался подорвать дело его жизни.

Пигафетта молчит и размышляет. Впервые этот ранее трогательно доверчивый, беззаветно преданный юноша начинает догадываться об извечной несправедливости, которой исполнен мир. Он бесшумно удаляется. «Me ne partii de И al meglio potei» – «Я уехал как можно скорее». Пусть придворные льстецы умышленно молчат о Магеллане, пусть те, кто не имеет на то права, протискиваются вперед и присваивают себе почести, причитающиеся Магеллану, – он знает, чьим замыслом, чьим творением, чьей заслугой является этот бессмертный подвиг. Здесь, при дворе, он должен молчать, но во имя справедливости он дает себе слово прославить забытого героя перед лицом потомства.

Ни единого раза не упоминает он в описании возвращения имени дель Кано; «мы плыли», «мы решили», – пишет он всюду, чтобы дать понять, что дель Кано сделал не более остальных. Пусть двор осыпает милостями того, кому случайно выпала удача, – подлинной славы достоин лишь Магеллан, тот, кому уже нельзя воздать достойных его почестей. С бескорыстной преданностью Пигафетта становится на сторону побежденного и красноречиво защищает права того, кто умолк навеки. «Я надеюсь, – пишет он, обращаясь к магистру Родосского ордена, которому посвящена книга, – что слава столь благородного капитана уже никогда не угаснет. Среди множества добродетелей, его украшавших, особенно примечательно то, что он и в величайших бедствиях был неизменно всех более стоек. Более терпеливо, чем кто-либо, переносил он и голод. Во всем мире не было никого, кто мог бы превзойти его в знании карт и мореходства. Истинность сказанного явствует из того, что он совершил дело, которое никто до него не дерзнул ни задумать, ни предпринять».

Всегда только смерть до конца раскрывает сокровенную тайну личности; только в последнее мгновение, когда

победоносно осуществляется его идея, становится очевидным внутренний трагизм этого одинокого человека, которому суждено было всегда нести бремя своей задачи и никогда не порадоваться ее разрешению. Только для свершения подвига избрала судьба из несметных миллионов людей этого сумрачного, молчаливого, замкнутого в себе человека, всегда неуклонно готового пожертвовать ради своего замысла всем, чем он владел на земле, а в придачу и своей жизнью.

Лишь для тяжкой работы призвала она его и без благодарности и награды, как поденщика, прогнала по свершении дела. Другие пожинают славу его подвига, другим достается барыш, другие пируют на пышных празднествах, ибо судьба, столь же суровая, каким был он во всем и со всеми, враждебно отнеслась к этому строгому воину. Лишь то, чего он желал всеми силами своей души, даровала она ему: найти путь вокруг земного шара. Но торжества возвращения, блаженнейшей части его подвига, она его лишила. Только взглянуть, только коснуться венца победы дозволено ему, но когда он хочет возложить его на чело, судьба говорит: «Довольно» – и заставляет опустить руку, протянутую к вожделенной награде.

Только одно суждено Магеллану, только самый подвиг, но не золотая тень его – слава. А потому нет ничего более волнующего, как теперь, в мгновение, когда мечта всей его жизни сбылась, перечесть завещание Магеллана. Во всем, чего он только ни просил тогда, в час отплытия, судьба ему отказала. Ничто из всего, что он отвоевал для себя и своих близких в пресловутом «Договоре», не досталось ему. Ни одно, буквально ни одно распоряжение, столь предусмотрительно и благоразумно изложенное в последней его воле, не было осуществлено после геройской смерти Магеллана: судьба беспощадно препятствует исполнению любой, даже самой бескорыстной, самой благочестивой его просьбы.

Магеллан указывал, чтобы его похоронили в Севильском соборе, но его тело гниет на чужом берегу. Тридцать месс должны были быть прочитаны у его гроба – вместо этого вокруг позорно изувеченного тела ликует орда Силапулапу. Трех бедняков надлежало оделять одеждой и пищей в день его погребения – но ни один не получил ни башмаков, ни серого камзола, ни обеда. Никого, даже последнего нищего, не позовут «молиться за упокой его души». Серебряные реалы, завещанные им на крестовый поход, милостыня, предназначенная узникам, лепты монастырям и больницам не будут выплачены. Ибо некому и нечем обеспечить выполнение его последней воли, и если бы товарищи привезли его тело на родину, то не нашлось бы ни одного мараведиса,

чтобы купить ему саван.

Но разве потомки Магеллана не стали богатыми людьми? Разве по договору его наследникам не причитается пятая доля всех прибылей? Разве его вдова – не одна из состоятельнейших женщин Севильи? А его сыновья, внуки, правнуки – разве они не adelantados, не наследственные наместники открытых им островов?

Нет, никто не наследует Магеллану, ибо нет в живых никого, кто мог бы потребовать его наследство. За эти три года умерли его жена Беатриса и оба младенца-сына; пресекся весь род Магеллана. Ни брата, ни племянника, ни родича, кто мог бы унаследовать его герб, – никого, никого, никого. Тщетны были заботы дворянина, тщетны заботы супруга и отца, тщетны благочестивые пожелания верующего христианина. Только Барбоса, его тесть, пережил Магеллана, но как же должен он проклинать день, когда этот мрачный гость, этот «моряк-скиталец» переступил порог его дома! Он взял у него дочь – и она умерла, сманил с собой в плавание его единственного сына – и тот не вернулся.

Зловещей атмосферой несчастья окружен этот человек! Того, кто был ему другом и соратником, он увлек за собой во мрак своей судьбы; тот, кто ему доверился, тяжко за это поплатился. У всех, кто был близок ему, у всех, кто стоял за него, его подвиг, как вампир, высосал счастье и жизнь. Фалейру, его бывшего компаньона, заточают в тюрьму тотчас по возвращении в Португалию. Аранда, расчистивший ему путь, оказывается втянутым в постыдный процесс и теряет все деньги, вложенные им в предприятие Магеллана. С Энрике, которому он обещал свободу, тотчас после его смерти обращаются как с рабом. Двоюродный его брат Мескита был трижды закован в цепи и лишен свободы за то, что хранил ему верность. Барбосу и Серрано через три дня после гибели Магеллана настигает тот же рок, и только тот, кто восстал против него – Себастьян дель Кано, – присваивает себе всю славу верных, погибших соратников и всю прибыль.

Но самое трагическое: подвиг, которому Магеллан принес в жертву все и даже самого себя, видимо, совершен понапрасну. Магеллан стремился завладеть для Испании «Островами пряностей» и завоевал их ценой своей жизни; но то, что началось как героическое предприятие, закончилось жалкой торговой сделкой – за триста пятьдесят тысяч дукатов император Карл снова продает Молуккские острова Португалии. Западным путем, который открыл Магеллан, почти не пользуются: пролив, найденный им, не приносит ни доходов, ни выгод. Даже после его

смерти несчастье преследовало тех, кто доверился Магеллану: почти все испанские флотилии, пытавшиеся повторить дерзновенный подвиг морехода, терпят крушение в Магеллановом проливе; боязливо начинают обходить его моряки, а испанцы предпочитают волоком перетаскивать свои товары по Панамскому перешейку, чем углубляться в мрачные фьорды Патагонии. И наконец, из-за того, что этот пролив, открытие которого весь мир приветствовал бурным ликованием, оказался таким опасным, еще современники Магеллана полностью о нем забывают, и он снова становится мифом.

Через тридцать восемь лет после того, как Магеллан прошел его, в знаменитой поэме «Араукана» открыто говорится, что Магелланова пролива более не существует, что он стал непроходимым: то ли гора преградила его, то ли какой-то остров встал между ним и океаном:

> Esta secreta senda descubierta
> Quedó para nosotros escondida
> Ora sea yerro de la altura cierrata
> Ora que alguna isleta removida
> Del temestuoso mar y viento airado
> Encallando en la boca la ha cerrado.

Так мало уделяют внимания этому проливу, таким легендарным становится он, что отважный пират Фрэнсис Дрейк спустя полстолетия пользуется им как надежным убежищем, словно ястреб налетает оттуда на безмятежные испанские колонии западного побережья и грабит груженные серебром флотилии; лишь много позднее испанцы вспоминают о существовании Магелланова пролива и поспешно строят там крепость, чтобы преградить доступ в него другим флибустьерам.

Но несчастье сопутствует каждому, кто следует по пути Магеллана. Королевская флотилия, под предводительством Сармьенто вступившая в пролив, терпит крушение; сооруженная тем же Сармьенто крепость превращается в жалкие развалины, и название Puerto hambre – Голодная гавань – зловеще напоминает о голодной смерти поселенных в ней людей. Лишь время от времени китобойное судно или какой-нибудь отважный парусник пользуется проливом, о котором Магеллан мечтал, что он станет великим торговым путем из Европы на Восток. А когда в осенний день 1913 года президент Вильсон в Вашингтоне нажатием электрической кнопки открывает шлюзы Панамского канала и тем самым навсегда соединяет два океана – Атлантический и Тихий, Магелланов пролив становится и вовсе лишним.

Бесповоротно решена его судьба, он низводится до степени только исторического и географического понятия. Заветный paso не стал дорогой для тысяч и тысяч судов, не сделался ближайшим и кратчайшим путем в Индию; открытие его не обогатило Испанию, не усилило мощи Европы; и поныне еще побережье Америки от Патагонии до Огненной Земли слывет одним из самых пустынных, самых бесплодных мест земного шара.

Но в истории духовное значение подвига никогда не определяется его практической полезностью. Лишь тот обогащает человечество, кто помогает ему познать себя, кто углубляет его творческое самосознание. И в этом смысле подвиг, совершенный Магелланом, превосходит все подвиги его времени. Подвиг Магеллана кажется нам особенно славным еще и потому, что он не принес в жертву своей идее, подобно большинству вождей, тысячи и сотни тысяч жизней, а лишь свою собственную.

Незабываемо, в силу этого подлинно героического самопожертвования, великолепное дерзновение пяти крохотных, ветхих, одиноких судов, отправившихся на священную войну человечества против неведомого; незабываем он сам, у кого впервые зародился отважнейший замысел кругосветного плавания, осуществленный последним из его кораблей. Ибо, узнав после тщетных тысячелетних исканий размер земного шара, человечество впервые уяснило себе меру своей мощи; только величие преодоленного пространства помогло ему с новой радостью и новой отвагой осознать собственное свое величие. Наивысшего человек достигает тогда, когда подает пример потомству, и полузабытое деяние Магеллана убедительней чего-либо другого доказывает в веках, что идея, если гений ее окрыляет, если страсть неуклонно движет ее вперед, превосходит своей мощью все стихии и что вновь и вновь человек за малый срок своей преходящей жизни претворяет в действительность, в непреходящую истину не достижимую, казалось бы, мечту сотен поколений.

notes

1

Лоренцо ди Пьер Франческо дель Медичи (1463–1505) – итальянский банкир, старый друг и покровитель Веспуччи. Послание итальянского мореплавателя к Медичи, отправленное в 1503 г., описывает третье путешествие Америго. Смерть патрона Веспуччи совпала с четвертой экспедицией последнего.

2

Равноденственная линия – экватор.

3

«Двадцати месяцев». Очевидная ошибка Веспуччи. От дня выезда – 14 мая 1501 г. – до дня возвращения в Лиссабон – 7 сентября следующего года – прошло только около 16 месяцев.

4

«Третий климат». Климат (греч.) буквально означает наклон солнца, иначе сказать, полуденную высоту солнца. Древние географы делили землю на климатические пояса в зависимости от этого явления и длины дня, принимая в расчет так называемые астрономические климаты, зависящие от положения Земли относительно Солнца.

5

Птолемей – греческий географ, астроном и физик (II в. н. э.).

6

Вультурн (Вольтурн) – римское название восточного, позднее – юго-восточного ветра Евра или Эвра (греч.).

7

Левка – древнегалльская путевая мера длины, считалась равной трем милям в Англии, во Франции, в Испании и Португалии.

8

Квадрант – астрономический инструмент, служивший для измерения высот небесных светил. Астролябия – угломерный прибор, употребляющийся для астрономических и геодезических наблюдений.

9

Колоны – здесь: жители.

10

«Восьмая сфера». Объяснение движения планет, предложенное Архимедом, которое заключается в том, что каждая планета занимает отдельную часть неба и что пути планет определяются комбинацией движений нескольких сфер.

11

Апокалипсис – «Откровение св. Иоанна», последняя книга Нового Завета.

12

Эпикурейцы и стоики – философские направления в Древней Греции. Эпикуреец, в житейском понимании, – человек, выше всего ставящий личное удовольствие и чувственные наслаждения; стоик-человек, непоколебимо и мужественно переносящий невзгоды и испытания.

13

Аквилон (греч.) – северный и северо-восточный ветер.

14

Плиний (Старший) – знаменитый римский ученый, автор «Естественной истории» в 37 книгах (I в. н. э.).

15

«Поликлет». Ошибка Веспуччи. Надо – Полигнот. Поликлет (V в. до н. э.) – один из величайших греческих скульпторов, Полигнот (V в. до н. э.) – древнегреческий живописец.

16

Канопус – альфа созвездия Корабль Арго (Navis Argus), очень яркая звезда первой величины, видна в Северном полушарии только в местах южнее 37,5° северной широты. В Средние века арабы наблюдали Канопус для определения точки юга.

17

Гемисфера – полушарие.

18

Следует заметить, что Веспуччи, говоря о направлении своего пути, ссылается всегда на ветер, причем указывает, в какую сторону обращено движение последнего, а не сторону, из которой он дует.

Эти слова равнозначны повторению выражения «от Канарских островов», которые считались крайним западным пределом необитаемой земли.

То есть на 16-м градусе северной широты. Если вычисления Веспуччи верны, можно сказать, что он находился у северного берега Гондураса.

21

Веспуччи думает, что туземцы не имели звуков в своем языке, неизвестных органам речи европейцев.

22

То есть в предыдущем донесении о первом путешествии.

23

Здесь какая-то путаница. Они едва были бы способны увидеть толпу людей на расстоянии четырех лигов от берега.

Marchi, marco – приблизительно 8 унций (1 унция равняется около 30 граммов).

25

Остров Эспаньола.

То есть привезший официальное письмо от короля.

То есть на 14-м градусе северной широты.

Знаками, конечно.

29

«Четвертый день» – задуманная Веспуччи книга, о которой он уже несколько раз упоминал.

То есть так далеко прошли на юг.

31

Это выражение заставляет предположить, что целью экспедиции было открытие юго-западного пути в Индию. Когда Веспуччи говорит, что Мелакка находится к западу от Каликута, то думает, вероятно, что она расположена ближе к его Новому Свету.

32

Кренгование производится либо для ремонта одного из бортов корабля, либо для испытания остойчивости судна.

33

Речь идет об острове Фернандо Норонья.

34

Ошибка, вместо Bahia de todos os santos. Это смешение букв d и h в рукописи Веспуччи повело к длительным ошибкам на картах.

Это означает, что Бенвенуто сопровождал Веспуччи в этом путешествии.

То есть относящихся к описанию природы этих стран.

Расширившим мир (лат.).

38

Год (лат.).

39

Никто не ведает, что лежит за ним (лат.).

[Войдя в] пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,
Чтобы пловец не преступал запрета (ит.).

(Данте. Ад, песня XXVI, пер. М. Лозинского.)

41

Море тьмы (лат.).

42

Медленно текущим морем (лат.).

43

Некто Кристофор Колон, лигуриец, то есть генуэзец (лат.).

Новый Свет (лат.).

45

Написано в Лиссабоне, 4 сентября 1504, Америго Веспуччи, служащим в Лиссабоне (ит.).

46

Мне захотелось путешествовать, чтобы повидать часть мира и его чудеса (лат.).

47

Следует отметить, что эта хронология дается в одном из изданий письма Веспуччи и не соответствует другим изданиям и сохранившимся документам. – Прим. авт.

48

«Книжица обо всех плаваниях короля Испании и вновь открытых землях» (ит.).

49

Город Святого Деодата (лат.).

«Картина мира» (лат.).

51

Вогезский гимнасий (лат.).

«Космография» (лат.).

«Об Антарктическом поясе» (лат.).

Величество (ит.).

Светлейший король Рене (лат).

56

Знаменитый поэт (лат.).

«Вновь открытые страны» (ит.).

58

Недавно Америк Веспутий, поистине говоря, шире оповестил об этом человечество (лат.).

59

И большая часть Земли, дотоле не ведомая, недавно открыта Америком Веспутием (лат.).

Земля Святого Креста (лат.).

61

Земля Попугаев (португ.).

62

Четвертая часть света (лат.).

«Земля Попугаев», «Остров Святого Креста», «Бразил» (португ.), «Западные Индии» (исп.).

Нижняя Бразилия (лат.).

«Новый мир» (лат.).

Америку, или Америгу (лат.).

67

Новым миром и четвертой частью света (лат.).

Открывателя (лат.).

69

Главного кормчего торговой палаты (исп.).

Губернатора захваченных или открытых земель (исп.).

«Всеобщая история Индий» (исп.).

Новых Индий (исп.).

«История Западных Индий» (исп.).

«Четыре плавания» (исп.).

75

Главным кормчим правления торговой палаты (исп.).

«Жизнь и письма Америго Веспуччи» (ит.).

«Историко-критическое исследование» (ит.).

«Похвала Америго Веспуччи» (ит.).

Литературная смесь (ит.).

«Колумбово собрание» (исп.).

81

Королевская опись (исп.).

82

Бог из машины (лат.).

83

Мысленная оговорка (лат.).

Я, Бальтасар Шпренгер (лат.).

Я, Альбериг (старонем.).

«Плавания» (лат.) (то есть «Четыре плавания»).

Дело Веспуччи (лат.).

Флорентийским купцом (ит.).

89

Так мало вкуса (ит.).

90

Когда буду отдыхать (ит.).

91

Тем, кто расширил земной круг (лат.).

92

Испанский король Карл V (I) был избран римским императором только в июне 1519 г.

Эти канаты изготовлялись из испанской пеньки (esparto).

94

Флот Магеллана состоял из пяти кораблей: «Тринидад» (Троица), водоизмещением в ПО тонн, «Сан Антоньо» (Св. Антоний), водоизмещением в 120 тонн, «Консепсьон» (Зачатие), водоизмещением в 90 тонн, «Виктория» (Победа), водоизмещением в 85 тонн, и «Сантьяго» (Св. Яков), водоизмещением в 75 тонн.

С точностью установить количественный состав всего отправившегося с Магелланом экипажа почти невозможно. Королевским указом от 5 мая 1519 г. максимальная численность экипажа была определена в 235 человек. Помимо 239 человек, числившихся в списках по каждому из кораблей, насчитывалось еще 26 человек, имена которых не были разнесены по корабельным спискам. Таким образом всего по флотилии было 265 человек.

95

Лига – испанская мера длины, равная примерно 6 км.

96

Монте Розо – это Пунта Роха на южной оконечности Тенерифа.

По мнению древних, в жарком поясе не бывает вовсе дождей, вследствие чего они считали его необитаемым.

98

Огни св. Эльма (св. Петра, св. Николая, св. Клары и т. п.) – народное название атмосферного электричества, скапливающегося в форме звезды или кисти на вершинах мачт и на снастях. Они иногда сопровождаются свистом и считаются моряками хорошим знамением. Явление это когда-то носило название «святого тела» (Corpus Sanctum).

99

Верзии – итальянское название бразильского дерева, по которому и Бразилия получила свое название. В первое время она называлась Вера Крус и Санта Крус.

Мыс Св. Августина лежит под 8°21' ю. ш. и представляет собой самую южную оконечность Южной Америки.

100

Альбо в своем шканцевом журнале отмечает, что это были ламы, похожие на «безгорбого верблюда».

101

Река Рио-де-Ла-Плата.

102

Морские волки – пингвины.

103

Порт Сан Хулиан.

104

Гуанако – разновидность ламы.

105

Отсюда и название «патагонцев», т. е. «людей с огромными ногами», данное им Магелланом, по причине неуклюжего вида их ног, обернутых в солому или шкурку животного для защиты от холода.

106

Бухта Св. Филиппа.

107

Первый – это южный проход острова Даусона, который тянется на северо-восток до бухты Бесполезной и на юго-восток до Адмиралтейского пролива. Второй – это проход между западной стороной острова Даусона и полуостровом Брунсвик.

108

Остров Св. Магдалины.

109

Это Магеллановы облачности и созвездие Южного Креста.

110

Сипангу – это Япония, а СумбдитПрадищ возможно, Антильский остров. В Европе впервые узнали о Японии в конце XIII века через Марко Поло, которому в Китае рассказывали баснословные легенды о богатствах Сипангу.

111

банановогo

112

Физолеры – небольшие быстроходные лодки на веслах, которыми пользовались в венецианских озерах во время охоты.

113

Церемония кровного побратимства. «Каси-каси» – значит «задушевные друзья». Обычай кровного побратимства был широко распространен среди индейских племен.

114

Это острова Лейте, Себу и Минданао (область Карага).

115

Кваттрино – итальянская медная монета.

116

Доппьоне – золотая монета, чеканившаяся Людовиком XII во время осады им Милана (1500–1512).

117

Возможно, название монеты того же периода.

Это мыши больших размеров, множество видов которых населяет Малайский архипелаг. Шкура некоторых видов заменяет мех.

119

Это Камотские острова, лежащие к западу от Лейте, их названия Поро, Пасийян и Пансон.

120

Названия «Большая Индия» и «Малая Индия» применяются авторами безотносительно. По Марко Поло, Малая Индия тянется от Макрана вплоть до побережья Коромандела, а Большая Индия тянется от побережья Коромандела до Кохинхины, Средняя же Индия – это Абиссиния.

121

Ныне Китайский залив.

122

Лаган – моллюск, водится на Филиппинах, его раковина употребляется для хранения ладана или в качестве сосуда для питья.

123

Магеллан клялся своей одеждой, т. е. платьем особой формы, присвоенной членам ордена Сант-Яго.

124

Магеллан женился на Беатриж Барбоса, вероятно, в 1517 г. Он имел от нее сына Родригу которому было шесть месяцев от роду ко времени отъезда Магеллана. Родригу умер в сентябре 1521 г., а в марте следующего года умерла его мать.

125

Пигафетта путает леки с китайцами, которые на протяжении многих лет вели торговлю с Филиппинами и которые одно время владели ими.

126

От испанского «almadia». Нечто вроде каноэ жителей Восточной Индии, также и лодка, которой пользовались португальцы и их рабы в Восточных Индиях. Она состоит из выдолбленного ствола, хотя и разнообразной формы.

127

Город Бруней или Брунаи.

128

Остров Борнео.

129

Мелкая медная, бронзовая, оловянная и цинковая монета, обращающаяся на восточных островах, называется pichis или pitis, название древней яванской монеты. Китайская монета была в прежнее время в общем употреблении на всех южных островах восточных архипелагов.

130

Китайская монета кэт (или кэтти).

131

Пигафетта, не будучи испанцем и португальцем, обнаруживает недостаточное знакомство с магометанскими религиозными предписаниями. Нет, однако, никакого сомнения в том, что эти предписания сильно видоизменились на Борнео, что видно хотя бы из того, что туземцы, по рассказу Пигафетты, употребляют арак.

132

Мыс Сампанманджио.

133

Полагают, что это рыба из семейства Squamipen, быть может, из рода Heniochus.

134

Живые листья – это насекомые из рода Phyllium порядка Orthoptera. Они известны как бродячие листья, так как внешним видом своим напоминают листья.

135

Тагиму – остров Басилан.

Кинталада – проценты от груза или места хранения груза на корабле, которые получали должностные лица и матросы парусных судов.

137

238

138

Франсишку Серран был близким другом Магеллана. В 1509 г. Серран отправился с флотом, снаряженным д'Алмейдой для исследования Малакки.

139

Магеллан

140

Тестон – португальская серебряная монета, впервые отчеканенная в XV в.

141

Речь идет о различных видах бамбука.

Джуда – город Джидда, или Джедда, порта Мекки.

Т. е. субхан, означает «восхваляя».

144

Св. Варвара считалась у испанцев покровительницей пороховых складов.

145

Марчелло – венецианская серебряная монета весом 63 грамма. Два марчелло равны были одной венецианской лире, стоимость которой была равна ¼ итальянской лиры.

146

В Испании в Средние века существовал военно-религиозный орден Сант-Яго (Св. Яков).

147

Шкурки райской птицы издавна составляли предмет оживленной торговли. Существовало поверие, что тот, кто носит такую шкурку, непобедим в бою и ему не грозит никакая опасность.

148

Белое сандаловое дерево (Sandalum album) – низкорослое дерево, напоминающее миртовое, хотя и принадлежит к другому семейству. Оно водится на различных островах Малайского архипелага и особенно на Тиморе и Сумбе («остров сандалового дерева»). Оно произрастает также на островах Южного моря и на Малабаре.

149

Болезнь св. Иова – сифилис.

150

Баяли – это, собственно, не город на Яве, а гористый остров, расположенный приблизительно на расстоянии 1У2 мили к востоку от Явы. Малайское значение этого слова – «вернуться».

151

Это Камбоджа, называемая малайцами также Кампа.

152

Пигафетта ошибочно сгнившее дерево, растущее в Сиаме и издающее после того, как его сжигают, очень приятный аромат, называет ревенем.

153

Это Пекин, который монголы называли Канпалик, или Канбалиг (городом хана), а в рассказах, относящихся к тому времени, он упоминается под названием Камбалу.

154

Зонгу – название простейшей церемонии, состоявшей в том, что складывали руки и поднимали их перед грудью.

155

Название Катайо, когда-то присвоенное северной части современного Китая, стало в Средние века общим для всей страны.

156

Яванское название Южного моря.

157

Трапробан (Тарпобан) – это древнее название Цейлона, а не Суматры. Суматра – самый западный из всех островов Малайского архипелага, и после Борнео и Новой Гвинеи самый обширный. До 1816 г. ни англичанам, ни голландцам не удавалось прочно утвердиться тут.

Пигафетта не упоминает, что на «Виктории» были привезены пряности, стоимость которых значительно превысила затраты на снаряжение остальных четырех кораблей и на их оборудование. Груз состоял из гвоздики, корицы, мускатного ореха и сандалового дерева. «Виктория» после этого совершила благополучный рейс до Кубы, но при вторичном рейсе потерпела крушение.

159

Плавать по морю необходимо (лат.).

160

Арабский или индийский (лат.).

161

Счастливая Аравия (лат.).

162

Южная земля (лат.).

163

Величайший географ (лат.).

164

В зародыше (лат.).

165

Инфант – титул португальских и испанских принцев (португ. и исп.).

Неизвестное море (лат.).

167

Пустынная Ливия (лат.).

Портуланы – морские карты. – Прим. пер.

169

Девиация – отклонение магнитной стрелки компаса. – Прим. пер.

170

Плавать по морю необходимо, жить не так уж необходимо (лат.).

171

Площадь в Париже.

172

Задним числом (лат.).

173

Счастливый обладатель (лат.).

174

Океан тьмы (ит.).

175

Перевод С. Соловьева.

Новый Свет (лат.).

177

Островов пряностей (исп.).

178

Девять отбились от эскадры во время бури.

179

Своими глазами (лат.).

Золотой Херсонес (лат.).

181

Капитаны и дворяне (португ.).

182

Столица мира (лат.).

183

Были встречены и приняты с любовью, почтением и величием (исп.).

184

Бывший (фр.).

185

Блаженное безделье (ит.).

186

Счастливый (исп.).

187

Простой дворянин (португ.).

Оруженосец (португ.).

189

Дворянин-рыцарь (португ.).

190

В зрелые годы (лат.).

191

Наисекретнейшие (исп.).

Что и требовалось доказать (лат.).

193

Король учредил в этом городе палату специально для заокеанской торговли, куда стекались посетители, как отправлявшиеся в путь, так и возвращавшиеся (лат.).

194

Авантюристы, сорвиголовы (шт.).

195

Выходец из чужой страны (исп.).

«Книга Дуарте Барбосы» (исп.).

197

Я, король… (исп.).

198

Дражайший и возлюбленный дядя и брат (исп.).

199

…Чтобы экипаж был составлен согласно его собственным, как лица, имеющего большой опыт, желаниям (исп.).

200

Контролеры, счетоводы, казначеи (исп.).

201

Изготовленные в Германии (англ.).

202

Золотая Кастилия (исп.).

«Вновь открытые недавно страны» (ит.).

Лисель – дополнительный парус, поднимаемый при слабом ветре на передней мачте. – Прим. ред.

205

Да хранит Господь вас, сеньор капитан-генерал, и кормчих, и всю добрую команду (исп.).

Величиной, которой можно пренебречь (фр.).

207

Река (исп.).

208

Залив уток (исп.).

209

Залив тяжких трудов (исп.).

210

Речь идет о показаниях, данных дель Кано по возвращении в Севилью.

211

Пусть держит со своими офицерами совет, и сообщит им путь, и скажет, куда намерен идти (исп.).

212

И как доселе просили его о милости, так и впредь умоляют о покровительстве, лобызая руки и ноги (исп.).

213

Черная гавань (исп.).

214

Рост его вдвое превосходил человеческий (лат.).

215

Пролив (исп.).

Всех Святых (исп.).

217

Думается мне, что нет на свете более прекрасного и лучшего пролива, чем этот! (ит.).

Море! Море! (греч.).

219

Написанное (пером) остается (лат.).

220

Несчастливые острова (исп.). Какие это острова, точно не установлено.

221

Эти народы живут в справедливости, благоденствии и умеренности, любят мир, отдохновение и покой (ит.).

222

Постный день у католиков.

223

Косвенно (лат.).

Который сам во всем принимал участие (лат.).

225

Обесчещение женщин явилось, надо полагать, причиной волнений (лат.).

226

Собака (исп.).

227

По мнению и суждению, к которому они пришли, не вернется в Кастилию означенный Магеллан (исп.).

228

Среди других предметов я вручил ему писанную моей рукой книгу, изложение всего того, что происходило день за днем во время нашего путешествия (ит.)

229

Отменно прекрасная книга, где день за днем описано путешествие и страны, кои они посетили (ит.).

230

Краткое изложение книги, или извлечение из книги, представленной прибывшими из Индии людьми (ит.).